

Феликс Крес. Король просторов

ПРОЛОГ

Тяжелые, грязно-серые тучи низко висели над Ахелией. Сильный холодный порывистый ветер, зародившийся где-то в самом сердце моря, предвещал скорый шторм, – собственно, он и был его началом. В таверне закрыли все окна, и в ней плавали густые клубы табачного дыма, смешиваясь с запахом пота и прокисшего пива. На кривых лавках и покосившихся табуретах сидели матросы, бродяги, несколько китобоев с южного побережья, какой-то солдат, несколько грязных крикливых женщин. Шум голосов то усиливался, то ненадолго утихал; иногда сквозь него пробивались громкие возгласы ссоры.

В углу что-то тихо напевал горбатый старик, перебирая струны лежавшего у него на коленях диковинного инструмента. Получив от кого-то медную монету, он начал негромкий рассказ, сопровождая некоторые его фрагменты звоном струн. Здесь, на далеких Агарах, бродячий певец был гостем непривычным. Местный народ не пытался зарабатывать подобным образом – не зная мира, о чем можно говорить? Откуда брать новые песни, чтобы привлечь внимание слушателей? Их нужно было знать сотни, чтобы пением заработать себе на хлеб.

Сидевший в таверне горбун был родом с континента. Он плыл в Дран на борту барка, но осенний юго-западный ветер, знаменитый "кашель", загнал судно к берегам Агар; теперь корабль стоял на якоре в Ахелии, опасаясь волн и бури. Так что рассказчика и эти края забросила обычная случайность. А слушателей он нашел здесь немало, ибо рассказывал о вещах любопытных и удивительных, даже для солдат и матросов, которым немало пришлось повидать в многочисленных портах.

Но – дело было осенью. Уже давно замерло движение на торговых трактах, корабли ждали прихода зимы, укрывшись в портах и безопасных бухтах. Их команды – солдаты и матросы – болтались без дела по всем портовым городам империи. Солдат удерживала дисциплина и жалование, добросовестно выплачиваемое каждую неделю; с матросами дело обстояло иначе. Никто им платить за безделье не собирался, сбережений у них не было, а то, что

было, они давно уже прокутили. Теперь они бродили повсюду в поисках более или менее честной работы, дрались в тавернах, иногда пускали в дело ножи. Старый музыкант, ведший рассказ о невероятных событиях и удивительных странах, был для этих людей единственным развлечением; они охотно отдавали ему последние медяки, за которые все равно не могли ни поесть, ни выпить; и убивали время, слушая рассказчика, чтобы хоть на день, на два приблизить зиму, а с ней – новый набор народа на корабли.

И вот теперь горбун вел свой очередной рассказ.

Шум постепенно утихал, все отчетливее слышался неторопливый голос музыканта, рассказывавшего удивительную историю, без начала и без конца, о море, о штормах, о кораблях, о чудовищах из глубин и о пиратах... о Пирате, о Демоне Войны.

Струны умолкли.

– Парусники островитян уничтожили корабль короля морей, – проговорил старик, отчасти в пустоту, отчасти для слушателей, а отчасти про себя. Он немного помолчал, потом обвел взглядом окружавшие его лица, удивленные и задумчивые, ибо это был не обычный рассказ, не такой, как все прочие. – Ваши парусники, агарцы.

Зловеще и неожиданно фальшиво зазвенели струны.

– Вы покрыли себя славой...

Торжественный тон его слов вновь сменился мрачным скрежетом струн.

– Послушайте же, что я вам расскажу. Проклятие висит над вашими островами; прокляты Агары и вы, агарцы. Ибо сыновья ваши сожгли корабль Демона, корабль, носящий имя Властелина Вод и пребывающий под его особым покровительством. И станет так, что посланник Просторов и дочь короля пиратов ниспосллют на вас ужас войны; здесь, на Агарах, суждено вспыхнуть пламени, которое охватит всю Вечную Империю. Так гласит Пророчество, записанное в Книге Всего, среди Законов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕССТРАШНЫЙ ДЕМОН

1

– Все наверх. Быстро.

Спокойно и негромко произнесенные слова смешались с всеобщим шумом и поначалу не возымели никакого действия. Однако уже несколько мгновений спустя их смысл достиг какого-то матроса – и он замолчал, замолчали и те, кто сидел рядом, потом остальные, удивленные внезапно наступающей то тут, то там тишиной... Прошло совсем немного времени, и в носовом кубрике слышалось лишь поскрипывание корабельной обшивки.

– Все наверх. Боцмана ко мне.

Матросы сломя голову выскакивали из гамаков, сбрасывали влажные одеяла, отшвыривали прочь игральные кости. Капитан К.Д.Ралис, командовавший самым большим парусником на Просторах, шагнул в сторону, уступая дорогу толпе. Он редко бывал в кубрике, и вид его по-настоящему потряс матросов. Теперь они толкались на узком трапе, пытаясь как можно быстрее исполнить – отданный лично капитаном! – приказ. Вскоре Ралис остался один.

Он неторопливо окинул взглядом кубрик. Смрад стоял невыносимый. Какие-то истлевшие тряпки, пропотевшие одеяла, запах давно не мытых тел, вонючий табачный дым... Несколько тусклых фонарей покачивались на крюках, в такт ударам волн о борт парусника. В углу горели убогие свечи из жира.

По трапу застучали босые пятки боцмана.

- Да, господин!

Капитан медленно повернулся:

- Послушай, Дороль, что это такое? Что я здесь вижу? Думаешь, если мы несколько лет ходим вместе по морям, то ты работать не обязан? Тебе что, на все насрать? Заразы на корабле хочешь? Я не хочу. Если ты не в состоянии объяснить этому сброду, куда полагается ходить по нужде, то ты дрянной боцман, а мне такой ни к чему. Чтобы сегодня же были проветрены все одеяла и гамаки. Гниль за борт.

Боцман усердно поддакивал.

- Сегодня же явишься ко мне за фонарями, - добавил Рапис. - А то, понимаешь, свечек себе понаставили. Я лично прикажу изготовить несколько штук из твоего собственного жира, если еще раз увижу на корабле открытый огонь. А вот это, - он пнул валявшийся на полу нож, - оружие. Оно не должно быть ржавым, Дороль. Не должно! Забирай с палубы всю эту банду и наведи здесь порядок. Пошел вон.

Боцман испарился. Рапис погасил свечи и вышел на палубу. Вдохнув всей грудью свежего воздуха, он немного послушал рык Дороля, потом направился на корму. Спасавшиеся от разъяренного боцмана матросы огибали его на безопасном расстоянии. Один зазевался и налетел прямо на капитана. Увидев, кого он протаранил, матрос хотел было улизнуть, но капитан схватил его за рубашку, другой рукой за штаны, раскачал и вышвырнул за борт.

- Когда немного остынет, выловить, - приказал он.

Отличная шутка капитана пришлась команде по душе. Раздался взрыв хохота. Рапис заметил лоцмана, неподвижно стоявшего у мачты, и подошел к нему.

- Как дела, Раладан? - спросил он.

- Все в порядке, капитан.

Рапис потер подбородок:

- Что думаешь насчет погоды?

Лоцман слегка усмехнулся:

- Похоже, то же самое, что и Вы, господин капитан... Погода изменится. Думаю, еще сегодня. Может быть, ночью.

- Мне тоже так кажется.

Проклятый штиль держал их на месте уже шесть дней. Ничто не предвещало его конца. Однако и Рапис, и лоцман чувствовали, что неприятности вот-вот закончатся. Никто из них не мог с точностью сказать, откуда у него такая уверенность.

- Если что-то изменится, дай мне знать.

- Так точно, капитан.

Капитан постоял еще немного и двинулся дальше. Вскоре он был уже в каюте на корме. Увидев своего первого помощника, он удивленно поднял брови. Эхаден сидел на столе, постукивая пальцами по деревянной крышке.

- Я тебя жду, - объяснил он.

- Не мог послать кого-нибудь?

- Мне сказали, что ты пошел на нос к матросам, - сказал Эхаден. - Не знаю уж зачем, но, видимо, у тебя там были какие-то дела.

- У тебя, похоже, тоже ко мне дело, - заметил капитан.

- Но не слишком срочное.

Рапис кивнул и, облокотившись о стол, начал разглядывать карту Западного Простора, на которой сидел офицер.

- Скажи мне, что за моряки здесь плавали, если островов вроде того, что у нас по левому борту, нет на картах? - помолчав, спросил он.

- Тебя это удивляет? А многие ли заходят так далеко на юго-восток от Гарри?

- Кто-то же все-таки там ходил, раз есть карты, пусть даже и неточные.

Эхаден пожал плечами.

Рапис задумчиво покачал головой:

- Эта погода меня с ума сведет. Раладан говорит, что ветер скоро будет, и я тоже так думаю. Самое время, мы здесь уже неделю торчим. Ты слышал когда-нибудь о чем-то подобном на Просторах?

- Просторы большие...

- Никто не знает, какие они, - оборвал его Рапис. - Я спрашиваю: ты слышал когда-нибудь о такой погоде? Вчера была штормовая волна!

- Я о многом не слышал. Например, о птицах, огромных как корабль. - Он вспомнил крылатых гигантов, которых они видели три дня назад.

Рапис молча смотрел на своего помощника.

- В последнее время нам с тобой никак не договориться, - наконец констатировал он. - Какое мне дело до больших птиц, Эхаден? Ну насрет такая в море, будет много брызг, и все. Я о погоде говорю. Я говорю, что сегодня она изменится. Я так считаю, а раз это подтверждает еще и Раладан, то можно быть почти уверенным. Ветер будет. Мы ложимся на курс. На какой курс? На обратный? - спросил он, не скрывая злости. - Теперь понятно? Тебе что, нужны такие вопросы, чтобы до тебя дошло, что я хочу из тебя вытянуть, говоря о погоде?

- Хочешь возвращаться?

- Хочу.

- По-моему, еще рано. Имперские эскадры наверняка все еще болтаются по морю.

- Или торчат на месте, как мы, - кивнул Рапис. - Может, благодаря этому мы и встретим парочку фрегатов. Великолепных фрегатов морской стражи, с желтыми, а может быть, и голубыми парусами...

- С ума сошел?

- Нет. Не сошел.

Эхаден открыл было рот, но капитан предостерегающе поднял руку:

- Ни слова, Эхаден. Хватит. Сколько нам еще скрываться? Что с нами случилось? Имперские корабли - подумай, ведь это просто смешно! Раньше, вместо того чтобы бежать от них, мы сожгли бы один-другой и проскользнули бы среди оставшихся для того только, чтобы наброситься на них с новыми силами... Бывало ведь так, бывало! Помнишь, как мы ходили на "Чайке"? Нас преследовал Дартанский Флот, и что с того? Мы сожгли два фрегата, а потом портовый район в Лла. Какая была слава, Эхаден, какая добыча! А теперь? Мы ведь уже не на старой "Чайке", отнюдь нет! Мы на "Морском Змее", плавучей крепости, крупнее любого корабля, когда-либо ходившего по морям Шерера! Но вот нам попались на глаза армектанские посудины, такие, что мы могли бы их протаранить, не опасаясь за целостность форштевня! - Рапис постепенно приходил в ярость. - И что мы делаем? Разворачиваемся - и вместо того, чтобы идти на север, идем на юго-восток. Да еще как! Если бы не этот проклятый штиль, мы уже были бы невесть где!

- Успокойся, Рап.

- Успокойся? Послушай, я спокоен настолько, что мог бы нянчить имперских вояк! А ты говоришь - "успокойся"!

- Успокойся. Может быть, мы и в самом деле стали чересчур осторожны. Но не в этот раз. Мы не бежали от армектанских кораблей, ты и сам хорошо это знаешь. Это не были курьерские корабли - те ходят в одиночку. Это была разведывательная, а может быть, и пущенная нам вдогонку эскадра. Ты хорошо знаешь, что мы не могли бы их протаранить, ибо они слишком быстрые, самое большее - мы могли бы ждать, пока они разделятся и вызовут тяжелые эскадры. За ними шли армектанские фрегаты, это облава. Большой Флот Армекта, возможно, и гаррийский Главный Флот.

Рапис вздохнул:

- Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Мы на корабле, который может и должен противостоять облаве. Мы должны топить стражников, вместо того чтобы убегать от них. У нас всего достаточно. Достаточно пороха, достаточно стрел, а самое главное - достаточно людей. У нас их столько, сколько обычно на двух фрегатах. Это свеженабранная команда, они мечтают о грудях золота и драгоценностей, о схватке, сражении, слышишь? Сражении под командованием капитана Раписа, легендарного Демона, который взял их на "Морского Змея". А капитан сбежал, едва завидев имперский корабль. - Он покачал головой. - Как только будет хоть какой-то ветер, возвращаемся. Курс на Гарру. На Гарру, слышишь? Пусть даже без конца придется менять галс.

- На Гарру? С тем, что у нас в трюме?

- А что у нас там, Эхаден? Утром оставалось в живых сорок. Если мы сейчас пойдем в Бану, сколько мы доведем? И в каком состоянии? Придется наловить нового товара.

Эхаден задумался:

- Ладно, в конце концов, кораблем ты командуешь. - Он слез со стола. -

Какие будут распоряжения?

- Пока прикажи выдать по полкружки рома каждому. Вытащи из трюма женщин, некоторые еще шевелятся. Отдай их команде, все равно на выброс. Пусть народ позабавится до вечера, а потом за борт... У тебя ко мне какое-то дело? - вдруг вспомнил он.

- Уже нет, - ответил офицер. - Я думал о том течении, которое в прошлом году затащило нас аж до Кирлана. Может быть, это где-то здесь, сегодня утром мне казалось, что неподалеку от этого острова вода другого цвета и форма волн другая - ну ты знаешь, как это выглядит. Но раз мы идем на Гарри...

Рапис кивнул:

- Проверим, то ли это течение. Поговори с Раладаном. Куда бы мы ни шли, стоит выяснить, есть ли тут что-нибудь такое.

Эхаден кивнул и вышел, но почти сразу же вернулся в сопровождении вахтенного.

- Ну что там? - спросил Рапис.

- Ветер, господин! - ответил матрос. - С юго-запада!

2

На Гаррийском море им встретился корабль-призрак.

Матросы молча столпились вдоль бакборта. Уже остывший, дотла выгоревший остов медленно дрейфовал на северо-восток. На обожженной корме названия парусника было не прочитать - но все хорошо его знали... "Север". Перед их глазами были останки большого барка Алагеры. Сама она (узнать ее можно было по пурпурной одежде и развевавшимся на ветру золотистым волосам), повешенная за ноги, покачивалась на уцелевшем от огня бушприте.

- Облава, - подытожил Эхаден. - Мы были правы, уходя от них, Рап. Ее поймала сильная эскадра, не один фрегат. Если с Китаром и Брорроком то же самое...

- Китар - боец не из лучших, но у него его "Колыбель", а на ней лучшие моряки в мире, - остудил его Рапис. - Никто не догонит эту каравеллу, пока у них в порядке паруса. У того купца она всегда ходила под неполным вооружением, и только потому Китару удалось добыть свою игрушку. А старого Броррока не поймать всем имперцам, вместе взятым. Здесь - совсем другое дело. - Он показал на повешенную. - Это что, был корабль? Бордель, и не более того.

- Не поверишь - мне она так и не дала, - проговорил Эхаден. - Хотя мы виделись целых четыре раза.

- Ну, значит, ты единственный в мире моряк, который видел ее целых четыре раза и не влез в нее всеми лапами, - констатировал Рапис. - Так тому теперь и быть. Разве что - может быть, хочешь сейчас? Можем подойти ближе.

Он пожал плечами.

- Дай приказ канонирам, - сказал он, меняя тему. - Надо бы пустить ее ко дну.

Вскоре воздух разорвали несколько мощных, почти одновременных залпов. Каменные ядра с грохотом ударили в обгоревший корпус. Развернувшись, они дали залп с другого борта. Канониры Раписа могли целиться спокойно, это было не сражение... "Морской Змей" медленно уходил на запад. Команда смотрела на тонущий корабль, пока тот не скрылся под волнами.

- Море забрало, - сказал Рапис. - Идем, Эхаден, подумаем, что делать дальше. Предлагаю немного поменять планы. Не любил я эту шлюху, но имперцев это никак не касается... У меня есть идея, как наловить товара, а заодно и посчитаться за Алагеру.

Они направились на корму.

На следующий день, вечером, матрос-впередсмотрящий крикнул, что видит землю. Это была Гарра, вернее, один из прибрежных островков. Рапис хорошо знал этот кусочек суши. Здесь находился небольшой порт, где кроме рыбацких лодок стояли два или три небольших корабля морской стражи. Для пиратского парусника они не представляли никакой угрозы; что могли сделать три старых как мир посудины против самого крупного корабля на Просторах? Так что Рапис уже несколько раз заглядывал сюда, чтобы пополнить запасы провизии и пресной воды. Он мог позволить себе подобную наглость; когда он появлялся, стражники обычно сидели тихо, делая вид, что их вообще нет... Честно говоря, делать им особенно было нечего. Обычно "Морской Змей" стоял на рейде, ожидая возвращения посланных на берег людей. Однако на этот раз у капитана были иные планы. Глубина в порту была достаточной, чтобы его корабль мог подойти к берегу.

Вокруг царила ночь, когда корабль подходил к пристани, буксируемый собственными шлюпками. В сторожевой башне неподалеку блеснул тусклый свет, с берега донесся окрик:

- Кто здесь?!

Тишина. Огромная туша корабля со скрипом навалилась на балки помоста. Матросы бросили швартовы.

- Кто здесь?!

Сбросили трап. Рядом с ним один из матросов поставил бочонок с горячей смолой. Трап загудел от ударов Матросских ног. Каждый нес факел, который окунал в бочонок. Вскоре две сотни движущихся огней осветили порт. Назойливый голос с берега умолк, в селении неподалеку в окнах вспыхнули мигающие огоньки. Мгновение спустя с палубы раздался громкий, отчетливый голос:

- Селян живьем, но только селян! Вперед!

Толпа полудиких моряков устремилась к сторожевой башне.

Однако солдаты решили дорого продать свою жизнь. Они никогда не связывались с командой пиратского парусника, поскольку подобное было бы чистым безумием. Впрочем, до сих пор ни разу не происходило ничего такого, что потребовало бы от них каких-либо действий. Поступки морских разбойников были наглыми и дерзкими, но... по сути, вполне законными. Да, "Морской Змей" пополнял запасы, однако за них платили местному трактирщику (хотя, честно говоря, плата эта была смехотворной); капитану пиратов, естественно, вовсе не к чему было пускать корчмаря по миру. Однако теперь, перед лицом нападения дикой банды, имперские солдаты неожиданно продемонстрировали все, на что они были способны. Надежды Раписа заставить маленький гарнизон врасплох не оправдались... Его люди неожиданно увидели в полумраке сомкнутые, ровные ряды обученной пехоты, дополнявшей команды стоявших в порту кораблей. Большинство были подняты прямо с постелей, некоторые в одних рубашках, - и тем не менее выглядели они достаточно грозно. Со стороны пристани донесся могучий грохот: это "Морской Змей" бросил швартовы и огнем своих орудий расстреливал беззащитные имперские корабли. В то же мгновение, словно по условленному сигналу, первая шеренга солдат присела, целясь из арбалетов, а солдаты во второй шеренге подняли натянутые луки. Свистнули стрелы, пираты внезапно остановились - впереди падали пронзенные тела. Сквозь стоны и крики агонии пробился голос Раписа:

- Вперед! За Алагеру и "Север"!

- За Алагеру! - яростно подхватили остальные. Солдаты продолжали стрелять из луков, но от арбалетов, оружия куда более смертоносного, уже не было никакой пользы. Дикая толпа с кличем мести набросилась на солдат, словно разъяренная волчья стая. Лязгнули скрещенные мечи, в мигающем блеске упавших факелов мелькало то древко копья, то широкое лезвие топора. Арбалетчики, схватившись за мечи, пытались прикрыть продолжавших стрелять лучников, но, ввиду численного преимущества противника, им удавалось это лишь недолго. В блеске последних гаснущих искр солдаты вели безнадежную борьбу. Они сражались отчаянно, молча - каждый сам за себя, но столь искусно, что трупы пиратов густо устлали землю. Однако вскоре их подавили, перемешали. Сражение превратилось в бойню.

Тем временем вторая сотня разбойников опустошала селение. Здесь командовал Эхаден. Когда Рапис заканчивал резать солдат, уже неуверенно горели первые дома. То и дело группа разбойников врвалась в какую-нибудь

хижину, откуда тотчас же доносились вой, плач и крики рыбаков. Разбушевавшиеся матросы метались среди домов как сумасшедшие, отчаянно лаяли на цепях собаки, из объятых пожаром курятника высыпали одурманенные дымом утки и куры, вызвав еще большую суматоху. Там, где селяне пытались в отчаянии сопротивляться, – их убивали без тени жалости. Кровь текла рекой, убийцы Эхадена рубили мечами и топорами выставленные вперед руки, пронзали незащищенные животы, разбивали головы. Стоны зверски насилуемых женщин заглушал пронзительный плач детей, которых, как непригодных для перевозки, силой отрывали от матерей. Крыши хижин пылали все ярче, треск горящих стропил смешивался с доносившимся со стороны порта победоносным грохотом орудий "Морского Змея".

Эхаден не принимал участия в резне. Он стоял посреди селения, держа меч под мышкой, и с обычным спокойствием отдавал распоряжения то и дело подбегавшим к нему пиратам. Он следил, чтобы никто из жителей селения не сбежал в лес неподалеку, иногда молча указывал цель троим лучшим лучникам в команде, которых держал при себе. Так его и застал Рапис, шедший во главе запыхавшихся, окровавленных, но радостных разбойников.

– Слишком много трупов! – резко сказал он. – У нас почти пустые трюмы.

– Здесь много народу, – буркнул офицер, показывая на выходящую из-за хижин колонну из нескольких десятков связанных селян. Половину составляли женщины. Пленников подталкивали грубо, но в меру. Охранники заботились о товаре.

Из ближайшей хижины выскочил рыбак с окровавленным лицом, держа в руке большую дубину. Рапис примерился, раскрутил над головой топор и угодил тому прямо в лоб. Раздались одобрительные возгласы лучников Эхадена и еще нескольких пиратов. Моряки радовались, что у них есть такой капитан, который может произвести на них впечатление! Кто-то подбежал к убитому, наступив на него ногой, вырвал топор и отнес капитану.

– Пошли людей в корчму, – сказал Рапис, вытирая лезвие. – У имперцев почти ничего нет на складе. Слышишь, Эхаден?

Офицер кивнул:

– Раладан этим уже занялся. Загрузку провизии и пресной воды мы закончим до рассвета. Но пока я слышал лишь три залпа. – Он махнул рукой в сторону пристани. – Два бортовых и один из носового или кормового. Это слишком мало для трех посудин. Если они не поторопятся и не встанут у берега... – Он замолчал, услышав грохот очередного бортового залпа. – Ну все, закончили.

Проходивший мимо тяжело дышавший матрос бросил факел на крышу ближайшего дома. Вспыхнуло пламя.

Постепенно смолкали последние вопли убиваемых. Голоса матросов начали сливаться в старую, утрюмую морскую песню:

Морские волны зеленым эхом
Подводной травы приносят шум,
Стгнившие руки мертвого шкипера
На дне бездны держат руль.

Рапис поднес к губам короткий глиняный свисток. Голоса стихли, и несколько мгновений спустя перед ним была вся команда. Гудело пламя. С треском обрушилась крыша одной из хижин.

– Возвращаемся на корабль, – сказал капитан. – Боцмана ко мне.

Из толпы тут же выступила плечистая фигура.

– Возьми десять человек, сходите к башне и соберите все, что может пригодиться, в особенности не слишком поврежденные доспехи. У кого нет, может выбрать для себя. То же самое с мечами, арбалетами и прочим. И еще, Дороль, проверь хозяйство казначея – гарнизон здесь небольшой, но у них может быть немного серебра. Остальные – на корабль!

Они шли сплоченной толпой, окружив группу голосащих пленников. Чей-то грубый, хриплый голос затянул:

А над морем хмурится небо –
С силами штормов мы сядем играть;
Поет ветер в вантах, поет о буре,
Так что споем и мы:

Морские волны зеленым эхом...

Рапис не пошел вместе с остальными. Он посмотрел вслед удаляющейся толпе, потом окинул взглядом окрестности. Ему нужно было еще кое-что сделать... но он забыл что.

Гул пожара нарастал, горели уже не только крыши, но и стены хижин; с треском и грохотом падали обугленные балки и жерди. В клубах дыма метались языки пламени. Где-то раздался крик – короткий, тут же оборвавшийся.

Рапис стоял и смотрел.

Так пылали парусники. Во мгле...

Обреченные на гибель парусники...

Большой фрегат, подгоняемый ветром, неся в такелаже бурное пламя, подходил с наветренной стороны – и столкновение было неизбежным. Рапис внезапно увидел всю свою так и не удавшуюся жизнь, которая должна была завершиться в языках огня или среди соленой морской воды. Горящий фрегат приближался, словно предназначение судьбы, наконец с грохотом и треском столкнулся с бортом "Змея" – и чудовищный удар вышвырнул капитана в море. Он почувствовал холодные, жесткие удары волн.

– Ты что, заснул?

Горели хижины. Густой дым не давал дышать.

– Заснул? – повторил Эхаден. – Я вернулся за тобой, потому что...

Рапис бросил на него быстрый взгляд и громко сглотнул слюну.

– Нет, не заснул... – медленно проговорил он. – Мне просто привиделось. Тот горящий фрегат, что протаранил нас тогда, помнишь? Когда это было? Год, два тому назад?

Он повернулся и зашагал к пристани.

Горящий фрегат...

Эхаден стоял, задумчиво глядя ему вслед.

– Никто нас никогда не таранил, Рапис, – сказал он отчасти про себя, отчасти в пустоту. – Никакой горящий фрегат.

Капитан скрылся за завесой дыма. Офицер закашлялся и двинулся за ним следом, пряча лицо за сгибом локтя. Глаза его начали слезиться.

Видения... Давние видения, принимаемые за действительность. Так было уже не впервые. Эхаден всерьез забеспокоился. Он боялся за друга.

Порыв ветра отнес в сторону клубы дыма. Селение превратилось в одно большое море огня.

3

И снова ему улыбалась счастливая звезда.

Капитан хорошо знал маленькую дикую бухту в окрестностях Баны. Там он и спрятал "Морского Змея", сам же, вместе с несколькими надежными людьми, отвез на шлюпках на берег почти сотню пленников и пленниц. Им пришлось обернуться несколько раз, и, когда они закончили, было уже темно. "Морской Змей" тотчас же ушел в открытое море – вернуться он должен был лишь через два дня. Рапис знал, что осторожность никогда не мешает; место было уединенное, однако ему не хотелось подвергать свой драгоценный парусник большей опасности, чем то было необходимо.

Еще перед рассветом они тщательно спрятали шлюпки, после чего матросы погнали пленников в глубь близлежащего леса. Рапис просидел до зари на пляже, в компании одного лишь лоцмана Раладана. Когда рассвело, они направились в находившуюся неподалеку деревню. Капитан держал там двух коней, у богатого крестьянина, который мог ими распорядиться как ему заблагорассудится, взамен же должен был лишь заботиться о животных и... молчать. Тот охотно делал и то и другое; знаменитый пират вспоминал о конях раз, иногда два в год. И порой он оказывался весьма щедрым...

Вскоре Раладан и Рапис уже ехали рысью по тракту в сторону Баны –

самого крупного города на юго-западе Армекта.

Бана была городом молодым, а еще точнее – омоложенным и вновь расцветшим. После захвата Дартана, а затем Гарры и островов большой порт на западном побережье Армекта оказался крайне необходим. После объединения Шерера в границах Вечной Империи Армект частично взял на себя дартанские зерновые рынки, а самым большим рынком сбыта зерна была именно Гарра. Бана, маленький портовый городишко, начала быстро разрастаться еще в период армектанских морских войн. Три порта, расположенные на берегу Королевского Залива, были слишком отдалены от театра действий; требовался крупный военный порт, где могли бы сосредоточиваться силы, необходимые для завоевания заморских территорий. Прикрытый изогнутым, словно коготь, полуостровом залив Акара, на берегу которого находилась Бана, обеспечивал идеальные условия. Город богател, хорошел и рос. Дартанская архитектура, с момента присоединения Дартана триумфально шествовавшая по всей Вечной Империи, завладела Баной без остатка, превратив ее в "Роллайну Запада", – и в самом деле, сходство между молодым портом и дартанской столицей просто поражало. Стройные белые здания не имели ничего общего со строгим армектанским стилем; глядя на них, любой мог легко подумать, что каким-то чудом он перенесся в самое сердце Золотой Провинции...

Однако если даже Рапис и Раладан и заметили красоту представшего перед ними города, то ничем этого не показали. И позже, двигаясь по широким светлым улицам, они демонстрировали полное безразличие к красотам дартанской архитектуры. Наконец они остановились перед одним из домов-дворцов, но отнюдь не затем, чтобы восхититься прекрасными формами и пропорциями строения. Они стояли у цели своего путешествия.

Как капитан пиратского парусника, так и его лоцман ничем не походили на морских разбойников. Одеты они были иначе, чем на борту "Морского Змея", – в простые и удобные, но отнюдь не бедные армектанские дорожные костюмы. Конская упряжь также говорила о не бросавшейся в глаза состоятельности обоих всадников. В глазах постороннего наблюдателя они могли сойти как за купцов, так и за владельцев небольших, но приносящих доход поместий. Легкие, чуть более длинные, чем военные, мечи могли бы свидетельствовать о Чистой Крови, текущей в жилах всадников; с другой стороны, право ношения меча в Армекте легко мог получить почти каждый свободный, не запятнанный преступлением человек.

В небольшом дворике перед домом путешественники спешили и, передав коней слугам, в сопровождении раба вошли внутрь и назвали имена, под которыми они были известны хозяину. Им не пришлось долго ждать.

В отсутствие работорговца, находившегося в деловой поездке, их приняла Жемчужина Дома. Рапис был знаком с этой рабыней и знал, что вполне открыто может обсуждать с ней любые дела. Жена хозяина не вмешивалась в дела мужа; Жемчужина Дома, напротив, обладала всеми полномочиями и была полноправной заместительницей своего хозяина. На первый взгляд рабыня стояла от семисот до восьмисот золотых, однако капитан "Морского Змея" прекрасно осознавал, что это невозможно – работорговцы не отличались подобной расточительностью. Он ни разу не замечал, чтобы она когда-либо ходила беременной, значит, она не была племенным экземпляром. Это означало, что у нее, видимо, имелись какие-то скрытые недостатки, сильно сбивавшие цену; чаще всего именно по этой причине такие женщины оставались в доме работорговцев навсегда.

Рабыня, одетая в прекрасно скроенное домашнее платье, встретила прибывших и вскоре уже вела непринужденный, шуточный разговор, из-за Раладана пользуясь языком Кону – упрощенной версией армектанского. Ловко сменив тему беседы, она почти незаметно перешла к делу. Рапис, явно чувствовавший себя в этом доме не хуже, чем на палубе корабля, коротко и без недомолвок изложил суть своего предложения, сообщив численность и примерную стоимость товара.

– Как видишь, госпожа, – закончил он (рабыне в ранге Жемчужины Дома, представлявшей хозяина, полагался такой же титул, как и женщине Чистой Крови), – дело посерьезнее обычного. Учитывая стоимость сделки.

Женщина слегка нахмурилась, о чем-то размышляя.

– Да, – коротко ответила она. – Более серьезное, но и более хлопотное, – добавила она, помолчав. – Ведь ты прекрасно понимаешь, господин, что товар четвертого сорта найдет покупателя сразу же, на рудниках и в

каменоломнях не хватает рабочей силы. Так что мне все равно, куплю я партию в сто или в двести голов; и в самом деле, чем больше, тем лучше. Особенно если они островитяне или гаррийцы, – усмехнулась она. – В этом смысле как раз ничего не изменилось.

Рапис кивнул. Действительно, строгие законы империи, регулировавшие основы торговли живым товаром, в некоторых случаях оказывались удивительно бессильны... В Кирлане некоторых вещей попросту не замечали. Рыбачьи селения на Островах не давали большого дохода имперской казне, в то время как соляные копи – совсем наоборот. Даже находясь в частных руках, они приносили немалые доходы от налогов. Удерживавшаяся в разумных границах нелегальная торговля рабами была явлением в общем-то желательным. Естественно, пиратский корабль, захваченный с полным трюмом пленников, не мог рассчитывать на какое-либо снисхождение. С другой стороны, однако, частные рудники, каменоломни, а иногда даже хлопковые плантации контролировались имперскими чиновниками удивительно поверхностно...

– Боюсь, однако, господин, – продолжала Жемчужина Дома, – что исключительно большое, как ты утверждаешь, количество молодых и красивых женщин вместо ожидаемой выгоды принесет одни лишь хлопоты. Я не куплю их, господин, – без обвиняков заявила она. – Спрос, – коротко объяснила она в ответ на удивленный взгляд капитана. – Нет спроса. Публичные дома переполнены, рабыни-проститутки в этом году почти ничего не стоят. Неурожай, – снова коротко пояснила она. – Неужели ты ничего не знал, господин? Как это может быть?

– Я слышал. Но не думал, что до такой степени.

– Настоящие бедствие, – подытожила Жемчужина. – Неурожай. Многие семьи оказались на грани нищеты. Каждый день здесь появляется какая-нибудь девушка, а иногда несколько. Еще неделю назад я купила двух, но там действительно было что покупать. От остальных я отказалась, и, насколько мне известно, никто другой их тоже не покупает. Живой товар, господин, – именно живой товар, и если за короткое время на него не найдется покупателя, то он начнет проедать ожидаемую прибыль. Можно в течение пятнадцати лет растить, учить и воспитывать девушку от тщательно подобранной пары производителей, чтобы потом продать в качестве Жемчужины за восемьсот или тысячу золотых. Ведь даже если она не получит сертификата Жемчужины, все равно она будет рабыней первого сорта и по крайней мере не принесет убытков. Но – сырье для дешевых проституток? Конъюнктура придет в норму самое раннее через год, а кто знает, может быть, и через два. Продать такую девушку я могу за двадцать, тридцать, ну, может быть, за сорок золотых, если она очень молода и красива. Так за сколько должна я ее купить, чтобы разница в цене покрыла стоимость годового содержания? Сегодня, господин, тебе пришлось бы мне доплатить, чтобы я согласилась взять этих островитянок. Мужчины – другое дело, их всегда не хватает и будет не хватать. Добровольно никто не продастся в рабство, даже если будет подыхать с голоду. Это пустой закон, которым почти никто не пользуется, господин, да ты и сам знаешь. Такой мужчина может быть уверен, что попадет в каменоломню и проживет, самое большее, два-три года.

Рапис, потрянув головой, поднял руку.

– Достаточно, госпожа, – несколько раздраженно отрезал он. – Я знаю, как работает рынок. Забудем о женщинах. Значит, покупаешь одних мужчин?

– Несколько женщин, может быть... Если они сильные и не слишком красивые. Действительно сильные и действительно некрасивые, – подчеркнула она. – Женщины при работе на рудниках не слишком окупаются и чересчур привлекают внимание. Приходится их переодевать в мужское платье. Я могу взять несколько, господин, но, честно говоря, скорее для поддержания хороших деловых отношений...

Несколько мгновений она что-то подсчитывала в уме, потом назвала сумму.

– Естественно, это примерная стоимость, – уточнила она. – Как обычно, тебе дадут кого-нибудь, кто оценит товар на месте. Надеюсь, ты согласишься на окончательную цену? Не в моих интересах сдирать с тебя три шкуры, господин, – она чуть наморщила нос и рассмеялась, – поскольку иначе в следующий раз ты пойдешь к конкурентам... Заверяю, что как всегда, так и сейчас окончательная цена будет отражать реальную стоимость товара. Ведь так?

Рапис кивнул. Он никогда не жалел о связях с этим работоторговцем; он был

уверен, что не пожалеет и на этот раз. В конце концов, никто же не виноват, что конъюнктура сложилась не лучшим образом. Жемчужина, от имени своего хозяина, вела с ним честную игру. Названная ею ориентировочная сумма выглядела вполне разумной.

Переночевав в неплохой гостинице, они двинулись в обратный путь на следующее утро, как только появились люди, о которых говорила Жемчужина Дома. Одного из них Рапис знал – тот уже дважды сопровождал его, чтобы осмотреть и оценить привезенный товар.

До леса они добрались еще до захода солнца. Из-за деревьев тут же появились двое матросов. Один забрал коней Раписа и Раладана, чтобы отвести их в деревню; другой повел прибывших к тому месту, где держали пленников. В отсутствие капитана не произошло ничего заслуживавшего внимания. Выставленные посты лишь однажды спугнули каких-то грибников. Мало кто забирался столь далеко.

Прибыв на место, представитель работоторговца быстро и со знанием дела осмотрел товар. Мужчины, хоть и несколько исхудавшие (Рапис их на "Змее" особенно не перекармливал), выглядели, в общем-то, неплохо – что было понятно, поскольку хилых и стариков не брали, больные же и раненые почти все отправились за борт во время морского путешествия. Кроме того, в соответствии с обещанием Жемчужины у капитана купили несколько сильных, здоровых женщин, правда за не слишком высокую цену. Однако Рапис был доволен, поскольку ему еще удалось продать трех симпатичных девочек лет двенадцати-тринадцати, получив за них вполне приличные деньги, особенно за младшую, которая была девственницей. Покончив со всеми формальностями, посланник работоторговца без лишних слов попрощался и, не обращая внимания на сгущающиеся сумерки, забрал с собой всю купленную группу, под эскортом собственных, приведенных из Баны людей. Рапис знал, что где-то в условленном месте на тракте товар, вероятно, ожидал небольшой караван повозок... Но это уже его никак не касалось. Золото он получил. Не столько, сколько ожидал, выгружая товар на берег; с другой стороны, однако, не намного меньше, чем обычно. Он просто привез чересчур большую партию.

У него осталось около сорока женщин, а также двое не отвечавших требованиям мужчин. Капитан приказал всем шагать к пляжу, где были спрятаны шлюпки. "Морской Змей", вероятно, уже стоял на якоре недалеко от берега... Неся приличных размеров мешок, в котором позвякивало золото и серебро, Рапис держался в конце отряда. Когда они подошли к краю леса, он подозвал Раладана.

– Посоветуй, – коротко потребовал он. – Мы не можем оставить здесь сорок с лишним трупов – рано или поздно кто-нибудь их найдет. Я хочу, чтобы здесь все было чисто. Посоветуй, Раладан. Камень на шею? Если даже пара утопленников и всплывет – не страшно...

Лоцман выругался в темноте: ветка хлестнула его по лицу. Ночной поход через лес отнюдь не был приятной прогулкой.

– Много мы заработали? – спросил он.

– Так себе, – неохотно ответил Рапис, и лоцман слегка улыбнулся; капитан бывал щедр, но порой, для разнообразия, скуп до невозможности. – Тебе хватит, Раладан.

– Я не о том, капитан. Если мы привезем товар обратно на корабль, команда поймет, что дела пошли не лучшим образом, и никто не удивится, если на долю каждого придется немного. Никто не знает, сколько на самом деле в этом мешке, капитан.

– Нет, Раладан. Даже если бы мне самому хотелось тащить все это стадо обратно на "Змею", команда должна свое получить. Хочешь бунта? Я не хочу.

– Есть выход. У нас сорок женщин, капитан. Товар нужно было беречь, но теперь это уже не товар. Это лишние хлопоты. Или подарок для команды, может быть даже еще более приятный, чем серебро. Они получают меньше обычного, зато будут женщины. Даром.

Они добрались до пляжа. Разговор, шедший достаточно тихо, чтобы матросы не могли ничего услышать, закончился смехом Раписа.

– Хорошая идея, Раладан, в самом деле хорошая. Так и сделаем.

Недалеко от берега время от времени вспыхивал маленький тусклый огонек.

Парусник уже их ждал.

Шлюпки совершили рейс до "Морского Змея", потом вернулись. Даже перегруженные, они не могли забрать сразу гребцов и сорок женщин. Рапис не поплыл с первой партией, оставшись ждать на пляже. Стоявший на якоре в четверти мили от берега парусник много лет был его домом, однако даже домой не всегда хочется возвращаться. Капитан наверняка бы удивился, если бы ему сказали, что он остался потому, что его очаровала теплая звездная ночь. Он уже почти забыл, что значит быть очарованным; на борту пиратского корабля не было места подобным чувствам, даже подобным словам. Однако именно темно-синий искрящийся небосвод над головой, мягкий песок пляжа и накатывавшиеся на плоский берег волны удерживали его, оттягивая возвращение на корабль.

Невдалеке маячили десятка полтора темных неподвижных фигур. Двое матросов стерегли женщин. Истощенные и перепуганные, те боялись даже громко дышать. Молчаливое присутствие "товара" внезапно показалось Рапису неприятным; он встал и, коротко бросив своим людям: "Ждите", медленно двинулся вдоль пляжа. Вскоре тени на песке растворились во мраке, и капитан внезапно осознал, что он один. Не так, как в каюте на "Змее". Один. Он мог идти куда угодно, так долго, как только бы пожелал.

Волны тихо шуршали о песок.

Шагая, он вспомнил такую же ночь и такой же пляж много лет назад и ощутил щемящую тоску по всему тому, что оставил тогда на пляже, позади, – раз и навсегда; по молодому офицеру морской стражи Армекта, которым он тогда был, и прекрасной, благородного происхождения гаррийке, которая его обманула.

Он повернул назад. Внезапно ему показалось, что если он пройдет еще немного, то окажется в том месте, где вновь найдет свою прежнюю жизнь, которой он изменил. Да, он был совершенно уверен, что она... _она ждет его там_. Он готов был ее убить. Он этого не хотел. Он возвращался все быстрее, словно опасаясь, что матросы и женщины таинственным образом исчезнут... Тихая армектанская ночь внезапно показалась ему враждебной. У него был свой корабль, свои матросы, своя морская легенда – и он не хотел всего этого терять. Даже на мгновение. Этот корабль и эти матросы...

Он горько усмехнулся. Вряд ли кто-то из команды размышлял над смыслом жизни, да и вообще хоть как-то ценил свою собственную жизнь. В некотором смысле он всех их любил. Может быть, именно за это? Они же в свою очередь любили своего капитана. Никто из них не в состоянии был сказать почему. Но разве это имело хоть какое-то значение? Важно было совершенно другое, а именно то, что его – кровавого предводителя убийц, Бесстрашного Демона, как его называли, – могли любить четверть тысячи человек, которые ни разу его не предали. Они были людьми. Неважно какими. Достаточно того, что, вероятнее всего, мало кто из благородных морализаторов, столь охотно деливших мир на добро и зло, мог похвастаться любовью к собственной персоне хотя бы десяти человек, не говоря уже о сотнях. Рапис был уверен, что, когда он в конце концов уйдет, он оставит по себе добрую память в сердцах всех моряков, плававших под его флагом. Для него это было крайне важно.

Именно потому он не любил вспоминать о далеком прошлом и старался не вызывать тех событий в памяти. Перед ним была еще немалая часть жизни, но ему уже было жаль впустую потраченных в молодости лет. Объявленный вне закона, проклятый сотнями, а может быть, и тысячами людей, он нашел свое благо. Свое место.

Он вернулся как раз в тот момент, когда первая шлюпка заскрежетала дном о песок. Сразу же за ней появилась вторая. Матросы, не ожидая команды, начали загружать в лодки пленниц. Капитан стоял и смотрел не говоря ни слова.

Женщины неуклюже карабкались через борт. Ноги у них были связаны так, чтобы можно было делать маленькие шаги, кроме того, все были связаны общей веревкой, которая захлестывалась петлей на шее у каждой. Теперь веревку разрезали, чтобы разместить груз в шлюпках.

На истоптанном песке остались лишь какие-то тряпки, хорошо заметные в полумраке звездной ночи. Матросы, оглядываясь на капитана, уже начали сталкивать шлюпки на воду. Рапис наклонился и поднял с песка грязный лоскут. Он не хотел оставлять после себя ненужных следов. Может быть, осторожность была излишней, но... Он шагнул к другой тряпке и... наступил

на живое, зарывшееся в песок тело. Капитан медленно отступил назад. Он обнаружил беглянку.

Матросы, стоя по пояс в воде, с трудом удерживали тяжело раскачивавшиеся шлюпки. Рапис присел, уперся локтями в бедра и, сплетя пальцы, пригляделся вблизи к своей находке. Он посмотрел по сторонам, пытаясь понять, как подобное могло произойти – каким образом эта женщина сумела, не привлекая внимания охраны, стащить с себя драные лохмотья и частично зарыться в песок, впрочем весьма неуклюже; из-под серых песчинок во многих местах проглядывала обнаженная кожа. Однако в ночном мраке тело и песок были одного цвета... Как она освободилась от веревки? Он почувствовал невольное восхищение ловкостью и хладнокровием беглянки. Несколько мгновений он размышлял, знает ли уже это дрожащее от страдания создание о том, что его обнаружили. Она должна была почувствовать, когда он наступил на нее ногой. Однако она не знала, нашли ее или, может быть, просто случайно наступили...

Капитан обернулся к матросам у шлюпок. Они не могли знать, что он только что обнаружил. Он едва сдерживал смех, борясь с искушением похлопать ловкачку по голой ляжке – и так и оставить. Стиснув удивительно изящную пятку, он выпрямился и пошел вперед, волоча по песку безвольное тело женщины. Она издала нечто вроде короткого стона – и больше ничего, хотя шершавый песок, камни и обломки раковин должны были доставлять ей немалые страдания. Послышались удивленные возгласы матросов, выскочивших ему навстречу. Оставив находку там, куда докатывались первые волны, он вошел в воду и вскоре оказался в шлюпке. Только потом он обернулся. Матросы тащили женщину во вторую шлюпку.

– На "Змее", – громко сказал он, – привести ее ко мне в каюту. И следите за ней! Может выкинуть какой-нибудь очередной фортель.

– Есть, господин!

В голосе матроса слышалось облегчение. Он был одним из тех, кто охранял товар на пляже. Наказание только что его миновало.

4

Женщин загнали в трюм. Никто на "Морском Змее" еще не знал, какая судьба им уготована. Рапис не спешил делать подарок команде. Бухта у берегов Армекта была не слишком подходящим местом для развлечений. Следовало выйти в открытое море, получить свободу быстроты и маневра, а прежде всего – скрыться достаточно далеко за горизонтом, чтобы нежелательный взгляд с берега не мог заметить корабль.

Отдав Эха дену распоряжения относительно курса, капитан пошел к себе. В каюте он отстегнул пояс с мечом, сбросил камзол и рубашку. Было очень душно. Он присел на большой рундук у стены и потянулся. Он уже успел забыть о выкопанной из песка пленнице и удивленно поднял брови, когда в дверь каюты начал изо всех сил колотить Тарес. Офицер сжимал рукой горло согнувшейся пополам обнаженной женщины.

– Кажется...

Рапис махнул рукой; глупость этого человека порой его изумляла. Тарес был его вторым помощником, офицером добросовестным, исполнительным и послушным... порой до безрассудства.

– Ладно, давай ее сюда, – велел капитан, невольно показывая на середину каюты... и тяжело вздохнул, ибо Тарес еще сильнее стиснул горло стонущей от боли пленницы и толкнул ее со всей силы, так что та рухнула на пол, точно в указанном месте.

– Ладно, иди, – сказал капитан.

Тарес вышел, закрыв за собой дверь.

Сгорбившаяся на полу женщина не шевелилась. Рапис наклонился, сидя на рундуке, и взял ее за подбородок. Он увидел лицо, частично прикрытое

растрепанными волосами, и инстинктивно отшатнулся – у девушки не было глаза. Вид уродливой, недавно зажившей глазницы мог потрясти любого. Он сразу же ее вспомнил. Она потеряла глаз во время нападения на деревню, но во всех прочих отношениях была молодой и здоровой, с великолепной фигурой, и отличалась незаурядной красотой. На ней была лишь набедренная повязка из какой-то тряпки, но вид ее не казался отталкивающим, скорее наоборот. Осматривая товар в трюме, он последовал совету Эхадена и решил оставить девушку. На нее мог найтись покупатель; тогда он еще не знал, что в Армекте спрос на женщин практически отсутствует. Честно говоря, если бы не эта роковая рана, она была бы самым дорогим экземпляром из всех, что у него были. Даже странно. Такие женщины в рыбацких селениях обычно не встречались.

– Как тебя зовут?

Она молчала, все еще скорчившись на полу – так, как швырнул ее Тарес.

– Не понимаешь Кону?

Кажется, она и в самом деле не понимала. Ничего удивительного. Гаррийцы не любили этого общего для всей империи языка, являвшегося упрощенным армектанским наречием, – так же как, впрочем, и все остальное, навязанное Кирланом. Собственно, Рапис, хотя сам был армектанцем, вовсе этому не удивлялся. Но сейчас ему предстояло раскусить крепкий орешек. Он прекрасно понимал гаррийский, но с разговором дела обстояли хуже. Произношение было для него настоящей магией. Он прекрасно понимал, сколь непонятно и грубо звучат в его устах гаррийские слова.

– Как тебя зовут? – попытался сказать капитан.

Девушка вздрогнула и приподняла голову, но не посмотрела на него.

– Ридаретте, – хрипло проговорила она.

– Ридарета, – поправил он, произнеся имя в армектанском звучании. – Ридарета... – повторил он.

Странное имя. Редкое. Капитан задумчиво постучал пальцами по крышке рундука, на котором сидел. Какой-то комок подкатил к горлу. Он сглотнул.

– Встань, – приказал он.

Она подчинилась. Взгляд ее был устремлен в пол, но она стояла выпрямившись, не горбясь, не свешивая рук. Еще немного, и упрет руки в бока... Со все большей задумчивостью он бросил взгляд на большие крепкие груди, оценил плоский живот и очертания ног.

– Повернись.

Сзади она выглядела не хуже: форма ягодиц и спины была просто великолепна.

Капитан держал на корабле ящик, полный женской одежды. Сейчас он сидел как раз на нем. Дорогие платья и юбки, вышитые золотом, украшенные жемчугом. Добыча с торгового барка. Все это он хотел при подходящем случае продать, но пока такой случай не подворачивался.

– В этом ящике, – сказал он, вставая, – лежат платья. Выбери себе любое.

Девушка никак не отреагировала.

– Слышала? Надень что-нибудь. – Он открыл крышку сундука, покопался внутри и вытащил кусок черного бархата. – Отрежь кусок и сделай себе повязку, дыра вместо глаза – не лучшее украшение. Подожди. Сначала умойся и причешись. – Он подтолкнул ее к небольшой двери в углу каюты. – Там найдешь таз и кувшин с водой, есть там и зеркало, и медный гребень. Знаю, что этого маловато для дамы, – капитан неожиданно улыбнулся, – но, к сожалению, это все, что я могу предложить вашему благородию.

Он говорил медленно и тщательно, надеясь, что его можно понять. Рывкнуть по-гаррийски "За мной!" или "Пленных не брать!" было нетрудно. Совсем другое дело – вести беседу о зеркалах и платьях.

Девушка скрылась за указанной дверью. Рапис открыл соседнюю дверь, ведущую в спальню. Эти апартаменты он унаследовал от армектанского командующего эскадрой. Лишь немногие корабли предоставляли своим капитанам подобную роскошь. Он окинул взглядом смятую постель, разбросанную одежду, оружие и всяческий хлам. Что ж, девушка могла ему пригодиться. Впрочем, не только для уборок... Он не терпел женщин в команде, зная, чем это заканчивается. Как у Алагеры. Ее смешанная банда больше отдавалась утехам под палубой, чем думала о том, как и когда ставить паруса. Алагера была капитаном только по названию, на самом деле никто ее не слушал. В таких

условиях каждая смена курса, каждый поворот приобретали ранг серьезного маневра. Для женщин было время в тавернах, на берегу. Но сейчас... Раз уж он сам отступал от собственных принципов, давая подарок команде, можно было дать поблажку и себе. Впрочем... Речь шла об одном дне, может быть, о двух.

Он сел на постели и провел ладонями по лицу. Что-то его беспокоило, и, кажется, он знал что. Лицо этой девушки было просто поразительным. Никогда прежде он не думал, что вид какой-либо раны вызовет у него подобный... страх. Именно страх. Ему хотелось ударить эту женщину, сделать что-нибудь, чтобы ее не стало. Пустая, отвратительная глазница... Но ведь ему приходилось видеть раны много хуже. Почему именно это лицо так его потрясло? От его вида он испытал почти... настоящую боль.

Пытаясь отбросить прочь неприятные мысли, капитан начал строить планы. Он понятия не имел, куда направить "Морского Змея". Что за неудачный год... Обычно он располагал точными, проверенными сведениями о ценных грузах и прочих возможностях разжиться богатством. Если чего-то ему и не хватало, так это времени, чтобы ими всеми воспользоваться. Он уже не помнил, когда ему приходилось искать подходящее занятие для своего парусника. В самом деле, год хуже некуда...

Приближалась осень, пора штормов. Она была уже слишком близка для того, чтобы предпринять более или менее серьезную экспедицию, – но и слишком далека для того, чтобы вообще ничего не делать до ее прихода. Болтаться по Замкнутому морю, надеясь на счастливое стечение обстоятельств? Он уже отвык от подобного рода охоты...

Капитан потер подбородок. А может быть, в Безымянную Страну? За Брошенными Предметами? Там даже время шло иначе, место это было весьма необычным... Там можно было бы переждать пору штормов. Рискованно, но?..

Когда-то он уже бывал там. Места эти звались Дурным Краем, и не без причин. Там он потерял три четверти своей команды. Но те, кто выжил, могли себя поздравить. За Брошенные Предметы платили уже не серебром, а золотом. Моряки, полные суеверного страха, наперегонки избавлялись от драгоценной "магической" добычи. Сначала и он тоже намеревался как можно скорее продать свою долю. Однако, подумав, он оставил себе Рубин Дочери Молний, Гееркото, могущественный Темный Предмет. Капитан никогда не жалел о подобном решении. Он не мог полностью воспользоваться дремлющими в Рубине силами, но само обладание им делало его владельца невосприимчивым к усталости и боли, прибавляло здоровья, сил и ловкости...

Капитан прогнал искушение прочь. Он не мог снова идти в Дурной Край. Люди. Люди были новыми, ненадежными. Будь у него на "Змее" старая, испытанная команда, во главе которой он получил свое боевое прозвище...

Он усмехнулся собственным воспоминаниям.

Прошло несколько лет с тех пор, как он вырезал до последнего человека маленький гарнизон морской стражи на одном из островков Гаррийского моря. Там ничего не было, кроме остатков старой рыбацкой пристани и нескольких покосившихся домов. В некоторых из них сидели солдаты, – собственно говоря, неизвестно зачем. Ходили слухи, что командование Морской стражи Гарри и Островов носит с идеей восстановить пристань и построить казармы для команд двух или трех небольших кораблей Резервного Флота. Короче говоря, на заброшенном островке должен был возникнуть маленький военный порт. Рапис слышал об этом уже давно. Шли годы, а планы стражников так и оставались лишь планами. "Морской Змей" как-то раз завернул к этой пристани, а когда отходил – над островом развевался пурпурно-зеленый военный флаг Раписа. Прошли месяцы, прежде чем к берегам островка прибыл корабль морской стражи, доставивший провизию; только тогда обнаружилось, что от солдат на острове не осталось и следа. Какое-то время спустя там обосновался новый гарнизон, и лишь благодаря чистой случайности "Морской Змей" снова посетил старую пристань. На этот раз солдаты остались в живых... пополнив собой команду Раписа. Ничего удивительного – к разряду честных людей их вряд ли можно было отнести... На службу в таком месте, как всеми забытый островок, солдат посылали в наказание: все они, включая командира, совершили те или иные проступки. Рапис во второй раз поднял над островом свой флаг и через несколько месяцев вернулся, чтобы проверить, на месте ли он. Флага уже не было. На этот раз команде "Змея" пришлось по-настоящему сразиться с усиленным гарнизоном, насчитывавшим несколько

десятков хорошо вооруженных солдат. И в третий раз пурпурно-зеленый флаг взвился над островом. Капитан пиратского корабля объявил открытую войну Вечной Империи.

В комендатуре морской стражи Гарры и Островов никто не мог понять, в чем, собственно, дело. Безлюдный островок не представлял никакой ценности, там мог возникнуть небольшой военный порт, но не более того. Вряд ли стоило подозревать, что команда таинственного пиратского парусника собиралась там всерьез обосноваться. В этом не было никакого смысла. Остров тщательно исследовали. Как и следовало ожидать, там не было ничего, совершенно ничего. Тем не менее брошенный морскими разбойниками вызов был принят. Бич пиратства давно уже докучал империи, и теперь подворачивался случай уничтожить нахальный парусник. Получив помощь сухопутных войск, морская стража высадила на несчастном острове почти половину – свыше трехсот человек – Гаррийского Легиона. По морю кружили две эскадры, составлявшие ядро Резервного Флота.

Рапис, всюду имевший своих шпионов, знал обо всех этих начинаниях; размах предприятия делал невозможным сохранение полной тайны. Он выиграл войну. Легенды о собранных им сокровищах неожиданно нашли удивительное подтверждение: капитан "Морского Змея" купил себе подмогу, и, притом не какую попало... В атаке на остров (позднее названный Барирра – Странный) участвовали четыре больших корабля и два поменьше, а кроме того, десятка полтора быстрых суденышек морских шакалов, рыбаков и пиратов, грабивших заманенные на мель корабли. Два имперских фрегата пустили ко дну, два других обратили в бегство. Легионеров, оставшихся без помощи на острове, перерезали всех до единого – три сотни с лишним. Морская стража отчаянно пыталась замять дело, командование сухопутных войск требовало объяснений в связи с гибелью своих отрядов на острове. Имперский Трибунал начал расследование; ясно было, что предводитель пиратов имел среди командования стражи своих доносчиков. Быстро выяснилось, что империя не в состоянии проводить невероятно дорогие и вместе с тем всегда заканчивающиеся поражением операции по обороне никому не нужной торчащей из воды скалы. Было сделано все, чтобы превратить проигрыш в победу: всем и всюду трубили об огромных потерях пиратов, о потопленных парусниках, о виселицах... Престиж имперских войск удалось спасти – но ценой острова. Бесстрашный Демон, как тут же начали называть капитана пиратов, получил свою Барирру. От содержания там гарнизона отказались. Лишь время от времени к острову осторожно приближались патрульные суда морской стражи. Они всегда находили там победно развевающийся красно-зеленый флаг – и больше ничего. Видно было, что пиратский парусник время от времени сюда заглядывает: флаг меняли, снимали порванный ветрами и вешали новый. Однако, если не считать этого, остров казался заброшенным и забытым. Бесстрашному Демону он был не нужен...

Сидя в каюте, посреди разбросанной постели, Рапис провел рукой по лицу. Он вдруг понял, как часто (слишком часто!) стали его посещать в последнее время воспоминания. Капитан начинал задумываться, не признак ли это подступающей старости. Все чаще его беспокоило прошлое и все реже – будущее... Он встал и выглянул из спальни. Девушка – уже одетая – поправляла складки сказочно богатого, хотя и несколько запыленного и помятого платья.

Капитан молча разглядывал ее. Он уже знал, что ему предстоят серьезные хлопоты... Девушка в его каюте не могла быть деревенской жительницей. Дочь рыбака из островного селения не сумела бы даже зашнуровать лиф. Одноглазый, перечеркнутый черной повязкой взгляд таил в себе некую мрачную, угрюмую экзотику, но прежде всего – вызов.

– Госпожа, – сказал Рапис, – я капитан пиратского корабля, но прежде всего я мужчина Чистой Крови. Я не беру в плен женщин, равных мне по происхождению, чтобы продать их в рабство. Возможно, я мог бы потребовать выкупа. Произошла печальная ошибка... Ридарета, так? А дальше?

Он с усилием складывал горловые звуки в слова, а те в свою очередь в предложения.

Девушка молчала.

– Назови свое имя, госпожа, – потребовал он уже решительнее. – Возможно, я плохо владею языком, но уверен, что меня можно понять. Прошу назвать полное имя или инициалы твоих родовых имен. Это не просьба, а

приказ.

Кирлан когда-то пытался совершить невозможное – перенести родовые инициалы на гаррийскую почву. Родовые имена появились много веков назад в Дартане, потом их перенял Армект. Однако они были абсолютно чужды гаррийским обычаям и традициям. Они прижились только на островах: жители их, не имевшие собственной аристократии, не протестовали, когда император, награждая за различные заслуги, даровал некоторым семьям статус Чистой Крови.

Девушка прикусила губу.

– Просто... Ридарета, – наконец ответила она.

Молчание затягивалось. Капитан смотрел ей прямо в лицо; она отвечала ему удивительно упрямым и непокорным взглядом. Кем она была, гром и молния?

– Ты можешь стать ценной заложницей, – сказал Рапис, – но можешь оставаться рабыней, как и прежде. Выбирай. Заложницу я могу обменять на золото. Рабынь я уже пробовал – ничего не вышло. Все женщины, какие есть на корабле, достанутся завтра матросам. Но здесь военный корабль, а не бордель, и потому матросские забавы продлятся самое большее день. Потом с рабынями будут забавляться рыбы.

Он в первый раз заметил на ее лице тень страха. И ужаса.

Капитан сел в просторное, удобное кресло и вытянул ноги на середину каюты. У имперских офицеров не было таких кресел. Он притащил его себе с того же барка, откуда взялись и женские платья в сундуке.

– У меня нет ни терпения, ни времени, ваше благородие, чтобы играть с тобой в вопросы без ответов, – спокойно сказал он. – Я хочу услышать твое полное имя. Спрашиваю в последний раз.

Девушка сжала губы.

Он ждал.

За дверью послышались шаги. В каюту вошел Эхаден, как обычно без стука.

– Я слышал... – начал он и тут же ошеломленно замолчал.

Рапис махнул рукой, показывая своему помощнику на девушку в прекрасном платье.

– Рыбацкая дочка, – представил он ее. – Зовут Ридарета. И ничего больше. Пройдись, – приказал он девушке. – Туда и обратно – ну, давай!

Девушка подчинилась. Она даже не пыталась притворяться... Эхаден пришел в себя. Отступив назад, он изумленно смотрел на ровную походку, прямую спину и высоко поднятую голову пленницы. Она ставила ноги на носок, а не на пятку, уверенно, не путаясь в платье.

– Откуда ты взялась в той деревне, госпожа? Почему не сказала... – начал офицер.

Рапис усмехнулся.

– Ну вот, – сказал он. – Позови еще Тареса, и окажется, что все офицеры, какие только есть на "Змее", спрашивают ее благородие об одном и том же. Хотя Тарес слишком глуп... Но Раладан наверняка бы спросил. Он немало помотался по свету.

Капитан пожал плечами.

– Возьми ее себе, – неожиданно добавил он. – Мне для этого терпения не хватит. Наша дама, – продолжал он на языке Кону, – сказала по-гаррийски слова два или три, зато с таким произношением, какого у меня никогда не будет, проживи я хоть сто лет. Она даже не пытается скрывать, что превосходно себя чувствует в этом платье, но полного имени тебе не назовет даже под страхом смерти. Моего терпения не хватит, – повторил он. – Возьми ее себе и выясни, кто она, поболтайте друг с другом по-гаррийски. Я уже сыт по горло этим твоим паршивым языком. Пленниц завтра отдай матросам, дела пошли неудачно, – он прищурился, – так что вместо серебра они получают женщин. А с этой поступай как хочешь. Только убери ее с глаз моих, иначе после того, что я сейчас с ней сделаю, от нее толку будет не больше, чем от Алагеры, когда мы ее в последний раз видели...

Дул западный ветер. "Морской Змей" быстро шел курсом галфвинд прямо на юг. Миновав Круглые Острова, они обогнули их и пошли дальше, через Замкнутое море.

Настроение команды было не самым худшим, хотя от пленниц, подаренных им Раписом, остались одни лишь воспоминания, и притом старательно скрываемые... Капитан пришел в неописуемую ярость, когда стало ясно, сколь разумны были принципы, которых он придерживался, и сколь глупо было пытаться от них отступить. Женщин набралось чуть меньше сорока; из-за самых молодых и красивых началась драка. Дошло до поножовщины, нескольких матросов ранили, а двое погибли. Боцману и гвардейцам – помощникам Раписа, еще из старой команды, – пришлось пустить в ход палки и бичи, чтобы снова навести порядок. Пленницам перерезали горло и вышвырнули за борт. Так закончились матросские забавы.

Раздраженный Рапис с неохотой поддался на уговоры Эхадена, позволив оставить еще на какое-то время на корабле таинственную одноглазую пленницу. В конце концов он согласился, но пообещал, что если только увидит девушку "где-нибудь на корабле", то прикажет тут же выкинуть ее в море. "Помни! – приказал он. – Держи ее на поводке, у себя; я не желаю больше ничего слышать ни о каких животных на борту". На том и порешили.

Была ночь. Эхаден проверил вахтенных на палубе и вернулся в каюту. Ридарета проснулась. В слабом свете покачивающегося фонаря она смотрела, как он расстегивает пояс, снимает камзол, а потом сбрасывает сапоги и стягивает штаны. Наконец он остался в одной рубашке.

– Я не сплю, – сказала девушка.

– Вижу.

Он присел рядом с ней на постель, задумчиво глядя в пол.

– Скоро осень, – сказал он. – Пора решать, что дальше.

– Что будет осенью? А, штормы...

– Штормы, – подтвердил Эхаден. – Пора бурь. Осенью никто не плавает по морям. У "Морского Змея" есть несколько укромных мест. Команда сойдет на берег, будет тратить заработанное серебро. На борту останутся несколько матросов и еще кто-нибудь. Может быть, я, может быть, он... Но ты точно не останешься. Придумай что-нибудь. Должен быть кто-нибудь, кто за тебя заплатит. Я не могу больше тебя защищать.

– Может, сбежим? – предложила она.

Он покачал головой.

– Кажется, ты уже однажды пробовала? – с мрачной иронией спросил он. – Я потерял целое состояние, заплатив тому матросу лишь за то, чтобы он не слишком тебя стерег. И что? В лесу случая не представилось, а на пляже...

– Тогда на пляже мне почти удалось, – возразила девушка.

– Почти.

– Ты его боишься, – заметила она.

– Я не знаю никого, кто бы его не боялся. Бесстрашный Демон. Это не обычное военное прозвище. Этот человек и в самом деле стал демоном. Я уже почти не в состоянии с ним разговаривать. С каждым месяцем, с каждой неделей все хуже и хуже. Может, дело в том камне, Гееркото. Не знаю. Он тебя не узнал. – Эхаден развел руками и беспомощно покачал головой. – Не узнал... – повторил он.

– Я лишилась глаза, – тихо напомнила девушка.

Он все еще качал головой.

– Ридарета, он тебя не узнал. Не узнал лица единственной женщины, которую любил, за всю свою жизнь. Понимаешь? Смотри, – он показал на собственное лицо, – я на нее похож, даже теперь, после стольких лет. Да или нет? И ты на меня похожа, очень похожа. Он этого не заметил.

– Мама рассказывала...

Эхаден не слушал.

– Он одел тебя в платье, заставил пройти... А до этого видел тебя обнаженной. У тебя ее рост, ее фигура, такие же волосы... – говорил он словно сам с собой. – Ты выглядишь точно так же, как выглядела она лет пятнадцать назад. Ведь я видел ее с детства, мы всегда были вместе...

когда ей было десять лет - и шестнадцать, как тебе сейчас... Не спорь со мной, - добавил он, хотя девушка молчала. - Если чье-то лицо и запомнилось мне на всю жизнь, то это лицо моей собственной сестры... Впрочем, что ты можешь об этом знать... - Он махнул рукой.

Ридарета молчала.

- А от него у тебя подбородок и рот, - добавил Эхаден. - Этого он тоже не заметил.

- Скажи ему, - тихо, но решительно попросила она.

- Нет! - резко возразил он. - Ты не знаешь, о чем говоришь, я уже пытался тебе это... Он тебя убьет, попросту убьет! Он не владеет собой, пойми! Он по-настоящему любит своих моряков, и что? Мне еще раз тебе рассказать, что он вчера приказал сделать с тем глуповатым матросиком?

Девушка покачала головой. Матроса протащили под килем. За мелкий, очень мелкий проступок. Он умер.

- Он тебя убьет, - повторил Эхаден. - Это армектанец. Он им был, есть и будет. Он не поверит! Уже шестнадцать лет он убежден, что Агенея ему изменила, сбежала, бросила... Это армектанец! - повторил он. - Он не поверит, что высокорожденную гаррийку, беременную от армектанского офицера морской стражи, лишь по этой причине могли держать взаперти в доме собственного отца в течение двенадцати лет! И тем более он не поверит, что после ее смерти тебя выгнали на улицу, как собаку! Это не по-армектански, понимаешь? Шернь, как же я все это ненавидел! - бросил он. - "Священная борьба за независимость Гарри"! Священная, столетняя ненависть к Армекту и армектанцам! Да, нас завоевали! Да, когда-то была война! Но на этом проклятом острове просто невозможно жить, и виноваты в том старые идиоты вроде моего отца! Твоего деда! - взорвался он. - Который проклял меня и лишил наследства лишь за то, что я нашел настоящего друга в лице армектанского солдата. Я тебе говорю, Ридарета, если бы завтра утром мне было суждено умереть, эта дружба стоила бы много больше, чем что-либо иное в моей жизни! Агенея это понимала. Как же я рад, - воскликнул он, - что этот старый дурак наконец умер! Шернь, а таких, как я и Рапис, называют преступниками!

- Перестань, - тихо сказала девушка. - Ты кричишь.

Эхаден сглотнул слюну.

- Да, кричу.

Он потер ладонями лицо.

- Рапис тебя убьет, - еще раз повторил он. - И меня вместе с тобой. Он не поверит, даже не попытается понять. Он не узнал тебя, понимаешь? Он решил, что ему изменила женщина, и вбивал себе это в голову шестнадцать лет. Он не узнал тебя. Он сделал все возможное, чтобы забыть о той измене, и ему это удалось. Он и в самом деле все забыл.

- Ведь он знает твою историю, значит, может быть...

- Да, он знает мою историю, но в нее не верит, - прервал он ее. - А может быть, даже и верит, но... - Он беспомощно развел руками. - Тебе известно о существовании Полос Шерни, и все это знают. И что с того? Тебе понятно, в чем их суть? Ты знаешь, на чем зиждется Шернь? Так и тут. Рапис знает мою историю, но ничего в ней не понимает. Что, пойдешь теперь к нему и что скажешь? Что ты путешествовала с бедным торговцем, что оказалась на острове как раз тогда, когда?... А перед этим о восстании и о том, что Агенея... - Он снова развел руками. - Сама слышишь, как все это звучит. И что с того, что правда именно такова?

Они замолчали.

- Спи, - наконец сказал он.

Она лишь грустно улыбнулась в ответ.

Эхаден лег рядом с девушкой и повернулся к ней спиной. Однако он не мог заснуть до самого утра. Он понимал, сколь большое влияние на судьбы отдельных людей могут оказать события далекого прошлого. Жизнь Ридареты, жизнь Раписа, его собственная жизнь, наконец... Все было решено еще тогда, когда никого из них даже не было на свете.

Гарра была завоевана не без причин. Властитель королевства Армект мог еще терпеть обременительные нападения пиратов с Островов на южноармектанские селения, однако после захвата Дартана король Армекта стал владыкой Вечной Империи и не мог смотреть сквозь пальцы на опустошения в новообретенных, самых богатых провинциях. Архипелагами Замкнутого моря

нелегко было завладеть, еще труднее было их контролировать и удерживать. Из отстоящего на сотни миль Кирлана Острова казались лежащими на краю света, хотя до них было не дальше, чем до северных границ Громбеларда или юго-восточных – Дартана. Однако в Громбеларде и Дартане находились имперские легионы, власть же осуществляли имперские Князья-Представители. Тем временем из сотен и тысяч островов Замкнутого моря ни один не годился в качестве центра, откуда можно было бы контролировать столь обширную морскую территорию. Единственным подходящим для этого местом была Гарра. Следует признать, что первым шагом империи была попытка заключить вооруженное перемирие с заморским королевством; в конце концов, обитавшие на островах разбойники одинаково докучали как армектанцам, так и гаррийцам. Но перемирие заключено не было...

Ни одна еще война не была для Армекта столь кровавой.

Первое предупреждение прозвучало, едва было завоевано Замкнутое море. Островки рыбаков-пиратов, у самых берегов континента, удалось усмирить без особого труда. Дальше, однако, простиралось Замкнутое море, зажатое в клещи многочисленных архипелагов, вытянувшихся двумя огромными грядами. Корабли пиратов с Островов топили один имперский парусник за другим. Победа была в конце концов одержана, но лишь потому, что морские разбойники не в состоянии были заключить друг с другом какой-либо союз: их просто раздавили по очереди.

А потом пришла война с Гаррой. Морские сражения империя проиграла – все до единого. За несколько лет, ушедших на восстановление почти полностью уничтоженного флота, была потеряна половина с таким трудом добытых островов. Морские силы империи были перевооружены – основным кораблем стал фрегат, построенный по образцу гаррийского корабля; тяжелые, с глубокой осадкой, малоповоротливые барки совершенно не годились для военных действий в окружавших Гарру самых предательских водах мира. Под защитой могучей армады корабли с солдатами на борту вновь отправились завоевывать заморский край. В крупнейшем морском сражении всех времен парусники гаррийцев устроили новым имперским фрегатам настоящее побоище. Однако часть транспортных кораблей все же добралась до Гарры. Сухопутные силы острова были слабыми, их командование – неумелым. Имперские легионеры, действуя в невероятно трудных условиях, на чужой территории, лишенные помощи и снабжения, сумели, однако, занять крупные портовые города. Флот гаррийцев, в распоряжении которого остались лишь случайные пристани, не приспособленные для того, чтобы принимать военные корабли, можно было уже не рассматривать как решающую силу...

Разъяренные масштабом своих потерь, армектанцы, обычно весьма мягко относившиеся к жителям покоренных земель, устроили на них настоящую охоту. Трудно было найти семью, где не оплакивали бы мужа, сына или брата. Остров превратился в гигантский эшафот, жестоко подавлялись любые проявления неприязни, а тем более враждебности к новым властям. Дорргел, столицу и крупнейший порт Гарры, город-поклонник старой Дороны, буквально сровняли с землей, раз за разом поджигая не до конца уничтоженные огнем развалины. Результаты подобных действий не заставили себя долго ждать. Извечная неприязнь гаррийцев ко всему с континента превратилась в неприкрытую ненависть. Быть настоящим гаррийцем означало ненавидеть все армектанское. Морская Провинция стала постоянным источником беспокойства. Давно уже умерли все те, кто помнил независимое Королевство Гарры. И тем не менее для многих гаррийских родов гаррийка, связавшая свою жизнь с армектанцем, заслуживала лишь презрения.

Рапис и его дочь были жертвами закончившейся столетие назад войны.

Светало, когда с палубы донесся сдавленный крик вахтенного матроса. Вскоре послышался смешанный ропот матросских голосов. Эхаден, уставший и невыспавшийся, отбросил одеяло. В то же мгновение где-то рядом хлопнула дверь.

– Вахтенный!

Эхаден узнал голос Раписа. Послышались шаги. Какой-то матрос заговорил – быстро, испуганно:

– Господин, я хотел...

– Я приказал разбудить меня до рассвета! Приказал?! Ну и?!

Раздался глухой удар, матрос взвыл, словно с него живьем сдирали кожу. Затем дверь с грохотом распахнулась, и Рапис ворвался в каюту Эхадена.

Офицер вскочил.

- Ты со шлюхой?! - прорычал капитан. - Где я, что это за корабль?!

Эхаден ощутил внезапный приступ гнева.

- Не смей называть ее шлюхой! - крикнул он.

- Знаешь, что творится?! Мы торчим в самой середине конвоя! В эту ночь командовать должен был ты!

- Не смей называть ее шлюхой!

- _Конвой!_ Ради всех морей, что с тобой?!

Капитан с яростью толкнул офицера в грудь. Эхаден отлетел к стене. Он выхватил меч. Молчавшая до сих пор девушка закричала. Не владея собой, Эхаден замахнулся на нее, неожиданно для самого себя.

- Хватит! - рявкнул он.

Девушка смолкла.

В каюте внезапно наступила тишина. Несколько мгновений все трое не двигались с места. Первым опомнился капитан.

- Эхаден, мы находимся посреди конвоя, - изо всех сил сдерживая себя, сказал он. - На палубу.

Он повернулся и вышел. Эхаден без единого слова, как был, в одной рубашке и с мечом, двинулся следом.

На палубе собралась вся команда. Прибежал боцман.

- Два купца и военный по правому борту, капитан!

Рапис растолкал матросов и встал у фальшборта. В сером рассветном сумраке, среди тумана, не далее чем в трех милях наискосок от носа маячили три мачты с голубыми парусами. Это был большой фрегат. Чуть дальше виднелись два неуклюжих купеческих барка.

Рапис и Эхаден переглянулись. Офицер встал у грот-мачты.

- Бортовые батареи!

На палубе началось столпотворение. Канониры бросились к орудиям.

- Абордажные команды!

Матросы, под предводительством Тареса, помчались к оружейным арсеналам.

Рапис спокойно разглядывал шедший с юго-востока фрегат. Он медленно двигался поперек ветра, с той же скоростью, что и тяжело нагруженные, глубоко сидевшие в воде барки. Туман рассеивался; на корабле стражи уже заметили пиратов, и теперь там шли лихорадочные приготовления к сражению и напряженная работа с парусами. Еще мгновение - и имперцы сменили курс. Фрегат шел теперь на всех парусах прямо наперерез "Морскому Змею". Все отчетливее были видны серебристые шлемы столпившихся на баке и юте лучников. Нос парусника окутался дымом, раздался грохот, и два пушечных ядра взметнули два фонтана воды. Фрегат стражи испытывал дальнобойность своих орудий, но расстояние было еще слишком велико. Раписа крайне удивил подобный бесполезный расход пороха. Имперцы считали пушки чем-то вроде грохочущих луков - и точно так же их использовали. Морская стража до сих пор не работала сколько-нибудь разумных принципов применения этого - в некоторых случаях весьма действенного - оружия.

- Пойду на абордаж! - крикнул он Эхадену.

Офицер кивнул. Рапис подозвал боцмана, который тут же вручил ему топор с широким лезвием. Матросы начали собираться вокруг своего капитана. Стоявший у мачты Эхаден начал отдавать команды.

- Раладан, право руля! - кричал он. - Бизань-шкот выбрать! Левый грот-шкот!..

Замешательство на "Змее", казалось, нарастало, громко хлопали паруса. Но подобный хаос был лишь кажущимся - корабль лег на борт, разворачиваясь...

- Раладан, так держать! Так держать!

Оба корабля шли теперь прямо навстречу друг другу. Когда между ними оставалось не более ста шагов, на палубу "Змея" упали первые стрелы, посланные с бака фрегата. Послышался грохот падающих тел, раздался крик боли и проклятия. Фрегат пытался повернуть, но на середине маневра кто-то там, судя по всему, передумал... Рапис пожал плечами, когда имперский корабль снова окутали клубы дыма, ядра обрушились в море. Капитан "Морского Змея" знал причины подобной неразберихи. Имперцы постоянно терпели поражения от пиратов, поскольку за десятки лет так и не сумели понять разницу между наземным и морским сражением... Имперские войска, как легионы, так и морская стража, руководствовались нерушимым армектанским

принципом, повелевавшим отделять солдат от всяческих тыловых служб. Солдатское ремесло было профессией, освященной традициями; обслуга военных лагерей на суше и моряки на море солдатами не считались. Однако на армектанских равнинах обозы не шли в первых рядах – на море же трудно было высадить моряков перед сражением... На приближавшемся фрегате кто-то один командовал войском, а кто-то другой – управлял кораблем... Капитан, формально командовавший парусником, фактически был лишь комендантом находившихся на борту солдат, понятия не имея, чем отличаются штаги от вант. Он был вынужден действовать через посредство своего первого помощника-моряка (который, естественно, не мог быть солдатом), что в горячке сражения приводило к плачевным результатам. Однако армектанцы с достойным лучшего применения упорством отдавали свои парусники под командование превосходных, заслуженных бойцов... совершенно не знавших морского дела. Рапис сам был армектанцем и знал и ценил традиции своей страны. Однако он вполне разумно полагал, что здесь, на Просторах, им не место.

Расстояние между противниками сокращалось, на палубу "Морского Змея" сыпалось все больше стрел. Пиратская команда не оставалась в долгу, но стражники стреляли более метко... Высокий, плечистый Рапис отшатнулся и с нескрываемым изумлением уставился на торчащую под самой ключицей стрелу. Окружавшие его моряки в ужасе закричали. Капитан спокойно сжал рукой древко и выдернул стрелу, с нарастающим удивлением разглядывая наконечник. Он не чувствовал ни малейшей боли... Ему давно уже не приходилось быть раненным, даже контуженным, и он понятия не имел, сколь благоприятен для него Гееркото, которым он обладал.

Матросы, видя презрение, с которым их капитан отбросил прочь вырванную из груди стрелу, снова закричали, на этот раз торжествующе. Вокруг падали убитые и раненые, корабли встретились, сошлись почти борт к борту, – и лишь тогда, с минимального расстояния, заговорили пушки "Морского Змея". Корабль вздрогнул и покачнулся, окутавшись клубами вонючего дыма, но сквозь них на мгновение мелькнул выщербленный фальшборт фрегата, разрушенная надстройка на баке и опустошение, произведенное среди такелажа. Парусники разминулись и разошлись в разные стороны. Однако на "Морском Змее" уже звучал приказ разворачиваться, пока раненый фрегат переваливался с волны на волну, удерживая прежний курс и не в состоянии нормально маневрировать. Рапис и Эхаден беспрепятственно могли догнать противника и окончательно вывести его из строя с помощью орудий по правому борту. Учитывая время, необходимое, чтобы зарядить пушки, потопить большой военный корабль с помощью одной лишь артиллерии было нереально. Однако на "Морском Змее" никто и не собирался развлекаться подобным образом. Речь шла о том, чтобы причинить как можно больше повреждений, а затем – пойти на бордаж.

Преследуемый фрегат пытался отстреливаться из кормовых орудий, но с тем же результатом, что и прежде. "Морской Змей" без труда поравнялся с беспомощным парусником. Там отчаянно пытались освободить корабль от обременительного балласта, в который превратилась поваленная мачта; солдаты и матросы путались в порванном такелаже. Шедший борт о борт с фрегатом пиратский корабль свел их деятельность на нет залпом из бортовых орудий. Не обращая внимания на стрелы, сыпавшиеся с фрегата, матросы Раписа ловко бросили абордажные крючья, соединив корабли канатами, зацепились баграми за борт. Дикий рев, вырвавшийся из двух сотен глоток, заглушил команды имперских офицеров. Толпа вооруженных людей хлынула на палубу фрегата. Матросы прыгали через фальшборт, цеплялись за ванты, падали прямо на головы солдат, во главе с полутора десятками наиболее опытных головорезов – остатков старой команды Раписа. Солдат подавили одним лишь численным превосходством; организованное сопротивление захлебнулось через несколько минут. Началась смертельная погоня; разбойники хватали убежавших солдат и матросов, после чего без церемоний швыряли их за борт. Сражение угасало. По знаку капитана пираты со знанием дела подожгли фрегат с носа и кормы. Лишь только доски охватило пламя, Рапис дал команду возвращаться. Добычу не брали – ведь оставались еще два больших, нагруженных товаром барка; пока грабили бы фрегат, они могли сбежать. Канаты, связывавшие парусники, перерезали, отцепили багры. Стоявшие у борта моряки Раписа с шумным весельем наблюдали за беспомощно

метавшимися в пламени оставшимися в живых солдатами и матросами. Огонь быстро распространялся, вспыхнули паруса, такелаж и Мачты. "Морской Змей" отошел от пылающего как факел корабля самое большее на четыреста шагов, когда оттуда в панике начали прыгать в море человеческие фигурки. Мгновение спустя взлетели на воздух пороховые склады на корме. Корабль резко наклонился, до ушей пиратов донеслись крики и вопли. Потом взорвались запасы пороха на носу. Команда "Змея" радостно завопила.

Рапис с улыбкой наслаждался зрелищем. Потом он повернулся и смерил взглядом расстояние, отделявшее "Морского Змея" от пытающихся скрыться купцов. Барки разделились; неплохое решение. Он мог завладеть лишь одним. Четыре мили, не больше. Капитан позвал лоцмана и коротко переговорил с ним, потом подошел к Эхадену.

- Раладан говорит, что потребуется время. Мне тоже так кажется. Мы можем ссориться и дальше, - без тени улыбки сказал он. - Но не знаю, стоит ли.

Офицер покачал головой:

- Похоже, ты ранен? Перевяжи.

Рапис машинально поднес руку к ключице.

- Совсем забыл... - с искренним удивлением и недоверием сказал он. - Ничего не чувствую.

- Команде ты, во всяком случае, понравился, - чуть насмешливо согласился Эхаден. - Надо признать, ты и впрямь произвел на них немалое впечатление.

Рапис внимательно посмотрел на него.

- Ты не понял, - с нажимом произнес он. - Мне не было больно, Эхаден. Слышишь? Мне плевать на то, что думает обо мне команда, я не собирался перед ними красоваться, просто ничего не почувствовал. Это... нехорошо, - туманно закончил он.

Несколько мгновений они смотрели на матросов, все еще разглядывавших пылающий остов фрегата. Эхаден нахмурился.

- Что, тот камень? - спросил он, избегая взгляда капитана. - Тот Рубин?

Рапис, поколебавшись, кивнул:

- Похоже, так, - потом тихо добавил, хотя среди возгласов команды его все равно не мог бы услышать никто посторонний: - Я боюсь, Эхаден... Слышишь? Я не знал, что даже так... - Он замолчал.

"Боюсь". Эхаден все еще избегал взгляда капитана. Рапис, признававшийся в том, что чего-то боится, был чем-то... невероятным.

- Давай поговорим. Сейчас оденусь, - он показал на рубашку, составлявшую всю его одежду, - и поговорим. У тебя? - наполовину предложил, наполовину спросил он.

Капитан покачал головой:

- Мне не хочется разговаривать, Эхаден, не сейчас. Мне хочется сражаться. Сожгу этого купца, потом приду к тебе поговорить. Хочу проверить... - Он не договорил. - Скажи, - неожиданно спросил он, - ты не заметил, что я как-то... изменился?

Эхаден почувствовал, как что-то неожиданно сдавило ему горло.

- Ради всех сил мира, - тихо сказал он, - я сто раз говорил, чтобы ты выбросил эту дрянь в море. Сделай это наконец. Никто из нас понятия не имеет, что это, собственно, такое и чему служит. Выброси.

- Я изменился? - настойчиво повторил Рапис.

Офицер направился в сторону кормы. Сделав два шага, он остановился и повернулся, приложив палец ко лбу.

- Вот здесь, - сказал он. - Все у тебя там перемешалось, уже полгода с тобой невозможно договориться. Сначала ты бежишь от одного корабля, потом кричишь, что намерен напасть на весь флот империи. Убиваешь матросов, которые ничего не сделали. Говоришь о вещах, которых никогда не было. Не узнаешь... - Он замолчал и глубоко вздохнул. - Выброси этот камень. Лучше прямо сейчас, ну! Ты меня спрашиваешь, изменился ли ты? Я, друг мой, надеюсь лишь на то, что все это по вине того самого Гееркото. Выброси его!

Он развернулся кругом и направился в свою каюту, оставив капитана в одиночестве стоять у грот-мачты.

С невооруженным барком расправились точно так же, как до этого с фрегатом морской стражи. Будь то другой корабль, Рапис, возможно, и подумал бы о том, чтобы захватить его в плен, но теперь это не имело никакого смысла – старый медленный гроб тащился бы за "Змеем", словно привязанное к ноге ядро. Проще было перегрузить товар (если он того стоил), чем путешествовать в подобном обществе.

Удар от столкновения бортов обоих парусников едва не сбил капитана с ног. Горстка солдат, сопровождавших груз, сгрудилась вокруг мачты. Их прирезали в мгновение ока, хотя они и бросили оружие, а затем матросы разбежались по всем закоулкам корабля в поисках добычи.

Когда Рапис добрался до кормы, его разбойники уже были там, штурмua двери, ведущие в помещение на юте.

Капитан, опершись на топор, терпеливо ждал, пока не поддадутся петли. Наконец он дождался; орда матросов ворвалась внутрь. Он двинулся следом за ними. В углу довольно большого квадратного помещения приканчивали какого-то мужчину, рядом двое матросов держали за волосы еще не старую, отчаянно визжавшую женщину. Придя в ярость, они начали колотить ее головой о стену, пока она не перестала сопротивляться. Затрещало разрываемое платье. Рапис поднес к губам свисток:

– Вон отсюда. Забрать труп. И эту тварь тоже.

Матросов как ветром сдуло. Когда женщину вытащили из каюты, вопли на палубе стали громче. Рапис начал обыскивать помещение. В распоряжении матросов был весь корабль, но каюта хозяина барка принадлежала лишь ему. Найдя карты, капитан бегло проглядел их, некоторые отбросил в сторону, остальные свернул в рулон и сунул под рубашку на груди. Потом собрал все, что можно было обменять на золото, сложил в стоявший в углу каюты ящик и занялся перетряхиванием содержимого сундуков. В одном из них обнаружилась солидных размеров шкатулка. Он открыл ее. Золото. Одобрительно кивнув, он бросил шкатулку в ящик, забрал еще несколько мелочей, наконец сорвал с койки покрывало из великолепного бархата. Именно такое и было ему нужно. Он взвалил ящик на плечо и вышел. Матросы плясали вокруг большой открытой бочки, в которой утопили схваченную женщину; наружу торчали только голые ноги и пухлая задница, которую все поглаживали и похлопывали, ко всеобщему веселью. Кто-то пнул ее ногой, давая пример другим. Труп подергивался в бочке. Матросы ревели от счастья, наслаждаясь красным напитком.

Рапис в одно мгновение понял – корабль шел с грузом вина.

– Отставить! – крикнул он. – Прочь от бочки!

Подбежав, он вырвал у одного из матросов наполненный вином шлем и попробовал сам. Вино было первосортное, а стало быть, дорогое. Когда-то именно таким образом он стал владельцем целого состояния. Отшвырнув шлем, он оттолкнул рослого детину, хлебавшего драгоценный напиток прямо из бочки, наполненной, казалось, в основном светлыми женскими волосами.

– Отставить! – повторил капитан.

Он подозвал Тареса.

– Займись перегрузкой, – приказал он. – Нет ничего, что легче было бы продать. Только быстро!

– Есть, господин капитан!

Таща с собой ящик, он снова перебрался на "Морского Змея". За спиной послышалось веселое пение матросов:

Ветер морской, морячки, эту правду вам скажет.

Скажет ветер тебе всю правду, моряк,

Хей-хо! хей-хо!

Радуйтесь, братья, когда гибнет враг.

Хей, хей-хо!

Труп толстяка толст, как свинья,

Толст толстяка толстого труп.

Хей-хо! хей-хо!

Радуйся брат, вся добыча – твоя!

Радуйся, брат, и добычу бери!
Хей, хей-хо!

Эхаден стоял на том же месте, у мачты. Рапис подошел к нему.

– Стоишь? – весело спросил он. – Ну стой. Последи за перегрузкой, там хорошее вино. Я приказал Таресу, но Тарес... ну сам знаешь.

Эхаден кивнул, не говоря ни слова.

Вскоре Рапис стоял перед дверью своей каюты. Поколебавшись, он после короткого раздумья вошел внутрь и поставил ящик на пол. Он осторожно вынул карты и лишь потом, беззаботно и с шумом, перетащил ящик в угол. Достав шкатулку, он взвесил ее в руке, после чего пошел в каюту Эхадена, приоткрыл дверь и бросил ящичек внутрь. Подарок для друга.

Об одноглазой он вспомнил лишь тогда, когда она вскочила, испуганная шумом от падающих на пол золотых монет. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

– Ну как, у госпожи рабыни уже появилась какая-нибудь фамилия? – язвительно, но без всяких дурных намерений спросил Рапис: настроение у него было не самое худшее.

– Убирайся! – крикнула она, все еще вне себя от страха... и тут же об этом пожалела.

Капитан окаменел.

– А ну иди сюда, – сказал он. – Никто на этом корабле никогда со мной так не разговаривал. Получила от меня в подарок старую тряпку и решила, что все можно?

Девушка попятилась. Капитан вошел в каюту и, сделав три быстрых шага, схватил ее за лицо и ударил головой о стену, точно так же, как матросы – ту женщину на торговом барке. Она вскрикнула от боли; вцепившись ей в шею, он развернул ее и резко толкнул к двери. Девушка рухнула на пол, у самого порога, ударившись головой о косяк. Пнув ногой лежащее тело, он схватил в горсть густые каштановые волосы и снова выволок девушку на середину каюты. Она со стоном ползла за ним на четвереньках, пытаясь смягчить боль.

– Я превратил корабль в бордель... и теперь жалею... – отрывисто говорил капитан, со все нарастающей злостью. – Пора навести порядок...

Наклонившись, он схватил ее за горло, без усилий поднял на ноги и швырнул спиной о стену. Отпустив ее, он отступил на шаг и вытащил меч. Он чувствовал... странное облегчение. Словно исправлял некий недосмотр.

– Не надо! – всхлипнула девушка, ошеломленная ударом и болью. – Не надо, пожалуйста...

Неожиданно вернулся непонятный страх, который настиг его тогда, в каюте, когда он разговаривал с ней в первый раз. Но теперь уже не было отвратительной пустой глазницы, растрепанные волосы закрывали даже повязку на глазу... и лицо это было нормальным лицом женщины. Однако это пугало его еще больше, и он отчаянно желал стереть эти черты, отправить их в небытие, может быть в прошлое... к старым, погребенным в глубинах памяти воспоминаниям... поскольку именно там было им место. В прошлом... Да, в прошлом... В прошлом.

Рапис коснулся острием меча ее шеи, затем чуть приподнял запястье, намереваясь вонзить клинок под углом вниз. Он несколько раз быстро сглотнул слюну. Сейчас вид его был ужасен... Девушка схватилась за волосы.

– Не надо! – плача, крикнула она. – Ты не узнаешь меня?! Ведь я... Не узнаешь меня? Не узнаешь? – спрашивала она, продолжая рыдать; она хотела сказать "отец"... но она никогда прежде не произносила этого слова, не удалось ей выговорить его и сейчас. – Не узнаешь меня, _Рапис_?.. Посмотри на меня, прошу тебя... Пожалуйста. Я верю, что ты меня узнаешь...

Слезы текли по изуродованному лицу, начиная капать на пол. Капитан отступил на полшага и медленно отвел клинок в сторону. Внезапно он отшвырнул меч, поднял руки и начал тереть ими лицо. Девушка сползла по стене и сжалась в комок на полу, не переставая плакать. Рапис стоял неподвижно, все еще закрыв руками лицо; наконец он опустил их, и она увидела блестящие, нервно бегающие, широко открытые глаза безумца.

– Ты зря сюда пришла, Агения, – хрипло сказал он, снова сглотнув слюну. – Я искал тебя столько лет, я хотел... Но потом я боялся, что тебя найду... – бормотал он. – Что я тебя найду и что мне придется тебя убить, Агения... Ты зря сюда пришла. Ты ушла... и незачем было возвращаться... Я

думал о тебе на том пляже, там, где пленницы... Я думал о тебе, знаешь?

Девушка медленно выпрямилась, в глазах ее нарастал ужас. Крепко прижавшись к стене, опираясь о нее спиной и руками, она сделала неверный шаг к выходу. Потом второй. Ее всю трясло.

- Зря... - бормотал капитан, качая головой. - Зря, Агенея. Зря...

Он протянул руки и, взяв ее лицо в ладони, мягко коснулся большими пальцами дрожащих губ. Потом опустил руки ниже и сомкнул пальцы на горле единственной женщины, которую любил и которая отплатила ему изменой.

Он снова сглотнул слюну.

Море было спокойным, и Эхаден полагал, что с перемещением груза никаких проблем не будет. Носы парусников связали крепче, кормовые части же освободили, чтобы открыть разгрузочный люк барка. Это было довольно рискованное предприятие, поскольку корпуса кораблей могли снова столкнуться по всей длине, раздавив всех, кто оказался бы между ними. Однако Эхаден, посоветовавшись с плотниками, Раладаном и Таресом, решил, что попытаться стоит; чтобы перетащить большие бочки через люки на палубе, требовалось куда больше времени и труда. Спустили обе шлюпки "Морского Змея" и связали их канатами с кормами обоих парусников; сидевшие на веслах матросы должны были следить, чтобы корпуса не приближались друг к другу больше, чем было необходимо. На баке и юте поставили матросов с баграми. Эхаден, не особо раздумывая, приказал проделать дыру в фальшборте каравеллы, напротив разгрузочного люка барка. Для корабельных плотников впоследствии не представляло никакого труда устранить повреждения. Нашли подходящие толстые и длинные балки (пригодились опоры надстройки на носу барка), после чего парусники соединили достаточно прочным и вместе с тем раскачивавшимся вместе с корпусами помостом. Вскоре перекатали первую бочку. С помощью довольно сложной системы тросов и блоков ее опустили в трюм "Змея". Эхаден мог быть доволен. Он передал Таресу руководство погрузкой, Раладану - опеку над кораблем, после чего отправился на корму сказать капитану, что все идет как по маслу. Сначала, однако, он зашел к себе в каюту, желая избавиться от неудобной и уже ненужной кольчуги, а также от меча, который лишь мешал при работе. Он открыл дверь - и едва устоял на ногах...

Девушка в разорванном платье, полуобнаженная, лежала на полу, не подавая никаких признаков жизни. Бедрa ее были широко разведены в стороны. Рапис сидел на корточках между ее колен. Задыхаясь от ужаса, Эхаден шаг за шагом обошел его по самой большой дуге, как только было возможно, вдоль стены. Судорожно ловя ртом воздух, он смотрел то на лицо друга, то на слипшиеся от клейкой жидкости волосы на лобке девушки... На лбу у него выступили капли пота.

- Нет, во имя Шерни... - прохрипел он. - Что ты наделал, Рапис... Что ты наделал?

Сидевший на полу поднял на него угасший взгляд. Он медленно раскачивался, вперед и назад...

- Зря она вернулась, - сказал он. - Зачем ты ее привел? - жалобно спросил он. - Ну? Зачем?

Он медленно полез за пазуху и достал большой красный камень. Рубин Дочери Молний, Гееркото.

- Я хотел его сегодня выбросить. Зря... Предметы всегда верны, изменяют лишь люди. Твоя сестра... - Он вдруг замолчал. - Твоя сестра, правда... - задумчиво повторил он. - Знаешь, я почти забыл. Забыл, что она - твоя сестра, Агенея.

Эхаден, не в силах прийти в себя, вытащил меч.

- Больше мы не будем вместе ходить по морям, - сказал он. - Не приближайся ко мне. Ты... сумасшедший. Знаешь, кого ты убил? Знаешь, с кем... кому... - Дыхание его участилось. - Она была... - Он выставил перед собой оружие. - Для тебя все кончено, Рапис. Все кончено... Ничего от тебя не осталось, совсем.

Угасший взгляд безумца неожиданно вспыхнул. Рапис вскочил и вцепился в угрожавшего ему мечом Эхадена. Оба рухнули на пол. Какое-то время они пытались бороться, но могучий капитан "Морского Змея" быстро одержал верх. Он вырвал меч из руки офицера, придавил коленом извивающееся тело - и

ударил острием, сверху. Эхаден дернулся и вытянулся на полу.

Рапис медленно поднялся.

- Одни предатели, - сказал он, тяжело дыша. - Зря ты это сделал. Не нужно было сюда ее приводить... Измена, всюду измена. И ты ее привел! - взорвался он.

Лицо умирающего было бледным, почти белым. Окровавленные пальцы сжимали торчащий из груди клинок.

- Откуда я ее... привел? - тихо спросил он. - Из прошлого?..

Капитан перевел дух.

Эхаден закашлялся, изо рта у него пошла кровь.

- Дурак... - выдавил он. - Посмотри на нее. Ну... посмотри. Разве это может быть Агеней? Ты изнасиловал... убил... ее дочь. Вашу... твою дочь. По... нял? Дочь...

Рапис наклонил голову и пошевелил губами. Дочь...

Эхаден умер.

Капитан стоял над телом.

Он посмотрел на упавший на пол Рубин, потом перевел взгляд на лицо лежащей неподвижно девушки, потом снова на Рубин, на Эхадена, на Рубин, на девушку... Опершись спиной о стену, он тихо, тяжело вздохнул - как ребенок, медленно присел возле лежащей, взял ее на руки, перенес на койку Эхадена и поправил обрывки платья. Девушка вздрогнула и снова замерла. Ее дыхание было неровным и хриплым.

- Я не убил ее, Эхаден. Я хотел... но не смог. Не смог...

Рапис почувствовал головокружение. Он снова склонился над лежащей, но неожиданно потерял равновесие и оказался на полу. Он хотел встать - и рука его коснулась окровавленных, порезанных мечом внутренностей, вывалившихся из-под камзола и рубашки. Он смотрел на них, но не понимал, что видит. Он не чувствовал боли.

Он ничего не чувствовал...

Эхаден умел держать в руках оружие. И отдал его не так просто.

Капитан прикрыл глаза. Потом тяжело перевернулся на спину и, опершись на локоть, посмотрел на изнасилованную девушку.

- Что ты говорил, Эхаден? Что кто... что это кто?.. Повтори, Эхаден. - Внезапно он заплакал. - Дочь. Моя дочь... Только теперь уже поздно, Эхаден. Что мы сделали со своей жизнью, Эхаден? А может, кто-то это с нами сделал? Скажи мне, друг.

Он с усилием сел, вытянул руку и осторожно дрожащими пальцами коснулся щеки девушки.

- Ридарета, - сказал он, все еще плача. - Мою дочь зовут Ридарета... Маленькая гаррийская принцесса.

Рапис с трудом встал и, держась за стену, на нетвердых ногах вышел из каюты. Какое-то время он стоял в тени надстройки, затуманенным взором наблюдая, как матросы ловко перегружают бочки с вином с торгового барка. Он долго над чем-то размышлял, наконец крикнул, вернее, хотел крикнуть, но просто сказал:

- Раладан!

Его услышал какой-то матрос.

- Да, господин капитан! - услужливо крикнул он. - Лоцман! Лоцмана к капитану!

Рапис повернулся и пошел к себе в каюту, слабеющими руками придерживая мягкий горячий клубок, скрытый под камзолом и рубашкой. По дороге он еще раз заглянул в каюту Эхадена. Он бросил взгляд на лицо друга, на блеснувший на полу Рубин, наконец долго смотрел на все еще неподвижную Ридарету. Потом двинулся дальше, держась за стену. Он открыл дверь в свою каюту, сделал два неуверенных шага - и упал.

- Скорее, Раладан, - тихо проговорил он. - Скорее, Раладан. Приди ко мне.

Веки его потяжелели. Он все еще не чувствовал никакой боли.

- Приходи, Раладан. Скорее...

Светало. Море было спокойным, дул легкий северо-западный ветер. Палуба огромного корабля без флага на мачте была пуста, если не считать спавшего посреди канатов на корме матроса и неподвижно стоявшего у мачты лоцмана. Застывший взгляд полуприкрытых глаз лоцмана был направлен куда-то в сторону горизонта. Могло бы показаться, что это не человек, а каменная статуя.

Кроме легкого поскрипывания такелажа и плеска воды за кормой, на палубе не было слышно никаких других звуков. Но вот где-то в глубине корабля раздался грохот, словно кто-то с размаху захлопнул дверь.

Лоцман даже не дрогнул.

Стук повторился, и из люка на палубе выглянула сначала голова, а затем и вся коренастая фигура старого боцмана. Встав посреди палубы, он огляделся по сторонам.

- Раладан; - хрипло спросил он, - что там?

Вопрос был не вполне ясен, но лоцман, видимо, понял, так как покачал головой и - не отрывая взгляда от горизонта - коротко ответил:

- Без Раписа ничего с этими скотами не сделать.

Боцман еще раз окинул взглядом грязную палубу, на которой валялись какие-то тряпки и кусок ржавого железа, посмотрел на неаккуратно поставленные паруса и сжал кулаки.

- Сучье отродье, - пробормотал он. - Всего одни сутки... Даже вахтенные. Сучье отродье... Я их, сукиных детей, научу.

Словно в ответ на слова боцмана, из-под палубы донесся шум: кто-то кричал, другой пытался его перекричать. На фоне воплей зазвучало пьяное пение.

- Они еще пьяные, Дороль, - сказал лоцман. - Всю ночь пили. И ты вместе с ними. Только ты перестал, а они не перестанут, пока ром не кончится. Тогда они вышвырнут нас за борт.

- Не вышвырнут. Не вышвырнут, Раладан.

Дороль спустился под палубу. Еще мгновение - и пение смолкло. Потом раздался яростный рев нескольких голосов, в нем звучала угроза. Кто-то пронзительно завизжал, что-то грохнуло, потом еще раз; шум стал ближе, наконец на палубу выскочил тощий длинный парень в одних портках. Следом за ним появилась коренастая туша боцмана. Парень с диким воем подскочил к нему и ударил кулаком в широкое брюхо. Боцман лишь засопел и ударил в ответ. Пират рухнул на палубу.

Следом за ними на палубу полезла остальная команда. Некоторые размахивали ножами, а у одного в руке был топор. В адрес боцмана посыпались многоэтажные проклятия.

Тощий матрос поднялся и снова попытался напасть на боцмана. Дороль толкнул его в грудь, снова опрокинув на палубу. Потом повернулся к остальным и бесстрашно пошел им навстречу, один против сорока. Пьяные вопли стали громче, наконец трое бросились на него с ножами. Дороль схватил двоих за шеи и с размаху стукнул лбами, отшвырнув их, словно тряпичные куклы. Вытянув перед собой исполосованный ножом кулак, он ждал третьего.

Тот испугался было, но мгновение спустя вой раздался с новой силой, и все вместе шагнули вперед.

Тут кто-то споткнулся и упал, конвульсивно дергаясь.

Наступила гробовая тишина. Тело на досках замерло. Пьяные расступились, с внезапным ужасом глядя на мертвеца.

Стоявший у мачты Раладан все так же, не отрываясь, смотрел в море, но его правая рука ритмично двигалась. Три ножа мелькали в воздухе, описывая короткую дугу и уверенно возвращаясь в ладонь.

Боцман был не один.

В тишине, лишь изредка ругаясь и поглядывая исподлобья на труп, матросы снова полезли под палубу, толкаясь в тесном отверстии люка. Последними тащились избитые. Дороль поднял труп и вышвырнул его за борт.

- Море забрало, - сказал он и сплюнул.

Раладан слегка кивнул и, продолжая пристально разглядывать горизонт, поймал ножи и сунул их за пояс и голенище. Дороль присел на бухту каната у мачты, сорвал с шеи платок и обмотал им руку.

- Две башки я все-таки разбил, - сказал он. - Где Тарес и остальные?

Лоцман кивнул в сторону кормы:

- Тарес с Одноглазой. А остальные тоже нажрались.

Боцман стукнул кулаком о мачту и снова сплюнул, болезненно поморщившись.

- Эхадена окрутила, теперь его, - со злостью проговорил он и снова суеверно сплюнул. - Гром и молния, хоть бы Эхаден был жив! Его они тоже боялись. Не так, как капитана, но все-таки. А Тарес слишком слаб. Люди его любят, но никто не боится. Хоть бы чуть-чуть боялись, но нет - никто не боится.

- Он разбирается в картах и приборах. И читать умеет.

- Ну и что с того, что он разбирается в картах? Ты тоже в них разбираешься, да и без карт справишься. Я сам видел, как ты вел корабль сквозь шторм, и он шел среди рифов, словно у него были собственные глаза. И будто бы ты букв не знаешь?!

Раладан молчал.

- Из старой команды мало кто остался, - продолжал Дороль, - а все эти новички не моряки, а одно название. Рапис еще мог держать их в узде, поскольку они его боялись и потому слушались. Но Тарес - далеко не Рапис. - Он тяжело поднялся. - Надо его разбудить.

Широкими шагами боцман направился в сторону кормы. В коридоре он наткнулся на девушку. Увидев его, она быстро отступила к какте, которую прежде занимал Эхаден. Ее испуг странным образом смягчил жесткое сердце моряка. Оказалось, что вместо того, чтобы забавляться с Таресом, она испуганно прячется по углам.

- Не бойся, малыш. - Мягкий тон не подходил к его хриплому басу, и слова, вопреки его намерениям, прозвучали как издевка. - Я не акула...

Однако она уже закрыла за собой дверь. Боцман пошел дальше и постучал в каюту капитана. Ему хотелось верить, что из-за двери послышится могучий голос Демона...

Но нет.

Он вошел внутрь. Тарес полулежал на столе, тихо похрапывая. Дороль потряс его за плечо.

- Уже утро, господин.

Офицер тут же проснулся и посмотрел на него почти осмысленным взглядом:

- Что?

- Утро, господин, - повторил боцман.

- Утро... - Тарес тряхнул головой и потер лицо. Боцман продолжал стоять.

- Что там, Дороль?

- Плохо, господин. Все пьяны. Никого на вахте, никого на мачте. Сплошной бордель, а не корабль.

Тарес наморщил лоб.

- Хорошо, Дороль, мы за них возьмемся, - сказал он. - Возвращайся на палубу.

- Так точно, господин.

Боцман вышел, горько усмехаясь.

"Мы за них возьмемся..."

Никаких распоряжений не последовало.

Тарес погладил рукоять лежавшего на столе меча. Он прекрасно понимал, в какой ситуации оказался. Понимал лучше, чем мог догадываться Дороль.

Он был слишком слаб для того, чтобы удержать команду в подчинении, и знал об этом. Он мог выйти на палубу и отдать приказ ставить паруса. Он мог проложить курс и навести более или менее приемлемый порядок. Он был вторым помощником Раписа, и команда привыкла его слушаться. Но не более того.

Капитан не только командир. Он еще и судья... Теперь награждать и карать должен был Тарес. Он знал, что к подобному никто не отнесется всерьез. Лишь наказание, наложенное Раписом, могло быть справедливым. Лишь награды, полученные из рук Раписа, могли быть заслуженными.

А теперь наказывать должен был он. За беспорядок, за бардак на корабле,

за самоволие, за пьянство... Если сейчас он пустит все на самотек, то с этих пор ему придется закрывать глаза на все и всегда – первый шаг в сторону полного упадка дисциплины. Потом они не станут слушать даже приказа ставить паруса. Будут грабить все, что удастся награть, бессмысленно, дико... и найдут свой конец на реях какого-нибудь стражника. А до того дележ добычи будет происходить среди драк и убийств, он же ничего не сможет сказать, не то что сделать... Нет. Подобного допустить было нельзя.

Но он не мог ничего предотвратить. Он был слишком слаб. Для них он был лишь вторым помощником капитана. И он знал, что останется им до конца дней своих, независимо от того, как будут его именовать. Останется человеком, ответственным за снабжение продовольствием, оружием и пресной водой. Не более того.

Время шло... Тарес сидел не двигаясь с места, погруженный в размышления. Он вздрогнул лишь, когда тихо скрипнула дверь.

В дверях стоял Раладан.

Когда Дороль отправился будить Тареса, лоцман нашел девушку. Как он и предполагал, она была в каюте Эхадена. Сидя на большом ящике у стены, она посмотрела на вошедшего враждебно и вместе с тем испуганно. Раладан закрыл за собой дверь.

– Я знаю, кто ты, госпожа, – без лишних слов сказал он.

Девушка медленно встала. В глазах ее он увидел страх и удивление.

– Каким... чудом? – чуть хрипло спросила она.

Он показал на низкий табурет:

– Можно мне сесть, госпожа?

Она машинально кивнула.

Лоцман сел и положил руки на колени, сплетя пальцы.

– Я друг, – сказал он, глядя ей прямо в лицо, – и хочу, чтобы ты мне поверила... Да, я знаю, я пират и разбойник, – казалось, он читал ее мысли, – но прежде всего я человек, которому твой отец дважды спасал жизнь... Я не успел отплатить ему тем же. – Он помолчал, затем продолжил: – Однако твой отец, госпожа, оставил завещание. И я должен его исполнить. Я разговаривал с капитаном, прежде чем он... умер.

Девушка снова села на ящик.

– Меня это не волнует, – тихо ответила она.

Он кивнул.

– Может быть... Но это не освобождает меня от обязательства, данного капитану.

Девушка молчала.

– Я знаю, вернее, догадываюсь, что произошло тогда, – с нажимом сказал он, глядя ей в лицо. Девушка внезапно побледнела. – Я также знаю, что твой отец не вполне владел собой, оказавшись во власти некоего... неких сил. Думаю, тебе тоже следует об этом знать.

Она опустила голову.

– Меня это не волнует, – повторила она еще тише.

– Хорошо, госпожа. Но, независимо от того, что тебя волнует, а что нет, ты должна знать, что твой отец перед смертью поручил мне опекать тебя. Такова была его последняя воля.

Девушка подняла голову и долго смотрела ему в глаза.

– Я не желаю ничьей опеки.

Лоцман развел руками.

– Меня это не волнует, – сказал он, подражая ее словам.

Молчание затягивалось.

– Возможно, это наш первый и последний разговор, поскольку я вижу, что ты пытаешься изо всех сил усложнить мне задачу. Но я не уйду отсюда до тех пор, пока не скажу всего. То, что сделал с тобой Рапис, ужасно. Я не требую, чтобы ты простила ему все, полюбила его самого и жизнь, которую он вел. Ты можешь испытывать ненависть, презрение, отвращение... все, что хочешь. Но есть люди, которым капитан дал столько, сколько ты не могла бы дать за всю свою жизнь. Я хочу, чтобы ты это поняла. Я требую этого, госпожа.

Он заметил, как дрогнули ее губы, и понял, что зацепил нужную струну ее

души.

Раладан немного подождал. Она не просила, чтобы он говорил дальше, но и не требовала, чтобы он ушел. Поняв ее молчание как знак согласия, он начал тщательно подбирать слова.

- Ты находишься на пиратском корабле, - сказал он. - Хочешь ты того или нет, но ты останешься на нем по крайней мере до тех пор, пока мы не пристанем к какому-нибудь берегу. А теперь уясни себе, кто ты, что тебе можно, а чего нельзя... Тарес никогда не будет капитаном этого корабля, - помолчав, продолжал он. - А если его даже и назовут так, то от этого ничего не изменится. "Морской Змей" обречен, он пойдет ко дну раньше, чем полагает кто-либо из его команды.

Девушка пожала плечами:

- Меня это...

Неожиданно она замолчала и слабо улыбнулась.

- Да, на этот раз меня это и в самом деле не волнует, - закончила она.

Раладан кивнул:

- Меня тоже. Пусть идет ко дну. Но может быть, лучше... без нас?

Девушка нахмурилась:

- Разумно...

Лоцман помолчал, взвешивая каждое слово.

- Ты должна принять на себя командование, госпожа, - наконец без обиняков заявил он.

Девушка изумленно посмотрела на него.

- Это шутка? - спросила она.

Он покачал головой:

- Ты дочь Демона. Этого достаточно, чтобы тебя боялись. От страха до послушания - один шаг.

Она смотрела ему в глаза не говоря ни слова, все так же изумленно. Наконец она чуть прикусила губу.

- Понимаю. Ты либо сошел с ума, либо издеваешься надо мной. Я должна стать предводительницей бандитов?

- В команде есть такие, кто никому не станет подчиняться, если только не будет бояться. И их большинство.

- И что с того?

Девушка неожиданно встала.

- Чего ты от меня хочешь? - спросила она. Ее изумление не проходило, напротив, оно, казалось, все возрастало, по мере того как она осознавала, что на самом деле означает предложение лоцмана. - Чего ты от меня хочешь? - повторила она. - Чтобы я вела убийц на резню, чтобы я похищала людей из селений, так же как похитили меня? Чтобы я убивала и приказывала убивать? Чтобы я держала в страхе толпу диких, озверевших матросов? Этого ты хочешь? Я должна перевязать себе голову тряпкой и продеть серьгу в нос? - Она насмешливо фыркнула.

Лоцман сохранял невозмутимое спокойствие.

- Нет, госпожа. Я не требую ничего подобного... кроме, может быть, двух последних пунктов.

- Двух... последних?

- Именно. Здесь достаточно подходящих костюмов, чтобы переодеться королевой пиратов... Ну и еще нужно, чтобы ты и в самом деле вызвала у них страх, непреодолимый страх. И уважение.

Девушка начала кое-что понимать. Она снова села.

- Продолжай.

- Подумай, госпожа: девушка, женщина на корабле. Единственная. Одна-единственная. Кем она может быть, если не будет капитаном?

Он покачал головой.

- Вот именно, - продолжил он. - Поэтому нужно, чтобы ты стала капитаном. Команда должна узнать о том, кто ты такая. А как только они начнут тебя слушаться, дальше все пойдет как по маслу. Никакой резни, сражений или грабежей не требуется. Только до ближайшего берега.

Девушка слушала, прикусив губу.

- То, что ты говоришь, кажется разумным... Но я не умею. Не смогу. Что мне делать, что говорить? Как выглядеть?

- Тебя ждет трудная задача, госпожа, - согласился Раладан. - Но я думаю, ты справишься. Постараюсь тебе помочь. А ты постарайся мне не

мешать. – Он встал. – Сперва я поговорю с Таресом.

8

Оба оценивающе разглядывали девушку.

– Нет, ради Шерни, только не это, – сказал офицер.

Раладан хладнокровно сидел на корточках у стены, нетерпеливо копаясь в сундуке.

– Чересчур она красива, – сказал он почти со злостью, когда Ридарета вышла, чтобы примерить очередное платье. – Одноглазая... и тем не менее красивая. А время идет.

Они переглянулись. Был уже полдень.

Взгляд лощмана остановился на брошенном в угол каюты черном атласном платье.

– Самое то, – пробормотал он.

Он постучал в дверь, ведущую в капитанскую спальню, и вошел.

– Госпожа...

Девушка стояла прислонившись к стене, неподвижным взглядом уставившись в угол. Платье, которое она собиралась надеть, лежало на полу.

– Нет, – бесстрастно произнесла она. – Вся это один лишь полнейший бред.

Она оторвала спину от стены и попыталась было обойти Раладана, но он встал у нее на пути.

– Время уходит, госпожа. – Он протянул ей черное платье. – Это последняя примерка, обещаю.

Девушка смотрела ему прямо в лицо.

– Пирата ты из меня все равно не сделаешь, одно лишь посмешище. Тебе это нужно?

Раладан продолжал держать платье в вытянутой руке.

– Последнее платье, госпожа.

Она медленно взяла его.

Оба молча ждали. Тарес кружил по каюте. Раладан стоял опершись о стену. Наконец скрипнула дверь.

Черное платье сильно изменило девушку, прибавив ей роста, сделав ее более суровой и серьезной; казалось, она стала намного старше. Теперь она выглядела почти так, как им и хотелось.

– Драгоценности, – сказал Раладан.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Тарес понял, что имеет в виду лощман. Он нахмурился и хотел что-то сказать, но вместо этого лишь повернулся и вышел. Оказавшись у себя в каюте, он вытащил на ее середину довольно большой тяжелый сундук и открыл крышку. Сверкнуло золото и драгоценные камни.

У него задрожали руки, когда он перебирал все эти богатства. Он выбрал самые красивые браслеты и перстни, а также богато украшенное ожерелье. Однако, подумав, он отложил его в сторону и заменил другим. Точно так же он заменил и часть браслетов. Он менял перстень за перстнем, украшение за украшением на менее сверкающие, менее дорогие; наконец перед ним оказалась груда дешевой, часто лишь позолоченной бижутерии, почти ничего не стоившей... Нет, не мог он отнести ей _это_...

Тяжело вздохнув, он снова начал рыться в сундуке. Однако к самым красивым предметам он не притрагивался, не в силах расстаться с этими безделушками... В конце концов он выбрал лишь холодное серебро, но зато прекраснейшей работы, маленькие шедевры. К ним он добавил ожерелье с бриллиантом, завернул все в разноцветный лоскут, а остальное быстро спрятал обратно в сундук, который с облегчением задвинул под койку, и вернулся в капитанскую каюту.

– Это тебе, госпожа, – сказал он, высыпая украшения на стол. Послышался

чистый, мелодичный звон серебра. – Только на время, – предупредил он.

Девушка невольно усмехнулась.

Раладан принес зеркало и держал его перед собой, пока девушка примеряла драгоценности. Вместе с Таресом они внимательно разглядывали ее, с тем все возрастающим восхищением, которое свойственно мужчинам, наблюдающим за прихорашивающейся женщиной. Раладан, стараясь сохранить серьезный вид и морща лоб, пытался реагировать на каждый жест девушки, касавшийся положения зеркала. Выше... ниже... наклонить... Наконец она закончила и коротко фыркнула, увидев невероятно сосредоточенные физиономии обоих мужчин. Несмотря на недавние тяжкие испытания, беззаботная девичья натура порой брала верх.

– Что дальше?

Выглядела она просто великолепно.

– Не знаю, – сказал Тарес. – Что было у Алагеры?

– Бич, – ответил Раладан. – Но никто его не боялся.

– Бич? – удивленно спросила девушка.

– Бич. Она все время носила его с собой.

Они помолчали.

– Перевяжи чем-нибудь волосы. Платком. Ты выглядишь неприступно, и это хорошо, но они должны видеть в тебе и что-то для них привычное. Бича не будет, – решительно сказал лоцман.

Он явно взял бразды правления в свои руки.

– Найди Дороля, – обратился он к Таресу. – Пусть пришлет двоих с палками. Наших, из старой команды. Скажи ему, кто с сегодняшнего дня командует кораблем, но так, чтобы об этом узнали все. Капитан, – повернулся он к Ридарете, – любил стоять на юте, откуда хорошо виден весь корабль. Мы пойдем туда. Ты облокотишься о релинг и будешь просто стоять и смотреть – ничего больше. Мы же пустим команду галопом. Они будут носиться по палубе и тарашить на тебя глаза. Ты должна вести себя так, словно на "Змее" нет никого, кроме тебя. Поняла, госпожа?

Девушка машинально кивнула; ее хорошее настроение быстро улетучивалось.

– Иди, господин, – сказал Раладан офицеру.

Тарес кивнул и вышел.

– Они еще не знают, что корабль лишился командира, – продолжал Раладан, покачиваясь на каблуках. – Вчера они предали морю капитана и первого помощника, но потом всю ночь пили, и до них еще не дошло, что случилось. Если бы Демон воскрес и появился здесь, их бы это даже не удивило... Вместо него появишься ты, госпожа. Они привыкнут видеть тебя там, где всегда видели капитана. Разнесется весть о том, что ты его дочь. А потом начнутся приказы, обычные, понятные приказы, такие же, как всегда. Словно ничего не изменилось, словно Демон по каким-то своим делам сошел на берег и передал командование дочери. Все получится, – уверенно сказал он.

Девушка испуганно покачала головой – нет.

– Все получится, – повторил он. – Я знаю этих людей, знаю, о чем они думают и что чувствуют. Ты выглядишь превосходно, и, если не упадешь в обморок, не выскочишь за борт или не начнешь кричать, просто не может не получиться. Слышишь, госпожа? – Он мягко, но решительно взял ее под руку. – Ну, топай на палубу... капитан. Не запутайся в платье, когда будешь подниматься на ют. Алагера ходила в штанах. Вот только Алагеру никто не слушал... Ну, давай!

Почти силой он выволок ее из каюты на палубу.

– Наверх, – приказал он, показывая на узкий трап. – На ют. Сейчас вернусь! – обещал он, видя ее испуганный взгляд. – Я оставил на руле двоих надежных людей, но за ними все же нужен присмотр... Ну иди же! – нетерпеливо прошипел он.

Несколько матросов играли в кости прямо посреди главной палубы. Из люка за их спиной появилось двое крепких детей, а за ними еще двое моряков. Раладан подозвал первых двоих и показал им пальцем на Ридарету, стоявшую на юте. Наклонившись, он что-то долго им объяснял. Подтвердив пущенную Таресом и боцманом весть, он добавил:

– Чтоб охраняли ее как следует. Если кто-то косо посмотрит на ее благородие, сразу дать ему по морде. Демон поручил вам заботиться о его дочери. Заботиться! – с нажимом повторил он. – Понятно?

Старые гвардейцы капитана Раписа не раздумывая кивнули.

Раладан пошел на руль.

Необычная вестъ взволновала команду. На главную палубу вылезало все больше матросов. Собравшись группками, они бродили туда-сюда, то и дело бросая неуверенные взгляды на одинокую черную фигуру на юте. Опершись спиной о прочный деревянный барьер, она, казалось, не обращала на них ни малейшего внимания...

Как только Раладан и Тарес снова оказались рядом с ней, она тут же вопросительно посмотрела на них. Девушка чуть побледнела, но владела собой.

- Ну и?... - спросила она.

- Клянули, - спокойно ответил Раладан. - Вижу, что клянули. Дороль сейчас их соберет в кучу.

Тарес утвердительно кивнул.

Тотчас же, словно по условленному сигналу, раздался громовой рык боцмана. Несколько "стариков" под его руководством собирали матросов в большое стадо на кормовой палубе. Стадо... Обычное быдло, ничего больше - Ридарета видела это совершенно отчетливо. Она еще больше побледнела.

- И я теперь... должна... - заикаясь, начала она.

- Ты должна стоять здесь, госпожа, - с кривой усмешкой сказал Раладан. - Просто стоять, и все. Пока ни слова.

Толпа внизу постепенно успокаивалась, матросы тупо, бессмысленно переглядывались. Кто-то отхаркался и хотел было сплюнуть, но вовремя удержался. Другой обернулся к товарищам.

Волны ритмично били о борт, ветер свистел в снастях.

Она была дочерью капитана...

Ведь они видели ее уже не впервые. Но теперь... теперь они видели ее иначе, ибо в лице ее были черты Демона - его четко очерченный рот, форма подбородка... Вне всяких сомнений, это была дочь Демона...

Они молча стояли и смотрели на нее.

Раладан наклонился к девушке.

- Скажи что-нибудь, госпожа, - негромко проговорил он. - Мне, пару слов.

- Но что? - так же негромко спросила она; он стоял так близко, что видел, как дрожат ее колени. - Тебе?..

- Что угодно, они все равно не услышат. А может быть, станешь настоящим капитаном?

Нахмурившись, она посмотрела на него:

- Отлично, мне как раз требовалось немного гнева... Дороль!

Команда напряженно следила за их тихим обменом фразами. Раладан знал, что делает, - именно так Демон разговаривал со своими офицерами.

Боцман вышел вперед.

- Найдешь виновных в беспорядках, - приказал Раладан. - По тридцать бичей, Дороль.

Он снова повернулся к Ридарете:

- Понимаешь, госпожа?

Она кивнула.

- Весь ром за борт! - снова крикнул он, пытаясь перекрыть шум моря. - Немедленно!

И он, и Тарес уже знали, что победили. Обрадованный Дороль, у которого, как и у каждого боцмана, было больше всего причин опасаться своеволия и упадка дисциплины в команде, замахнулся палкой.

- Ну, пошли! - рыкнул он. - В чем дело? Падаль!

Толпа матросов ожила. Раладан с едва скрываемым удовлетворением смотрел то на них, то на Ридарету.

- Вот и вся тайна власти, - сказал он. - Главное - показать себя, госпожа. Как видишь, вовсе не обязательно, чтобы ты им приказывала. Достаточно, если они будут так думать.

Он посмотрел на носившихся внизу матросов.

- Что дальше? - с нескрываемым облегчением спросила девушка.

- Что прикажешь, капитан.

Она неуверенно посмотрела на Тареса. Вид у него был не менее довольный.

- Думаю, пора ложиться на какой-то вразумительный курс, - сказал он. - Мы не можем все время кружить на одном месте. Во всяком случае, не здесь.

- И то правда, - согласился Раладан. - Капитанские каюты с этого

момента принадлежат тебе, госпожа. Иди туда. Не к чему стоять здесь и смотреть так, словно ты не уверена в том, выполняются ли твои приказы. А ты, господин, – обратился он к Таресу, – займи каюту первого помощника. Я займу твою. Сейчас я разберусь со всеми делами, а потом приду к тебе с картами и приборами.

Он посмотрел вслед спускавшейся с юта паре, потом подозвал Дороля и отдал несколько коротких распоряжений.

Ридарета и Тарес скрылись в своих каютах.

"Морской Змей" медленно шел поперек ветра на юго-восток, прямо к берегам Гарры. Уже вскоре они должны были увидеть окружавшие ее острова, но лишь издалека. Они не могли пристать ни к одному из них, поскольку острова со стороны континента были слишком густо заселены и обычно на них размещались гарнизоны Морской Стражи Гарры и Островов, а иногда и Гаррийского Легиона. Скорее следовало обойти Гарру вокруг и высадиться с южной стороны. Там было несколько небольших пристаней и рыбацких портов, где почти не было солдат, а порой вообще забытых. Нужно было спешить: приближалась осень, пора штормов. Осенью движение на Просторах замирало; море было столь капризным, что о мореплавании не стоило даже и думать. Яростные штормы могли разнести в щепки любой корабль. Даже такой большой, прочный и надежный, как "Морской Змей".

Обычно с началом осени Рапис распускал команду, после чего с небольшой группой наиболее доверенных людей отводил корабль в какое-нибудь укрытие. Потом он отправлялся на берег, собирая сведения от хорошо оплачиваемых шпионов. Когда в начале зимы команда собиралась снова, он уже располагал информацией о кораблях, которые должны были везти особо ценные товары: золото, обученных рабов, дорогие ткани, высокопоставленную особу, за которую можно было получить выкуп...

Тарес знал, что девушка и лоцман не собираются следовать примеру Демона. Раладан хотел довести корабль до места, где они могли бы сойти на берег, и все. Дальнейшая судьба "Морского Змея" и его команды его не интересовала. Сначала Тарес с ним соглашался, не веря, что на корабле удастся навести хоть какой-то порядок. Однако теперь ситуация была несколько иной.

Произошло невероятное: дисциплина укрепилась, во всяком случае она была не хуже той, что поддерживал Рапис. Матросы хотели, чтобы ими командовали! Естественно, не кто попало. Однако память о Бесстрашном Демоне была слишком свежа; его легенда, сделавшая его великим уже при жизни, теперь давала силы его дочери – так это воспринималось.

И послушание было полным. Наказание бичами было принято беспрекословно, никто не возразил и против выброшенных за борт бочек с ромом. Матросы остервенело драили палубу, словно пытаются отработать все свои прежние проступки. Заправски управлялись с парусами, любой приказ исполнялся в мгновение ока. Вахтенные исполняли свои обязанности столь добросовестно, что их мог бы похвалить даже Рапис. А в тот день, когда Раладан разрешил, от имени Ридареты, вскрыть захваченный с торгового барка запас вин, матросы до поздней ночи пили за здоровье Одноглазой. Тарес подумал тогда, что, если бы удалось и дальше командовать кораблем от ее имени, "Морской Змей" снова мог бы стать самым грозным парусником на Просторах. Однако он знал, что убедить девушку не сможет. Возможно, мог бы помочь Раладан, единственный, кому Одноглазая полностью доверяла. Но Раладана не интересовал корабль. Казалось, его ничто не интересовало – кроме девушки.

Раладан был на корабле важной персоной. Его боялись, не только из-за его ножа... Он был лучшим лоцманом из всех, кого Тарес знал и о ком слышал, или попросту – лучшим на Просторах. Его способности казались просто магическими. Он мог вести корабль по любым водам и при любой погоде; целые эскадры преследовавших "Морского Змея" парусников, как правило значительно меньших размером и с не столь глубокой осадкой, разбивались о рифы, среди которых невредимой проходила каравелла, которую вел Раладан. Среди окружавших Гарру островов столь большие корабли никогда не ходили, использовали лишь некоторые хорошо известные пути. "Морской Змей" был исключением. Касаясь обшивкой скал – с треском и скрипом, – он входил в укромные бухты, которые во время отлива почти превращались в

маленькие озерца. Матросы говорили, что если в рифах есть проход, который шире корабля на локоть, то Раладан сквозь него пройдет, если только под килем найдется воды хоть на палец.

Даже Рапис считался с Раладаном. Много раз приходилось слышать, как он просил у лоцмана совета. Может быть, еще только Эхаден пользовался подобным уважением.

Тарес прекрасно понимал, что на фоне легенды, живым продолжением которой была девушка, и популярности, которой пользовался Раладан, его влияние на команду было ничтожным. Он не в состоянии был заставить этих двоих остаться на корабле, тем более не в силах был заставить девушку играть роль капитана – вопреки ее воле.

Офицер не знал (впрочем, и не мог знать), что перед Раладаном и Ридаретой стоят проблемы куда более серьезные, чем вопрос командования кораблем...

9

Окаменевшие волны были оловянно-серого цвета; даже клочья пены на их гребнях не сияли обычной белизной. На грязно-сером небе, таком же неподвижном, как и вода, не было ни облачка. Линия горизонта просто не существовала. Где-то там, далеко, каменное море сливалось со стальным куполом в одно целое, но не было ничего, что можно было бы назвать границей обеих стихий. Раладан стоял на высоком скалистом гребне и смотрел вдаль. Мертвое небо, лишенное туч, было ему безразлично. Однако вид застывшего неподвижно моря причинял ему боль. Просторы, символ вечной жизни и существования во веки веков наперекор всем могущественным силам, не могли окаменеть.

Лоцман закрыл глаза, а когда снова их открыл – увидел Ридарету. В глухой тишине она бежала по волнам в сторону берега, а за ней, настигая ее, катилась тьма. Единственное движение в застывшей пустыне – мрачная черная масса, напоминавшая тучу, а может быть, густой клуб дыма. Раладан бросился к краю уступа, желая помочь девушке, но будучи отчего-то уверен, что не может коснуться ногами твердых волн, иначе он окаменеет так же, как и они.

Хищная тьма клубилась все ближе, догоняя убегающую из последних сил девушку.

Ридарета не видела ни стального неба, ни гранитного моря. Не видела она и преследовавшей ее угрюмой тучи. Она стояла посреди огромного зала-пещеры, не в силах определить, в каком именно месте бурые стены переходят в пол... Четкая граница отсутствовала. Девушка слышала монотонный скрежет над головой, который становился все громче, словно кто-то двигал тяжелый каменный блок по другому такому же камню. Задав голову, она попыталась разглядеть потолок чудовищного зала, но взгляд ее увяз в холодном мраке. Скрежет нарастал, и девушка вдруг поняла, что это именно потолок медленно опускается к ней. Она точно это знала и ощутила страх, ибо остановить монументальную плиту не в состоянии был ни один человек. Она была отдана на милость механизма, который мог остановиться – или нет.

Скрежещущий потолок, все еще скрытый в темноте, все быстрее и быстрее опускался вниз...

Охваченный ужасом Раладан знал, что преследующий девушку чудовищный стук – это смерть. Он не мог ей помочь, не знал как. Он был последней живой частью Просторов и был уверен, что стоит ему шагнуть на волны – и он

окаменеет, подобно им.

Девушка была обречена. Ей предстояло погибнуть среди вездесущей тишины, став жертвой зловещей тьмы. Каким образом он мог ей помочь? Как он мог бороться с тем, что ее преследовало?

Где-то далеко, на самой границе, дальше которой не достигал взгляд, виднелась черная точка, столь маленькая, что форму ее невозможно было различить... Раладан вдруг понял, что это – малая часть той самой огромной клубящейся тучи, часть, оставленная вдали, чтобы та не мешала! Он понял, что это спасение... И в то же мгновение, едва он осознал, что это такое, – тишина взорвалась! Странная точка на горизонте уже не была неподвижной, она вздрагивала, словно пытаясь вырваться из невидимых пут. Сквозь грохот море и небо содрогнулись от имени:

"РАЛАДАН!"

Ветер усилился. Девушка была недалеко от берега, но уже не бежала. Она лежала на гребне неподвижной волны, пытаясь заслониться от надвигающейся черноты. Тот самый голос, который так хорошо знал Раладан, сражался с бурей:

"РАЛАДАН! РАЛАДАН, ПРИЗОВИ МЕНЯ! ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА И ПРОКЛЯТОЕ ПЕРЕМИРИЕ! ПРИЗОВИ МЕНЯ! МЕНЯ ДОЛЖНЫ ПРИЗВАТЬ ПРОСТОРЫ!"

Лоцман протянул руки к черной точке в непроглядной дали. Он не в силах был издать ни звука, но одного этого жеста было достаточно в качестве призыва, которого требовал Демон...

Невидимые пути поддались! Черная точка устремилась к мрачной массе, все увеличиваясь; теперь она была уже пятном, большой глыбой, разбивающей окаменевшие волны, мчавшейся на полной скорости... Внезапно Просторы ожили! Тьма, несшая смерть Ридарете, замедлила свое движение, но тень, несшая спасение, все так же летела ей навстречу... Раладан услышал крик тонущей в море девушки и бросился в волны. Когда его голова и плечи показались над водой, он увидел, как мчащийся призрак врежется в стену мрака.

Всклипывая от ужаса, Ридарета сидела на твердом полу, глядя на уже видимый неровный потолок, медленно, но неумолимо приближавшийся к ней. Оглушительный скрежет не прекращался, до гигантской плиты можно было достать рукой, встав во весь рост... Девушка закричала, но среди неопишуемого шума ее голос обратился в ничто. Скорчившись на полу, оглушенная, она была уверена, что конец уже близок. Внезапно она вскочила, в порыве безнадежного отчаяния пытаясь сразиться с неизбежным; она готова была удержать падающий потолок...

"НЕ ВСТАВАЙ!"

Помощь пришла ниоткуда. Посреди странного кровавого сияния полумрак, заполнявший пространство между полом и потолком, внезапно стусился, закружился в вихре, приобретая форму. Знакомый голос гремел сильнее, чем опускающаяся плита:

"НЕ ВСТАВАЙ! ОНО ПРИШЛО ЗА ТОБОЙ!"

Девушка упала на колени, обхватив голову руками. Она не хотела ничего видеть, но продолжала слышать громовой, полный гнева и безысходности голос:

"НЕ ВСТАВАЙ, РИДАРЕТА! НЕЛЬЗЯ ВСТАВАТЬ!"

Ее окутало нечто, напоминавшее алый светящийся шар. Могучие удары сотрясали падающий потолок. С грохотом и шумом вокруг рушились каменные глыбы, минуя алый шар, соскальзывая по его поверхности, устилая пол тысячами обломков. Девушка стонала, изо всех сил прижимая руки к вискам. На мгновение она открыла глаза – и увидела тень гиганта, согнувшегося под тяжестью потолка. Огромный кулак с силой сотни молотов ломал потрескавшуюся плиту... Она снова закрыла глаза.

"НЕ ВСТАВАЙ, РИДАРЕТА! НЕ ВСТАВАЙ!"

Все еще крича, Раладан отбросил одеяло, вскочил, зашатался, ударившись головой о стену. Боль привела его в чувство, но не избавила от страха; с отчаянно колотящимся сердцем он бросился к Ридарете, чуть не высадив с разгона дверь. Тяжело дыша, он остановился на пороге капитанской спальни.

Висевший под потолком за его спиной фонарь отбрасывал в каюту тусклый колеблющийся свет; его было достаточно, чтобы различить в темноте лежащую в смятой постели девушку. Лицо ее было мокрым от пота, грудь, однако, двигалась спокойно и размеренно. На какое-то мгновение ему показалось, что спящую окружает нечто вроде красноватого ореола... Но нет... Даже если что-то такое и было, то исчезло.

Раладан оперся дрожащей рукой о стену.

Постояв так, он в конце концов выпрямился и собирался уже уйти, когда взгляд его упал на лежащий в углу темно-красный камень. В глазах лоцмана вспыхнуло изумление, но в ту же секунду в дверь постучали. Он вышел из спальни и открыл. В полумраке белели лица матросов из ночной вахты.

- Господин...

Он устало покачал головой:

- Все в порядке. Стоять вахту.

Матросы ушли.

Он закрыл дверь и какое-то время стоял неподвижно. Рубин за его спиной на мгновение вспыхнул ярко-красным светом.

Камень лежал на столе - большой, темно-красный, почти черный, мертвый. Они молча смотрели на него.

- Это всего лишь сны... - сказала Ридарета, но тут же замолчала, ибо рубин сном не был. Сразу же после похорон Демона его бросили в море... Однако он вернулся.

Раладан думал о том же самом.

- Нет, во имя Шерни, - сказал он, показывая на камень. - Нет, госпожа. Никогда прежде мне не снились подобные кошмары, - помолчав, добавил он. - Два кошмара за одну ночь... одного и того же содержания... Это _было_, госпожа.

Он уже успел все ей рассказать, умолчав лишь о своей роли в схватке с черной массой, поскольку это звучало бы как хвастовство.

- Если ты прав, это значит... что он, твой капитан, каким-то образом... жив, - медленно сказала девушка. - Нет, не могу поверить. Возможно, он спас мне жизнь, хотя это звучит подобно бреду... Но я не хочу, понимаешь? Не хочу быть ничем ему обязанной!

Она внезапно встала, смахнув рубин со стола.

- Выброси его! - рявкнула она. В моменты злости лицо ее становилось некрасивым, и повязка на глазу, к которой он уже привык, неожиданно четко выделялась на совершенно новом фоне.

Наклонившись, он осторожно поднял камень.

- Думаю, это неразумно, госпожа. Этот рубин - Гееркото, Темный Предмет... Лучше им не швыряться. - Он поднял взгляд. - Наверное, ты все же должна его носить.

Девушка лишь покачала головой, сжав губы.

- Что же с ним в таком случае делать? Думаю, тебе дал его Демон... твой отец.

Она снова покачала головой:

- Я не хочу, чтобы он мне что-либо давал... Ради Шерни, неужели этот человек даже после смерти должен сражаться, разрушать...

- Он защищал тебя, госпожа.

- И что с того? Я не просила о помощи, во всяком случае не его...

Лоцман встал и, заложив руки за спину и сделав несколько шагов, остановился у стены, задумчиво покачиваясь на каблуках. Он один из немногих носил сапоги. Даже Дороль бегал босиком. Но Раладану не нужно было лазить по вантам.

- Почему ты столь упорно его ненавидишь, госпожа? - спросил Раладан. - Выслушай меня, прошу тебя... На свете нет ничего полностью белого, но нет ничего и совершенно черного. Я уже однажды пробовал тебе это объяснить. Рапис умер, но по каким-то причинам Шернь не приняла его. Он был необычным человеком и остался таким даже теперь, после смерти. Думаю, он желает каким-то образом... искупить свою вину, хотя бы в отношении тебя. Может быть, тебе грозит некая опасность, от которой он пытается тебя предостеречь...

- Все это чересчур надуманно. Будешь теперь ходить и толковать сны?

Даже если они и имеют какое-то значение, сомневаюсь, что мы сумели бы его понять.

Он покачал головой:

- Но капитан... стал каким-то другим. Скажи: если бы он был жив и захотел стать другим, ты тоже пробовала бы ему в этом помешать?

Она сидела на краю стола, машинально водя по нему пальцами.

- Это не он стал другим... Он хочет, чтобы я стала другой.

Молчание.

- Станный ты пират, странный человек... Как ты попал на этот корабль? Кто ты вообще такой?

Раладан опять не ответил.

Девушка подняла взгляд:

- Будь он жив, я не хотела бы иметь с ним ничего общего.

- Даже если бы из-за этого он должен был остаться пиратом?

Она долго не отвечала, потом устало сказала:

- Не знаю. Не мучь меня.

Наступила долгая тишина.

- Это Рубин Дочери Молний, ведь так его называют?

- Да, госпожа.

- Странное название... Я слышала, что он обладает силой почти столь же могучей, как и Серебряные Перья. Но он намного более таинственный, и в нем в сто раз больше зла. Говорят, он убивает, когда его обладатель совершает слишком много добрых поступков. Это правда?

- Не знаю, госпожа. Никто не знает Рубин до конца. О нем ходят разные истории. Есть дартанская легенда о Трех Сестрах, которых Шернь послала сражаться со злом. Я слышал когда-то эту сказку в таверне. Далара, самая младшая из сестер, появилась на континенте Шерера, когда вокруг бушевала страшная гроза, и потому ее называли Дочерью Молний. Она должна была сразиться со злым магом, которым овладел именно такой рубин. Говорят, когда-то Шернь отвергла две Темные Полосы. Рубин принадлежит именно этим Полосам.

Девушка кивнула:

- И ты хочешь, чтобы я поверила, что тот, кого призывает этот камень, является во имя добра?

Раладан нахмурился:

- Ведь это только легенда.

Снаружи, с середины корабля, донесся какой-то шум. Они обменялись взглядами, после чего лоцман направился к двери. В то же мгновение кто-то начал в нее колотить. Раладан открыл.

- В чем дело?

- Парус на горизонте, - сказал матрос, неуклюже кланяясь при виде Ридареты. Раладан обернулся:

- Пойдем, госпожа?

Она кивнула.

Вскоре они уже стояли рядом с опершимся о фальшборт Таресом.

- Где?

Офицер показал пальцем. Они прикрыли глаза руками.

- Это дартанец, - сказал Тарес. - Похоже, один.

С большим трудом ей удалось разглядеть корабль.

- Как ты узнал? - спросила она. - Что это дартанец?

- У него красный парус.

Раладан сосредоточенно вглядывался в горизонт.

- Красно-серый, - наконец сказал он. - Пополам.

Тарес взглянул ему в глаза и не говоря ни слова побежал к мачте. Вскоре он уже карабкался вверх по вантам.

- У дартанцев всего несколько эскадр, - проговорил Раладан то ли про себя, то ли обращаясь к девушке. - Паруса у кораблей такие же, как мундиры у солдат. Красные. Это обычные корабли, морская стража. Но у этого парус красно-серый. Это не стражник, а гвардеец. Морская Гвардия, госпожа. Если какой-либо дартанец достоин того, чтобы называться солдатом, то он наверняка идет под этим парусом.

Она вопросительно посмотрела на него.

- Дартанцы - плохие вояки, - пояснил он. - Как легионы, так и морская стража. Однако есть несколько отборных отрядов, которые, впрочем, по

большей части состоят из армектанцев. Хотя бы приближенные Князя-Представителя. Ну и эти. – Он показал на горизонт. – Есть две большие каравеллы, в команде которых не стражники, но гвардейцы. Большие, как "Морской Змей". Дартан – богатая провинция, госпожа. Эти корабли сопровождают или везут очень ценные грузы.

Он замолчал и снова прикрыл глаза рукой.

– Один! – крикнул с мачты Тарес. – Эй, внизу! Оди-ин!

Раладан криво усмехнулся:

– Он идет один, госпожа, а не охраняет торговца. И в это время года, незадолго до осенних штормов, скорее всего он не везет ценный груз. Он идет один. Это облава.

– Облава?

Лоцман посмотрел на небо.

– До ночи еще много времени, – сказал он как будто без особой связи. – "Морской Змей" потопил немало кораблей, госпожа. А есть еще и другие парусники, такие как наш. Их много. Больше, чем ты думаешь. В последнее время мало кто из купцов мог быть уверен, что довезет груз до места. Тогда они начали устраивать облавы. Армект, Гарра, иногда даже Дартан. Они собирают летучие эскадры, перекрывают Замкнутое море и вылавливают пиратские корабли. В этом году такое уже второй раз.

– Но ведь это один корабль, не эскадра.

Раладан кивнул:

– Таких парусников во всей империи, может быть, восемь... Один Демон мог бы противостоять такой крепости. Это огромная каравелла, похожая на нашу. А на ней двести солдат. И двадцать орудий. Она может плавать и одна. – Он на мгновение замолчал. – Твой отец...

Когда молчание затянулось, девушка поторопила:

– Ну, дальше?

Раладан потряхнул головой:

– Я забылся, госпожа. Я знаю, что ты не желаешь слушать рассказов о разбойничьих подвигах.

Она кивнула, однако, к его удивлению, негромко попросила:

– Расскажи.

– Хорошо, госпожа. Мы ходили тогда еще на "Чайке", старом, пузатом торговом барке, едва вооруженном. Твой отец напал на одну из этих каравелл, "Гордость Империи". Самую большую и самую могучую из всех.

– Он ее потопил?

– Нет, госпожа. "Гордость Империи" теперь называется "Морской Змей".

К ним сзади подошел Тарес.

– Нас уже заметили, – сказал он. – Это облава.

Вся команда давно уже была на палубе. Матросы стояли у борта, висели на вантах, глядя на горизонт, где виднелись, уже совершенно отчетливо, серо-красные паруса.

– Придется сматываться.

Тарес отошел к грот-мачте.

– Поднять паруса! – крикнул он. – Давайте, парни! Посмотрим, кто быстрее!

Посыпались команды.

– Идем, госпожа, – сказал лоцман. – Мне нужно встать у руля. Я провожу тебя в каюту.

Они ушли.

Дартанец-шел им наперерез. Тарес, обладавший орлиным взглядом, отчетливо видел, как блестит окованный посеребренной жостью нос. Он стиснул зубы. Бежать от такого богатства! Один дартанский корабль стоил больше трех любых других. Дартанцы обожали роскошь – и были богаты. Командир этого корабля наверняка был достаточно богат для того, чтобы купить себе звание капитана гвардейской каравеллы. Выкуп за такого пленника...

Он сердито отвернулся, глядя на суевившуюся команду. Канониры, услуги которых не требовались при парусах, заряжали пушки. Абордажные группы поднимались на палубу в полном вооружении, бросая топоры на доски. На носу и корме лучники втыкали в дерево стрелы, чтобы иметь их под рукой. Несколько матросов под руководством Дороля готовили канаты с крючьями. Кто-то принес багры. Корабль, ведомый уверенной рукой лоцмана прямо по

ветру, все быстрее рассекал волны. Пока ничто не говорило о том, что ему удастся оторваться от преследователей. Однако Тарес знал, что ситуация вскоре изменится: "Морской Змей" имел огромную площадь парусов. Но он был слишком велик и тяжел, чтобы быстро набрать полную скорость.

Он посмотрел на небо, как до этого Раладан. Приходилось ждать до ночи. Ночью они могли сменить курс и уйти от погони.

Со стороны кормы донесся приглушенный грохот. Он даже не оглянулся, зная, что расстояние слишком велико; гвардеец лишь пытался их напугать. Однако грохот выстрела был достаточно сильным. Это означало, что у дартанца на носу тяжелые орудия. Новинка. Прогресс в вооружении кораблей быстро шел вперед. Тарес прекрасно помнил времена, когда на кораблях возили метательные машины, а потом две-три слабенькие бомбарды. "Морского Змея" следовало бы довооружить. Однако это было не так просто. Перенести добытые орудия с захваченного корабля в открытом море было делом нелегким. Кроме того, для этих орудий еще нужно было найти место; корабль не сухопутная крепость, стены которой выдержат что угодно... Первоочередное значение имели баланс и размещение груза.

На палубе закончили приготовления к схватке, оставалось лишь ждать. Матросы вцепились в фальшборт и столпились на юте. Тарес подумал, что они будут так стоять и смотреть на преследующий их корабль, пока не наступит темнота, сожалея о недостижимых богатствах и проклиная всех и вся.

Он направился к капитанской каюте, намереваясь поговорить с Ридаретой, но неожиданно увидел Раладана, который шел в том же направлении. Повинуясь странному импульсу, он скрылся от взгляда лоцмана...

Когда Раладан вошел в капитанскую каюту, Ридарета беспокойно кружила вдоль стен. Она бросила на него короткий взгляд и, как только он закрыл за собой дверь, сказала:

- Бежим отсюда.

Прежде чем он успел опомниться, она продолжила:

- У нас за кормой на буксире две шлюпки. Ночью переберемся в одну из них. Этот парусник нас выловит. Скажем, что мы пленники, которым удалось сбежать. Поверят?

Раладан быстро собрался с мыслями.

- Кто знает? - пробормотал он. - На пленников мы не очень-то похожи, но если добавить пару неопасных царапин... порванную одежду... Это очень рискованно, госпожа. Намного более рискованно, чем ты думаешь.

Она хотела что-то сказать, но он поднял руку.

- Подожди, госпожа. Я не говорю, что мы не станем этого делать. Но давай все обдумаем как следует и без спешки. До ночи еще далеко.

Поразмыслив, она кивнула.

- Скоро осень, - сказал лоцман. - Если нас не выловит этот гвардеец, то вряд ли нам встретится какой-либо другой корабль. В это время года мало кто плавает в этих водах.

- Идет облава...

- Ну и что?

Он подошел к сундуку и достал карту Гарры и Островов, охватывавшую также часть Замкнутого моря.

- Смотри, госпожа. Вот Замкнутое море, вот Гарра... Мы здесь. Но если бы ты командовала облавой, куда бы ты послала свои эскадры, чтобы захлопнуть ловушку? Сюда? Сюда?

Подумав, она показала пальцем.

- Именно. Вдоль островов, окружающих Замкнутое море. Вот этих, впрочем они называются Барьерными. Это естественный котел. Корабли, которые ходят по этой линии, - охотники. Каравелла позади нас - загонщики. Думаю, лишь немногие корабли прочесывают Замкнутое море. Большинство выстроились в цепь вдоль побережья.

Девушка, наморщив лоб, смотрела на карту.

- А мы не смогли бы, в худшем случае, сами доплыть до берега?

- Если ветер не переменится... Однако, учитывая, что на этой дартанской каравелле нам скорее всего не поверят... думаю, разумнее было бы придерживаться первоначального плана.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

- Раладан, - она в первый раз назвала его по имени, - а если нас догонят? Та каравелла или другие имперские корабли? Все будут болтаться на

реях, и мы тоже. Нет, Раладан. Бежим сегодня ночью.

Он подумал, что девушка, возможно, права.

- А Тарес?

- Тарес...

Она отрицательно покачала головой.

На губах стоявшего под дверью капитанской каюты офицера появилась слабая усмешка. Полагая, что вряд ли еще услышит что-либо достойное внимания, он осторожно и тихо, удалился.

Присутствие девушки и лоцмана на корабле было теперь в большей степени неизбежно, чем когда-либо, размышлял Тарес, возвращаясь на свое место у мачты. Перед лицом облавы и скорых штормов исчезновение этих двоих обязательно отразилось бы на дисциплине и настроении команды. Он обязан был перечеркнуть их планы. Впрочем - он снова мрачно усмехнулся, они не оставили ему выбора...

Вечером, когда было уже достаточно темно для того, чтобы никто не заметил отсутствия шлюпок, он пошел на корму и попросту перерезал канаты.

10

- Шлюпки пропали, - сказал Раладан.

Девушка остолбенела. Лоцман же был спокоен, как всегда, но в уголке его губ она заметила легкую гримасу.

- Кто-то слышал наш разговор.

- Кто-то из команды?

- Сомневаюсь.

Внезапная мысль поразила ее.

- Это, случайно... не твоя работа?

Он положил на стол приготовленный мешок с провизией.

- За кого ты меня принимаешь? - спросил он таким тоном, что она тотчас же, почти инстинктивно, виновато махнула рукой:

- В таком случае... честно говоря, мне в голову приходит лишь один человек.

Он молчаливо согласился с ней.

- Слишком легко все шло, - сказала она, помолчав.

- Тарес не враг нам, госпожа. Стоило тебе отказаться от мысли бежать со "Змея", и он оставался бы верным и преданным офицером.

- Значит, ты тоже хочешь сделать из меня настоящую королеву пиратов?

Раладан не выдержал:

- Ради Шерни, я хочу, чтобы тебе ничто не угрожало, только и всего. Я просто говорю о том, как это выглядит в глазах других. Я достаточно хороший лоцман, для того чтобы не умереть с голоду, могу с равным успехом ходить как под пиратским флагом, так и под имперским, за мной нет никакой вины. Но поставь себя на место Тареса. Для него мир начинается и заканчивается здесь, на этой палубе. Он обвиняется в подстрекательстве к бунту на имперском корабле, за его голову назначена награда. Что же ему остается?..

- Он награбил достаточно добра, чтобы уехать куда-нибудь далеко, хотя бы в Громбелард, и начать нормальную жизнь, - резко перебила девушка. - Хватит с меня разговоров о несчастном Таресе. Он смешал нам все планы.

- Мне что, его убить?

- Нет! Этого я не говорила... - перепугалась она.

- Значит, будем держаться первоначального плана. В конце концов мы пристанем к берегу. Тогда никто нас не станет держать.

- Я в этом не настолько уверена.

Он тряхнул головой:

- Чего ты, в конце концов, хочешь, госпожа? Ждешь от меня чуда? Может быть, мне прыгнуть за борт и притащить эти шлюпки обратно?

Молчание.

- Думаю, тебе нужно лечь спать. Да и мне бы не помешало. Прошлая ночь была не из приятных.

Девушка вздрогнула.

- Я не смогу заснуть...

Он вздохнул:

- Хочешь, чтобы я остался с тобой?

Они опять помолчали.

- Странно, но... я уже говорила... ты не такой, как остальные. Если бы я не знала, никогда бы не подумала, что ты...

Она оборвала фразу на полуслове.

- Злодей, - закончил он за нее, садясь за стол. - И убийца. Морской разбойник.

Снова наступила тишина.

- Может, это даже и хорошо, - наконец сказал он, - что мы можем спокойно поговорить. Я давно уже хотел тебе кое-что объяснить, но ты всегда была такая... - он колебался, - неприступная... Видишь ли, госпожа, - помолчав, продолжил он, - иногда я завидую тебе, как просто ты смотришь на все. Пираты плохие, а солдаты хорошие, хотя убивают и те и другие. Торговец, по уши погрязший в обмане, - порядочный человек, но воришка, который крадет у него кошелек, - подлый злодей. Команда этого корабля, Тарес, Дороль и остальные, - просто пираты. А ты когда-нибудь думала о том, откуда берутся пираты? - Он испытующе посмотрел на нее. - Известно ли тебе, госпожа, что такое служба на имперском корабле? Или торговом барке?

Все делают баснословные барыши на продовольствии: поставщик, который продает давно протухшее мясо; капитан, который закрывает на это глаза. А моряк все это жрет. Сначала вылавливает из котла червей, а потом хлебает теплые помои, которые кок специально варил так долго, чтобы все разварилось до конца; никто не узнает, что самое лучшее, хотя бы немного съедобное, он оставил себе.

А знаешь ли ты, госпожа, какие наказания грозят на имперском паруснике? Очень мягкие: за легкий проступок обычно дают пять палок. Это и в самом деле немного. Поэтому придумали способ, который моряки называют "офицерской легендой". К примеру, матрос опоздал на вахту. Пять палок за опоздание. Но еще пять - за неуважение к офицеру, поскольку, опоздав, он встал на вахту, вместо того чтобы идти оправдываться. И еще пять за то, что подал дурной пример команде. И еще пять за то, что нагло скрыл все свои проступки, назвав лишь один - опоздание. Вот это и есть "офицерская легенда". Не смотри на меня так, госпожа, - продолжил он, немного помолчав. - Попытайся понять, что почти всем им нечего терять. Работа на пиратском корабле столь же тяжела, как и на любом другом. Жесткие канаты сдирают кожу точно так же, вечная сырость тоже точно такая же. Но еда не воняет, офицерской легенды нет и в помине, а в кошельках звенят не жалкие медяки, но золото.

- То есть все они были обижены на весь белый свет и сбежали на пиратский корабль, поскольку на другом уже не могли выдержать, - устало сказала девушка.

- Во многих случаях, госпожа, именно так. Ясное дело, что среди них есть и бандиты с детства. Но большинство - простые люди, для которых мышление категориями добра и зла лишено всякого смысла; они хотят просто жить, есть, иногда иметь возможность развлечься. Естественно, им приходится убивать, но ведь к этому их принуждали и на имперских кораблях. Знаешь, сколько команд гаррийских кораблей взбунтовалось во время последнего мятежа? Большинство тех моряков потом погибли в казематах Трибунала. Эти люди готовы были сопровождать купцов и сражаться с пиратами, но не хотели жечь собственные селения.

- Те, кого не осудил Трибунал, теперь убивают таких же самых несчастных, какими были когда-то и они сами, но на торговых барках. Они не стали жечь селения в интересах империи - теперь они делают это, чтобы захватить рабов. Думаю, тебе не удастся меня убедить, хотя в том, что ты говоришь, наверняка есть доля правды. К чему ты, собственно, клонишь?

- Я хочу показать тебе, что эта стая убийц состоит из обычных людей, госпожа. Из людей, судьба которых сложилась так, а не иначе. Объясни мне,

как так получается, что стоит познакомиться с кем-то поближе, и он тут же оказывается совсем другим? Я имею в виду себя, но прежде всего Эхадена.

Девушка побледнела.

- Не говори мне об Эхадене, - сказала она. - Только не о нем.

- Почему нет, госпожа? Он был пиратом, и еще каким! Ты бы удивилась, если бы я тебе рассказал. И тем не менее этот пират, убийца...

- Эхаден был братом моей матери, - хрипло сказала она. - Не будем больше об этом.

- Я знаю, кем он был. Но все же...

Она резко встала.

- Хватит, Раладан! - сдавленно проговорила она. - Хватит, я не хочу больше об этом говорить и не хочу слушать! Достаточно! Наконец... наконец-то я одна. Понимаешь? У меня нет никаких родных, никого, и о большем я и не мечтала всю свою жизнь! Даже матери я нужна была лишь затем, чтобы ей было кому рассказывать о своем чудесном Раписе. Я знаю, что могло быть иначе... я любила мать... - Она говорила все более лихорадочно и бессвязно. - Но я больше не хочу, слышишь? Я хочу просто сойти с этого проклятого корабля и начать нормально жить. В самом деле, Раладан, я... я готова убивать, чтобы этого добиться. Хорошо, что Рапис... что мой отец... - она впервые с видимым усилием произнесла это слово, - что он умер. Иначе я убила бы его! Убила! - Ее всю трясло. - Я не такое уж невинное дитя... И я не такая глупая, как тебе кажется. Я знаю, что невозможно отделить добро от зла. - Она медленно вернулась к столу и тяжело села. - Но за всю свою жизнь я любила... любила лишь двоих. Мать и... его. Я любила его, совсем его не зная, потому что его любила она. Что ты можешь знать о чувствах, которые охватывают тебя, когда вместо разноцветной птицы, являвшейся к тебе в мечтах и снах, перед тобой предстает... грязная, вонючая тварь?

Утром оказалось, что на горизонте пусто. Они сменили курс и снова пошли на юго-восток.

До вечера курс не менялся. Море было все так же пусто, но Раладан и Тарес знали, что это еще не конец всех хлопот. Это прекрасно понимали даже матросы. По Замкнутому морю могло кружить больше парусников, чем полагал лоцман, кроме того, они наверняка еще не миновали линию патрулей вдоль побережья. Организаторы облавы отнюдь не были дураками. Позднее лето, скорее даже начало осени, - подобное время года почти гарантировало успех. Пиратский корабль, даже если бы ему и удалось уйти на Просторы, подвергался серьезной опасности со стороны осенних штормов; если он не успевал свернуть в какое-нибудь безопасное укрытие - обычно заканчивал свой путь на дне океана или же, подгоняемый ветром, исчезал навсегда в бескрайней водной пустыне.

Сейчас они оказались именно в такой ситуации: имперские корабли или штормы.

Раладан рассчитывал на то, что им удастся выйти на Просторы, а потом, если будет хороший ветер, успеть до начала штормов добраться до южных берегов Гарры. Там не должно было быть имперских кораблей - в этих местах не проходили важные торговые пути, и облава не имела особого смысла.

Тем временем они продолжали идти поперек ветра на юго-восток. Матросы, прекрасно сознавая серьезность положения, почти не покидали палубу, внимательно наблюдая за горизонтом. Однако прошел день и нигде не было замечено даже кусочка паруса. Ветер был достаточно сильный; похоже было, что ночью им удастся прорвать блокаду и выйти на Восточные Просторы.

Тарес проснулся еще до рассвета и пошел проверять вахты. Никто не спал. Он направился на ют, где, подставив лицо водяным брызгам, погрузился в размышления.

Итак, они вырвались из западни. И что дальше? Нужно было пристать к берегу, а это означало, что уйдут лоцман и Ридарета. Он не мог этому помешать столь же просто, как бегству на шлюпке. У него не было никакого плана.

Значит... оставалось лишь бросить корабль и бежать вместе с ними...

Бросить корабль? Бросить "Морского Змея", лучший парусник всех морей?

Второй помощник Демона всю свою жизнь связал с морем, однако лишь

пиратская каравелла стала его вторым домом. Он сражался за этот дом и завладел им. Старая "Чайка", с борта которой они пошли на ночной абордаж, была жалкой скорлупкой по сравнению с этим гигантским парусником, который должен был символизировать могущество армектанской империи. Имперская Гвардия, стоявшая в столичном Кирлане, была сухопутным подразделением; однако по политическим соображениям потребовалось выделить из нее Имперскую Морскую Гвардию. Лучшие солдаты на свете, элита из элит, поднялись на борт трех крупнейших парусников Шерера, построенных, пожалуй, лишь затем, чтобы в портах всех провинций видели мощь Вечной Империи. Однако судьбе, явно не благоволившей Армекту, было угодно, чтобы первый же рейс "Гордости Империи", предпринятый для проверки ходовых качеств корабля в море, оказался последним рейсом каравеллы под имперским флагом... Просторы не желали, чтобы народ всадников, носящихся на своих скакунах по Великим Равнинам, хозяйничал на водах Шерера. Палуба флагманского корабля империи превратилась в арену неслыханной, по-настоящему чудовищной резни. Две команды убивали друг друга с отчаянной яростью, фанатично, до конца. Немногочисленные солдаты, приданные команде на время морских испытаний, с отчаянием безумцев дрались за свой любимый, красивейший парусник Шерера; по другую сторону дикие моряки, для которых бродяжничество по Просторам было всем, овладевали морским чудом, явившимся словно прямо из матросских снов и мечтаний. Не мужество и не военное искусство решили исход этой битвы, безжалостно пожравшей почти всех сражавшихся. Слепой случай, стечение обстоятельств... Корабль-призрак беспомощно дрейфовал по ветру, неся на своей палубе сотню убитых и вдвое больше раненых. Несколько человек, перевязанных окровавленными тряпками, отчаянно пытались справиться с парусами и рулем. Они истекали кровью, лишь бы спасти захваченный корабль, довести его до безопасного укрытия. Никто не выбрасывал трупы в море, никто не помогал раненым в бою товарищам. Пропахший смертью, оглашаемый стоном умирающих, корабль позволил выжить лишь немногим. А потом – стал их домом.

За этот дом Тарес заплатил собственной кровью. И теперь он не хотел и не мог его бросить.

Начинался холодный и туманный день. Задумчивый, отсутствующий взгляд офицера скользил среди серо-белого тумана, и вдруг... вдруг оказалось, что таинственные силы Просторов не спят; никому не позволено призывать их безнаказанно словом или даже воспоминанием. Тарес тупо смотрел туда, где среди полос тумана маячили, не далее чем в четверти мили от штирборта, два больших темных силуэта.

На палубе кто-то крикнул, отовсюду начали появляться матросы. Слышались проклятия и ругательства.

Над кораблем висел какой-то злой рок...

Все стояли как зачарованные, уставившись на выплывающие из тьмы парусники. Они быстро приближались. Все отчетливее были видны детали их конструкции, мачты с ярко-желтыми парусами... Островитяне!

Эти корабли называли "малым флотом Островов". Они подчинялись командованию гаррийских флотов, но островитяне всегда подчеркивали свое отличие от прочих, хотя Гарра и Острова составляли одну провинцию. Паруса гаррийцев были темно-желтыми, паруса островитян – более яркими.

На спасение уже не оставалось времени. Можно было сменить курс, но прежде, чем каравелла набрала бы полную скорость, шедшие на полном ходу островитяне настигли бы их. Тем более что ближайший корабль – средней величины бригантина с косыми парусами – превосходил "Морского Змея" маневренностью.

Итак, от эскадры островитян было не уйти. Тарес хорошо знал эти корабли. Солдаты на них были не лучше и не хуже прочих, но матросы... Человек, родившийся на Островах, был моряком чуть ли не от рождения. Корабли лучших мореплавателей мира, казалось, сами вынуждали ветер дуть с нужной им стороны. Матросы Тареса по сравнению с ними были лишь сборищем сухопутных крыс.

Небольшая бригантина и старый как мир барк – и им предстояло потопить самую большую каравеллу на Просторах!

На "Морском Змее" все еще никто не двигался с места.

На палубе появился Раладан, а за ним Ридарета.

– Проклятие, – пробормотал лоцман.

Он еще раз окинул взглядом остоленевшую команду и повернулся к девушке.

- Ради Шерни, - сказал он, - хоть один раз будь настоящим капитаном... Нужно расшевелить это быдло. Иначе все мы повиснем на реях.

Она посмотрела ему в глаза, потом на невероятно близкие корабли, на застывшую в ужасе толпу и неожиданно низким, глухим голосом крикнула:

- Эй, парни!

Моряки вздрогнули. Никогда прежде она не обращалась прямо к ним.

- К орудиям!

Матросы, словно освободившись от чар, разбежались по всему кораблю. Абордажные команды хватались за оружие, канониры заняли свои места.

Вражеские корабли дали залп из носовых орудий и сменили курс. Бригантина резко сманеврировала, намереваясь пройти перед носом каравеллы, чтобы затем приблизиться со стороны бакборта. На барке рифили паруса; сбросив скорость, он уже почти поравнялся с "Морским Змеем" и подходил все ближе.

Теперь стреляли уже отовсюду, над палубами клубился серый пороховой дым. На "Змее" с грохотом рухнула фок-рея с парусом, с имперских кораблей донеслись радостные возгласы. Отряды желтых солдат в серебристых шлемах готовились к атаке, цветасто одетые босоногие матросы сжимали в руках багры. С грохотом и скрежетом борт барка столкнулся с бортом пиратского парусника.

11

В трюме, куда ее швырнули, словно мешок, среди каких-то ящиков, было темно, сыро и воняло гнилью. Она тихо стонала, даже сама о том не зная; иссеченная бичом спина горела, выжженная на боку рана гноилась... Столь же чудовищной была боль в руках и ногах, связанных так крепко, что жесткая веревка врезалась в тело. Она лежала уткнувшись лицом в какие-то мокрые стружки, с ногами, задранными на угловатый ящик - так, как ее сюда бросили. Каждая попытка изменить позу причиняла новую боль; малейшее движение руками, казалось, стирало в кровь связанные запястья.

Корабль довольно сильно раскачивался, и в ритме качки ноги ее медленно сползали вдоль края ящика; наконец они упали, и девушка глухо застонала. Она лежала ничком, тяжело дыша сквозь холодные, влажные стружки.

В густой, заплесневелой темноте время словно замерло. Качающаяся, сотрясаемая волнами тьма смешалась с холодом и болью, превращаясь в творение иного мира, где мрак заменял время, а боль - мысли.

Перед ней в темноте проплывали отрывочные картины, словно дурной сон: отчаянно дерущаяся толпа, сцепившиеся в смертельных объятиях два пылающих парусника, пригвожденный копьем к мачте Тарес, снова горящие, сотрясаемые взрывами пороха корабли, потом Раладан, с дикой яростью приканчивающий собственных товарищей, горящие люди, с воем прыгающие в море... Проваливаясь в полный мучений сон, она увидела тесную комнату, в которой среди стен кружил один лишь вопрос, смешанный со свистом бича: "Где сокровища, где сокровища, где сокровища..."

С хриплым стоном она провалилась в несшее облегчение беспамятство. В мигающем свете фонаря, который держал капитан корабля, она казалась мертвой. Высокий, худой человек в ярко-желтом мундире со знаками отличия имперского сотника повесил фонарь на ржавый крюк и склонился над израненным телом. Достав из ножен меч, он осторожно перерезал путы на запястьях и перевернул девушку на спину. Искалеченное лицо с дырой мертвой глазницы, покрытое гнилыми стружками, выглядело ужасающе. Он вздрогнул, но присел и приложил ухо к груди лежащей, потом нашел пульсирующую жилку на шее. Встав, он забрал фонарь и вышел из трюма.

Оказавшись на палубе, он повесил фонарь на мачте, после чего некоторое

время стоял задумавшись, глубоко вдыхая влажный, холодный воздух.

Ветер, не меняя направления, усилился, став более порывистым. Любой моряк прекрасно знал, что это означает. Когда юго-западный ветер начинал подобным образом хлестать в паруса (гаррийцы называли его "кашель"), следовало в течение ближайших дней ожидать кратковременного штиля, а затем – первого осеннего шторма.

Они мучительно тащились поперек ветра прямо к Агарам. Внешне все шло хорошо; с легкостью можно было подсчитать, что даже на столь малой скорости они успевают до штормов. Но...

Никто не помнил, чтобы "кашель" начался столь рано. Это беспокоило, поскольку на Просторах "кашель" до сих пор был единственным неизменным и неизбежным явлением. Теперь он подул раньше...

А если (чего раньше никогда не бывало) он вдруг сменит направление? Если подует с юга, с востока?..

Барк не мог идти против ветра. Если до того, как они доберутся до Агар, ветер начнет дуть с носа – корабль скорее всего обречен на гибель.

Раладан стоял на баке, обхватив рукой бушприт и, нахмурившись, разглядывал волнующееся море. Время от времени он поднимал голову, глядя на небо, осматривал горизонт и снова возвращался к задумчивому созерцанию морской пучины.

Услышав шаги, он обернулся.

– Что ты там высматриваешь в этой проклятой воде?

Он пожал плечами:

– Это уже Восточные Просторы, капитан. Но, не знай я этого, я бы сказал, что мы все еще в Замкнутом море. – Он показал рукой. – Вода здесь зеленая. Разве Просторы зеленые, капитан?

Капитан имперского парусника посмотрел ему прямо в глаза. Схватившись за бушприт, он чуть наклонился вперед, потом снова окинул лоцмана взглядом.

– Правда, – удивленно пробормотал он.

– "Кашель" поспешил на неделю, – сказал Раладан. – Бывало, что он начинался на три дня раньше или позже. Но на неделю?! И еще эта зеленая вода. Не вполне понимаю, что все это значит... Прикажи, господин, чтобы вахтенные докладывали обо всем. Обо всем.

Капитан задумался.

– Может быть, важна форма облака, кратковременный дождь и кто знает что еще... Если мы не успеем до шторма, то не обижайся, капитан Вард, но эта лайба разлетится на куски, прежде чем мы успеем моргнуть.

Капитан кивнул:

– Знаю, что ты не бросаешь слов на ветер. Сама судьба мне тебя послала, Раладан.

Они помолчали.

– Что с девушкой?

Вард тряхнул головой:

– Именно. Я как раз тебя искал, чтобы еще раз спросить: ты уверен, что она знает о тех сокровищах?

– Знает.

– Выходит, она крепче, чем можно было бы предположить.

– Значит, все-таки...

– Послушай меня, Раладан: ты уже получил то, что она не пошла на корм акулам, как остальные. Чего ты еще хочешь? Ты знаешь закон: решив взять пленника, я отвечаю за его жизнь до того момента, пока он не будет передан Трибуналу. За жизнь. И ни за что больше. У меня тут есть один негодяй, дело которого – выбивать из людей признания. Я охотно бы вышвырнул этого сукиного сына за борт, говоря между нами. Но я лишь капитан имперского корабля, и если стану вмешиваться в дела имперских урядников, то быстро перестану им быть.

Лоцман угрюмо молчал.

– И еще одно. – Вард понизил голос, так что его едва можно было расслышать сквозь шум волн. – Я верю, по крайней мере хочу верить, во все, что ты мне рассказывал. В то, что тебя заставили служить на том корабле и что девушка знает, где Демон спрятал сокровища. Но не забывай, что ты пленник, Раладан. Твоя жизнь в руках Трибунала, я поручусь за тебя по старой дружбе (о чем, впрочем, лучше, чтобы никто не знал) и потому, что

мне нужен такой лоцман. Но берегись. Ибо, несмотря ни на что, если я узнаю, что ты лжешь, – тебе переломают кости на колесе, Раладан.

Он взял лоцмана за плечо и крепко сжал, после чего повернулся и, быстро спустившись на палубу, направился на корму. Вскоре он уже стоял перед узкой низкой дверью одной из кают. Открыв дверь, он без предупреждения вошел внутрь.

– Когда допрос, господин Альбар? – спросил он, направляясь к свободному стулу. Он сел и только тогда посмотрел на хозяина каюты.

Невысокий, но пропорционально сложенный мужчина, может быть чуть слишком худой, лет пятидесяти с небольшим, слегка приподнял брови:

– Может быть, завтра, капитан. Да, наверное, завтра, наверняка завтра, завтра... Чем обязан?..

Вард сидел чуть покачивая головой. Он задумчиво посмотрел на огневые часы, горевшие в подсвечнике на столе. Урядник весьма тщательно измерял течение времени... Медленно тлевшая свеча из спрессованной коры магнолии с добавкой смолы догорала; оставалось лишь два деления. Неизвестно отчего Варду вдруг показалось, что измерение времени – занятие... небезопасное. Во всяком случае невеселое.

– Значит, ничего не сказала? – спросил он.

Человек, названный Альбаром, откинулся на спинку стула и разгладил серую, шелковую, но скромного покроя мантию.

– Нетерпеливый, ой нетерпеливый человек наш капитан Вард, – сказал он словно про себя, ища взглядом что-то на стыке потолка и стены. – Капитан, солдат ты хороший, но нетерпеливый, не-тер-пе-ли-вый...

Вард махнул рукой, обрывая этот поток слов.

– Господин Альбар, – сказал он спокойным, но несколько странным голосом, – эта девушка все же не бандит и не головорез. Советую поумерить свой пыл.

– Нетерпеливый и впечатлительный, – снова завел свое урядник, переводя взгляд на потолок. – Впечатлительный, впечатлительный... – тихонько напевал он, покачиваясь на стуле.

Вард неожиданно представил себе, с каким удовольствием он толкнул бы эту бархатную грудь и увидел бы опрокидывающийся стул.

– Господин Альбар, – резко сказал он, – я только что ее видел.

Серый человечек оторвал взгляд от потолка, но умение смотреть в лицо собеседнику явно было ему чуждо. Теперь глаза его смотрели под стол.

– Впечатлительный и недоверчивый, недоверчивый и скрытный, недоверчивый и скрытный... – задумчиво гудел он.

– Ладно. Допросов больше не будет, – спокойно сказал Вард. – Девушка этого не переживет, а я должен передать ее живой в руки Трибунала. Кажется, это ты должен мне это объяснять, а не я тебе.

Гудение смолкло. Урядник сверлил взглядом дверь каюты.

– Она замучена почти до смерти, – продолжал Вард, не спеша вставая. – Если она умрет, я позабочусь о том, чтобы те, кому нужно, узнали, что она была дочерью величайшего пирата Просторов, позабочусь и о том, чтобы стало известно, по чьей вине она уже не сможет ответить ни на один из сотни вопросов, которые можно и следовало бы ей задать. – Он подошел к двери и, уже выходя, неожиданно начал напевать: – И терпеливый господин Альбар останется без работы, вот так, без работы, без работы...

12

– Ну что там? – Вард протер глаза. Была кромешная ночь.

– Ветер усиливается, господин капитан.

Офицер сел на койке.

– Хорошо.

Матрос вышел. Вард быстро оделся и вскоре был уже на палубе. Он

облокотился о подпорку на юте и долго стоял так, подставив лицо ветру, затем направился в носовой кубрик.

Лоцману выделили место в помещении для солдат – после сражения там было отнюдь не тесно... Капитан нашел его гамак, и чуть погодя оба вышли на палубу.

– Это не "кашель", – сказал лоцман. – Шернь, ничего не понимаю. Штиля не будет. Будет шторм. Но каким образом?

Вард кивнул:

– Именно. Мы думаем об одном и том же.

Не теряя времени, он вызвал вахтенного.

– Будить всю команду, – приказал капитан. – Пусть закрепят все, что движется. Штормовые паруса на мачту, и быстро. Будет буря.

Матрос поспешно ушел. Лоцман молчал, высунувшись за борт, о который с шипением разбивались высокие волны.

Происходило нечто, чего он не в силах был понять. Он почти всю жизнь провел на соленых Просторах и хорошо их знал – пожалуй, лучше, чем кто-либо другой... Он знал течения и ветры, знал время, когда можно было им довериться. "Кашель" никогда не менял направления. Теперь же изменил, хотя и совсем незначительно. Звезд не было, но лоцман каким-то шестым чувством ощущал, что это не корабль сбился с курса, но "кашель" сменил направление. И это был уже не "кашель".

Стало ясно, что штиля на несколько дней не будет. Вместо штиля будет буря. И притом сильная. Сильная буря. У Раладана это просто не помещалось в голове. "Кашель", который в Армекте называли "ночным ветром", был постоянен, как... сам Шерер. Первый день штиля после "кашли" считался началом гаррийского года и года империи; календарь являлся одним из того немногочисленного, что Армект перенял у Гарры именно потому, что календарь этот был почти идеальным. Год делился на тринадцать одинаковых месяцев по двадцать восемь дней, а возможные отклонения составляли самое большее два-три дня. Теперь же мир внезапно встал с ног на голову. Лоцман не имел ни малейшего понятия о том, что делать с годом, у которого нет начала; впрочем, этого, вероятно, не знал никто во всем Шерере.

Все эти мысли занимали Раладана лишь несколько коротких мгновений, после чего от них не осталось и следа – календарь не имел сейчас никакого значения. Приближалась буря, сильная буря.

Что можно было предпринять?

– Может быть, успеем, – сказал Вард, словно читая его мысли. – Мы должны увидеть Агары самое позднее вечером. Если ветер не переменится.

– Переменится. Но в нашу пользу. Уже сейчас сильнее дует с запада. Вопрос лишь в том, когда этот ветер превратится в ураган.

На всем корабле, в свете многочисленных раскачивающихся фонарей, уже царил лихорадочная суета. То и дело кто-то подходил к капитану за очередным распоряжением; временно назначенные офицеры не вполне справлялись со своей задачей. Матросы носились по палубе, закрепляя все, что только можно было закрепить.

Время тянулось медленно. Небо на востоке чуть посветлело, ветер же, дувший теперь прямо с запада, еще усилился, став порывистым и резким. Неповоротливый барк с трудом, но все же набирал скорость, все быстрее идя в сторону Агар.

– Действуй, – сказал Вард. – Я буду у себя. Если буду нужен, пошли кого-нибудь.

Он сжал плечо лоцмана и пошел на корму. Вскоре он уже сидел в своей каюте, задумчиво чертя пальцем на столе какой-то замысловатый узор. Коптящий фонарь плясал у него над головой.

Превратности судьбы поставили его в нелегкое положение. Прежде всего, он был один. Кровавая битва с пиратской командой унесла немало жизней. Погибли все офицеры, остался в живых только он. Что правда – то правда, он одержал славную победу: пылающий словно факел самый грозный корабль Просторов был достойной наградой за годы тяжелой службы. Он знал, что его назовут героем, тем более что ему не с кем было делить собственный успех...

Однако в то мгновение, когда он узнал парусник, который им предстояло атаковать, его охватил непонятный страх, предчувствие многих неудач и несчастий. И похоже, действительность подтверждала его опасения.

И в самом деле, с момента той необычной встречи над его кораблем висел некий злой рок. Им чудом удалось избежать судьбы "Белианы", второго корабля эскадры, стройной бригантин, охваченной вырывающимся с пиратского парусника пламенем. С того мгновения злые силы больше их не покидали. Им не удалось найти ни одной имперской эскадры, хотя пути их патрулей тщательно были нанесены на карту. Потом начала строить козни погода. Теперь же, почти у родного берега, их ожидало сражение с бурей.

В столь нелегкой ситуации у него на корабле не было никого, кому он мог бы довериться. Его помощники, старшие товарищи – все погибли... Остался лишь скользкий Альбар, скорее палач, чем урядник, и уж тем более не моряк и не солдат, человек, которого не выносил никто.

И Раладан.

Вард чуть нахмурился. Он знал лоцмана еще по тем временам, когда тот водил имперские эскадры. С тех пор, как они виделись в последний раз, минуло немало лет. Кем, собственно, был этот человек теперь? История о плене на борту пиратского парусника выглядела довольно подозрительно. Но, с другой стороны, он собственными глазами видел резню, которую лоцман устроил своим якобы товарищам... Ни один из его солдат не прикончил в этом сражении больше врагов. Наконец, именно Раладан первым начал резать канаты, связывавшие корабли. Если бы не его молниеносные действия, пожар охватил бы и их барк.

И наконец, эта странная девушка. Она командовала пиратами, все это видели. Вард был удивлен до крайности, поскольку, узнав корабль, полагал, что увидит его капитана – мрачную легенду Просторов. Потом он услышал от лоцмана, что Бесстрашный Демон погиб, а девушка – его дочь...

Он поднялся и вышел на палубу.

Уже наступил день – угрюмый, серый и грозный. По небу ползли большие темно-синие тучи. Брызги волн падали на палубу. Старый, заслуженный корабль тяжело боролся, переваливаясь с борта на борт.

Вард увидел Раладана, который стоял широко расставив ноги и сунув руки за пояс. Матросы и солдаты вокруг него почти ползали по палубе, хватаясь за все, что давало хоть какую-то опору. Лоцман же стоял, словно его ступни были прибиты гвоздями к доскам.

Капитан взял фонарь и спустился в трюм.

Он не знал, что влечет его туда. Присутствие девушки на корабле вызывало у него какое-то странное беспокойство. Дочь величайшего пирата всех времен... Что еще нужно?

Она лежала на боку, спиной к миске с остывшей едой. Ему показалось, что она чуть вздрогнула, увидев отсвет фонаря. Ноги ее были все еще связаны. Он не удивился. Столь крепко завязанных узлов не распутаешь одними пальцами. Впрочем, она, похоже, даже и не пыталась...

Он подумал, что, если корабль потонет, что представлялось в данной ситуации вполне вероятным, девушка будет биться в пугах в затопленном трюме. Правда, если бы они и в самом деле шли ко дну, гибель ожидала бы всех, но перспектива смерти со связанными ногами показалась ему чересчур жуткой. Он достал меч и взял девушку за плечо.

– Сядь.

Она попыталась исполнить требуемое, но столь неуклюже, что он тут же понял, что без его помощи об этом нечего и думать. Его снова потряс вид полубессознательного, горящего в лихорадке лица, а на нем – пустой красной глазницы, очерченной неровными следами шрамов. Он видел его уже не однажды, но на этот раз подумал, что столь изуродованная женщина не должна ходить по земле.

С некоторым трудом удерживая равновесие, он острием меча приподнял край черной тряпки, которая когда-то была юбкой богатого платья, и перерезал веревки. Опухшие ступни казались мертвыми, он был уверен, что ей еще не скоро удастся ими пошевелить.

Дыхание девушки стало более хриплым – видимо, возвращаясь в сосуды кровь причиняла ей боль. Тело судорожно дернулось. Вард присел на ящик, молча глядя на девушку в мигающем свете пляшущего на крюке фонаря. Покрытое кровью тело продолжало бить дрожь, сквозь жалкие лохмотья одежды виднелись посиневшие от холода груди. В порыве внезапной жалости он снял короткий военный плащ и набросил его на лежащую. Он пытался убедить себя в том, что эта избитая, замерзшая женщина наверняка совершила в своей жизни

немало такого, о чем лучше даже не думать... Но разум говорил одно, а глаза – совсем другое. Он видел перед собой лишь измученную, беззащитную девушку, в которой, казалось, едва теплилась жизнь. Сейчас, когда тень скрыла левую половину ее лица, в ее облике не было ничего демонического. Грязная, больная девочка. Сколько ей лет? Не больше шестнадцати...

Вард встал, думая о том, что все те, кто был против того, чтобы доверить ему командование кораблем, знали, что говорят. Он был чересчур мягок. Под внешней жесткой личиной скрывалось мягкое сердце... Однако капитану парусника морской стражи не положено было страдать излишней шепетильностью.

У входа в темный трюм вспыхнул свет второго фонаря. Вард чуть наклонил голову и нахмурился, узнав вошедшего. Урядник поднял фонарь повыше и с притворным удивлением воскликнул:

– Капитан Вард! В самом деле, капитан и в самом деле думает обо всем, на него всегда можно положиться, вот именно, можно положиться, всегда!

Вард молчал. Альбар подошел ближе, глядя на укрытую плащом девушку.

– Укрыта, заботливо укрыта, – констатировал он. – Капитан, мы успеем до бури? Похоже, нет.

Он сел на ящик, с которого только что встал Вард, и, блуждая взглядом где-то над его плечом, неожиданно по-деловому сказал:

– Господин Вард, я не моряк, но, думаю, от бури нам не уйти. Я прав? – Не дождавшись ответа, он продолжал: – Господин Вард, я знаю, что ты считаешь меня скотиной. Пусть так. Но сейчас не время для взаимной неприязни, не время, вот именно. Эта пиратка бури не переживет. Должен признаться, я с ней немного перестарался. Качка наверняка ее прикончит, даже если мы не потонем.

Вард наконец раскрыл рот:

– Хочешь ее допросить до того, как она умрет?

– А что в этом плохого?

Барк раскачивался все сильнее. Волны с грохотом били о борта.

– Золото, которое спрятал отец этой девицы, мне не нужно, – сказал урядник. – Ты знаешь закон, Вард. Отобранная у разбойников добыча, если не найдутся ее первоначальные владельцы, предназначается в помощь семьям погибших солдат. Нравится это тебе или нет, но мой бич может сделать доброе дело.

Капитан стиснул зубы. Каким бы человеком ни был Альбар, на этот раз справедливость была на его стороне.

– Ты прав.

Альбар толкнул ногой неподвижное тело, плащ сполз в сторону. Внезапно оба наклонились, глядя на дергающуюся в ритме качки голову. Вард присел и поспешно дотронулся до лица девушки, потом поднял взгляд:

– Ты прав. Но она только что умерла, господин Альбар.

Наверху, на палубе, раздался превосходящий грохот волн дикий вопль, от которого застыла кровь в жилах. Оба бросились к выходу.

Неподвижно стоявший на раскачивающейся палубе Раладан окинул взглядом низко нависшее небо и море вокруг корабля. Его внимание привлекла черная точка на северо-западе. Он нахмурился и напряг зрение.

Корабль содрогнулся от могучего порыва ветра.

Шло время.

Матросы, не обращая внимания на соленые брызги, начали собираться у бакборта. В конце концов все бросили свои дела и сосредоточенно следили за черным пятнышком, поскольку оно уже не было точкой, быстро приближаясь. Слишком быстро для корабля, слишком быстро для морского зверя, намного, намного быстрее...

Растолкав матросов, Раладан вцепился в фальшборт. По спине у него пробежали мурашки. Ему знакома была эта картина. Во имя Шерни! Эта картина была ему знакома!

Неизвестно, кто из команды понял первым, но кто-то закричал, а мгновение спустя его крик подхватили все. На палубе забурило. В толкотне из-за все усиливавшейся качки кто-то вылетел за борт. Все бежали вниз, под палубу, словно нутро корабля могло защитить от мчащегося, как ураган, черного, выжженного остова. Он несся, не обращая внимания на ветер,

быстро, как птица, словно сам был ветром; разбитый нос рассекал волны, расходящиеся двумя огромными гребнями вдоль корпуса. Почти лежа на борту, с обожженными обломками мачт, он летел прямо навстречу несчастному барку.

Палуба опустела. Остался лишь вцепившийся в борт Раладан. Бледные губы его шевелились, шепча уносившиеся ветром слова:

- Я сделал все, что мог, все, что мог, господин...

Под грот-мачтой на обгоревшей палубе мелькнула какая-то огромная, мрачная, зловещая тень, затем барк с ужасающим грохотом трянуло, треск ломающихся досок и рвущейся обшивки смешался с пронзительным воем, донесшимся из глубин корабля до палубы. Остов каравеллы разбил корму, словно она была сделана из соломы, развернул обреченный парусник вдоль оси и положил на борт, после чего помчался дальше, оставляя за собой пенящийся белый след. Кровавая молния ударила в разбитый корабль и исчезла где-то в его нутре.

Близился вечер, но из-за черных туч вокруг уже наступила темнота. Глубоко погружившийся искалеченный корпус старого барка, лишённого руля, с разбитой кормой и сломанной мачтой, каким-то чудом держась на воде, несясь в объятиях ветра на восток. На палубе не было ни единой живой души; если на корабле и оставался еще кто-то живой, то прятался глубоко в его трюме, ища иллюзорной безопасности в каком-нибудь темном углу, может быть в дрожащих объятиях товарища. Никто не управлял кораблем – это было просто невозможно, никто, впрочем, не осмелился бы выйти на палубу и взглянуть на море; все боялись смерти, но в сто раз сильнее был страх перед жутким черным призраком. Сама мысль о том, что остов сожженной каравеллы может вернуться, чтобы довершить начатое дело, повергала в ужас.

Наступил вечер, за ним ночь.

Завывал ветер, массы воды грохотали о доски корпуса. Черные волны вздымали корабль на своих гребнях, чтобы затем с шумом обрушить вниз, пытаясь раздавить его, ввергнуть в смертоносную пучину, но он раз за разом поднимался из бездны. Наконец протяжный треск возвестил о появлении нового, по-настоящему смертельного врага – рифов. Корпус трещал и бился о скалы, в потоках дождя, внезапно хлынувшего в свете молний, по палубе ползали какие-то люди. Вихрь вознес корабль на гребень новой волны, та подхватила его, словно детский плотик из палочек, перебросила через грозные скалы и швырнула на другие, огромные, зубастые. Истерзанный корпус разлетелся в щепки. Ревел ветер и ревели волны, посреди их рева крик человека был неразличим сквозь треск ломающихся досок, скрежет обломков, ударяющихся о шершавые камни скал. А потом уже не было слышно ничего, кроме раскатов грома, и белые молнии освещали зажатый среди скал, словно в клещах, нос корабля с остатками надстройки.

Так продолжалось до утра.

Утром буря утихла, ветер еще шумел и завывал, волны остервенело били о черные берега большого скалистого острова, но молний, дождя и грома уже не было. Сквозь тучи струился тускло-серый свет начинающегося дня.

Каменистый берег был устлан обломками разбитого корабля. Всюду валялись доски, какие-то бочки и ящики, опутанные канатами, покрытые водорослями. Волны играли с ними, гоняя туда и обратно по скользким камням. У высокой грязной отмели, из-под которой выступал голый камень, виднелась узкая полоса камней и серого песка, куда вода уже не доставала. Туда море вынесло несколько темных фигур.

13

Она ощутила холод. Тут же до нее дошло, что она лежит на чем-то твердом и неподвижном, и она со всей силы вонзила в песок ногти, раня пальцы о

ракушки и камни. Внезапно ее стошнило морской водой, и она громко закашлялась. Потом она перевернулась на спину и лежала так неподвижно, тяжело дыша, без сил.

Сине-серые густые тучи ползли по низкому небу, надвигаясь со стороны моря. Мокрый ветер постепенно приводил ее в чувство. Внезапно перед ее мысленным взором пронесли события последних дней, и она резко приподнялась на локте, оглядываясь вокруг. Потом, нахмурившись, дотронулась до лица, затем перевела взгляд на запястья, на которых виднелись хорошо зажившие шрамы – следы веревки, еще так недавно впивавшейся в тело... Со все большим удивлением она посмотрела на лодыжки, ощупала бока и спину...

Все раны зажили!

Она вскочила, еще раз окинув взглядом дикие пустынные окрестности. Потом опять села, ничего не понимая. Сжав губы, она погрузила руки в шершавый песок...

Внезапно она увидела его.

Он лежал, наполовину зарывшись в песок, почти такой же серый, как и прочие камни. Она невольно попятилась, глядя на него с изумлением и страхом.

Он был здесь... Каким чудом, каким чудом, о Шернь?!

В первое мгновение она хотела было оставить его и уйти как можно дальше, но неожиданно она поняла, что он, подобно судьбе, будет следовать за ней повсюду, раз уж он нашел ее здесь. Она протянула руку, выкопала его из песка и поднесла к глазам.

Рубин был серым и мертвым. Хрупким... Она чуть сжала пальцы – и вдруг камень растрескался, и вот уже ветер развеял с ее ладони кучку серого пепла. Чувствуя подступающий к горлу комок, она смотрела, как остатки когда-то могущественного камня просыпаются меж ее пальцев.

Прикусив губу, она повернулась в сторону моря.

Произошло нечто необычное. Может быть, опасное, зловещее. Корабль швырнуло на скалы. Но перед этим...

Она помнила только холодный трюм.

Встав, она пошла прямо вперед.

Она медленно шла вдоль берега, тупо глядя по сторонам. Негостеприимный пляж и отмели, дальше – верхушки деревьев.

Она поднялась на песчаный холм.

Слева от того места, где она стояла, была небольшая бухта. У воды она заметила какое-то движение – на песке сидели несколько человек. Присев среди желтой травы, она не отрываясь, испуганно смотрела на них.

Людей было трое. Один из них встал и направился к берегу. Он вошел в воду по колени и, не обращая внимания на волны, начал что-то кричать. Слов она не могла разобрать.

Тут же она заметила, что не далее чем в трети мили от берега из воды торчит зажатый между скалами нос корабля. Всмотревшись, она заметила там человека.

Она снова посмотрела на стоявшего в воде. На нем был желтый мундир. Солдат.

Солдат вернулся на берег, разделся, снова вошел в воду и поплыл. Сначала все шло хорошо – в защищенной от ветра бухте волны были не слишком большими. Она невольно восхищалась смелостью пловца. Волны подбрасывали его словно палку, он часто исчезал под ними, и несколько раз она уже была уверена, что он утонул. Однако некоторое время спустя снова появлялась голова и работающие руки. Она смирив взглядом расстояние, отделявшее его от остатков корабля. Он уже почти преодолел полпути.

Зажатый среди скал нос корабля вздрогнул и чуть осел. Внезапно она поняла – прилив.

Маленькая фигурка на корабле лихорадочно заматалась. Движения его были неловкими... Она подумала, что, возможно, тот человек ранен. Она выставила голову из травы чуть выше. На корабле было несколько человек! Теперь она видела нервную, беспорядочную суету.

Она снова спряталась в траве. Они не должны были ее видеть. При одной мысли о новом плене она стиснула зубы. Во имя Шерни, она уже не первый раз подумала о том, что эти люди мало чем отличаются от пиратов, которых она столь презирала...

Прав был Раладан.

И тем не менее плывший к товарищам на спасение солдат был героем. Он сражался с волнами, ветром и приливом. Прибывающая, хотя еще и незначительно, вода толкала смельчака обратно к берегу. Преодолев три четверти пути, солдат добрался до торчавшей из воды скалы и вскарабкался на нее, прижавшись к камню всем телом. Она поняла, что он очень устал.

Однако нельзя было терять ни минуты, так как нос корабля снова содрогнулся. Скрежет досок о камни достиг даже ее ушей. Солдат снова бросился в воду. Она поняла, что он решил добраться до корабля любой ценой, отчаянно, яростно молотя руками по воде. Ясно было, что если ему не хватит сил, если он ослабеет, то неизбежно утонет между обломками корабля и берегом. Вернуться он уже не мог.

Расстояние было слишком большим, и теперь она лишь изредка замечала пловца. Иногда лишь среди волн мелькали его руки, но она даже не была уверена, не привиделось ли ей.

Приливная волна все дальше накатывалась на берег.

Нос корабля содрогнулся в третий раз, замер, но лишь на мгновение. Стоявшие на берегу начали кричать и размахивать руками. Разбитый корабль опускался в воду. Внезапно он накренился и лег на волны. Она уже никого на нем не видела... Море играло обломками корабля, походившими теперь на груды случайным образом соединенных досок. Обломки несколько раз перевернулись на одном месте, после чего разбились о скалы, между которыми были до этого зажаты.

Пытаясь отыскать взглядом плывущего солдата, она невольно встала. Однако море было пусто. Среди бушующих волн не появлялись ни голова, ни руки.

Солдат утонул.

Она отнеслась к этому со странным безразличием. Посидев немного на песке, она встала и двинулась в сторону от берега. Она не знала, куда идет и зачем. Ей хотелось оказаться как можно дальше от людей на берегу. Ничего больше.

Солдат, однако, не утонул. Отчаянно сражаясь с морем, он добрался до скал, вокруг которых плавали обломки парусника. Услышав крик о помощи, он тут же бросился туда, откуда тот доносился. Среди поломанных досок барахтались люди, судорожно цепляясь за все, что могло помочь в борьбе с пучиной.

Как ни удивительно, в живых после катастрофы остались многие. Корабль-призрак Демона разбил корму барка; все, кто остался жив, искали убежища в носовой части корпуса, а именно нос дольше всего продержался над водой... Теперь горстка людей, которых не унесли ночью волны, отчаянно дралась за жизнь. Их было пятеро: Альбар, двое матросов, лишившийся чувств Вард и лучник со сломанной ногой.

Солдат, приплывший на помощь, считался лучшим пловцом в команде. Благодаря его самопожертвованию появилась возможность спасти раненых. Альбар, удивительно хорошо владевший собой в воде, с неожиданной энергией, таившейся в его худом теле, поплыл ему навстречу. Вместе они начали буксировать к берегу длинную и толстую балку, когда-то бывшую форштевнем.

Среди выступающих из воды скал болтался опутанный канатами кусок бушприта. Из последних сил солдат подтянул его к себе и привязал к балке. Они помогли добраться до этого импровизированного плоту раненому лучнику, сломанная нога которого причиняла ему страшную боль при каждом очередном ударе волны. Урядник, с мрачно-презрительной гримасой на бледном лице, привязал его и поспешил на помощь матросам, едва удерживавшим на поверхности все еще не пришедшего в себя капитана. Его тоже привязали к балке. Потом все отдыхали, тяжело дыша, раз за разом захлестываемые волнами, но уже чувствуя себя в относительной безопасности. Чуть позже они начали работать ногами; им помогал прилив, неся их в сторону берега. На полпути было уже ясно, что они спасены.

Они долго отдыхали на берегу, потом прошли чуть дальше в глубь суши.

Ветер не ослабевал; от него немного защищали песчаные холмы, но холод давал о себе знать. Мокрая одежда скорее стесняла движения, чем защищала. У них не было никакой еды, не могли они и развести огонь.

Они знали, где находятся: западный ветер снес их с выбранного курса, дрейфующий парусник миновал с севера Большую Агару и разбился у берегов лежавшей от нее на северо-востоке Малой Агары. Впрочем, один из матросов был именно отсюда родом, ему была знакома каждая пядь земли, и он знал, как добраться до ближайшего рыбацкого селения. Вскоре, немного набравшись сил, он отправился за помощью. Кто-то еще пошел в другую сторону, намереваясь тщательно осмотреть пляж. Однако больше никто не спасся. Раненые лежали на земле. Сломанную ногу лучника зажали между двумя палками и обвязали куском веревки. Варду перевязали рану на голове. Когда он пришел в себя, его вкратце ознакомили с последними событиями; теперь он лежал, обдумывая создавшееся положение.

В первую очередь необходимо было добраться до рыбацкого селения, нанять лодки и плыть на Большую Агару. Буря кончилась, но Вард знал, что времени у них немного. Вскоре начнется новая, которая, возможно, продлится несколько дней. Перспектива остаться на этом острове выглядела весьма мрачно. Столица Агар, Ахелия, находилась не на Малой, а на Большой Агаре. В Ахелии был родной порт их уже не существующей эскадры. В Ахелии были казармы морской стражи. В Ахелии – был дом Варда.

Здесь, на Малой Агаре, они могли рассчитывать самое большее на гостеприимство агарских рыбаков, у которых хватало собственных хлопот и без непрошенных гостей. Эти мужественные, суровые люди в течение трех месяцев не могли пользоваться дарами моря, живя благодаря накопленным в течение года запасам сушеной рыбы, которые составляли почти единственную их пищу. Малая Агара была лишь покрытой песком и жесткими травами скалой; на подобном грунте мало что можно было выращивать. Трава с побережья была не лучшим кормом для скота. На всем острове держали всего несколько коров. Разводили только кур.

Была уже темная ночь, когда посланный в рыбацкое селение матрос вернулся в сопровождении отца, дяди и еще нескольких рыбаков, нагруженных простыми, наскоро изготовленными носилками, провизией и бурдюком, полным местного подобия темного пива.

Ридарета шла среди низкорослых сосен. Она до сих пор не задумывалась о том, где находится, что ей делать. Она не знала, велик или мал остров, на котором она оказалась. Судя по части берега, которую она видела, он был достаточно обширен.

Впрочем, остров ли это? С тем же успехом она могла находиться на континенте Шерера.

Одиночество наводило на неприятные мысли. Она пыталась отбросить их прочь, не желая ничего знать, ничего понимать... Но образ превратившегося в пыль Гееркото навязчиво преследовал ее утомленный разум. Несомненно, она была собой, оставалась собой. Но в какой степени? Что, собственно, произошло? Внезапное исчезновение всех ран скорее пугало, чем радовало. Ее преследовал образ умирающего Рубина. Она изо всех сил старалась не замечать чудовищной связи между агонией могущественного камня и ее внезапным исцелением.

Потом она подумала о лощмане. Раладан... До сих пор она не отдавала себе отчета в том, насколько он был ей нужен. Теперь, когда она осталась по-настоящему одна...

Она знала, что стражники хотели ее повесить. Она знала, что лощман каким-то образом этому помешал. В который уже раз она была обязана ему жизнью?

Увидев у ног узкий ручеек, она присела. Странно, но до сих пор она не чувствовала ни голода, ни жажды.

Однако она все же напилась.

Если это был остров, в особенности небольшой, то где-то внизу по течению этого ручья должно находиться селение. Ридарете были знакомы острова у побережья Гарры, и она знала, что пресную воду здесь зря не тратали. Где бы этот остров ни находился, сомнительно, чтобы здесь страдали от избытка питьевой воды.

Она продолжала сидеть погруженная в раздумья.

Так или иначе, в конце концов необходимо было найти какое-нибудь человеческое поселение. Ведь не могла же она питаться воздухом, не могла и

ночевать под открытым небом, одетая в одни лишь лохмотья, даже близко не напоминавшие платье. Однако она боялась, что в селении, находящемся неподалеку от места катастрофы, наткнется на потерпевших кораблекрушение. Чем бы это закончилось – она прекрасно знала.

Однако столь же хорошо она знала, что вскоре силы оставят ее. Она подумала, что ей вовсе незачем просить ночлега, может быть, просто удастся украсть какую-нибудь еду и одежду... Она решительно не желала, чтобы кто-либо догадывался о ее существовании. По крайней мере пока.

Она пошла вдоль ручья.

Пейзаж был довольно необычен, она никогда прежде не видела ничего подобного. Песчаные отмели соседствовали с голыми серыми скалами, дальше пляж уходил под воду, берег становился все выше и круче, поросший травой и карликовыми деревьями. Дальше, в глубине суши, чернел редкий сосновый бор. Она с удовольствием забралась бы в него; уже несколько месяцев она не ходила по лесу, когда-то ей очень нравились долгие прогулки в одиночестве...

Когда-то...

Она шла еще довольно долго. Приближался вечер, когда она увидела дым над деревней. Она поспешно вскарабкалась на ближайший холм. Невдалеке, может быть в полумиле, лежало рыбацкое селение.

Сердце ее забилось сильнее, ибо вид показался ей странно знакомым. Почти так же выглядели селения гаррийских рыбаков. Так же сушились сети на вбитых в землю кольях, так же лежали дном вверх вытасненные на берег лодки. Ей приходилось видеть много таких селений, путешествуя в компании бродячего торговца, который сжалился когда-то над бездомной девушкой и погиб с перерезанным пиратами горлом...

Она отбросила причинившие боль воспоминания и сбежала с холма.

Дома стояли довольно далеко от пляжа; она подумала, что – так же, как и в других местах – это связано со значительной высотой прилива. Она была уже возле первых строений, когда внезапно поняла, что ведет себя крайне неосторожно. Однако было уже слишком поздно – послышался лай собак, который быстро приближался... Прежде чем она успела сообразить, что делать, ее окружили несколько надрывающихся от лая дворняг. Через небольшой пожелтевший луг бежал мальчик лет двенадцати-тринадцати. Увидев ее, он на мгновение остановился, но тут же еще ускорил шаг. Он подозвал собак и свистнул. Дворняги оставили ее в покое. Мальчик остановился в нескольких шагах, подозрительно и с некоторым страхом разглядывая девушку. Она подумала о лохмотьях, составлявших всю ее одежду, вспомнила и о том, что на выбитом глазу нет повязки, а растрепанные грязные волосы в дополнение ко всему прочему делают ее похожей на ведьму.

– Ты с нашего корабля? – спросил мальчик. Он пользовался каким-то диалектом, чуждо звучащим в ее ушах, однако она его прекрасно понимала. Она кивнула, лихорадочно думая о том, что если в деревне уже знают о гибели парусника, это может означать лишь одно...

– Где я? – спросила она. – Это... остров?

Мальчик смотрел на нее, казалось, все подозрительнее.

– Это Малая Агара, – ответил он. – А ты откуда?

Она поняла, что он спрашивает не о том, откуда она взялась на острове, но откуда она родом.

– С Прибрежных Островов, – ответила она. Она не стала упоминать о своем гаррийском происхождении; островитяне терпеть не могли гаррийцев, впрочем взаимно.

Мальчик кивнул, хотя она сомневалась, что он знает, где это.

– Идем в деревню. Мой отец с тобой потолкует. Он староста деревни, – небрежно добавил он.

Низкорощенные никогда не отличались особой деликатностью в словах, но ее удивила явная бесцеремонность в его голосе. Правда, она слышала, что Агары, расположенные довольно далеко от Гарры, а от континента еще дальше, были почти что маленьким государством; здешний народ жил вдалеке от остального мира, едва считая себя подданными императора и уж тем более не склоняя головы перед Чистой Кровью Дартана или Армекта. Здесь, в рыбацких деревнях и поселениях вольных горняков при рудниках на Большой Агаре, все были равны. Даже солдаты легиона и морской стражи, служившие на Агарах, обычно были из местных.

Наконец она собралась с мыслями. Она уже знала, что ей грозит большая опасность. Так или иначе, худшее уже случилось: спасшиеся наверняка узнают, что она не погибла. Стоило ли, однако, лезть волку прямо в пасть? Она подумала было, не сбежать ли, но – рядом были собаки...

- А другие тоже пришли к вам? – осторожно спросила она.

- Пришел... – Мальчик назвал какое-то имя, которого она не расслышала.

- Он из нашей деревни. И все пошли к бухте, с едой.

- Значит, потерпевших кораблекрушение сейчас у вас нет? – Она все еще не верила.

- Нет, – мальчик начинал терять терпение. – Но придут. Ну идем же.

Она подумала, что это и в самом деле лучшее, что можно сейчас сделать. Ей дадут поест, может быть – какую-нибудь одежду. Потом она найдет повод, чтобы ненадолго скрыться с глаз рыбаков. И сбежит, прежде чем придут те.

- Давно они ушли? – допытывалась она, идя следом за мальчиком.

- Недавно.

Когда они добрались до первых деревенских домов, было уже совсем темно.

14

"Слушай и запоминай, ибо более не дано будет нам поговорить. Рубин гаснет, Раладан. Здесь идет война. Ты – солдат Просторов, так же как и я стал солдатом отвергнутых Полос Шерни. Цели этой войны мне неведомы, я знаю лишь, что участие в ней позволяет мне влиять на судьбу Ридареты. Ничего более я не желаю. Но – достаточно, ибо время идет и осталось его немного... Быть может, ты меня еще увидишь, но разговаривать нам не доведется больше никогда. Гееркото передал свою силу..."

Голос, вначале отчетливый и ясный, и в самом деле, казалось, удалялся, становясь все тише.

"Корабль с Островов не потонет. Существует сила, которая выбросит его на Малую Агару. Ридарета беременна, Раладан. Проклятие, висевшее надо мной при жизни, преследует меня даже после смерти. Береги ее, Раладан. И помни, что правда всегда будет на стороне ее, первой моей дочери. Что бы она ни сказала, что бы ни совершила... Помогай ей. Я хочу... так случилось, что она... только она... самое лучшее..."

Слова были уже едва слышны.

"Есть... странный старик... он тебе скажет... больше... прощай... Раладан..."

Раладан поднялся с земли, пошатнулся и тут же упал, ощупывая вокруг себя руками, словно слепой. Однако темная пелена, висевшая до сих пор у него перед глазами, начала проясняться, и вскоре он уже видел, как в тумане, широкий ровный пляж; слышался грохот волн и вой ветра. Среди пенящихся валов он успел еще заметить огромный черный остов корабля и мгновение спустя провалился в глубокую тьму.

Когда Раладан снова очнулся, буря бесновалась вовсю; он понял, что все еще лежит на песчаном холме, а внизу, там, где был пляж, яростно хлещут бушующие волны. Дрожа от холода в промокшей одежде, он быстро поднялся и, несмотря на слабость во всем теле, неуверенно двинулся вдаль от берега. Пройдя около четверти мили, он наткнулся на некое подобие дороги. В сером свете пасмурного дня невдалеке мелькнул тусклый свет. Раладан немного отдохнул, набираясь сил, и, сражаясь с ветром, согнувшись почти пополам, направился в сторону огней. Миновав предместье и добравшись до городских стен, он уже знал, где находится. Ахелия – столица Агар.

Он даже не пытался понять, что, собственно, произошло. У него в ушах все еще звучали слова капитана; если они не послышались ему в бреду, это означало, что правящие миром силы сделали его жизнь своей игрушкой. Но сейчас самым главным было найти кров и пищу. Потом можно было думать о призраках, таранящих корабли, искать смысл в словах Демона...

Раладан шагал по пустым улицам Ахелии, которую неплохо знал, в сторону порта. Город был небольшим, хотя здесь, на Агарах, считался крупным. Вскоре он отыскал знакомую улицу, а на ней таверну. Он был у цели.

В большом зале было шумно. На лавках, стоявших вдоль трех длинных столов, сидел самый разнообразный люд – матросы, горожане, несколько проституток, какие-то подозрительные типы, которых везде полно. Трое солдат не торопясь потягивали пиво. Рядом, обнявшись, танцевали матросы, их окружали зрители, хлопавшие в ритм с выкрикиваемой пьяными голосами песней. Раладан постоял немного, пытаясь освоиться в привычном мире, где не было черных кораблей-призраков и Рубинов-Гееркото, потом протолкался к стойке и кивнул корчмарю, который тут же поставил перед ним кувшин с пивом.

– Мне нечем заплатить, – сказал лоцман. Корчмарь что-то сердито буркнул, забирая кувшин. Раладан схватил его за руку и показал на завязанный на шее платок.

– Возьмешь?

Пиво снова появилось перед ним. Хозяин таверны наклонился, взял мокрый платок двумя пальцами и внимательно пригляделся. Знаменитый дартанский шелк был вышит серебряной нитью.

– Я хотел бы поесть. И комнату на ночь, – сказал Раладан, зная, что платок стоит втрое дороже. Он снял его с шеи и протянул корчмарю.

– Без обслуживания, – буркнул хозяин, не глядя на гостя.

Раладан кивнул, взял пиво и повернулся, опершись спиной о стойку. Не торопясь глотая горькую жидкость, он окинул взглядом пеструю, шумную толпу. В углу зала за небольшим столиком какие-то люди играли в кости. Он подумал, что, может быть, таким способом удалось бы раздобыть немного серебра. Ему требовалось намного больше, чем можно было выиграть в кости, но небольшая сумма для начала существенно облегчала задачу.

Служанка принесла пиво на средний стол. Она расставляла кувшины, склонившись над столом, и под расстегнутой рубашкой ее большие груди покачивались в ритме ее движений. Сидевший ближе всего к ней подвыпивший детина сунул руку под рубашку и извлек их наружу, ко всеобщей радости. Служанка пискляво хихикала, расставляя последние кувшины; обвисшие, тяжелые сиськи почти лежали на столе. Кто-то похлопал девушку по округлому задку, но ее тут же оставили в покое, ибо донесшиеся с того места, где сидели солдаты, три глухих, тяжелых удара ногой о пол были хорошо известным сигналом, призывающим умерить свой пыл. Шлюх в таверне было в избытке, за полслитка серебра каждый мог получить что хотел. Служанке же полагалось разносить пиво. И ничего больше.

Корчмарь толкнул лоцмана под локоть; тот повернулся, взял миску с горячей говядиной, в которой, правда, было больше костей, чем мяса, и заменил пустой кувшин на полный.

– Последняя дверь, – бросил хозяин.

Раладан направился к лестнице, ведущей на второй этаж. По правой стороне темного и грязного коридора виднелись низкие двери. Всего было три комнаты, не считая большой общей, где спали на сене. Он вошел в последнюю, судя по виду самую маленькую и грязную из всех, насколько он сумел понять в сером свете, падавшем через открытую дверь. Поставив миску на стол, он взял свечу, похоже обгрызенную мышами, и вышел, чтобы зажечь ее от стоявшей в стенной нише коптилки. Вскоре он уже сидел на короткой койке, ломая зубами кости, обгрызая их и высасывая мозг. Закончив, он толкнул раму и выбросил остатки за окно. В комнатку тут же ворвался ветер, свеча погасла. Проклиная в темноте все на свете, он снова закрыл окно, снова принес огня из коридора, после чего задвинул щеколду. Сняв мокрую одежду, он улегся на тощий матрас, натянув потрепанное, но сухое одеяло до самой шеи.

Теперь можно было и подумать.

Утром он проснулся уже с готовым планом действий. Одежда так и не высохла; поморщившись, он с трудом натянул ее на себя. Выглянув в окно, он увидел, что буря заканчивается.

Здесь, в Ахелии, у него была полная свобода действий. Демон знал, что делает, перенеся его каким-то образом к берегам Большой Агары. Мрачный остов сожженного корабля внешне выглядел стихией, но действиями его руководила не слепая ярость, но разум. Впервые лоцман подумал о том, сколь

страшная сила этот призрак, появляющийся в нужное время и в нужном месте не только затем, чтобы сокрушать, но и затем, чтобы проводить в жизнь определенный план...

Раладан бегом спустился вниз. В большом зале уже не было столь тесно и шумно, как вечером, но народу все же было довольно много. За стойкой стояла толстая уродливая баба, наверняка жена хозяина таверны. Он подошел к ней и облокотился на стойку.

- Кости есть? - спросил он.

Не говоря ни слова, она дала ему грязный, замызганный комплект. Он отошел в угол и постучал по крышке стола.

- Сыграть хочешь?

Раладан кивнул, не поднимая взгляда, и расстегнул широкий с заклепками пояс.

- Серебра у меня нет, - сказал он. - Только этот пояс и сапоги, - он выставил ногу на середину зала, - таких ты наверняка никогда не видел. Шкура дартанского лося.

Сапоги были не слишком поношены, а пояс на рынке стоил бы пару слитков серебра. Поколебавшись, двое подсели к нему. Тот, что повыше, развязал грязную тряпку и высыпал около половины ее содержимого. Среди многочисленных медяков поблескивало несколько серебряных слитков. Второй достал несколько мелких монет и широкий острый матросский нож.

- Один к одному, - сказал он, кладя нож рядом с поясом.

Раладан кивнул.

Он не был до конца уверен, правильно ли поступает. Кости есть кости; он легко мог потерять пояс и сапоги, ничего не получив взамен. Однако он решил все же попытать счастья.

Они начали игру. Раладан быстро проиграл пояс владельцу ножа, но выиграл кое-что у его товарища. Тому явно не везло. Кучка денег быстро таяла.

- Еще три захода, - сказал Раладан.

Обладатель иссякающего кошелька нахмурился:

- Не так быстро, братец.

Он опорожнил свой платок, выложив деньги на стол.

Игра продолжалась.

Раладан остался при сапогах, нескольких слитках серебра и большом количестве медяков. Больше всего выиграл товарищ высокого. Лоцман подумал, что лишь благодаря ему игра не закончилась потасовкой, как это обычно бывало. Он встал из-за стола и отдал кости хозяйке, добавив несколько медяков. Немного подумав, он спрятал серебро, а на остальное купил пива и вернулся к столу. Разозленный дылда бросил на него неприязненный взгляд. И он, и его приятель явно были не из пугливых, хотя и не походили на разбойников. Китобои? Лоцман знал, что именно такие скоро ему понадобятся.

Он поставил перед ними по кувшину и сел. Они удивленно смотрели на него.

- Скоро у меня будет серебро. Много серебра, - сказал Раладан. - В частности, благодаря вот этому. - Он показал свой выигрыш. - Мне нужно было кое-что для начала.

Они выжидающе молчали.

- Я вернусь вечером. Буду искать надежных людей. Дам заработать, но предупреждаю, что это работа не для молокососов.

- Чем пахнет? Трупом?

Он покачал головой:

- Нет, - и встал. - Мне нужны еще четверо. Вечером расскажу подробнее. Если решите, что дело того стоит, ждите меня.

Выйдя из таверны, он направился по серой улице в сторону восточной заставы. Год с лишним тому назад, когда он развлекался на Агарах - еще вместе с Раписом, - сразу за городской стеной, у восточных ворот, жил человек, занимавшийся в числе прочего сдачей внаем повозок и верховых лошадей. На Агарах лошадь была настоящей редкостью, десятка полтора держали для морской стражи и легиона, но мало кто имел собственного коня. Содержание их обходилось недешево, а ездить, собственно говоря, было особенно некуда. На Большой Агаре было всего два города, Ахелия и Арба; второй, находившийся в глубине острова, был убогой дырой, состоявшей из полутора десятков домов, в которых жили вольные рудокопы, и жалких лацуг

для узников и рабов, работавших на имперских медных рудниках. Делать там было особо нечего. Однако если кто-то отправлялся в Арбу, он мог воспользоваться повозками, на которых перевозили руду на склады в Ахелии. Повозки эти возвращались пустыми, и за небольшую плату возницы брали пассажиров. Не брали они лишь грузов, экономя силы имперских волов.

Однако осенью, из-за отвратительной погоды, повозки ходили нерегулярно. Кроме того, Раладану нужно было спешить; хоть он и не был хорошим наездником, но предпочитал нанять коня, а не тащиться целый день в повозке.

Хозяин четырех кляч, из которых две были гужевыми, а из двух оставшихся лишь одну можно было назвать верховой лошастью, при виде трех с половиной слитков серебра начал было причитать и жаловаться на судьбу, но в конце концов понял, что больше не получит, поскольку больше просто нет. Вскоре Раладан трясся на хребте невероятно костлявого жеребца, возраст которого недвусмысленно указывал на то, что конь этот наверняка предок всех лошадей Шерера. Кляча тащилась раза в два быстрее не самого проворного пешехода, и хоть Раладан и довольно слабо разбирался в лошадях, все же знал достаточно, чтобы понимать, что едет не рысью и не галопом, а неким странным сочетанием одного с другим. Когда он наконец добрался до Арбы, первым его желанием было прогнать лошадь на все четыре стороны. Однако он все же сдержался, хотя явно видел, что на обратном пути конь неминуемо падет замертво.

Время торопило; лоцман быстро забыл о лошади. Среди грязных, топких улочек он отыскал ту, на которой стоял один из самых больших, если не самый большой дом в городе. Раладан поднялся по темной лестнице наверх и, старательно избегая встречи со слугами, вскоре оказался в просторной, довольно богато обставленной комнате. Оттуда он перешел в комнату поменьше, походившую на купеческую контору. Там было пусто. Он постоял немного, потом сел на массивный красный ящик у стены. В голову пришла мрачная мысль, что если любой может забраться сюда столь же легко, как и он, значит, он пришел зря. Ведь его ждала встреча с не раз уже ограбленным беднягой...

Какое-то время спустя послышались голоса. Голоса приближались, наконец в контору вошел человек в черном, лет шестидесяти, сухой и костлявый, в сопровождении богато одетого юноши. Они оживленно беседовали. Раладан, прислонившись к стене, терпеливо ждал, когда они в конце концов его заметят.

- Я проверю, господин, - сказал костлявый, обходя стол и открывая солидных размеров книгу, занимавшую чуть ли не полстола. - Так, товар для вас поступил... - Он поднял взгляд и застыл. Раладан спокойно смотрел на него. Молодой человек, видя изумление на лице торговца, быстро обернулся и тоже застыл неподвижно.

- Ты кто такой? - наконец спросил он, делая шаг в сторону Раладана. Он хотел еще что-то добавить, но хозяин конторы прервал его:

- Я его знаю, господин. Прошу прощения... но... я должен с ним поговорить...

- Закончи свои дела, Балбон, - отозвался Раладан. - Еще немножко я могу подождать.

Молодой человек удивленно посмотрел на него, потом повернулся к торговцу, но тот отчаянно замахал руками:

- Так... так будет лучше, господин, да! Так вот... так вот, товар...

Не давая молодому человеку вымолвить ни слова, он чуть дрожащим голосом все ему объяснил, после чего поспешно попрощался. Едва они остались одни, купец, явно испуганный, заговорил:

- Ради Шерни, господин! Ты неосторожен, это опасно для меня, опасно для тебя...

Раладан поднялся с ящика.

- Помолчи, Балбон, - спокойно сказал он. Купец замолк. Лоцман протянул руку: - Деньги, Балбон.

Человек в черном побледнел. Раладан шагнул к нему, схватил купца за отвороты на груди и одним движением швырнул на стол. Наклонившись, он спросил:

- В чем дело? Ты думал, мы не вернемся? Слышал об облаве, да? Думал, нас поймают, а если даже и нет, то до зимы тебя не тронут? Слушай, ты,

скряга! Мы тебе дали в долг пятьсот золотых. Ты сам назначил процент. Я пришел за деньгами, и я их получу. Получу сегодня. Немедленно.

Он отпустил черную мантию, и Балбон, посиневший и дрожащий, сполз со стола. Купец без лишних слов побежал к двери и, нервно, успокаивающе махнув рукой, скрылся. Раладан подошел к окну и посмотрел на улицу, чуть покачиваясь на каблуках.

- Вот... вот долг, господин, - слышался за его спиной сдавленный голос.

Раладан подошел к столу и взвесил мешочек в ладонях.

- Золото и серебро?

- Четыреста тройных серебра и сто тройных - золота...

- Без процентов?

Купец побледнел еще больше.

- У меня нет здесь, господин... Но я отдам, отдам! Отдам завтра... нет! Послезавтра.

Раладан положил мешочек и протянул руку.

- Дай мне этот перстень, Балбон. Тот, что у тебя на пальце. Быстрее. Теперь слушай. Ты должен Демону сто пятьдесят золотых. Я приду за ними послезавтра или еще когда-нибудь. Монеты должны быть серебряные, одиночные серебряные слитки, понял? Теперь слушай дальше. Может так случиться, что вместо меня появится кто-то другой. Пусть тебя не волнует, будет ли это ребенок или старик, женщина или мужчина. Он покажет тебе перстень, и ты отдашь ему серебро. Понял?

Он взял мешочек и направился к двери.

- Мы не кровожадны, Балбон, - на ходу бросил он. - Но на будущее постарайся не задерживать уплату долгов. И можешь радоваться, что пришел я, а не Демон... Сомневаюсь, чтобы ты отделался столь дешево.

Он многозначительно показал перстень и вышел.

Угловатые движения несчастной клячи на этот раз беспокоили его намного меньше, поскольку, задумавшись, он едва обращал внимание на происходящее вокруг. Первая проблема была решена - средствами он уже располагал. Собственно, они достались ему даже легче, чем он считал; в свое время он в душе возражал против этой авантюры с одалживанием денег, однако Рапис его мнения не спрашивал. К счастью.

Рапис часто давал в долг под высокий процент, и притом суммы куда более серьезные. Обычно, однако, должниками были люди, которых он крепко держал в кулаке, как правило зная об их участии в каких-нибудь темных делишках. Против Балбона же у них не было ничего. Раладан подумал, что на месте купца он просто взял бы эти пятьсот золотых и жил себе спокойно где-нибудь в Рине, в самом центре Армекта. Однако Рапис лучше разбирался в людях. По каким-то причинам Балбон не сбежал. Может быть, он был просто слишком стар? Наверняка он больше думал о собственных детях, а тем пятьсот золотых не надолго бы хватило; куда лучше было оставить им процветающее дело... Так или иначе, он не сбежал и, более того, не обанкротился. Судя по разным мелочам, в том числе по немедленной выплате долга, он употребил деньги себе на пользу. Из разговора с молодым человеком Раладан понял, что костлявый купец держит в подчинении всю Арбу, будучи монопольным поставщиком всего, что могли потребовать имперские рудники.

Доверие, которым лоцман пользовался у Демона, окупилось с лихвой. Капитан решал деликатные вопросы так, как они того заслуживали. Он не таскал с собой шумную толпу, не полагался на порывистого Эхадена, которому тем не менее доверял полностью. Всегда владеющий собой, хладнокровный, Раладан казался ему самым подходящим помощником; идеальная память, наблюдательность, наконец, железные мускулы и меткий нож - вот что ему требовалось.

Сумма, которой теперь располагал лоцман, была вполне приличной.

Барку островитян было предначертано разбиться у берегов Малой Агары. Раладан не пытался выяснить, откуда могучему призраку было известно, что девушка пережила катастрофу. Он считал это само собой разумеющимся. Был лишь один вопрос - остался ли в живых кто-то еще кроме нее. Так или иначе, необходимо было перебраться на Малую. Золото облегчало задачу.

Раладан был человеком уверенным в себе и вовсе не склонным к

предрассудкам (по крайней мере в сравнении с большинством моряков). Он не привык верить всему, что лишь внешне походило на правду. Еще некоторое время назад он и медяка бы не дал за рассказ о зловещих рубинах-Гееркото, кораблях-призраках и проклятых Шернью капитанах, которые не в силах покинуть мир живых. Однако теперь все было иначе. Раладан доверял собственному разуму, ибо не слышал ни о чем ином, чему стоило бы доверять больше, и не пытался строить каких-либо догадок. Дело было вовсе не в том, что он не любил думать... Он просто оказался во вполне конкретной ситуации, требовавшей конкретных действий. И он действовал, отложив на потом вопросы вроде "зачем" и "почему".

В Ахелии он вернул измученную вконец лошадь хозяину и отправился в портовый район, следя за тем, чтобы мешочек под курткой не слишком звенел. Несмотря на довольно позднее время (уже приближались ранние осенние сумерки), он успел совершить некоторые покупки: новую одежду, соответствующую времени года, несколько сумок разной величины и формы, наконец, четыре хороших острых ножа – оружие, без которого он чувствовал себя чуть ли не голым.

Оставалась еще одна проблема, и немалая, – нужно было где-то спрятать золото. Нельзя же было всюду таскать с собой тяжелый звенящий мешок. Он отложил решение этого вопроса на потом, а пока высыпал золото в сумку из парусины, плотно завернул в другую такую же и обе вместе запихал в кожаную сумку поменьше, которую повесил на плечо.

Чуть ближе к порту в Ахелии была другая таверна, получше и подороже той, где он провел ночь. Он снял комнату, заплатив за несколько дней вперед. Ему не хотелось показывать деньги там, где еще накануне он платил за еду снятым с шеи платком и ставил сапоги против трех слитков серебра.

В комнате – на этот раз довольно чистой – он поделил деньги. Часть сунул в карман, чтобы всегда иметь под рукой, а остальное снова спрятал в сумки. Уходя, он, естественно, забрал сумку с собой.

Раладан вернулся в первую таверну.

Он почувствовал себя так, словно вовсе не уходил. Вокруг столов он видел если не те же самые, то очень похожие рожи, шум был точно такой же, и столь же густым был заполнявший зал трубочный дым. Оглядевшись по сторонам, он заметил за столиком в углу два знакомых лица и направился к ним. Он сел, и какое-то время все трое молчали. Лоцман кивнул сисястой служанке. Вскоре они потягивали пиво, сдобренное хорошей порцией рома.

– Серебро у меня, – сказал лоцман. – Как я и говорил.

Они кивнули.

– Что за работа?

– Надо сплавить на Малую.

Они молча переглянулись.

– Ничего сложного. Если ветер не будет дуть прямо в нос, шестеро хороших гребцов дойдут за один день. Даже при осеннем волнении. Хватит одного ясного дня.

Его собеседники недовольно поморщились.

– Осенью на Малую никто не ходит. Надо ведь, братец, еще и вернуться. Ясный день – понятно, только другой такой может быть через неделю. А то и через две.

– Заплачу за каждый день.

– Ты такой богатый?

Раладан отпил большой глоток.

– Заплачу за каждый день, – повторил он.

– Что там у тебя такое?

Лоцман задумался.

– Нужно кое-кого привезти оттуда сюда.

Они еще больше помрачнели.

– Что-то тут дурно пахнет. Почему бы ему самому не приплыть? У них, что, на Малой лодок нет? А, братец?

Раладан посмотрел высокому в глаза:

– Послушай, приятель. Есть работа. Так? Ну так либо берись, либо не берись. Желаящих я и так найду, ничем не хуже вас, только, может быть, не столь любопытных.

Он отставил пиво и встал.

– Без обид, братец. Потолкуем.

Лоцман продолжал нерешительно стоять.

- Не люблю лишних вопросов.
- Без обид. Можно и сплавать. Но сначала дай понять, стоит ли.

Раладан снова сел.

- Сколько хотите?

Они переглянулись.

- Пятнадцать, - рискнул высокий. - Двадцать, - тут же поправился он. - И пять за каждый день.

Лоцман поднял брови.

- Мы ведь идем на Малую, - сказал он, - а не на Гарри.

Неразговорчивый товарищ высокого пожал плечами:

- Ты слышал. Двадцать каждому и пять в день.
- Три за день, по возвращении. На это согласен.
- Пять.
- Нет, друг. Я бы с вами сидел на Малой до конца жизни. Три. Но если все пойдет быстро и хорошо, добавлю еще десять больших серебряных, на всех.
- Тройных? - уточнил дылда.
- Тройных. Десять тройных.

Высокий встал и подошел к одному из длинных столов. К нему повернулось несколько голов. Начался сопровождавшийся оживленными жестами разговор. Наконец высокий вернулся.

- Четыре и по рукам.
- Три.

Лицо дылды искривилось в усмешке.

- Упрямый ты, братец. Ладно, будь по-твоему.

Следующий день выдался для Раладана необычно хлопотливым. Сначала пришлось искать лодку. В Ахелии с этим было непросто, скорее следовало попытаться в какой-нибудь из рыбацких деревушек. Он подумал было о китобоях, привыкших рисковать, но селения китобоев располагались на южном побережье, так что ему пришлось бы, наняв лодку, обойти кругом остров и лишь затем направляться на Малую. Три дня. Слишком долго. Три дня хорошей погоды - осенью...

На северном побережье, откуда он мог бы прямо идти на Малую Агару, было несколько рыбацких селений. Однако рыбаки, люди осторожные и мирные, - это не китобои. Лоцман подозревал, что никто из них не захочет дать внаем лодку - сейчас, осенью, слишком велик был риск ее потерять.

Его опасения быстро подтвердились. Он побывал в двух деревнях (на этот раз уже верхом на коне получше) и понял, что если ему нужна лодка, ему придется ее просто купить. В обеих деревнях нашлись лишь три лодки, достаточно большие для его целей. Одной, похоже, было сто лет, другая составляла совместное и единственное имущество трех семей, которые и слышать не хотели, чтобы отдать ее за золото, хотя Раладан не скупился. Пришлось купить третью, за баснословную сумму, однако он вынужден был согласиться, поскольку понимал, что пешком до Малой Агары не добраться.

Оставив покупку под присмотром бывшего владельца, он вернулся в Ахелию и занялся снаряжением экспедиции. Он купил бочонок для воды и еще один - соленого мяса, мешок сухарей, несколько теплых одеял, два плотничьих топора, наконец, моток веревки и немного парусины. Китобои были совершенно правы - двухдневное путешествие туда и обратно легко могло превратиться в двухнедельное приключение. Лишь от капризной осенней погоды зависело, не застрянут ли они на соседнем острове надолго.

Раладан шел к себе в таверну нагруженный тяжелым канатом и рулоном полотна. На улицы уже опустилась ранняя осенняя ночь. Перед самой таверной он разминутся с двумя пьяными матросами, которые как раз оттуда возвращались. Лицо одного показалось ему знакомым, он остановился и оглянулся, но их было уже не разглядеть в полосе света, падавшего из полуоткрытых окон.

Вскоре он был уже у себя в комнате. Бросив веревку и полотно на груды прочего добра, он сел на койку, вытянув уставшие сначала от сидения в седле, а потом от долгой ходьбы ноги. Сидел он, впрочем, недолго. Внезапно он вскочил и выбежал из комнаты, даже не заперев за собой дверь. Выскочив

на улицу, он бросился туда, где скрылись в темноте пьяные матросы. Он долго искал их, но тщетно.

Лицо, которое он узнал, принадлежало матросу с корабля Варда.

15

Дни становились все холоднее. В Дартане и Армекте осень бывала ясной и солнечной, но здесь, на Агарах, она скорее напоминала громбелардскую осень с ее бесконечными дождями. День за днем по небу плыли хороводы темных туч, вокруг затерянных на Просторах клочков суши бесновались яростные бури. Грозные вихри били крыльями, вздымая песок с отмелей, пригибая к земле угрюмые серые сосны.

Во время штормов жизнь на Агарах, казалось, замирала, как, впрочем, и всюду, куда долетали злобные ветры, зародившиеся в глубинах Восточного или Западного Простора. Люди тщательно запирали окна и двери, ожидая, когда погода прояснится, чтобы собрать новый запас дров, залатать протекающую крышу, ликвидировать повреждения, причиненные дождем и ветром.

Однако на Малой Агаре все же был человек, которого нimalo не волновали ветер, пронизывающий холод и ранние сумерки. Каждый день поутру, к неослабевающему удивлению рыбаков, человек этот надевал плащ с капюшоном, брал с собой немного еды и отправлялся в глубь острова, чтобы вернуться лишь поздно вечером. Цель его путешествий была им известна, но, когда он уходил, они многозначительно крутили пальцем у лба: естественно, девушка, кем бы она ни была, давно уже умерла от холода и голода. На острове не было никаких пещер, а разве шалаш, даже самый крепкий, мог устоять против бури? Чахлые леса не изобиловали дичью, лишь птицы мелькали среди деревьев. Как долго можно прожить без пищи, без огня и без крыши над головой?

В течение трех недель Альбар упорно продолжал поиски. Он исходил остров вдоль и поперек, бродил вокруг, таился в засаде... И все безрезультатно.

Он сильно изменился. Бледное лицо, исхлестанное ветрами, стало теперь красным, когда-то ухоженные ногти утратили всяческие следы былой красоты. В рыбацких хижинах его донимали вши – он постоянно расчесывал грязные, растрепанные волосы. Щеки и подбородок покрылись щетиной.

Порой он вспоминал разговор, который состоялся у него с Вардом еще до того, как тот отправился вместе с матросами на Большую Агару.

"Подумай как следует, – убеждал Вард. – Этот остров – ловушка. Ведь и я не собираюсь дарить этой маленькой пиратке свободу. Но торчать здесь три месяца? Нет, господин Альбар. Завтра мы отплываем в Ахелию. Вернемся в конце осени, с солдатами, и найдем ее, даже если потребуется перевернуть каждый камень и обойти вокруг каждого дерева. Ведь от нас ей не сбежать. Рыбаки уже знают, кто она, сообщат и в другие деревни. Никто не даст ей лодку. Что ей останется делать? Украсть лодку самой, столкнуть ее на воду и грести на Большую? А может быть, сразу на Гарру?"

Альбар тогда ответил: "Когда ты вернешься со всем своим войском, капитан Вард, она уже будет вас ждать. В превосходных колодках. Здешний народ их быстро соорудит. Превосходные колодки".

Теперь он иногда задумывался о том, удастся ли ему исполнить данное обещание... Но ведь где-то она должна была быть! Живая или мертвая. Неужели ей все же удалось каким-то образом выбраться с острова? Мысль об этом приводила его в неподдельный ужас. Тем упорнее он вел дальнейшие поиски, уходя еще до рассвета и возвращаясь ночью.

Однажды ему пришло в голову, что он ищет не там, где следовало бы. Ему была известна каждая пядь внутренней части острова, но он до сих пор не искал на побережье.

Но побережье... отданное на милость всем ветрам, заливаемое штормовыми волнами, не относилось к числу мест, где человек мог бы выжить в течение

трех недель.

И тем не менее он все же решил обойти остров вокруг. С тех пор как ушел Вард, буря следовала за бурей; он рассчитывал лишь на то, что погода вскоре выправится, хотя бы ненадолго. Он подождал несколько дней (не прекращая, однако, поисков в глубине острова), и действительно, после очередного шторма несколько прояснилось... Он взял с собой побольше еды и отправился в путь.

Все еще дул холодный ветер, хотя по сравнению с недавним ураганом он казался лишь приятным бризом. Каменистый пляж, устланный пучками водорослей, выглядел угрюмо и неопрятно. Он уже несколько раз подумывал о том, чтобы вернуться, поскольку мысль о том, что кто-то мог прятаться в таких местах, и в самом деле граничила с абсурдом. Однако он шел дальше, зная, что воспоминание об упущенном шансе будет преследовать его до конца дней.

Господин Н.Альбар, неприметный урядник Имперского Трибунала, не был злодеем... Он редко задумывался о том, что делает, и, возможно, это было самым большим его недостатком. Впрочем, недостатком ли? Трибуналу были нужны именно такие люди – усердные, выносливые и преданные и не слишком склонные к лишним раздумьям. Такие, в сердце которым можно было бы вложить Свод Законов, а в голову – Кодекс Правонарушений. Альбар был машиной, созданной, подобно арбалету, с одной только целью: если задачей арбалета было стрелять, то задачей Альбара – преследовать. И точно так же как арбалет сам по себе не является ни злым, ни добрым, так и Альбар не был ни злым, ни добрым, самое большее – полезным. Сотни и тысячи таких же усердных, полезных людей кружили по всему миру, людей, характер которых, сформировавшись однажды, навсегда оставался тверже гранита. Ответственность за их действия падала на тех, кто во имя разнообразных целей готов был конструировать машины. Из соответствующей древесины, из соответствующих сортов стали или, в конце концов, из той часто встречающейся разновидности людских душ, которым легко придать желаемую форму, в каковой они застывали раз и навсегда.

Знал ли господин Н.Альбар, урядник Трибунала, что он всего лишь машина?

Темно-синие тучи ползли со стороны моря, неторопливо проплывая над головой. Горбатые, покрытые лишаями увядшей травы песчаные холмы напоминали картины из ночного кошмара – неприязненные, враждебные, мрачные. Он хотел вернуться – но не вернулся. И получил свою награду...

Он увидел ее у подножия именно такого холма. Она лежала навзничь, полуобнаженная, откинув в сторону левую руку; ноги ее были занесены песком... Ветер швырял ей в лицо мокрые брызги, терзал мокрые волосы.

Альбар стоял неподвижно, сдвинув брови, внешне спокойный, как всегда, но сердце его билось быстро и неровно. Вот она. Как долго она лежала под этим холмом, ожидая, пока он ее найдет? Перед глазами его промелькнули все испытания минувших дней, и он неожиданно пожалел, что все оказалось напрасно. Перед судом Трибунала ее уже не поставишь... Дешево, слишком дешево она избежала наказания... Чувствуя все нарастающую злость, он подошел ближе и взглянул в изуродованное лицо лежащей. Жуткая глазница, казалось, издевалась над его простым плащом, всклокоченными волосами и неухоженной бородой.

Взгляд имперского урядника, обычно все время бегающий туда-сюда, на этот раз был неподвижным и острым, словно кинжал. До сих пор он не знал, что такое ненависть. Он был выше этого. Теперь же... впервые в жизни он желал не наказания, но мести.

Мстить, однако, было уже поздно.

Стоя так со стиснутыми зубами и глядя на девушку, он вдруг заметил несколько... странных деталей. Девушка не была истощена. Не было видно и следов разложения. Внезапно наклонившись, он дотронулся до ее руки – она была теплой! Он заметил движение груди – она дышала! И в то же мгновение ему в лицо ударил полный ужаса одноглазый взгляд!

То, что он принял за смерть, было сном!

Он отскочил назад, в то же мгновение вскочила и она. Они стояли не двигаясь с места; в голове Альбара вихрем проносились тысячи мыслей. Каким чудом, во имя Шерни?! Кем было это существо, крепко спавшее в объятиях холодного ветра, зарывшись в мокрый, тяжелый песок?! Каким чудом она выжила?

Он прыгнул к ней, но она оказалась проворнее и уже карабкалась на холм. Он взбирался за ней следом; ему удалось схватить ее за ногу, облепленную клочьями мокрых лохмотьев. Они скатились на берег. Она сражалась словно дикий зверь, он же сопротивлялся, нанося удары онемевшими от холода руками, чувствуя то под собой, то опять на себе ее горячее, совершенно невосприимчивое к холоду и влаге тело. Они долго возились на песке, оба полные ненависти и ужаса, наконец он схватил ее за шею и душил, пока она не перестала шевелиться. Он поднялся с земли, обливаясь холодным потом, но тут же снова упал на колени. Тяжело дыша, он смотрел на побежденное существо, которое не было, не могло быть человеком! Он победил ее, но теперь боялся приблизиться, боялся дотронуться до бесчувственного тела, с ужасом думая о том, что снова ощутит ее издевательское тепло.

Наконец, преодолев страх, он достал из-за пазухи веревку, которую всегда носил с собой. Дрожащими руками он связал ей запястья и спутал ноги так, чтобы оставалась возможность идти небольшими шагами. Наконец он накинул петлю ей на шею, а другой конец веревки обвязал вокруг руки. Потом присел на корточки и стал ждать, внимательно наблюдая за своей добычей.

Он сдержал свое слово. Колодки были сделаны. Закованная в них, она была, кроме того, привязана цепью к одному из столбов, на которых развешивали сети. Сначала он хотел держать ее в той же хижине, где жил сам, но через два дня подобное желание прошло: пленница стонала и скулила по ночам, словно зверь, кроме того, за ней нужно было убирать, и хотя он сам этим не занимался, ему надоели жалобы и ссоры рыбаков. Эти люди, обремененные пятеркой вонючих, как и все вокруг, детей, были сыты по горло уже им самим... Он начал всерьез опасаться, что однажды они тайком освободят его "добычу", лишь бы избавиться от хлопот. Так что теперь он держал пленницу снаружи. Она уже продемонстрировала, что отлично переносит влагу и холод, так что могла продолжать в том же духе и дальше.

До сих пор он даже не пытался ее допросить. Время у него было. Время было, вот именно, время было, было, было...

Теперь, когда цель его пребывания на острове была достигнута, Альбар крайне остро ощутил, в сколь примитивных условиях приходится ему существовать. А ведь впереди были еще целых два месяца... Волей-неволей он снова начал вспоминать трезвые и рассудительные слова Варда. Каждый раз, глядя на пойманную пиратку, он испытывал прилив гордости от осознания того, что поступил так, как следовало поступить. Но все же... Конечно, каюта на имперском корабле мало походила на дворец. Но там был порядок. Были офицеры. Он мог их не любить, к Варду, например, он испытывал неприязнь, граничившую с враждебностью. Но они были с ним на равных. Даже простые солдаты, принадлежавшие, в конце концов, к _его_ миру, были в сто раз лучше, чем рыбацкая голытьба.

Уже через несколько дней после поимки девушки ему настолько осточертело торчать в завшивленной норе, что он начал обдумывать возможные способы вырваться с острова. Относительно неплохая погода держалась уже второй день подряд. Кто знает?

Однако подобная идея выглядела нереальной. Да, Вард действительно получил от селян лодку. Но во-первых, один из матросов был сыном здешнего рыбака, а во-вторых, Вард, как офицер морской стражи, реквизирует лодку и выдал расписку, с лихвой покрывающую понесенные селянином потери. Касса гарнизона в Ахелии обязана была принимать к оплате подобные расписки – рыбаки об этом знали. Тем временем он, урядник Имперского Трибунала, обладал весьма широкими полномочиями, но исполнять их мог лишь через посредство капитана корабля, на борту которого находился. Об этом рыбаки знали тоже.

Наконец, Варду нужна была только лодка, а ему еще и команда. Вольные рыбаки, которыми были агарцы, подчинялись только императору или, на практике, командиру местного гарнизона. Они были неприкасаемы точно так же, как легионы, как слуги императора или как его лошади. Они доставляли соленую рыбу имперским сборщикам податей, так же как крестьяне – зерно, китобой – китовый ус и жир, а охотники – дичь. Трибунал, а следовательно, и его представитель, не имел над вонючим агарским рыболовом никакой власти, по крайней мере до тех пор, пока не нарушался закон.

Он мог попросить, но не приказать.

Альбар все же попытался. Едва обменявшись несколькими словами со старостой деревни, он понял, что ничего не выйдет. Местные жители, правда, были им уже сыты по горло, поскольку он уменьшал их и без того скромные запасы. Однако пускаться в морские авантюры желания не было ни у кого.

Оставалось только ждать. До зимы...

16

Часть команды Варда уцелела после шторма. Раладан уже знал, что кроме капитана в живых осталось шестеро. И урядник на Малой Агаре.

Из этих шестерых еще живы были четверо. Первых двоих он нашел в одной из таверн...

Охота – поскольку иначе это трудно было назвать – отнимала у него множество времени. Ахелия была не слишком велика, однако достаточно обширна для того, чтобы отыскать отдельного человека, имя которого ничего ему не говорило, можно было лишь благодаря счастливой случайности. Он был уверен, что рано или поздно найдет и убьет их всех. Но время – время было дорого. Эти люди ходили где хотели и рассказывали обо всем, что считали нужным. О сражениях с пиратами, о чудовищном корабле, о дочери Бесстрашного Демона...

Сначала Раладан надеялся, что не спасся никто, кроме Ридареты. Потом он полагал, что, если эти расчеты не оправдаются, он успеет избавиться от потерпевших кораблекрушение еще на Малой Агаре. Случилось, однако, самое худшее: люди, которые знали ее и знали его, были живы и находились здесь, в Ахелии. Как, ради всех морей, он мог обеспечить девушке безопасность на острове, где о ней лаяла каждая собака? Как ему следовало поступать, если рядом были люди, знавшие его как лоцмана с пиратского корабля? Он прекрасно понимал, что если весть о дочери Демона однажды достигла Большой Агары, каждый ее здесь немедленно узнает. Сколько, во имя Шерни, на Агарах молодых одноглазых женщин? Однако до сих пор, пока сам он считался погибшим, положение было не столь безнадежным. Тем не менее следовало избавиться от тех, кто мог бы его узнать. Действовать следовало быстро, ведь и на Малой Агаре тоже шла охота.

Ему нужны были наемники. Но не такие, как нанятые им китобои – неотесанные, жесткие, но, по существу, честные. Нужны были негодяи, готовые за золото сделать все что угодно. Убийцы. И притом умелые убийцы. Не было ничего проще. Он знал, где искать...

В ответ на его вопрос корчмарь понимающе кивнул.

– Просто посиди здесь немного, приятель, – посоветовал он. Раладан без особого труда притворялся низкородленным, не желая, чтобы его именovali господином в местах, где человек благородного происхождения сразу же привлекал внимание. – Посиди и подожди. Обычно их тут полно.

– Мне нужна женщина, не какое-то провонявшее помоями животное.

– Для этого надо иметь деньги.

– У меня есть немного.

Корчмарь щелкнул пальцами. Раладан бросил ему полслитка серебра.

– Будь вечером у себя в комнате, друг. Я пришлю к тебе кое-кого, кто все устроит.

– Я плачу, но и требую.

– Будешь доволен.

Вечером к нему явился человек, походивший на мирного, почтенного мещанина. Он окинул Раладана внимательным взглядом и спросил:

– Ищешь достойного развлечения?

Лоцман кивнул.

– Какая нужна женщина? – Мещанин умел выражаться конкретно.

– Самая дорогая.

- Значит, из благородных. Ты, похоже, бывший солдат?..
- Какое это имеет отношение к делу?
- Цена. Цена разная. Низкороджденный должен платить больше. Но ты похож на солдата: от тебя не воняет да и хорошие манеры видны.
Раладан снова кивнул; посетитель был весьма наблюдателен.
- Я был десятником морской стражи, - сказал он.
- На всю ночь?
- Нет.
- Значит, два золотых.
Лощман кивнул.
- Тогда пошли.

Дом, в котором они вскоре оказались, был одним из самых богатых в Ахелии. Раладан остался один в прилично обставленной, хотя и с налетом некоторой провинциальности, комнате. Долго ждать не пришлось. Человек, который привел его сюда, вскоре появился снова.

- Туда.

Раладан положил золото на протянутую ладонь и двинулся в указанном направлении.

Комната, куда он попал, была довольно небольшой. Тяжелые темно-красные занавеси и ложе с балдахином такого же цвета, казалось, были перенесены сюда из другого, значительно большего помещения. В развесистом канделябре, стоявшем в углу, горели только три свечи. На ложе, опершись головой о груды подушек, лежала светловолосая красивая женщина лет тридцати с небольшим. Раладан закрыл дверь и выжидающе остановился.

Женщина молча разглядывала его, наконец чуть улыбнулась:

- Мне сказали правду; вижу, что ты и в самом деле не из простаков. Входи же.

Раладан чуть наклонил голову и подошел ближе к ложу.

- Меня зовут Район, госпожа, - сказал он. - Могу я спросить, сколько золота и драгоценностей будет мне стоить этот вечер?

Она вопросительно нахмурилась и приподнялась на локте. Легкая туника приоткрыла маленькую остроконечную грудь.

- Как это? Разве при входе от тебя не потребовали?..

- Те два золотых - это плата для твоего привратника, госпожа. Если мои глаза мне не лгут, то один разговор с тобой должен стоить вдесятеро дороже.

Она открыла было рот, но тут же закрыла его снова, села на ложе и воскликнула:

- Ради Шерни, господин, если ты - обыкновенный солдат, то я - пастушка! Единственные комплименты, которые я здесь слышу, - это те, что я говорю собственному отражению в зеркале. На этом острове, может быть, есть всего человек пять, которые умели бы так выбирать слова и столь чисто их выговаривать. Но они, увы, у меня не бывают.

- Я солдат, госпожа.

- А я - шлюха, господин, но у меня есть мозги, хоть, может быть, это и кажется странным. Рамон, так? А полная фамилия?

- Разве я спрашиваю твою, госпожа?

- Все ее здесь знают. Я - Эрра Алида. Ну ладно. Я никогда не пристаю к своим гостям, однако ты человек просто исключительный... Прости мне, господин, мое женское любопытство. Больше ни о чем не стану спрашивать.

Она встала и подошла к нему. Она была невысокого роста, но с изящной фигурой. Раладан пришел сюда не развлекаться, но сейчас внезапно ощутил неудержимое желание; он даже уже не помнил, когда в последний раз был с женщиной...

Он очень редко терял контроль над собой, взял себя в руки и на этот раз, мягко отстранив ладони, которые она положила ему на грудь.

- Я пришел... по делу, госпожа.

Она провела по губам кончиком языка.

- Не по этому. По другому.

Она посмотрела ему в глаза и внезапно, плотно сжав губы, вернулась на ложе, презрительно усмехаясь.

- Ну конечно. Порой мне приходится обслуживать таких, от одного вида которых меня тошнит. Но если... Я не занимаюсь никакими "другими" делами, господин.

Раладан сунул большие пальцы за пояс.
- Даже за сто пятьдесят золотых, госпожа?
Выражение ее лица изменилось.
- Ты сказал "сто пятьдесят"?
- За то, чтобы убрать четырех человек. Думаю, я нашел бы желающих и за сумму вдесятеро меньшую.
Она сидела на ложе опираясь спиной о подушки.
- Тогда почему ты предлагаешь сто пятьдесят?
Раладан слегка покачивался на каблуках.
- Мне нужны люди, знающие свое дело, надежные и умеющие быстро действовать. Пьяный бандит из таверны этим требованиям не удовлетворяет.
- С чего ты взял, что я знаю таких людей?
Лоцман спокойно смотрел на нее.
- Такая женщина, как ты, должна знать всех. Даже если сама ты не даешь подобных поручений, ты покажешь мне человека, который этим занимается.
- Думаю, в Ахелии достаточно много таких, к кому ты мог бы обратиться.
- Ради Шерни, госпожа... Я что, должен ходить по Ахелии и расспрашивать о наемных убийцах?
Она кивнула:
- Ну хорошо. Что же это за люди, от которых нужно избавиться?
- Мы договорились?
- Не знаю. Так что это за люди, от которых нужно избавиться? - повторила она.
Раладан объяснил.

Вардом он решил заняться сам.
Сначала, однако, он выплатил своим китобоям аванс. Он хотел быть уверен, что они не откажутся. Ему хорошо было известно, какой силой обладают деньги. Они пропьют серебро за несколько дней, а потом еще более остро ощутят, как плохо, когда его нет...
Погода была отвратительная, и не стоило надеяться, что она станет лучше. Ему пришлось швырять деньги горстями направо и налево, чтобы ускорить ход событий... и, похоже, впустую. Времени, впрочем, было вполне достаточно. Возможно, следовало сэкономить те сто пятьдесят золотых.
Однако, с другой стороны, ему хотелось поскорее покончить с этим делом.
Алида была именно тем человеком, который ему нужен, и он был почти уверен, что работа будет выполнена быстро и хорошо. Кроме того, он, похоже, успешно заматал за собой следы. В ее глазах он был неким таинственным мужчиной Чистой Крови; в таверне он выдавал себя за матроса с корабля богатого купца; китобои принимали его за бродягу, ищущего сильных впечатлений... Благодаря этому можно было надеяться, что, даже если что-то не получится, никто не сумеет связать все нити в один клубок.
И все же где-то в глубине души торчала заноза. Не совершил ли он какую-то серьезную ошибку? Если даже и так, он не в силах был ее обнаружить. Лишь неясное предчувствие...

Он легко нашел дом Варда. Капитан жил с матерью, а вся обслуга состояла из одной девушки. Дом был в довольно запущенном состоянии; Раладан с легкостью догадался, что жалованье командира агарского корабля было не слишком высоким. Конечно, Вард наверняка не жил в нищете. Но поддержание в порядке довольно обширного жилища требовало доходов больших, нежели те, которыми располагал офицер Морской Стражи Гарры и Островов на Агарах.

Вард ночевал в казармах Морской Стражи. Дома он бывал редко, и всегда днем - обстоятельство, для лоцмана крайне неудачное. На территории гарнизона капитан был недосыгаем; на улице среди бела дня - тоже.

Раладан решил ждать.

Вард, естественно, не мог знать желаний Раладана и тем не менее частично их разделял. Войском он уже был сыт по горло и хотел вернуться домой. По крайней мере, отпуск ему так или иначе полагался.

Однако в комендатуре Морской Стражи до этого никому не было дела. В одной-единственной экспедиции Агары потеряли весь свой военный флот, являвшийся гордостью обоих островов. Эти клочки земли среди соленых Просторов, захваченные армектанскими властителями, отдающие далекой империи свою медь, отдающие за бесценнок китовый жир и ус, теперь даже не имели своего представительства в имперских военно-морских силах. Военное командование на Агарах, в основном состоявшее из армектанцев, могло не разделять тех сентиментальных чувств, которые местные питали к "своей" эскадре. Однако им приходилось считаться с настроениями местного населения, к которому принадлежало большинство солдат.

Вард был единственным офицером, вернувшимся из экспедиции. Ему пришлось во всех подробностях описать все события, имевшие место во время рейса. Молодые тщеславные офицеры, которых он опередил, поднимаясь по служебной лестнице, пытались возложить на него вину за потерю корабля. Матросы и солдаты из команды свидетельствовали в его пользу. Однако всех допросить не удалось. Одного из солдат, того самого отважного пловца, которому все остальные были обязаны жизнью, нашли мертвым. Кроме того, пропал без вести матрос. Кто-то за спиной Варда подбросил идею, что от этих людей избавились потому, что они кое-что знали об обстоятельствах гибели эскадры. Это предположение было отвергнуто как безосновательное. Но один раз пущенный слух продолжал кружить...

Вард писал все более подробные рапорты, не в силах сдержать праведного гнева. Ведь он вернулся из победоносной экспедиции. Победоносной! Он сам был агарцем и, как и все, тяжело переживал гибель эскадры. Но эта эскадра уничтожила корабль, за которым много лет охотился весь флот империи, самый большой и самый грозный парусник на Просторах. И вот вместо заслуженной награды его встречают грязными подозрениями. Его охватывали горечь и злость.

Потом начали разбираться с делом Альбара и пиратки. Здесь, однако, капитан твердо стоял на своем. Его обязанностью и правом было по завершении облавы (то есть с началом осени) привести корабль в родной порт или хотя бы доставить домой его команду. Он это сделал. Урядник остался на Малой Агаре, поскольку имел на это право, Вард же не мог заставить его отказаться от своих намерений. Капитана поддержал сам комендант морской стражи в Ахелии, признав предпринятые им действия разумными, компетентными и правильными. При этом он отрицательно отозвался о решении Альбара, назвав его необдуманным проявлением излишнего служебного рвения. Трибунал вступился за своего человека, дошло чуть ли не до открытой ссоры, но Варда оставили в покое.

Однако вопрос о гибели корабля все еще оставался открытым. Рассказ о сеющем смерть обгоревшем острове походил скорее на некую морскую легенду, чем на сухой рапорт о потере имперского парусника. Однако, к неудовольствию расследовавших дело, показания как матросов, так и солдат, а также самого Варда полностью совпадали. В комендатуре не знали, как поступить. На всякий случай Варда в очередной раз обвинили в халатности...

Сегодня снова должен был состояться допрос уцелевших членов команды корабля. Около полудня Вард отправился в здание комендатуры. С собой у него были карты, тщательно укрытые от дождя, на которых он в десятый уже раз начертил курс корабля, обозначил место сражения, место встречи с черным призраком, которое было ему известно лишь приблизительно, место гибели барка у берегов Малой Агары и множество других деталей.

Он доложил о своем прибытии коменданту.

Ик Берр был человеком ничем особо не выдающимся, обычным служакой. Он пользовался, однако, репутацией хорошего солдата и, что больше всего ценил Вард, честного человека. Он был родом не с Агар, а с Гарры, что было весьма необычно для имперских войск. Но те его черты, которые нравились Варду, не слишком ценились в Дороне, столице провинции... и Берр очутился в Ахелии, на одном из наименее популярных постов в этой части империи. С точки зрения Дорона, далекие Агары являлись местом ссылки. И собственно,

так оно и было на самом деле. Тем более что гарриец благородного происхождения не мог рассчитывать на популярность ни на одном из островов, а тем более на Агарах.

И все-таки... будь Берр чуть более тщеславным и сообразительным, он мог бы лишь радоваться подобной ссылке. Трудно было найти другой такой округ, где комендант обладал бы большей самостоятельностью и властью – почти без каких-либо ограничений. Формально обязанности заместителя Берра исполнял комендант сухопутных войск. Однако легионеров на Агарах было всего человек двадцать, морских стражников же – триста... Кроме того, Морская Стража располагалась – так же как и во всей империи – во всех портовых городах, то есть в данном случае в Ахелии и селении китобоев на юге, где имелось нечто вроде большой пристани. Однако именно Ахелия была столицей округа. Легионеры же сидели в Арбе, надзирая за заключенными и рабами на имперских рудниках. Будь он чуть несообразительнее...

Берр, однако, сообразительностью не отличался. Фактически он владел Агарами почти безраздельно, но лишь в той степени, насколько это соответствовало его нынешнему положению. Он не стремился расширить свое влияние. Он даже не пытался обогатиться, хотя мог.

Стоя посреди комнаты с заложенными за спину руками, Берр думал почти о том же самом, что и Вард. У него были причины опасаться – не за власть, но за возможность исполнять и дальше обязанности коменданта морской стражи. Последняя экспедиция стоила ему почти половины солдат и многих офицеров. Проблемами, которые неминуемо должны были появиться, когда он доложит об этом вышестоящему начальству в Дороне, он пока не забивал себе голову. Однако ко всему прочему он еще и ввязался в войну с Трибуналом (считая, что Трибунал имеет слишком большое влияние на войско; он всегда решительно возражал против этого и охотно пользовался любым случаем, чтобы утереть нос серым урядникам). Ну и, наконец, конфликт между Вардом, которого недолюбливали из-за его местного происхождения, и частью его, коменданта, подчиненных. Он мог похоронить дело, имея на это полное право, к тому же он был глубоко убежден, что капитан сделал все, что от него зависело, и наверняка лучше, чем любой другой из тех, что служили под его командованием. Однако рассказ о черном призраке, таранящем корабли, действительно не вписывался в общую картину. Он согласился вызвать свидетелей лишь потому, что считал: другого выхода нет. Именно тогда стало известно об убийстве одного из членов команды Варда и исчезновении другого. Тем не менее он вызвал сегодня Варда, чтобы сообщить ему о снятии всех обвинений. И вот – новые хлопоты...

Он выслушал положенный по уставу доклад, после чего, не двигаясь с места, сказал откровенно и коротко:

– Сотник Вард, твои люди исчезли. Все до единого. Их разыскивают с утра, однако уже почти ясно, что в городе их нет.

Вард стоял как вкопанный, не зная, что сказать.

– Оставь карты, господин, – сказал комендант, – возвращайся к себе и сиди там. Это вовсе не арест, – поспешно предупредил он. – Я абсолютно убежден, что ты не имеешь к этому никакого отношения. Речь идет о твоей безопасности.

Вард повернулся и молча вышел, полностью раздавленный.

Поиски в течение всего дня не увенчались успехом.

Сидя в своей гарнизонной квартире, капитан размышлял о том, что же могло случиться. Матросов отпускали со службы в начале осени, обычно оставалось лишь четверо или пятеро – следить за порядком на стоящем в порту корабле. Остальные могли делать что хотели. Однако на этот раз, в связи с продолжающимся следствием, моряков оставили на службе, им было запрещено покидать Ахелию, кроме того, они обязаны были каждое утро являться на проверку в гарнизон. Солдаты находились на службе постоянно, за исключением отпуска. Кроме убитого пловца, лишь один солдат вернулся в Ахелию, однако он не мог никуда уйти, даже на шаг, – ему отняли ногу, сломанную еще во время шторма. Он понемногу выздоравливал у себя дома, через две улицы от порта, под надзором жены и брата, известного сапожника... Как раз утром ему должны были выплатить полугодовое жалование.

Вард выругался. Что происходит, что происходит, во имя Шерни?! Кому нужна была смерть – он был почти уверен, что его людей нет в живых –

солдата-калеки и двух матросов? Кому?

Он впервые посмотрел на происшедшее с другой стороны. До сих пор он рассматривал эти убийства (или исчезновения) лишь на фоне нелепого следствия... Но ведь этих людей связывало кое-что еще – участие в потоплении пиратского корабля. А если?..

Он оперся о стену. Нет, это вздор, с того парусника никто не мог уцелеть. Но та девушка?... Ерунда, она не могла добраться до Ахелии в такую погоду. Впрочем, ей нужно было бы иметь здесь своих людей...

Он прикусил губу.

А если и в самом деле так? Какая-то... месть? Ведь известие о гибели корабля Демона разнеслось повсюду. Поговаривали, что у этого пирата из пиратов везде были свои головорезы. Но в таком случае ему, Варду, тоже грозила опасность. И продолжает грозить. Неужели комендант Берр и в самом деле прав?

Вард почувствовал, как его пробирает дрожь. Он не был трусом, вовсе нет. Но мысль о мести из могилы представилась ему неслыханно жуткой. Внезапно территория гарнизона показалась ему местом если не приятным, то по крайней мере безопасным. В то же мгновение он подумал о матери. Шернь! Если его предположения верны, то опасность угрожает и ей!

Взяв оружие, он вышел на двор и позвал дежурного.

– Двоих в полном вооружении.

– Слушаюсь, господин.

Вард решил забрать мать сюда, пока все не выяснится.

Он направился к зданию комендатуры.

Берр внимательно его выслушал.

– Боксь, что ты можешь оказаться прав. Конечно, забирай мать. Но может быть, достаточно будет послать за ней солдат?

– Нет, господин. Я не в силах жить здесь словно в клетке, неизвестно как долго. Если двое вооруженных солдат и собственный меч не защитят меня, то я уж не знаю, что вообще может меня защитить. Впрочем, это ведь лишь мои догадки – насчет мести.

– Догадки весьма правдоподобные. Но поступай как знаешь, Вард. Я тебе доверяю. И хочу, чтобы ты об этом знал.

– Спасибо, комендант.

В сопровождении двоих вооруженных, словно на войну, солдат – при мечах, с копьями и щитами, – продираясь сквозь дождь и ветер, капитан добрался до своего дома. Оставив солдат у дверей, он взбежал по лестнице вверх. В сопровождении служанки со свечой он подошел к двери комнаты матери и легко постучал. Потом сильнее. Вард повернулся к девушке:

– Госпожа спит?

Служанка смотрела на лестницу, в глазах ее застыл ужас. Внезапно он понял, что девушка была странно молчалива и словно не в себе, хотя на вопрос, все ли в порядке, ответила утвердительно... В мгновение ока осознав это, он схватился за оружие, одновременно следя за взглядом служанки, – и застыл с рукой на мече. На лестнице стояли двое, целясь из арбалетов. Один из них, не спуская глаз с Варда, протянул руку и осторожно забрал свечу из рук перепуганной девушки.

– Без глупостей, капитан, – спокойно сказал он. – Твоя мать жива, а случится ли с ней что-нибудь – зависит только от тебя.

18

В самый разгар бурь и ливней новое путешествие в Арбу казалось сушим кошмаром. Раладану, однако, нужно было получить от Балбона остаток причитавшегося ему серебра; известия распространяются быстро, особенно на таком клочке суши. Купец наверняка уже слышал о гибели "Морского Змея".

Лоцман опасался, что без хлопот не обойдется.

Однако Балбон выплатил все сполна и без лишних слов. Наблюдательный Раладан заметил, что весть о разгроме пиратов и в самом деле достигла Арбы. Тем не менее дела у хитрого купца шли слишком хорошо для того, чтобы искушать судьбу; ему вовсе не хотелось проверять, сколько в этих слухах правды и – если ее действительно немало – насколько успешно сумеет лоцман пиратского парусника заменить капитана, вспарывая его, Балбона, брюхо.

Расчет не занял много времени.

Раладан – промокший и продрогший, но довольный тем, что все прошло гладко – вернулся в Ахелию и спрятал серебро. Мешок был довольно солидный: серебро привлекало меньше внимания, чем золото, но ему пришлось изрядно натаскаться с ним.

Недавно он нашел прекрасный тайник – на старом кладбище, за восточной городской стеной. Место это пользовалось дурной славой, поговаривали что-то насчет упырей. Рассыпав он монеты на заходе солнца у самых ворот, они лежали бы нетронутыми до утра; ночью он мог копаться в обвалившемся склепе без свидетелей.

У себя в таверне он переоделся в сухое. Была уже глухая ночь, когда он оказался перед знакомым домом, где у него была назначена встреча.

Ему не пришлось долго ждать. Достаточно было лишь раз стукнуть в дверь, и его впустили. Вскоре он уже стоял, перебросив через руку тяжелый от влаги плащ, в пурпурной спальне. Его снова удивили размеры тяжелых портьер, не подходивших к уютному, небольшому помещению и выглядевших очень провинциально – так же как и балдахин, так же как и вся обстановка этого дома. Ему приходилось видеть изнутри дворцы магнатов, купеческие конторы и публичные дома по всей империи; каждую осень, когда "Морской Змей" стоял в безопасном укрытии, они вместе с Раписом рыскали по подобным местам в поисках страха, который можно было бы перековать в золото, или же – подчас более ценных, чем страх или золото – сведений.

Но таких портьер – больших, покрывавших две стены комнаты – и столь же тяжелого балдахина ему никогда прежде не приходилось видеть. Скорее всего это было какое-то агарское изобретение. Да, пурпур был когда-то моден в Армекте. Десять лет назад.

Раладан повесил плащ на канделябр в углу комнаты и продолжал молча стоять заткнув большие пальцы за пояс. Ему не пришлось долго ждать.

– Приветствую тебя, таинственный заказчик, – сказала Алида, входя в комнату. – У меня для тебя хорошие новости.

Она закрыла за собой дверь. Одета в голубое платье, она выглядела удивительно несмело, по-девичьи. На спину падала перевязанная лентой коса. Он посмотрел на ее лицо, подумав, что возраст этой женщины, собственно, нелегко определить. Ей могло быть тридцать с небольшим, как он вначале считал, но могло быть и двадцать восемь. Теперь она выглядела еще моложе, но в это он уже не верил.

– Что ты так смотришь, господин?

Он легко махнул рукой:

– Прости, госпожа. Я веду себя как неотесанный грубиян. Но не позволишь ли мне побыть таковым еще чуть-чуть?

Она слегка наклонила голову. Однако во взгляде собеседника не было ничего, кроме искреннего подтверждения комплимента.

– Мужчина, который в состоянии так смотреть на женщину, не может быть неотесанным грубияном, – тихо сказала она, чуть покраснев. – Я в этом уверена.

После полосы неудач, среди громоздящихся хлопот и неприятностей, наконец сразу два дела пошли так, как ему и хотелось. Купец отдал деньги. Порученное задание было выполнено. Раладан расслабился, у него было хорошее, очень хорошее настроение. Он находил странное удовольствие в разговоре с этой женщиной, – может быть, потому, что язык, на котором они общались, столь отличался от того, с которым ему приходилось ежедневно иметь дело в течение многих лет? Она была в самом деле умна... Он знал, что многие из тех, кто вращается в высших кругах, не могут сделать простейшего комплимента без того, чтобы тут же не показаться чересчур инфантильными. Одного лишь воспитания было мало. Нужен был еще ум. А им она обладала. В этом провинциальном доме, в комнате с балдахином, огромным, как Просторы, сама она провинциалкой отнюдь не казалась... Распутница из островного городка.

Внезапно он ощутил укол беспокойства. Он чуть поклонился, выражая ей свою благодарность и признательность, но хорошее, почти беззаботное настроение улетучилось без следа.

Он снова посмотрел на нее и, встретившись с ее взглядом, внезапно понял, что оба они думают об одном и том же...

Они молча смотрели друг на друга.

- Все это лишь игра, - наконец сказала она.

Он кивнул, засунув ладони за пояс.

- Иногда я даже не знаю, чего я хочу: тебя, таинственного человека из благородного рода или просто... денег.

Раладан достал звенящий мешочек. Вместе с тем, что он дал ей раньше, - сто пятьдесят золотых.

Она бросила мешочек на ложе. Он посмотрел на ее золотистую косу и мысленно выругался. Ради всех морей мира, кто из известных ему провинциалок отважился бы носить косу, словно какая-то крестьянка? Сотни причесок, модных и нет, удачных и нет, подходящих и нет... но коса - никогда!

- Кто ты, Алида? - невольно вырвалось у него.

Она подошла к канделябру, дотронулась до тяжелого мокрого плаща.

- Если я скажу... ты сделаешь то же самое?

Он покачал головой.

Она повторила его жест.

- В таком случае я просто шлюха, Раладан.

Он отступил на полшага, услышав собственное имя.

- Что ж, не столь уж ты и умен, как тебе кажется... пират. Но все же давай поговорим. Кто на самом деле та девушка? И что с тем сокровищем?

Он медленно двинулся к ней.

- Не подходи, - предупредила она. - Погибнешь, прежде чем успеешь что-либо сообразить... В этой комнате есть свои сюрпризы, Раладан.

Он оглянулся, поняв все в одно мгновение.

- Именно. Портьеры, - спокойно подтвердила она.

- Сколько за ними народу? Четверо? Этого может оказаться мало, - язвительно заметил он.

- Хватило бы и одного с арбалетом. Будь благоразумен.

- Откуда ты знаешь? О сокровище и о девушке?

- Не догадываешься? Нет, я и в самом деле думала, ты умнее... Убить за сто пятьдесят золотых, конечно, хорошо, но еще лучше - выяснить, за что столько платят. Эти люди живы, Раладан. Но... все они у меня в руках. Слышишь? Все.

Он вздрогнул, потрясенный внезапной мыслью. Она кивнула:

- Капитан тоже.

Он молча смотрел на нее.

- Подумай, что произойдет, если эти люди получат свободу, зная о тебе. Это Агары, здесь негде спрятаться. И бежать отсюда тоже не удастся. Думаешь, Морская Стража позволит тебе зимой сесть на корабль и уплыть?

Он чуть покачал головой:

- Вот женщина, которой стоит обладать... И почему я тогда не лег с тобой в постель? Ведь я честно заплатил. И, ради всех морей, мне самому хотелось!

- Стоило. В самом деле стоило.

Они снова посмотрели друг на друга.

- Думаю, мы договоримся.

За окном завывал ветер.

- Люблю золото, - сказала она. - Это сокровище... на самом деле существует?

- Нет. Откуда? Алида, ведь Демон был сапожником, обычным бедным сапожником... Ну спрятал пару медяков, но целое сокровище?

Она со смехом ударила его в грудь.

- Издеваешься? Умеешь шутить, морской жеребец!

- Я много чего умею.

- Гм... кое с чем я уже познакомилась...

Она медленно водила пальцем вдоль его руки.

- Как камень, - задумчиво прошептала она. - Я повидала немало голых мужчин... Бывали и покрупнее... Но ты невысокий, а твои руки... живот... как камень. Каким чудом ты меня не раздавил?

- Это чудо - за портьерой... Кстати, он все еще там стоит?

Она рассмеялась:

- Он не рассуждает. Это пес, дорогой. Убийца. Он бы тебя в клочья разорвал.

- Большой?

Она приподнялась на локте.

- Убийца, - повторила она. - Не слышал? Не может быть, чтобы ты не слышал!

Он слышал. Что-то подобное он и подозревал.

- Басог? Пес-медведь?

Она покачала головой:

- Нет, басоги - с Черного Побережья, только Посланники их держат. Это убийца, ахал, рожденный в Дурном Краю, как и басог. В самом деле не слышал? Пес без души, созданный, чтобы повиноваться. Если прикажешь ему лежать, он будет лежать. До самой смерти. Позволит даже сжечь себя живьем.

- Он уже кого-нибудь загрыз?

- Почему ты спрашиваешь? - Она недоверчиво посмотрела на него. - Почему?

Он покачал головой.

- Когда-нибудь, - сказал он, - какая-нибудь пьяная тварь придушит тебя подушкой всего за два или три золотых. Здесь, в этой постели. Прямо под носом у твоего ахала.

Естественно, он ей не верил.

Что, собственно, крылось за этим необычным договором? Ведь она прекрасно знала, что может держать его в руках до конца осени, не дольше. Потом будет уже все равно, пусть даже по всем Агарам разойдется весть о том, что лоцман Раладан жив или же мертв; когда они уйдут в море, она ничего не сможет поделать.

"Значит... ей придется меня убить, - думал Раладан. - Но, во имя Шерни, ведь она знает, что и я это знаю... Что за этим кроется?"

Дождь и ветер снова усилились, лоцман плотнее закутался в плащ. Он посмотрел на небо. Что ж, похоже, у него будет время разгадать эту загадку... Проклятая погода!

Его мучило ощущение собственного бессилия. Там, на острове, берега которого он легко бы увидел в ясный день с северного побережья, погибала от холода и голода девушка, за судьбу которой он отвечал. От холода и голода, а может быть, от пыток. Он не мог ничего поделать. Он умел сражаться с людьми, но - хотя капризы воздуха и воды были ему известны наверняка лучше, чем кому-либо другому - на стихию он повлиять никак не мог. Шторм был штормом. Даже в ясный осенний день путешествие между островами Агарского архипелага было делом рискованным. Переправа же во время бури была вообще невозможна. Бушующее море не давало ему ни единого шанса. Ни малейшего.

Оставалось лишь ждать.

Внезапно ему пришла в голову мысль, что, если бы не громоздящиеся вокруг хлопоты, не дававшие сидеть со сложенными руками, он наверняка сошел бы с ума. Бездействие, враг всех ожидающих, могло бы толкнуть его на поступки, не имеющие ничего общего со здравым смыслом.

Он свернул в боковую улочку, осторожно оглядываясь назад. Среди немногочисленных пробиравшихся вдоль стен закутанных в плащи фигур одна привлекла его внимание. Он прошел чуть дальше, снова свернул, остановился у стены углового дома и стал ждать.

Вскоре из-за угла высунулась накрытая капюшоном голова. Лоцман взял незнакомца за капюшон, подтянул к себе и схватил за одежду на груди.

- Послушай, ты, - проговорил он, - скажи своей госпоже, что псов я не убиваю, но могу и изменить свои привычки.

Тот пытался оттолкнуть державшую его руку, но не сумел. Нахмурившись, он открыл рот, пытаясь что-то сказать. В то же мгновение Раладан поднял другую руку, воткнул ему в рот черенок ножа, протолкнув его до самого

горла, и держал так, пока человек не начал задыхаться.

- В следующий раз я воспользуюсь другим концом. Но тогда ты будешь блевать кровью.

Он вытер нож о плащ скорчившейся фигуры, пнул ее ногой и пошел дальше.

Мысли его снова вернулись к Алиде и странному уговору. Они вместе должны были вытянуть из дочери Демона сведения о сокровище. Потом они должны были вместе его поискать. Во имя Шерни, неужели она ожидала, что он ей поверит?

Он криво усмехнулся.

Сокровище, сокровище Бесстрашного Демона, о котором знала его дочь... Он придумал эту ложь лишь затем, чтобы ее не убили стражники. Ложь оказалась долгоживущей. Может быть, потому, что она была самой лучшей разновидностью лжи - ложью правдивой.

О сокровищах короля Просторов рассказывали уже много лет в каждом порту, наверное в каждой таверне империи. Пират должен был владеть сокровищами, а уж тот, кого звали Королем Морей...

Раладан еще раз улынулся собственным мыслям.

Конечно, сокровища у Раписы были. Но где их искать - знала вовсе не Ридарета...

В завещании Демона было два пункта.

Никакого ахала, конечно, не было. О, если бы она могла позволить себе пса, который стоил столько же, сколько три или четыре рабыни, она не сидела бы в этой дыре и ей не нужно было бы заниматься этой паршивой работой... За портьерой была ниша, ведущая на лестницу. Та в свою очередь вела к дверям в задней части дома. Некоторые из ее гостей не желали входить или выходить через парадный вход.

Она лежала под огромным балдахином погруженная в раздумья.

Конечно, он ей не поверил. И хорошо. Именно это и было нужно. Правда - лучшая ложь; ей это было известно уже давно. Другое дело, что не всегда нужно открывать ее всю...

Она не собиралась его убивать, нет, - зачем? Он был моряком и, похоже, в самом деле хорошо знал море. Ей был нужен такой человек. Ведь не купит же она корабль и не будет сама плавать по Просторам в поисках какого-то островка. Конечно, она не могла отпустить Раладана с Агар, не заручившись определенными гарантиями. Но у нее будут самые лучшие гарантии: у нее будет она!

Она знала мужчин, о, во имя всех сил, она знала их досконально... Из того, что сказали похищенные матросы, из того, что сказал сам Раладан, следовало одно: сокровище было, конечно, важно, но - важнее всего была она.

Алида подняла брови. Одноглазая девушка?

Она недоверчиво пожала плечами. Впрочем, все равно. Сначала ей нужно было заполучить обоих.

Она была уверена, что Раладан отнесся к угрозе всерьез. Агары действительно были невелики. Как долго им удалось бы скрываться - разыскиваемому мужчине и одноглазой женщине? Бежать? Как? Морская стража обыщет каждый парусник, отходящий из Ахелии, назначит награду за их поимку... Ни один капитан не возьмет на борт подобную пару. Ей было немного смешно оттого, что солдаты стали орудием в ее руках. Несмотря на то что ей удалось похитить одного из них, и притом офицера! Она не любила военных, они были такие неуклюжие... И еще эта война, которую вел этот придурок Берр с Трибуналом! Из-за кого? Из-за тупого Альбара...

Она вновь вернулась к своим размышлениям.

Итак, пират и девушка сами должны прийти к ней.

Она знала, что Раладан будет пытаться ее убить. Но ведь это не так просто... Кроме того, он все еще блуждает на ощупь, не верит в их уговор и ищет неизвестно чего. Шпиону ее, впрочем, пришлось несладко!

Она тихо рассмеялась, но тут же плотно сжала губы.

А ведь был момент, когда она и в самом деле хотела все ему рассказать... Ей нужен был кто-то, кто помог бы ей вырваться с этого проклятого острова. Здесь не было будущего. Ни для проститутки, ни для... кого бы то ни было.

О, она еще успеет добиться своего! Он сам будет просить ту малышку, чтобы она рассказала о сокровище. А потом поплывет. За золотом для Алиды. Что за компания – шлюха и пират! Забавно... Вот только эта маленькая одноглазая пиратка... Где-то под сердцем пробился росток неприятного, тяжелого чувства... и Алида его узнала. Она всегда умела говорить правду самой себе.

Ревность. Она попросту ревновала.

В этом не было никакого смысла. Она встречалась с этим человеком всего дважды в жизни...

– Ну и что с того? – вслух спросила она.

Она немало повидала в жизни. Ей встречались мужчины, которые за один вечер могли влюбиться – в шлюху. Для нее было ясно (хоть и неприятно), что может происходить и обратное.

Она кисло рассмеялась.

– Это пройдет, Алида, – пообещала она сама себе. – Маленькая, смешная дурость, ничего больше. С каждым порой случается.

Она лежала, глядя на тяжелый темно-красный балдахин.

19

– Не знаю, братец. – Могучий Бедан пожал плечами. – Не знаю.

Раладан задумчиво разглядывал рослую фигуру китобоя.

– Ну что там опять? Что, уже не плывем на Малую, братец?

– Пльвем.

Бедан замолчал. Неожиданно он поднял руку:

– Слушай, братец, а на Проклятом?

– Каком еще "проклятом"?

– Ну, на Проклятом... Сразу за стеной, ну, кладбище такое... Не знаешь? Может, там?

Раладана осенило. Повинуясь внезапному порыву, он потянулся к мешочку на поясе.

– Там, – сказал он, отсыпая горсть серебра и кладя монеты на стол. – Там, друг. Пей, ешь. Если и в самом деле там, получишь еще столько же.

Лицо Бедана прояснилось:

– Отличный ты парень, братец!

Раладан махнул рукой и почти выбежал из таверны. Лишь на улице он несколько пришел в себя. Нужно было действовать спокойно.

Место, конечно, было превосходное. Кладбище. Раз он мог там спрятать драгоценности – можно было держать там и пленников. Он видел там не один внушительных размеров склеп. Даже зов о помощи мало чем мог помочь: жители Ахелии избегали этого места, пользовавшегося дурной славой, а если еще из склепов начали бы раздаваться вопли... Прекрасное место. Естественно, не единственное – его ожидания могли и не оправдаться. Однако он сильно сомневался, чтобы пять человек, в том числе капитана Морской Стражи, держали в каком-нибудь доме. Что бы произошло, сумеют ли вырваться на свободу? Дом тотчас же заняли бы солдаты, а урядники Трибунала допросили бы всех. Потянув за ниточки, распутали бы и весь клубок... Маловероятно, чтобы Алида не считалась и с такой возможностью.

Сначала Раладан пошел "к себе", уже привыкнув считать снятую комнату своим домом. Он заказал сытный ужин, поел, потом как следует выспался. Было уже за полночь, когда он покинул таверну. Через плечо у него был переброшен моток веревки, прикрытый плащом. В это время городские ворота были уже закрыты, так что веревка могла пригодиться, – впрочем, возможно, не только для того, чтобы перебраться через стену...

Прошло некоторое время, прежде чем он добрался до старого кладбища – "Проклятого"...

Вокруг в изобилии росли сорняки. Ему была знакома лишь часть кладбища,

та самая, где их было меньше всего. Здесь, в самой середине, приходилось продираться сквозь заросли, достававшие до самых подмышек. Он наступал на кочки, которые когда-то были могилами, иногда спотыкался о вросшие в землю каменные плиты. Тут и там маячили темные очертания полуразвалившихся склепов.

Дождь перестал, но продолжал жутко завывать ветер, и Раладан подумал, что темное кладбище в самом деле внушает страх. Он не боялся людей, но знал капризы Шерни – раз уж даже бесстрашный китобой назвал это место проклятым (а по голосу его чувствовалось, что дело не только в названии)... Вполне возможно, когда-то здесь происходило нечто странное и чудовищное...

Он искал свет – хотя бы маленький, тусклый огонек. Конечно, он знал, что люди Алиды не станут жечь костер. Но, во имя всех штормов, он не мог представить себе человека, сколь бы отважным тот ни был, который сидел бы в одной из этих гробниц в темноте, под завывание ветра и множество других звуков, приводивших на мысль то тяжелые шаги, то скрежет надгробных камней... А теперь... теперь он и в самом деле слышал голоса...

Он остановился. Голоса не походили на человеческие, казалось, они доносятся отовсюду, пробиваясь сквозь шум ветра...

"Ветер. Ветер в щелях между камнями", – подумал он прислушиваясь. Скорее всего это и в самом деле был ветер. Воображение – здесь, в этом месте – становилось весьма грозным врагом.

Раладан был уже сыт поисками по горло, однако все же двинулся дальше. Ноги погружались в мягкую землю, иногда он проваливался вместе с ней вниз, почти ощущая, как где-то там, под ним, трескается прогнившая крышка гроба, а вес земли и его самого расплющивает то, что когда-то было человеком. Он хватался рукой за мокрый, холодный и замшелый надгробный камень, пытаясь сохранить равновесие, путаясь в чем-то, что наверняка было лишь зарослями сорняков... но могло быть, вообще говоря, чем угодно.

Наконец он увидел свет – столь тусклый, столь неяркий, что лишь случайность помогла ему его заметить. Он сделал шаг – и свет исчез. В двадцати, может быть, в тридцати шагах среди высоких деревьев возвышался старый склеп. Он не мог определить ни его формы, ни размеров, даже его зоркие глаза мало чем могли помочь в безлунную ночь. Свет просачивался сквозь какие-то щели в камнях, узкие и неровные. Пристально всматриваясь в темноту, Раладан, спотыкаясь, пошел вперед. Он снова потерял из виду тусклый отблеск, но уже знал, что движется в верном направлении.

Склеп был просто огромен. Теперь, когда перед ним был живой и наверняка грозный противник, завывающий ветер стал его союзником. Раладан, особо не прячась, обошел склеп вокруг, пытаясь найти вход. Наконец он нашел дверь, выглядевшую достаточно солидно, хотя и поросшую мхом и потемневшую от влаги. Отыскав на ощупь большое железное кольцо, он потянул за него. Дверь даже не дрогнула.

Может быть, нужен какой-то условный знак?

У него не оставалось выхода. Он изо всех сил заколотил в дверь кулаком.

– Эй! Может, глоточек водки?! – заорал он во все горло.

Он напряженно ждал. Кажется, он уже убедил их, что он не призрак... но убедил ли он их в том, что его можно впустить?

Дверь скрипнула. Изнутри послышалось какое-то имя и смех. Раладан наклонил покрытую капюшоном голову и вошел.

– Я уж думал...

Раладан ударил. Человек со стоном отшатнулся, толстый плед сполз с его плеч. Он прижал руку к животу, в котором зияла ножевая рана, и опрокинулся на спину.

В мигающем свете тщательно укрытой копилки лоцман увидел еще одного человека, отбрасывавшего в сторону тяжелый плащ. Изрыгая проклятия, тот выхватил короткий военный меч, но не бросился сразу в атаку, пристально следя взглядом за Раладаном. Раладан понял, что этот человек умеет убивать. Сбросив плащ, он неожиданно нанес удар ножом, быстрым движением снизу. Противник ловко увернулся, продолжая бормотать проклятия, но при этом он еще и улыбался...

Пират достал из-за голенищ два ножа и стал ждать.

Противник напал неожиданно быстро, метя в него острием меча, но именно этого Раладан и ожидал. Он отскочил в сторону, пытаясь ударить ножом, но

промахнулся. Однако ему удалось схватить противника и вонзить нож ему в спину, но в то же мгновение мощный удар рукоятью меча отшвырнул его назад. Он ненадолго потерял сознание, а когда в глазах у него снова прояснилось, он обнаружил, что сидит у стены. Скулу сводило от пронизывающей боли. Он машинально протянул руку и почувствовал под пальцами кровь.

Его противник лежал неподвижно, но мгновение спустя дернулся и вытянул руку. Раладан поднялся и присел возле него.

- Будешь жить, - невнятно пробормотал он, чувствуя, что щека его совершенно онемела. Кровь капала на спину лежащего. - По крайней мере... еще день-два...

Он выдернул нож, торчавший скорее в боку, чем в спине. Лежащий застонал и лишился чувств. Раладан как умел перевязал рану, потом связал ему руки и ноги. Вытерев кровь с лица, он ощупал кость - та была цела.

Раладан запер дверь на крепкий, похоже недавно приделанный, засов, потом огляделся вокруг. Тусклый свет вырывал из темноты лишь общие очертания большой гробницы с тяжелым саркофагом посередине, крышка которого в последнее время использовалась в качестве стола - на ней лежала колбаса и половина целого хлеба, рядом набор игральные кости.

С правой и с левой стороны неширокие дугообразные проходы вели в боковые помещения, судя по всему поменьше. Раладан взял светильник и, прикрывая его рукой, вошел в левый проход. На него с ужасом и изумлением уставились три пары глаз. Они узнали его, так же как и он их. Четвертый лежал неподвижно, связанный, так же как и остальные. Лоцман наклонился и заметил, что у него нет одной ноги.

Так или иначе, он был мертв.

Раладан посветил вокруг, но не нашел ничего достойного внимания, кроме скомканных тряпок, которые днем наверняка использовались в качестве кляпов.

- Я не собираюсь вас убивать, - сказал он.

На их лицах отразилось явное облегчение.

Он прошел в правую гробницу. Там было пусто. Он обошел ее вокруг. Посередине стоял саркофаг, крупнее того, что он видел раньше.

И ничего больше.

Где же Вард?

Он уже собрался было спросить у пленников. Внезапно он остановился и медленно обернулся... Каменная, треснувшая поперек плита лежала неровно.

Поставив светильник на саркофаг, он толкнул меньшую часть гранитной надгробной плиты, которая со скрежетом сдвинулась и с грохотом упала вниз. У лоцмана перехватило горло. Он отшатнулся было, но в следующее мгновение выдернул из-за голенища нож и на ощупь, не в силах оторвать взгляд от безумных глаз того, кто лежал внутри саркофага, перерезал путы и вытащил кляп.

Под сводами гробницы разнесся нечеловеческий крик.

Раладан, скрежеща от ужаса зубами, тащил к выходу Варда - обезумевшего, плачущего человека, которого он когда-то знал как отважного солдата.

Ему знакома была эта болезнь. Болезнь замкнутого пространства.

Они сидели снаружи склепа, прислонившись к холодной каменной стене. В лица им хлестал мокрый ветер. Раладан продрог до костей, но для сидевшего рядом жуткое кладбище, мрачная ночь и ледяной ветер были жизнью. Свободой.

- Время идет, - сказал наконец лоцман, болезненно морщась от боли в скуле. - Пора поговорить.

Он не видел лица офицера, но голос его, хотя и слабый, уже не был голосом безумца.

- Я обязан тебе жизнью, Раладан. Хочу, чтобы...

- Знаю, что ты чувствовал. Я сам бы свихнулся, если бы меня так заперли. Не будем больше об этом.

Ветер уносил его слова.

- Время идет, - повторил лоцман. - Что бы ни произошло... слушай меня внимательно, господин. Много зависит от того, договоримся мы сейчас или нет.

Он помолчал.

- Хватит с меня убийств, - продолжил он. - Не потому, что я вдруг стал

честным человеком. Причина другая, очень простая: все это ни к чему не ведет. Я просто хочу найти способ вырваться из ловушки. Вот вся правда, господин: я никогда не был пленником на "Змее". Я пират, а трупов, что я оставил после себя, даже не сосчитать. Но есть кое-что еще, что касается нас обоих. Ридарета – дочь Демона. Несмотря на это, она никому никогда не причинила зла. Она ни в чем не виновна. Ее отец перед смертью поручил мне заботиться о ней. Пока что ничего из этой заботы не вышло. Тем не менее, господин, если когда-то в своей жизни я служил какому-то делу, которое ты счел бы благородным и справедливым, в твоём понимании... то именно сейчас.

Вард молчал.

– Я убил двух твоих людей, поручил убить тех четверых. Я хотел убить и тебя. И все ради того, чтобы вытащить ее с этого проклятого острова, на котором она осталась вместе с тем гончим псом, привезти ее сюда и, когда наступит зима, увезти из Ахелии. Вот и все.

Дождь постепенно усиливался.

– На что ты рассчитываешь? Почему я должен тебе верить?

– Разве это может быть ложью? – Он наклонился. – Вард, мы были когда-то друзьями. Много изменилось. Ты веришь в какую-то честность, справедливость... Так вот, и я призываю к тому же. Я хочу спасти невинную девушку, почти ребенка. Взамен я отдаю в твои руки настоящего убийцу, который живет здесь, в Ахелии, – ту, с чьей помощью ты и твои люди оказались здесь. Я дам тебе доказательства. Свидетелей. Один лежит связанный, раненный, но, похоже, выживет. И я дам тебе кое-что еще, Вард. Я дам тебе жизнь – тебе и твоим людям. Если нам не удастся договориться – вы погибнете. Своими посиневшими от веревок руками ты не сумеешь мне помешать. Четыре жизни за одну. Кроме того, справедливость, если так называется тюремная камера для той женщины. На что я рассчитываю? Ни на что. Мне не нужна помощь. Обещай только, что не станешь мне мешать.

С неба хлынули настоящие потоки воды.

– Еще сомневаешься, капитан? Тогда слушай внимательно, я все тебе подробно расскажу. Хотя, должен признаться, я никогда прежде не говорил столь много, как сегодня. Но, Вард, когда я закончу, ты должен сказать мне "да" или "нет".

– И... если "да" – поверишь? Просто поверишь мне на слово?

– Ради Шерни, Вард... поверю. Да, на слово. Раз в жизни попробую сделать это.

20

Они лежали на песчаном холме, внимательно наблюдая за деревней. День был довольно погожий и ясный, и, несмотря на расстояние, хорошо были видны суетившиеся в селении рыбаки.

– Странно, чего они все бегают? – пробормотал Раладан.

Лежавший рядом Бедан пожал плечами:

– Ничего странного... Сразу видать, братец, что ты не местный. Обычное дело, осень. Тут, братец, как шторм пройдет, работы у всех выше крыши.

Он снова замолчал. Сначала они подошли ближе, почти к самому селению, но вскоре им пришлось отойти подальше, поскольку всюду носилась детвора, пользуясь погодой. Однако они успели заметить девушку... и колодки.

Раладан стиснул зубы при одном лишь воспоминании.

– Вечер скоро... Но надо еще подождать.

Лоцман кивнул. Он видел, что китобой, как и он сам, лишь усилием воли сохраняет спокойствие.

Тогда, при виде громадных брусьев, сжимавших босые ступни и запястья девушки, при виде тяжелых цепей, Бедан придержал лоцмана за плечо. Они не в силах были оторвать взгляд от скорчившейся, покрытой лохмотьями фигуры, опущенной головы, всклокоченных, слипшихся волос.

- Сколько ей лет? - спросил китобой. - Ребенок совсем... Сколько, братец?

- Шестнадцать, - хрипло ответил Раладан.

Бедан крепче стиснул его плечо.

- Как моей старшей... Столько же.

Какое-то время спустя они увидели Альбара. Раладан с большим трудом узнал урядника. Грязный плащ... неопрятная борода... Проверив колодки, Альбар несколько раз о чем-то спросил девушку, наконец слегка толкнул ее ногой и ушел, скрывшись в ближайшей хижине.

- Это кто? Ну, говори, братец! - требовательно допытывался Бедан.

- Гончий пес, - коротко ответил Раладан.

Больше они не разговаривали.

Потом они лежали поодаль, на песчаном холме. Наступил вечер, за ним ночь. Они продолжали ждать, продрогшие насквозь.

- Иди за своими.

- Надо еще...

- Иди!_

Бедан поднялся и, пригнувшись, отошел назад.

Ветер усилился. Раладан присел и, стараясь согреться, сделал несколько сильных взмахов руками.

Вскоре Бедан вернулся, ведя с собой еще двоих.

Когда они появились возле столба, девушка подняла голову, и твердая, холодная ладонь необычно мягко закрыла ей рот. Она увидела в черноте ночи очертания склонившегося над ней невысокого человека, а рядом еще несколько теней, отвязывавших цепь и резавших ножами веревки, которыми были обвязаны брусья. Неожиданно девушка расплакалась.

Раладан почувствовал, как дрожат под его рукой ее подбородок и губы, а когда ему на палец упала первая горячая капля, у него перехватило горло. Он провел ладонью по мокрой щеке девушки, а когда китобой управился с веревками, раздвинул брусья, взял ее на руки и прижал к себе.

Трое молча смотрели на них.

- Возьмите ее...

Стоявший ближе протянул руки. Раладан подал ему девушку.

- В лодку.

- А?..

- У меня здесь есть еще... одно дело.

- Утром все рыбаки... Ветер сильный, если не сумеем отплыть, то рыбаки утром...

- Отнеси ее в лодку, друг.

Китобой ушли.

Бедан остался.

- Иди с ними, Бедан.

- Нет, братец.

Раладан взял китобоя за руку, но тот вырвал ее.

Они немного постояли, потом Раладан кивнул и сказал:

- Спрячься.

Бедан отошел на несколько шагов в сторону и лег на землю. Раладан сел в точности так, как до этого Ридарета, опершись ногами о колодки, а спиной о столб. Он встряхнул цепью, она звенела все громче, наконец он ударил звеном цепи о землю, потом еще раз. Несмотря на вой ветра, характерный звук, видимо, все же проник внутрь хижины, поскольку дверь внезапно открылась и темная, сторбленная фигура, ругаясь, подбежала к деревянному столбу. Раладан с каменным спокойствием принял пинок в бок. Затем он медленно встал - и остолбеневший урядник понял свою ошибку...

Не говоря ни слова, пират схватил его за плащ. Альбар вырвался и отскочил назад, приглушенно вскрикнув. Он хотел было бежать - но наткнулся на Бедана. Громадный китобой схватил его поперек туловища и слегка придушил так, что вместо крика во мраке ночи слышался лишь сдавленный хрип. Раладан со знанием дела связал между собой куски веревки, которыми до этого были обмотаны колодки, и, сделав на конце петлю, перебросил веревку через торчавший в столбе крюк, на котором обычно вешали сети. Подошел Бедан, неся полузадушенного, извивающегося урядника. Раладан накинул петлю, затянул. Они подтащили дергающееся тело ближе, лоцман обмотал веревку вокруг нижнего крюка.

- Ноги. Придержи ему ноги, - бросил он.

Урядник хрипел и бился спиной о столб, сжимая руками веревку, охватывавшую шею. Бедан схватил его сзади за лодыжки, придерживая ноги по обе стороны столба. Альбар бился и метался, обезумев от ужаса. Раладан подошел спереди и изо всех сил пнул висящего в пах.

- Знаешь, за что? Знаешь? За то... что не знаешь... когда остановиться... - цедил он сквозь зубы, раз за разом пиная выгнувшееся, судорожно напрягшееся тело.

Резко запахло испражнениями.

Наконец они отошли в сторону и долго смотрели на труп.

- Страшный ты, братец, - сказал китобой. - Но... ладно...

- Надо возвращаться в лодку. Ладно. Давай тут все приберем. Колодки, цепь и эту... пададь. Лучше, чтобы рыбаки не знали, что здесь...

Они работали не говоря ни слова. Уже светало, когда они присоединились к остальным, на юго-восточном берегу острова.

Они молча смотрели на лежавшую в лодке, укрытую одеялами девушку. Она спала, подложив ладонь под щеку и приоткрыв рот. Высокий китобой кивнул, увидев зажившую рану на месте глаза.

- Дочь пирата, - сказал он. - Так я и думал. Болтали об этом в кабаке. Остальные смотрели то на него, то на Раладана.

- Кто это ей?... - Бедан коснулся пальцем глаза.

- Пираты.

Раладан повернулся к китобоям:

- Она...

Бедан поднял руку:

- Я же вижу. Если она - пират, то я кит...

Он положил руку на плечо лоцмана.

- В этом году, - помолчав, сказал он, - киты не приплыли... Странный год, братец. Чувствуешь? Ветер с севера. Странный год, братец. Идет зима.

Раладан поднял голову. Действительно, ветер уже не дул с северо-запада. Дуло с севера. Осень кончалась...

- Кто-то украл два месяца осени, братец. Идет зима. Как думаешь, весной киты приплывут? А год и в самом деле странный.

Лоцман подумал о штормовой волне при безветренной погоде, удивившей их с Раписом, потом о "кашле", зеленых водах Просторов и о китах Бедана, наконец - о закончившейся двумя месяцами раньше осени. Странный год. Что бы это ни означало.

- Странный, Бедан. Очень странный год. А весной киты приплывут. Почему-то... почему-то я это знаю.

Он покопался за пазухой и достал помятую черную повязку. Наклонившись, он осторожно положил ее возле щеки девушки...

Она не проснулась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЕСТРЫ

21

Был душный летний вечер.

Вдоль берега моря, по узкой полоске пляжа, не обращая внимания на лизавшие ноги волны, шли двое, ведя, вернее, таща с собой третьего - высокого коренастого парня, на разбитом лице которого едва успела

засохнуть кровь. Руки парня были связаны за спиной; двое держали его под локти, не щадя ударов и даже пинков, когда он спотыкался или замедлял шаг.

Неподалеку располагалась Дорона, самый старый город Гарры, ее столица. Вероятно, трое шли именно оттуда. Куда они, однако, направлялись и зачем – трудно было догадаться...

Пляж стал шире. Трое остановились.

– Уже недалеко, приятель, – сказал один из двоих связанному. Тот сплунул. Ответом ему был удар кулаком.

Они двинулись дальше.

Уже почти совсем стемнело, когда перед ними появились остатки строений рыбацкой деревушки. Кругом царила тишина. Место это было давно покинуто и мертво. Когда-то его жители, охваченные странным помешательством, повесились все до единого, в одну ночь... Селение это называли Берегом Висельников.

Посреди селения стояла большая хижина, существенно отличавшаяся от других тем, что почти не была разрушена. Один остался с пленником, другой направился прямо к дому. Из-за угла кто-то вышел ему навстречу. Вскоре, уже вдвоем, они подтащили связанного парня ко входу. Двери открылись, и в них появилась темная фигура, которая посторонилась, впуская гостей, после чего дверь тщательно заперли. Пленник, получив сильный толчок в спину, упал на пол. Несколько мгновений он лежал неподвижно, затем тяжело, неуклюже поднялся.

Большая комната была довольно хорошо освещена. На квадратном столе стоял простой канделябр с многочисленными свечами. Маленькие окна были тщательно завешены толстой черной материей, чтобы свет не проник наружу.

За столом сидела молодая женщина. Отблеск свечей падал на ее лицо и руки. Она была необычно красива, но в продолговатых черных глазах крылось нечто... недоброе, отпугивающее.

Женщина выпрямилась, отбросила со лба прядь темно-каштановых волос и спросила низким, приятным голосом:

– Ну как, стоило оно того?

Избитый парень шагнул вперед и без тени страха произнес:

– Как ты была сукой, так ею и осталась. С такими, как ты, чем реже встречаешься, тем лучше.

Женщина чуть приподняла брови.

– О! – усмехнулась она.

Один из стоявших позади пленника мужчин толкнул его в спину, и тот упал на колени. Он хотел было встать, но его удерживала сильная рука.

– Мне нравится твоя смелость, – сказала женщина. – Но у меня слишком мало времени, чтобы ею восхищаться. А жаль.

Она встала и прошла по комнате.

– Послушай, мальчик, сегодня ты все равно умрешь, и мы оба об этом знаем. Но ты можешь принять смерть как мужественный человек, с мечом в руке, сражаясь с моими людьми... или как червяк, которого медленно расплющивают в лепешку. В обоих случаях я получу то, чего хочу. Так что я могла бы сказать, что мне все равно, что ты выберешь. Но это неправда. Отпусти его! – неожиданно прошипела она. Державшие парня люди поспешно отступили назад. Он встал. – Но это неправда, – повторила она. – Среди всех человеческих черт я больше всего ценю отвагу, презираю же – глупость. Итак, отвага или глупость?

– Все это пустые слова, ничего больше, – был ответ.

Она молча смотрела на него. Потом подошла к столу и взяла кусок мела.

– Нарисуй мне ту карту.

Парень презрительно сплунул.

– Ты давно могла ее иметь, алчная шлюха. Отец верно служил тебе... и я тоже.

– Это правда, твой отец был лучшим из моих людей. Жаль, что сын оказался изменником и вором.

Пленник вышел из себя.

– А чего ты ожидала? – заорал он. – Что я буду и дальше служить убийце своего отца?!

В комнате наступила тишина.

– Да ты, похоже, с ума сошел, – удивленно проговорила женщина.

Парень не ответил.

Она села за стол, не спуская с него глаз.

- Значит, по-твоему, это я его убила? Твоего отца? И поэтому ты никому не рассказал о сокровищах, поэтому сбежал? Но зачем же мне было это делать? Убивать того, кто мне служит, и служит хорошо?

Пленник подошел к столу.

- Я считал тебя бешеной сукой, - произнес он сквозь зубы, - но теперь вижу, что ты достойна презрения в сто крат большего...

Он сделал еще шаг, но его схватили.

Женщина потрянула головой раз, другой, встала и неожиданно, словно повинувшись какому-то порыву, вытянула вперед палец.

- Ты видел меня! Видел меня на корабле, который... - Она схватилась за голову. - Нет, не может быть... Вон! Все вон отсюда!

Мужчины переглянулись.

- Вон! - снова завопила она.

Толкаясь в дверях, они поспешно покинули комнату. Дверь закрылась.

- Я его не убивала, - обратилась она к пленнику. - Я его не убивала, а твоя измена... лишь следствие неведения. Что не меняет того факта, что сегодня я должна узнать все о сокровищах. Твое упрямство льет воду на мельницу настоящей убийцы. - Она снова потрянула головой. - Жаль, - негромко добавила она.

- К чему вся эта игра? - гневно, с издевкой спросил пленник.

Женщина отвернулась, опустив голову.

- У меня есть сестра, - сказала она. - Очень, очень похожая на меня.

22

Неполных четыре дня спустя в нескольких милях от портового Драна, города не столь старого, как Дорона, но зато пользовавшегося сомнительной славой самого большого сборища подонков и отбросов общества во всей Вечной Империи, невысокий, крепко сложенный человек стучал в дверь одиноко стоявшего на окраине леса дома. Вскоре дверь открылась, и на пороге появилась пышноволосая, одетая в довольно простое серо-зеленое платье женщина. Одного глаза у нее не было.

- Раладан, наконец-то!

Они вошли в дом.

Лощман стоял, со странной грустью глядя на темные волосы, в которых то тут, то там пробивались серебряные пряди. Она не заботилась о себе: волосы и руки были грязные, платье в пятнах. Ей было неполных двадцать пять лет, но она выглядела намного старше.

Угадав его мысли, она отвела взгляд.

- Когда-то я была красивая, - горько сказала она.

- Ты и сейчас красивая, госпожа, - серьезно ответил он. - Ты просто слишком много размышляешь о делах, которые следовало бы оставить другим. И похоже... - он поколебался, еще раз окинув взглядом грязное платье, растрепанные волосы и тени на лице, - похоже, тебе недостает мужчины.

Она посмотрела ему в глаза и, покраснев, прикусила губу.

- Это не твое дело.

Раладан подошел к массивной скамье и сел.

- У меня плохие новости, - сообщил он.

Она подошла к нему:

- То есть?

- Сокровища нашли, госпожа.

Она сделала еще шаг, но он поднял руку:

- Те люди служили ей. Это совершенно точно.

Ридарета поднесла руку ко лбу и села рядом с Раладаном.

- Значит... случилось самое худшее?

- Не знаю. Может быть, еще нет. Я убил человека, который стоял во главе

экспедиции. Однако мне неизвестно, только ли он один знал тайну. Наверняка он не выдал ее своей команде, поскольку только безумец мог бы довериться сотне людей. Но у него был сын. Сын сбежал, и я не знаю, где он.

Ридарета покачала головой.

Лоцман развел руками:

- Боюсь, госпожа, у нас слишком мало времени, чтобы я мог тебе все подробно рассказать.

- Не в этом дело. Снова кто-то погиб, Раладан. Того человека, твоего капитана, нет в живых уже восемь лет, но до сих пор все то, к чему он притрагивался при жизни, приносит смерть другим.

"_Кто-то?_" - подумал Раладан. - Почти сотня... Разве что юный Берер спасся - если он хороший пловец..."

- Послушай, госпожа, на этот раз в этом виноват не Демон, но ты сама, - сухо проговорил он. - Я ведь говорил, что сокровища надо забрать. Хотя бы затем, чтобы выбросить потом в море. До тех пор, пока существует это золото, будут гибнуть люди. Но ты не желаешь иметь ничего общего с Демоном и его наследством...

- Хватит, Раладан, - прервала она его. - Мы уже говорили об этом сто раз.

- Говорили. Но никогда твое бездействие не приносило столько вреда, как сейчас. Подумай, что случится, если сокровища попадут именно в ее руки. - Он встал. - Мне нужно возвращаться на корабль, госпожа.

- Что еще за корабль?

- Пиратский, под командованием Красотки Лерены. Так ее зовут.

Рука, отбрасывавшая волосы со лба, неподвижно застыла.

- Я все тебе объясню, госпожа, но не сейчас. Если во всей этой истории и кроется какая-то опасность, то проистекает она лишь из того, что я здесь. Поэтому мне нужно уходить. Слушай внимательно: в Дране есть таверна, которая называется "У Шкипера"...

- Да.

- Завтра вечером сними там комнату, а на дверях сделай мелом маленькую отметку. Я появлюсь там к ночи. Тогда поговорим спокойно.

Они коротко попрощались. Она долго стояла на пороге, глядя ему вслед. Он не оглянулся...

Она медленно вернулась в дом.

Было уже темно, когда Раладан добрался до большого пузатого барка, пришвартованного у портовой набережной. Игравшие в кости у трапа бандитского вида детины подняли головы, услышав шаги, но, узнав в свете смоляного факела лоцмана, снова занялись игрой. Раладан прошел мимо них, поднялся на палубу и направился на корму, где находились помещения для офицеров.

На палубе спали вповалку матросы, из какого-то угла доносились стоны одной из корабельных шлюх. Однако на корабле царило относительное спокойствие, что бывало довольно редко, но объяснялось тем, что большая часть команды развлекалась этой ночью на берегу. Идя почти на ощупь, Раладан увяз в груды каких-то тряпок, веревок и прочего мусора. Обычно он скрывал свои чувства, но на этот раз никто его не видел, и лицо его исказилось от гнева. Если бы подобное мог увидеть Рапис! Такой корабль! Человек десять повисло бы на рее, а остальные ногтями отскребали бы грязь с палубы.

Со дня смерти Демона минуло уже восемь лет, но он до сих пор о нем вспоминал.

Наконец он освободил ногу из ловушки и двинулся дальше, спотыкаясь и обходя спящих.

Его потрясало - впрочем, уже не в первый раз, - сколь грязны и неухожены корабли, которыми командуют женщины. Он знал барк Пурпурной Алагеры с тех времен, когда ходил еще на "Змее", видел купеческий корабль, которым командовала - по слухам - дочь владельца. Наконец, он слышал о небольшом фрегате, во главе команды которого стояла, впрочем весьма недолго, протеже какой-то высокопоставленной особы (в Армекте служили в войске многие женщины, в отличие от других краев империи, где женщина-солдат была редким явлением).

И теперь, уже год с лишним, Раладан снова видел корабль, капитаном которого была женщина. Матросская братия обожала Лерену, зеленоглазую

штенку с платком на шее, прямо как из сказки о пиратах, но вместе с тем Лерена была для команды скорее собачкой или птичкой, приносящей удачу, скорее корабельной игрушкой, нежели капитаном. Перед ней вытягивались в струнку, с суровыми лицами, подобно добрым дядюшкам, которые слушают мальчишку, изображающего сотника морской гвардии. Но, стоило ей уйти, над ней посмеивались – тихо, добродушно, даже не думая об отданных ею приказах.

"Это еще чудо, – подумал лоцман, – что этот корабль вообще не пошел ко дну во время какого-нибудь шторма, не разбился о скалы или не попался морской страже. Просто чудо".

Впрочем, чудо это часто носило вполне определенное имя – Раладан...

Из-под двери каюты Лерены пробивался тусклый свет. Слышались какие-то неясные голоса. Он постучал. Голоса смолкли.

– Пошел прочь! – крикнула она из-за двери. Сразу же за этим последовал взрыв смеха.

– Это Раладан, госпожа, – сказал лоцман, снова постучав.

Наступила тишина, затем снова послышались неясные голоса и какая-то возня. В другой раз он, возможно, был бы более терпелив, но сегодня он виделся с Ридаретой, отчего ему в голову сразу же пришла мысль о Демоне, воспоминания о котором столь контрастировали с повседневной жизнью корабля Лерены, что Раладан стоял словно на раскаленных углях.

Наконец дверь приоткрылась, и сквозь щель выскользнули двое рослых матросов. Один из них застегивал штаны, и при виде этой картины в Раладане все закипело. Неожиданно он совершил нечто совершенно чуждое своей рассудительной и хладнокровной натуре – развернувшись, пнул матроса под зад с такой силой, что тот, запутавшись в штанах, налетел на товарища, и оба с грохотом рухнули на палубу.

Раладан сплюнул и вошел в каюту. Лерена сидела на столе, поправляя волосы. Грязная, драная рубашка едва прикрывала большие, крепкие груди.

– Что за шум? – спросила она.

– Твой жеребец получил пинка под зад, – со злостью ответил Раладан. – Ради всех сил, когда ты, наконец, перестанешь быть шлюхой и начнешь быть капитаном?

Лерена вытаращила глаза, оставив в покое свои растрепанные, спутанные волосы.

Он глубоко вздохнул.

Ее взгляд неожиданно изменился: ему приходилось видеть подобный блеск в глазах Демона, ее отца. Да, она была куклой и игрушкой для команды, но в такие мгновения никто не отваживался ей перечить. Раладан почувствовал, что перегнул палку.

Она соскочила со стола и схватила ремень, лежавший на грязной, скомканной грудке тряпок, служившей ей постелью. Лоцман уклонился от первого удара, но второй пришелся ему прямо в лицо. Будь у нее под рукой меч, ему тоже пришлось бы достать оружие или позволить себя убить. Он прикрыл голову локтем.

Неожиданно она махнула рукой и чуть улыбнулась.

– Когда-нибудь я тебя убью, – пробормотала она.

Он коснулся красной полосы на лице.

Лерена снова уселась на стол и, глядя ему прямо в глаза, завязала волосы платком.

– Пока что, однако, ты мне нужен. Но не называй меня шлюхой. Никогда! – крикнула она.

Он уклонился; подсвечник с горячей свечой ударился в стену совсем рядом. Горячий воск брызнул ему на щеку. Она была совершенно непредсказуема; он знал ее с детства, но не в силах был понять, каким будет ее настроение в следующий момент.

– Ну что? – спросила она.

Раладан поднял подсвечник, повертел в руках и поставил на стол. Остатки свечи упали на пол.

– Я был у нее, – ответил он.

– Знаю. Ну и что?

Он сунул пальцы за пояс и встал чуть покачиваясь.

– Думаю, все в порядке, госпожа. Она все еще уверена, что я ей служу.

Они помолчали.

Лерена слегка нахмурилась.

- Знаешь, Раладан, - задумчиво проговорила она, - порой мне кажется, что это действительно так.

- Что ты хочешь этим сказать, госпожа?

Она покачала головой:

- Ничего. Но я все еще помню, что ты убил Берера. Вопреки приказам, вопреки здравому смыслу.

- Я защищался. Кроме того, карта у нас...

- Да. Карта _какого-то_ острова. - Она внимательно смотрела на него. - Ну хорошо. Дальше.

- Завтра вечером я встречаюсь с ней "у Шкипера". Встреча должна быть тайной. Я делаю вид, будто действую за твоей спиной. Найти ее я должен в комнате, на двери которой будет сделанная мелом отметка.

- Завтра вечером, - задумчиво повторила Лерена. - Значит, мы выйдем в море только послезавтра утром. Как я вижу, ты не слишком торопишься. Неужели ты не понимаешь, что комендант здешнего порта не видит пиратского корабля лишь потому, что взгляд ему застилает блеск моего серебра? Каждый день стоянки обходится мне в целый мешок! - со злостью бросила она. - Имей это в виду!

Он молча кивнул.

- Ты в самом деле уверен, что она не знает, где сокровища? - спросила Лерена.

- Не знает. Она до сих пор считает, что они на том острове, о котором я тебе говорил. И она до сих пор думает, что кроме нее только я знаю, где это. Я сказал ей про Берера, но это, конечно, не был ее человек.

Лерена пожала плечами:

- Я лишь хотела удостовериться. - Она медленно ходила вокруг стола. - Зачем ты все так запутал? Какова твоя цель?

Раладан поморщился:

- Мы об этом уже говорили... Подумай, госпожа. Пока она верит, что никто не знает, где спрятаны сокровища, она не будет пытаться их достать. А именно этого мы и боялись.

- Это ты боялся, - поправила она. - И честно говоря, до сих пор не понимаю почему. Ну оказалось бы, что сокровищ нет. И что? Ты говоришь, она начала бы искать сама. Я об этом тоже думала. Ведь у нее нет никаких возможностей заниматься подобными поисками.

- Есть, госпожа, и немалые. Ты прекрасно это знаешь.

Она пожала плечами. Грудь ее пружинисто подпрыгнула. Ее формы, ее пустая, бездумная, вызывающая красота усыпляли бдительность; он старался об этом не забывать.

- Бесстрашный Демон, - сказал лоцман. - Он до сих пор существует, госпожа. И это не ты находишься под его опекой, могущественной опекой, а она.

Он удовлетворенно смотрел, как лицо ее искривилось в злобной гримасе.

23

За ним следили, именно так, как он и предполагал. За ним следили, когда он шел на первую встречу с Ридаретой, следили и теперь, по пути к таверне. Раладан подумал, что шпионы у Лерены исключительно тупые и никуда не годные.

Сама она, однако, тупой отнюдь не была. Может быть, чересчур самоуверенная, но наверняка не тупая. Он знал, он был глубоко убежден в том, что она сама придет, чтобы подслушивать его разговор с Ридаретой из соседней комнаты. Она сошла на берег еще до него якобы затем, чтобы собрать сведения о грузах, которые забирали из Драна торговые суда, во что он, естественно, не верил.

Она ему не доверяла, это было очевидно. Но он не удивлялся. Будь он на ее месте, у него тоже возникли бы сомнения, и немалые. И он не стал бы никому доверять, во всяком случае тем, кто выдавал себя за его друзей...

Вскоре он был уже в таверне, перед дверью, на которой виднелся условный знак. Он постучал.

- Это Раладан, госпожа, - негромко произнес он. Когда она открыла, он вошел и сразу же задвинул примитивную щеколду.

- Не знаю, подходящее ли это место для разговора, - сказала Ридарета.

- Единственное, госпожа, - ответил он. - Отсюда недалеко до порта, а я не могу долго отсутствовать на корабле.

- Ты снова куда-то спешишь...

- Увы. Так что перейдем к делу. Я расскажу тебе в нескольких словах, госпожа, как я оказался под командованием твоей дочери и что я намереваюсь делать.

Они сели на шаткие табуреты возле стола, сколоченного из грязных досок. Тусклая коптилка едва освещала их лица. Раладану довелось за свою жизнь побывать во многих подобных комнатах. Но эта неуклонно вызывала в памяти образ той, которую он снимал восемь лет назад - в Ахелии.

- Помнишь, госпожа, как я делился с тобой своими опасениями, когда после всего лишь трех месяцев беременности появились на свет твои дочери? Ты меня не слушала, видимо, и позже не внимала предупреждениям и советам, не желала видеть, что твои дети не такие, как все, что каким-то образом... Имя твоей дочери...

- Ты что, пришел, чтобы меня этим попрекать? - угрожающе спросила Ридарета. - Кажется, у тебя мало времени?..

Он тряхнул головой.

- До сих пор не понимаю, - сказал он, словно про себя, и добавил, уже громче: - Нет, я тебя ни в чем не упрекаю. Я просто напоминаю, госпожа. Чтобы тебе легче было кое-что понять.

- Что я должна понять? - прервала она его с неподдельной злостью. - Что я - мать чудовищ? Я это уже понимаю. Хватит, Раладан!

Он внезапно встал и прошелся по темной комнате, засунув ладони за пояс. Его не слишком волновал ее гнев.

- Помнишь тот день, когда они ушли? Тогда... это я все устроил...

Лерена действительно слушала их разговор. Раладан был прав, полагая, что вывозимые из Драна товары мало ее интересуют. Она сидела в соседней комнате, вернее, лежала опираясь на локоть. Голова ее находилась возле довольно широкой щели, которая была сделана в стене таким образом, чтобы из помещения рядом ее не было видно. Ее заслоняла койка.

Лерена позаботилась о том, чтобы, когда Ридарета появится в таверне, свободна была лишь одна комната...

Раладан не был глуп, напротив, ума ему было не занимать. Однако он недооценил ее хитрость и сообразительность. Она ему не доверяла. Даже тогда, когда в соответствии с заключенным ранее договором он явился на борт "Звезды Запада", чтобы служить под ее началом. Однако она считала, что лучше будет взять его к себе на корабль и делать вид, что она верит в его лояльность, чем создавать себе явного врага, действия которого будут ей неподконтрольны. Конечно, она могла просто его убить. Но ей нужен был такой лоцман. А кроме того... даже прежде всего... она была в нем заинтересована.

Было время, когда она почти ему поверила. Именно тогда, когда он принес весть об экспедиции Берера, капитана Берера. Весть была правдивой, и Берер почти привел их к сокровищам.

Вот именно: почти...

Они опоздали, Берер уже возвращался. Ночью они подстерегли его корабль - но капитан погиб в бою. Правда, им в руки попала карта, карта острова, где были спрятаны сокровища, но таких островов было на Просторах множество - сотни, а может быть, тысячи... Хотя пространство, где следовало искать, было само по себе не столь обширно, - так или иначе, это означало поиски наугад.

Тогда она поняла, что именно к тому и шло. Она стала орудием в руках Раладана. Они опоздали вовсе не случайно. Раладан - даже если он и в самом

деле не знал, где спрятаны сокровища – просто не собирался допустить, чтобы тайну раскрыл кто-то другой.

Первым ее желанием было заставить лоцмана рассказать правду: кому он служит? Знает ли он, где сокровища? Однако, поразмыслив, она передумала. Она знала Раладана достаточно давно и достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, что он скорее умрет под пытками, чем в чем-либо сознается.

Они отправились в Дран, так как Лерена хотела проверить, не строит ли Ридарета каких-либо опасных планов. Она боялась этой женщины. Боялась тем сильнее, чем больше пыталась убедить себя в обратном.

Когда Раладан пошел к Ридарете, Лерена приказала за ним следить. Он это заметил. С этого момента оба вели все более рискованную игру, стараясь перехитрить друг друга. Наконец она поняла, что лоцман хочет, чтобы она подслушала его разговор с Ридаретой! Судя по тому, что он сказал ей на корабле, это должно было быть лишь представление, разыгрываемое для Ридареты... Она поняла, что это вовсе не представление! Зная, что его будут подслушивать, Раладан хотел, чтобы все, что он будет говорить, воспринималось как ложь, – это был единственный способ передать Ридарете необходимые сведения.

Она оценила искусное построение его плана. Раладан был человеком весьма опасным.

Теперь же она лежала, приложив ухо к щели в стене, и внимательно слушала.

Ридарета нахмурилась.

– Не понимаю, – сказала она почти шепотом.

– Я заключил договор с твоими дочерьми, госпожа, – объяснил Раладан. – В ту ночь я в самом деле спас тебе жизнь... прости, что я об этом вспоминаю... но ей угрожал не огонь. Твои дочери хотели тебя убить. Я убедил их, что тень Раписа отомстит за твою смерть, что она будет означать утрату каких-либо надежд на то, что удастся завладеть сокровищами, ибо этого не допустит Черный Призрак в море. Впрочем, думаю, я был недалек от истины.

Она ошеломленно молчала.

– Я предложил им свои услуги на будущее. Я помог ей обрести... определенное положение в Дороне. А год назад я поступил под начало Лерены.

Ридарета продолжала молчать.

– Странно... все это, – наконец прошептала она. – И невероятно. Но... почему ты говоришь мне об этом только сейчас?

Раладан помрачнел.

– Я думал, что так будет лучше. Или и ты, госпожа, мне не доверяешь? Во имя Шерни, как все это мерзко... – горько проговорил он.

– Я верю тебе, Раладан, – прервала она его. – Да, верю! Но... зачем же в таком случае был нужен тот пожар, если вы решили, что я должна жить? Не понимаю!

– Они хотели, чтобы я оказал тебе услугу. Услугу, которая обязала бы тебя всю жизнь благодарить меня и верить мне.

– Чтобы ты оказал мне... услугу? После всего, что ты для меня сделал?

– Ты говорила им когда-нибудь об этом "всем, что я для тебя сделал"?

Она кивнула:

– Правда, мы... хранили это в тайне.

– Вот именно. Думаешь, у меня все эти делишки на лбу написаны, госпожа?

– Не называй это "делишками".

– Они и есть темные делишки... Ты знаешь мое прошлое, пирата и бандита... – Он с мрачной усмешкой смотрел на нее. – Я убил немало народу. В бою. Но лишь раз в жизни мне пришлось быть тайным убийцей.

В соседней комнате хмурилась Лерена. Она не понимала...

До сих пор она полагала, что в прошлом этих двоих нет никаких тайн. Впервые ей пришлось в голову, что все может быть не столь просто... что между смертью отца и появлением Ридареты и лоцмана в Дране могло быть нечто большее, нежели лишь путешествие на шлюпке... Но ведь Раладан знает, что она все слышит! Зачем же он теперь сообщает ей об этом?!

Она перестала вообще что-либо понимать.

- Сокровища необходимо забрать, и как можно скорее, - сказал Раладан. - Место, где они находятся сейчас, перестало быть безопасным. Нужен будет корабль, госпожа. Корабль, который потом пойдет ко дну вместе со всем золотом, которое успел накопить Демон.

- Ты прекрасно знаешь, что у меня нет корабля.

- Значит, нужно его купить. Разреши мне взять часть сокровищ и использовать золото для покупки корабля.

- Почему ты спрашиваешь моего разрешения?

- Потому что это твоя собственность, госпожа. Наследство твоего отца.

Глаза лежащей в соседней комнате девушки широко открылись. Она оперлась лбом о стену.

Она поняла.

24

Пришвартованный у набережной барк чуть покачивался. Слышалось лишь негромкое поскрипывание канатов.

- Поговорим откровенно, Раладан, - сказала Лерена, поднимая кружку.

Она выпила половину ее содержимого и трянула головой. Лоцман тоже сделал глоток. Ром потек в желудок.

- Утомила меня эта странная игра, - продолжила она. - Честно говоря, я ожидала, что ваша беседа "У Шкипера" пойдет иначе. Ведь тебе, конечно, известно, что я ее слышала?

Чуть подумав, он кивнул.

- Раладан, - тихо спросила Лерена, - это правда? - Она смотрела ему прямо в глаза. - Это правда, что мой о... Демон... и ее отец тоже? - выдавила она сквозь зубы. - Это правда?

- Да, госпожа.

Лерена ударила рукой о стол.

- Шернь! - бросила она.

Неожиданно она встала и долго стояла неподвижно, наконец медленно села снова.

- Я жду объяснений, Раладан, - спокойно проговорила она, но голос ее звучал зловеще и холодно. - Если они меня не удовлетворят...

Она достала меч и положила себе на колени. Раладан знал, что мало кто умеет владеть им так, как она. Возможно, это был талант, унаследованный от... Эхадена?

- У меня достаточно терпения, - все с тем же угрожающим спокойствием добавила она. - Итак, все по порядку, Раладан.

Он искал взглядом что-то на дне кружки с ромом.

- Ты слышала, что я ей предложил. Забрать часть сокровищ, купить корабль и потопить его вместе с остальными.

- Значит, ты знаешь, где на самом деле находятся сокровища?

Он покачал головой:

- Так мне казалось... когда-то. Я ошибался.

- И я должна этому верить?

- Послушай, госпожа, если бы я и в самом деле знал, где сокровища, я давно бы уже их имел. Я человек, не камень, а, пожалуй, лишь каменное изваяние могло бы устоять против желания обладать таким богатством. Там шесть сундуков, полных любых монет, начиная от медяка и кончая тройным золотым, драгоценностей, золотых и серебряных украшений и подсвечников; в двух из этих сундуков - один лишь ллапманский фарфор... Есть там и четыре

Брошенных Предмета, по-видимому Черные Камни с Побережья. А еще – весь груз громбелардских кольчуг, шлемов и мечей, который шел морем в армектанскую Рапу...

Лерена побледнела.

– И как давно ты обо всем этом знаешь?

– Еще там есть дартанские вазы, каждая из которых стоит целое состояние. Целые кипы шелка. Дартанские турнирные доспехи и старинные шлемы с родовыми драгоценностями; я сам их когда-то выносил из дворцов, после того как мы сожгли порт в Лла. Каждый из этих шлемов стоит несколько сотен золотых. Чего ты еще хочешь, госпожа?

Они пристально смотрели друг на друга.

– Перед смертью Демон поручил мне опекать ее... свою дочь. И это правда.

Лерена молчала.

– Он также и твой отец, если ты хочешь это знать. Это тоже правда, – добавил он, пожав плечами.

Она медленно кивнула, прикрыв глаза.

– Отвратительно... – прошептала она.

– После смерти Демона много чего случилось. Это ложь, что мы сбежали на шлюпке с "Морского Змея" и добрались до Драна. Она хотела, чтобы так думали вы. На самом деле мы были на "Змее" до того самого мгновения, когда его сожгли островитяне. Им командовала Ридарета.

– Она командовала "Морским Змеем"?

– Да. Ее вынудили к этому обстоятельства – но командовала. Потом мы оказались на Агарах. Мне пришлось убить не одного человека, чтобы спасти твою мать.

– И сестру... – мрачно добавила Лерена. – Ради Шерни, я тебе не верю. Все это... – Она замолчала, сглатывая слюну.

– Ты слышала, что я говорил "У Шкипера". Говорил именно затем, чтобы убедить тебя.

Она молчала.

– Я был в долгу перед Демоном и честно с ним рассчитался. Но сокровища? Она их не хочет. Я думал, что знаю, где их искать, но ошибся. Я знаю об этом уже пять лет. Я надеялся, что, плавая на твоём корабле, я смогу самостоятельно продолжать поиски. Но мне не хватило времени. Берер нашел сокровища. Я убил его, поскольку, начини он говорить, ты получила бы сокровища, а я не получил бы ничего.

– Почему ты не рассказал обо всем раньше?

– Ты бы мне не поверила. Но мы пришли сюда... а здесь – она. Разве тот разговор "У Шкипера" не доказательство? Твои люди или ты сама слышали каждое слово, которым я с ней обменялся с тех пор, как мы пришли в Дран. Ты прекрасно знаешь, что все это не могло быть спланировано заранее. Я хотел, чтобы ты собственными ушами слышала, как Ридарета подтверждает мои слова. Так и произошло. Я открыл тебе ее самые сокровенные тайны. А теперь я хочу, чтобы ты поверила, что сокровищ больше нет. По крайней мере, с этой стороны опасность перестанет нам угрожать. А она велика. Ридарета не желает помощи со стороны Демона, но если она когда-нибудь ее потребует... Я видел остов "Морского Змея", госпожа. И больше не хочу его видеть.

Лерена встала. Расхаживая по каюте, она машинально забавлялась мечом, перебрасывая его из руки в руку. Наконец она остановилась. Оружие медленно повернулось в воздухе и возвратилось в ее ладонь.

– Объединим усилия, госпожа. Тебе нужен лоцман, а лучшего, чем я, не найдешь... И мне кажется, я знаю о сокровищах больше, чем кто-либо другой.

Легким движением она отбросила меч. Клинок воткнулся в стену.

– Я тоже так думаю. – Она взяла кружку и опорожнила ее до конца. – Почему бы нам ее не убить, Раладан?

– Я уже говорил. Черный Корабль все еще плавает по Просторам. Если хочешь – убей ее сама. Но моей ноги больше не будет на палубе ни единого корабля. Ты еще не видела остова "Морского Змея"? Если хочешь увидеть – убей ее.

Она яростно швырнула кружку на пол, но тут же опомнилась.

– Расскажи мне все, – потребовала она. – Еще раз. По порядку.

Большой, приземистый барк глубоко сидел в воде. Высунувшись за борт, Раладан смотрел на бившие о борт волны. Не слишком хороший корабль. Пиратский парусник должен быть быстрым и изворотливым; хорошо, когда он большой, но не ценой маневренности.

"Морской Змей"... Он снова вспомнил Демона и его каравеллу. Вот это был корабль! Огромный, быстрый. А какие паруса! Настоящий военный корабль, не какая-то там "Звезда Запада"...

Один раз им повезло – ночью, с кораблем Берера. А так... Все их пиратство до сих пор сводилось к охоте на рабов. "Звезда Запада" не нападала на другие парусники по той простой причине, что не могла ни один из них догнать. А спасали ее не скорость и маневренность, не ночные смены курса, как это обычно делал Рапис, но лишь сила, тупая и бессмысленная, заключавшаяся в численности команды. Уже три раза им приходилось сталкиваться с имперскими кораблями. Первый раз – фрегат, команду которого подавили одним лишь численным перевесом. Потом – небольшая каравелла, которая даже не вступила в бой, увидев размеры парусника. Каравелла шла за ними следом, им не удавалось оторваться, несмотря на многочисленные попытки. Лишь короткий, но внезапный шторм разделил корабли. Потом – снова фрегат... Раладан потопил его, заведя "Звезду" в лабиринт подводных скал и мелей. Барк Лерены преодолел его целым и невредимым. Корабль стражи погиб.

Так что пока им везло.

"Пока, – мрачно подумал Раладан. – Пока мы не наткнемся на эскадру, против которой полутора сотен человек уже не хватит. Или до ближайшей облавы".

Он бросил взгляд на неумело поставленный парус и мысленно выругался. Потом посмотрел в сторону кормовой надстройки. Человек двадцать с веселыми песнями пили там ром.

Кто-то остановился у него за спиной. Обернувшись, он увидел Лерену.

– Ну что, лоцман?

Он пожал плечами:

– Посмотри сама, госпожа. Пока что они пьют, но потом перепьются, начнется драка, и опять кто-нибудь погибнет. Я говорил об этом уже сто раз. Но до сих пор ты так и не сказала, почему ты им это позволяешь. Может быть, сегодня ответишь?

– Ты все больше наглеешь, Раладан.

– Наглею? Наглею, госпожа? В таком случае, может быть, я был бы не столь наглым, если бы хлестал ром, может быть, устроил бы драку и кого-нибудь прирезал? Посмотри на них: разве не наглость то, чем они занимаются на глазах у капитана корабля?

Она кивнула и оперлась о фальшборт рядом с ним.

– Хорошо, сегодня я расскажу. Этих людей нещадно били на всех кораблях, где им довелось служить. Ради поддержания дисциплины. Им приходилось жрать всякую дрянь, а за пьянство их лупили до потери сознания. И они пришли ко мне, потому что здесь все иначе.

– Ну да, конечно иначе! – Он издевательским жестом показал на висевшую на мачте тряпку. – Это что, парус? Мы теряем скорость, не говоря уже о том, что корабль едва слушается руля. Эти пьяницы даже забыли, как вязать узлы. На других кораблях, госпожа, они служили за гроши. Здесь они служат за золото. Этого достаточно, чтобы всегда хватало желающих к тебе в команду.

– Может быть. Но я не хочу, чтобы они служили мне только ради золота. Смотри, Раладан. Эти парни пьют за мое здоровье.

С кормы ее действительно заметили, и кто-то рявкнул: "Да здравствует!" Несколько пьяниц подхватили его возглас, как, впрочем, они подхватили бы и любой другой. Остальные затаили песню о портовой шлюхе, кто-то требовал слова, кто-то – рома. Но она слышала лишь то, что желала услышать, и Раладан понял, что от его замечаний не будет никакого толку. Он попытался еще раз.

– Твой отец, госпожа... – сказал он, зная, как хочется ей сравняться с ним славой.

– Мой отец, – перебила его Лерена, – был королем всех морей, Раладан. Но я – его дочь, Раладан, кровь от крови. И мне незачем ему подражать. Я сама знаю, как мне поступать, чтобы стать достойной продолжательницей его дела. И не мешай мне, если не можешь помочь.

Он кивнул:
- Однако у тебя есть сестра, госпожа. Тоже кровь от крови Демона. Насколько я знаю, она во многом ему подражает.
Она нахмурилась, но тут же пожала плечами.
- Риолата? - усмехнулась она.
Лоцман невольно вздрогнул. Это имя навлекало несчастье на каждого, кто его произносил. Безнаказанно это могла делать только Лерена.
И Ридарета.
- Риолата... - задумчиво повторила она. - Я люблю ее, Раладан, я чувствую ее радость и горе. Но лишь одна из нас может быть наследницей отца. Если Риолата совершает ошибки... что ж, тем короче будет наше соперничество.
Лоцман не ответил.
- Куда мы идем, госпожа? - помолчав, спросил он. - Куда глаза глядят? Я спросил бы у первого или второго помощника, но ты их до сих пор не назначила, - позволил он себе еще одну колкость. - Хорошо, что хотя бы кок у нас есть.
Лерена громко рассмеялась:
- И лоцман, не так ли? Сегодня в самом деле хороший день! И лишь потому я пропускаю мимо ушей все твои намеки. Но пусть этот будет последним. Мы идем в Дорону, Раладан. Мне нужно знать, был ли Берер единственным псом Риолаты.

25

- Пока слишком рано раскрывать все мои планы, - рассмеялась Риолата, но тут же посерьезнела, задумчиво глядя на собеседника. - Хотя остался всего лишь год...
Она помолчала.
- Ладно, Аскар! - наконец сказала она. - Может, стоит все-таки хоть кому-то полностью доверять?
- Я тебя не подведу! - с жаром заверил тот.
- Конечно не подведешь... - Однако она тут же посмотрела на него с тем холодным презрением, которого он не выносил. - Хотя, даже если ты меня и подведешь... помешать все равно не сумеешь. Даже если ты начнешь трубить на весь свет о том, что сегодня услышишь, кто тебе поверит? Впрочем, долго бы это все равно не продлилось...
- Не подведу, - мрачно повторил он. - Можешь меня не пугать.
- Хорошо, тогда слушай или, вернее, смотри. - Она подошла к стоявшему у стены большому сундуку и, подняв крышку, достала продолговатый тяжелый сверток, положила его на стол и развернула промасленные тряпки. - Знаешь, что это?
Аскар удивленно посмотрел на таинственный предмет:
- Оружие?
- Оружие, - довольно повторила Риолата. - Огнестрельное оружие, такое же, как пушка. Но, как видишь, небольшое.
Он кивнул:
- Знаю. Я слышал, что где-то уже пробовали пользоваться чем-то таким. Кажется, в Армекте... Или в самом Кирлане?..
- Да, пробовали. И пришли к выводу, что оно никуда не годится.
Аскар провел рукой по железу. Он любил оружие. Его легионеры всегда заботились о своем оружии, благодаря чему, а также дисциплине и превосходной выучке его гарнизон недавно был признан лучшим во всей провинции.
- Так оно и было, - подтвердил он. - Боюсь, что...
- Не бойся, Аскар. Посмотри, - она показала пальцем, - это упор. У того оружия его не было. Банда придурков, ненавидящих все новое, отказалась от

этой идеи, вместо того чтобы ее развить...

Он слушал ее, все более заинтригованный.

- А ведь пуля, выпущенная из этого оружия, пробивает любой панцирь и щит. Ты видел когда-нибудь щиты имперской тяжелой пехоты? - пошутила она.

Аскар усмехнулся. Такие щиты носила половина его солдат.

- Арбалетная стрела их тоже пробивает, - продолжала она. - Но она застревает и дальше уже не летит. Пуля же из этой пищали...

- Как, когда и против кого ты собираешься ее использовать?

Она снова улыбнулась, увидев блеск в его глазах.

- По порядку. - Она снова подошла к сундуку. - Сначала - как.

Она достала нечто напоминавшее доску с вырезом наверху и поставила на пол, подперев двумя прочными палками.

- Это козлы, на которые ставится упор. - Она показала на ружье. - Таким образом уменьшается тяжесть оружия, выстрел более меток, и стрелок может после него устоять на ногах. В поле необходимы два человека: один несет две пищали, второй - козлы. На ровной местности оружие можно перевозить на повозках. В крепости козлы не нужны, достаточно проемов на стенах. А теперь подумай, что можно сделать, имея двести пищалей для стрельбы в поле и еще двести для защиты крепости?

Аскар покачал головой:

- Надо бы попробовать... Но если все действительно так, как ты говоришь, то дай мне десять таких штук, и я обучу тебе две сотни человек за три месяца.

- Именно на это я и рассчитываю.

- Но откуда ты собираешься взять столько оружия? - спросил он. - Десяти штук хватит лишь для обучения, но не более того.

- Есть один человек, который сделает пятьсот, - естественно, за соответствующую плату. Честно говоря, сто у меня уже есть. До конца года я получу еще столько же. А что касается остальных двухсот, более крупных и тяжелых, для обороны стен - это уже не столь срочно.

Аскар взял пищаль и, повертев ее в руках, примерил к козлам.

- Козлы должны быть сильнее наклонены, - пробормотал он. - И шире, немного шире, тогда они лучше будут защищать от вражеских стрел... Конечно, они будут тяжелые, но можно прибить здесь и здесь широкий кожаный пояс, чтобы носить их на спине. Или два покороче, для ношения на плечах.

Риолата внимательно наблюдала за ним.

- Ты получишь двадцать пищалей и триста человек. Выбери из них двести, а из этих двухсот еще сто самых лучших и сделай из них стрелков. Для второй сотни будет достаточно, если они будут хотя бы немного знакомы с оружием, главное же - чтобы они могли бегать с этими козлами. Впрочем, делай что хочешь. Я знаю, что во всей провинции никто не обучит этих людей лучше, чем ты.

Он медленно положил оружие.

- Хорошо. Мне нужно найти подходящее место. Обучение такого количества людей неизбежно привлечет внимание.

- Тебе дадут отпуск? Три месяца - ведь столько тебе нужно, так?

- Да. Осенью. Вернутся все корабли, легион будет усилен морской стражей. Вряд ли я буду нужен в гарнизоне.

- Прекрасно. Значит, в твоём распоряжении вся осень. А место уже есть.

- Какой-нибудь остров?

- Именно.

Она убрала пищаль и козлы.

- Ты меня удивила, - признался Аскар, беря из ее рук кубок с вином. - Надо полагать, это не все твои сюрпризы, верно? Я должен был еще услышать...

- Когда и против кого. Сейчас скажу. Через год. Против имперских солдат. Будет восстание.

Аскар чуть не выронил кубок. Он глубоко вздохнул:

- Не может быть... Откуда ты знаешь, ради Шерни?! Откуда ты можешь знать?

Она не ответила.

Восстание!

Но это было, было возможно... Даже весьма вероятно!

Из всех краев, подвластных Армекту, труднее всего было удержать в

повиновении именно Гарру и Острова. По очень простой причине: покоренные ранее Дартан и Громбелард граничили с Армектом. Здесь же было море. И притом море беспокойное, каждую осень превращавшееся в непреодолимое препятствие. Каждый год на три месяца Морская Провинция, как ее иногда называли, была отрезана от континента.

В отличие от дартанцев, которые от присоединения к Армекту больше приобрели, чем потеряли, и полудиких громбелардских народов, гаррийцы, когда-то имевшие собственное достаточно развитое государство, крайне болезненно воспринимали неволю. Намного меньше хлопот доставляло население Островов. Островитяне вообще никого не любили, традиционно занимаясь рыболовством или пиратством, – от второго их занятия когда-то изрядно досталось как гаррийцам, так и армектанцам... Было время, когда на южных берегах Армекта селились одни лишь морские птицы... Однако после присоединения Островов к империи пиратство, хоть и докучавшее властям, перестало быть политической проблемой. Кто-то тем не менее позаботился о том, чтобы проблема возникла снова: два народа, не выносившие друг друга, посадили в один мешок, создав Морскую Провинцию, общий край островитян и гаррийцев. Дело было не столь пустячным, как могло бы показаться. Для гаррийца, который бледнел, когда его называли островитянином; для гаррийца, который свято верил, что Гарра – часть континента, когда-то оторванная Шернью, чтобы освободить ее избранных сынов от всех мерзостей этого мира; для гаррийца, который считал жителей Островов зверями, а армектанцев – полулюдьми, дело было вовсе не пустячным. Тем более что вскоре оказалось, что островитяне очень хорошо себя чувствуют под "опекой" империи, которой требовались именно такие моряки и солдаты, знавшие язык и местные обычаи. В крышку гроба был вбит последний гвоздь: "дикари"-островитяне в желтых мундирах и под желтыми парусами встали на страже интересов Кирлана, надзираая за гаррийцами... Так что в итоге в огонь лишь подлили масла.

До сих пор лишь два гаррийских восстания были по-настоящему опасными, остальные же представляли собой одиночные вспышки, быстро гасшие в столкновении с карательными силами империи. Но в далеком Кирлане постепенно начали понимать, что идут не тем путем. Гарра была слишком велика, чтобы без конца стеречь ее с мечом в руке.

Аскару все это было прекрасно известно. Он нахмурился и уже спокойнее спросил:

– Где и когда? Это надежные сведения?

Риолата внимательно смотрела на него.

– Через год, – ответила она, – естественно, в конце лета. На этот раз – вся Гарра, не только Дран или Дорона. Конечно, сведения надежные, я уже два года готовлюсь к этой войне, и притом не одна. Ибо это будет война, Аскар, настоящая война, тщательно подготовленная и ведущаяся по всем правилам. Не какой-то там бунт трех магнатских семейств, пяти деревушек и трех гарнизонов.

Он смотрел на нее, остолбенев, с неподдельным ужасом.

– Во имя Шерни... Во имя Шерни... ты высоко метишь! Во имя Шерни... – повторил он в третий раз, – ты знаешь, что я сделаю для тебя все, что угодно... но это безумие! Война или восстание... Ты не представляешь себе могущества империи! Это невозможно, император никогда не допустит, чтобы под боком империи вдруг выросло большое морское государство! Осень будет ваша, но зимой сюда приплывет с континента все, на чем поместится хотя бы один солдат. Вы проиграете!

– Пройграете? Почему – _проиграете_?

Внезапно он понял, что, сам того не сознавая, поставил себя в положение имперского офицера. Ну и прежде всего...

– Я армектанец, – сказал он тихо, но со старательно скрываемой гордостью.

Она подошла ближе:

– Тебе придется выбрать между мной и Армектом.

Он уже давно сделал свой выбор, и она это прекрасно знала.

– Мы проиграем, – просто сказал он.

– Я знаю.

Он снова изумленно посмотрел на нее:

– Тогда... зачем?

- Потому что... все не так, - почти весело сказала она. - Не "проиграете" и не "проиграем". _Они_ проиграют, Аскар.

Ее явно забавляло выражение его лица.

- Меня интересует не свобода Гарры. Меня интересуют Острова. Причем не все... Два острова.

Риолата наклонила голову набок.

- Не понимаешь? - спросила она. - Мне нужны Агары.

Она принесла большую карту. На ней были изображены Гарра, Острова, южный Армект и Дартан.

- Я хочу иметь собственное княжество. Самостоятельное и независимое. И сильное.

Аскар посмотрел на карту:

- Я не моряк...

Она показала пальцем:

- Но об Агарах ты наверняка слышал. Если не о рудниках, то хотя бы о китах.

- Это там?

- Там.

Он помолчал.

- Если бы мне сказал это кто-то другой, я счел бы его безумцем, - наконец пробормотал он. - Но раз это говоришь ты... значит, ты знаешь, что говоришь. Хотя должен признаться...

- Агары вовсе не такие маленькие. Большая Агара - изрядный кусок суши. Там есть два города и неплохой порт, много селений. На Большой Агаре есть медные рудники, а у ее южных берегов охотятся на китов. Эти острова должны просто купаться в богатстве, но все забирает империя.

- И ты считаешь, что император...

- Император будет занят гаррийским восстанием, - прервала его Риолата.

- Прежде чем он его подавит, наступит весна, даже конец весны. А теперь посмотри, где находятся Агары. Это одинокие острова на самом краю света. Вести оттуда долго идут до Кирлана.

Аскар кивнул.

- Корабли морской стражи, - продолжала она, - будут драться с парусниками гаррийцев и сопровождать войска, доставляемые на Гарру. Сомневаюсь, чтобы в агарскую Ахелию послали хоть один корабль: медь может и подождать, а корабли будут нужны здесь.

- Но ведь там ходят какие-то торговцы.

- Довольно редко, а уж во время войны... Но ты, конечно, прав. Помни, однако, что торговцы - люди деловые. Дай им заработать и закажи очередную поставку товара, и они сохранят любую тайну. Впрочем, торговый корабль можно просто задержать.

- Ну хорошо, но ведь это не может продолжаться вечно. Восстание в конце концов падет, и кто-то придет за медью.

- Конечно. Эти корабли мы тоже задержим. Они могли разбиться, затонуть, их могли сжечь пираты... В Кирлане не скоро поймут, что происходит. Да и тогда... Ну, ты же солдат. Скажи, что бы ты сам сделал.

- Послал бы военную эскадру.

- Которая пропадет без вести. Ее судьба тоже выяснится не скоро, ведь на подобную экспедицию требуется время. Потом снова наступит осень и осенние штормы... Подсчитай, сколько времени мы выигрываем.

- Но в конце концов осень кончится и придут новые корабли.

- Сколько?

- Кто же может это знать?

- Но сколько? Сто?

Аскар не выдержал:

- Четыре. Пять.

- Они тоже не вернутся. Что дальше?

Он снова взорвался:

- Я понимаю, что у тебя будут там свои люди и корабль... может быть, два корабля. Может быть, ты захватишь несколько торговых барков. Но ты отдаешь себе отчет в том, сколько войска на фрегате морской стражи? Ты говоришь об имперских парусниках, словно о лодках из коры, которые можно разломать одним пинком.

Риолата улынулась, чуть прищулив продолговатые глаза:

- У меня будет не один или два корабля. У меня будет десять кораблей, Аскар. Десять больших парусников. С сотнями убийц на борту.

- Откуда ты их возьмешь, ради Шерни? Откуда ты... - Внезапно он понял: - Пираты?

- Именно. Это лишь вопрос золота. Золота и общих целей. Золото у меня уже почти есть. А что касается второго... Какой же пират не хотел бы иметь постоянной, безопасной пристани, куда он всегда может прийти и чувствовать себя как дома?

Кто знает, подумал Аскар... Однако планы девушки поражали его своим размахом.

- В конце концов туда придет столько кораблей...

- Сколько, Аскар? Скольких парусников стоят Агары?

Он тряхнул головой.

- Нет, - сказал он, набрав в грудь воздуха. - Нет. Ты все упрощаешь. Хочешь на самом деле узнать мнение солдата? Я не знаю, скольких парусников стоят Агары. Зато я знаю, что если их будут защищать десять пиратских кораблей, то вскоре туда явятся все флотилии империи, включая громбелардскую. А политические последствия? Если какие-то там Агары могут завоевать себе независимость, то что с другими краями Шерера? Империя не может допустить, чтобы все покоренные ею провинции увидели ее слабость. Туда придет столько кораблей, сколько понадобится.

К его удивлению, она снова улыбнулась:

- Не верю.

Она оперлась локтями о карту, а подбородком на руки.

- Независимо от политического оттенка, Агары не стоят подобной авантюры, - сказала она. - Так же как когда-то не стоила ее Барирра. Островок, захваченный Бесстрашным Демоном. Высокопоставленный военный должен об этом кое-что знать?

Аскар нахмурился. Кое-что он слышал...

- Думаю, Кирлан скорее замнет дело, - продолжала Риолата, - или поищет решения дипломатическим путем. Я подсчитала, сколько примерно могла бы стоить подобная война. Морская война, ведущаяся в сотнях миль от Кирлана. Если бы она продолжалась один лишь год, что, учитывая расстояние, вовсе не так долго... - Она начала писать пальцем на карте. - Столько. По крайней мере столько.

Он удивленно поднял взгляд.

- И кому я это объясняю? - с сарказмом спросила она. - Но, видимо, правду говорят, что о стоимости военных кампаний высшее командование не желает ничего знать... Аскар, невозможно так просто собрать корабли со всех морей Шерера. Ведь они нужны там, поскольку лишних никто не стал бы держать. Усмирение целой мятежной провинции стоит любой цены, но - Агар? Никто, даже сам император, не рискнет выложить такую сумму! После войны с Гаррой имперская казна и так будет зиять пустотой, будет не хватать кораблей и солдат - всего, что угодно.

- Не знаю, насколько достоверны твои подсчеты, - пытался возразить Аскар.

Риолата подняла брови.

- Я занимаюсь торговлей, - напомнила она, - и неплохо разбираюсь в цифрах. Я помогаю организовать повстанческую армию, планирую также собрать собственное, личное войско. Я знаю, сколько это стоит.

- Значит, ты считаешь, что до войны за эти острова дело вообще не дойдет? Никто даже не станет пытаться их вернуть?

- Может быть, небольшими силами...

- Насколько небольшими? Три корабля? Достаточно любой мелочи, чтобы подвели все твои расчеты, и тогда морские стражники сожгут твои Агары.

- Мои Агары? - язвительно переспросила она. - Это имперские Агары. Значит, имперские корабли сожгут имперские Агары? А впрочем, пусть жгут. Там нечего жечь. Может, выжгут медь в земле? Или отпугнут китов? Важен лишь только порт.

- Они его займут. Если не сожгут, то займут. Твой флот потеряет тылы.

- Это единственное, что меня беспокоит, - признала Риолата. - Поэтому там должна встать крепость, Аскар.

Он не верил собственным ушам.

- На этом острове? Ты хочешь за год построить крепость?

- Старая каменоломня находится рядом с Ахелией.
 - Это просто смешно, - коротко сказал Аскар.
 Риолата нахмурилась:
 - Что здесь смешного?
 - Ты не построишь крепость за год. И за два. Меня восхищает твое знание военного дела, но здесь видны... некоторые пробелы. Никто не в состоянии возвести серьезную крепость за столь короткое время. И даже если... Ты столь успешно подсчитала расходы императора, подсчитай и свои! Откуда ты намереваешься взять деньги? Сокровища Демона? Не заставляй меня повторять - это просто смешно. Может быть, его хватит, чтобы купить твои пищали и заплатить пиратам, наверняка даже что-то останется. Но крепость? Цитадель? Ты знаешь, сколько стоит цитадель?
 - Ты выслушал до конца? - спокойно спросила Риолата. - Так выслушай, иначе я сама за себя не отвечаю! - неожиданно заорала она. Она положила ладонь на его щеку. - И тогда я сделаю что-нибудь такое, о чем сама потом буду жалеть.

26

- Конечно, госпожа, - развел руками Раладан. - Конечно, каждый сперва отправился бы в Замкнутое море.
 - Каждый, только не ты, - с нескрываемым восхищением сказала Лерена. - Но как?..
 Они снова склонились над картой.
 - Здесь не пройти. А тут опять мели... Этот пролив? Раладан, там пошло ко дну несколько кораблей! Там нет прохода!
 - Есть. "Звезда" прошла бы там даже с полными трюмами. А сейчас они пусты. Нет, конечно, все не так просто, и на скалы можно напороться в любой момент. Нужно все время держаться правой стороны. Пройти можно не всегда, так как, когда дует с запада, высокий, покрытый лесом берег отражает ветер. Но сейчас мы должны пройти. Все время по правой стороне, а когда по носу снова видно будет море - на середину. Мы много раз там ходили. На "Змее".
 - Он был более маневренным и мог идти против ветра, - мрачно сказала Лерена.
 - Там все равно негде менять курс. А ветер хороший и не переменится ни сегодня, ни завтра.
 Она покачала головой:
 - Откуда ты все это знаешь, Раладан? Каждый пролив, каждый проход, каждый риф и каждую мель...
 - Только вокруг Гарры, в других местах - хуже... А на Западном Просторе я был только один раз. С твоим отцом, госпожа.
 Она снова посмотрела на карту.
 - Это сократит нам время в пути на день, - подытожила она.
 - И позволит избежать пути, которым ходят все, - добавил он.
 - Да, это так.
 - И еще одно...
 Он колебался. Она жестом поторопила его.
 - Мы пройдем там, но паруса должны стоять как следует, а вся твоя банда должна быть трезвой. В том проливе нам потребуется надежный корабль и надежная команда.
 Лерена внимательно посмотрела на него:
 - Ладно...
 Она поправила платок и вышла. Он остановился в дверях, подставив лицо солнцу. Погода была превосходная, дул легкий, приятный ветерок, и не мучил палящий зной. Впрочем, был уже конец лета.
 - Эй, парни! - крикнула Лерена.

Раладан посмотрел на палубу.

Команда не спеша собиралась вместе, с шумом и веселыми возгласами.

- Больше не пить, парни! - Она подбоченилась, слыша протестующие голоса. - Больше не пить! До утра ни кружки!

- Мамошка! - взвизгнул коренастый прыщавый детина. - Да мы для тебя... мы все, что угодно!..

Он пошатнулся. Кто-то его дружески поддержал.

- Все, что угодно! - отозвались другие голоса. - Все!

Лоцмана заташнило. Он повернулся и захлопнул дверь.

Он знал, что вечером весь этот сброд будет пить только за здоровье "мамошки".

Вскоре вернулась Лерена.

- Приказы отданы, - сказала она.

Он кивнул.

Когда он смотрел на нее, склонившуюся над картой, ему показалось, что перед ним Ридарета. Подобное случалось уже не впервые. Они были удивительно похожи, Лерена и ее сестра, как две капли воды, а обе они - столь же похожи на Ридарету. Тот же рост, те же фигуры, те же волосы, подбородки и глаза... Если бы Лерена сняла платок и надела черную повязку - в полумраке их легко можно было бы перепутать.

Все они были одного возраста...

Этот феномен был выше его понимания. Все попытки хоть как-то это объяснить оказались безрезультатными. Ридарета была беременна, когда он нашел ее на Малой Агаре. Он знал, кто виновник этой беременности, - Ридарета, впрочем, этого и не скрывала. Во всяком случае от него.

Беременность, однако, продолжалась лишь три месяца. Дальнейшее тоже оказалось весьма необычным. Дочери Ридареты росли и выросли - в три раза быстрее, чем положено по законам природы.

Что было тому причиной - неизвестно.

Ридарета этого тоже не знала. Хотя, с другой стороны... он чувствовал, что у девушки есть какая-то тайна.

Теперь, в возрасте восьми лет, дочери Ридареты и Раписа выглядели как внешне, так и по своему поведению и умственному развитию двадцатичетырехлетними женщинами.

Их матери было неполных двадцать пять.

Лерена все еще разглядывала карту.

- Раладан, - сказала она, показывая рукой на восток и запад от Шерера, - что там?

- Просторы, госпожа.

- Просторы...

Она подняла голову, и он уже знал, о чем она спросит.

- А дальше?

- Думаю, что никто этого не знает.

- Мы не знаем никаких других земель, кроме Шерера, - проговорила она словно про себя, - но значит ли это, что их нет?

- Может быть, и есть. Некоторые говорят, что таких земель, как Шерер, много. И якобы каждую опекает своя могущественная сила, такая же, как наша Шернь.

- Почему же никто их не ищет? Эти земли?

- Многие искали, госпожа. Но ни один из кораблей, отправившихся далеко на Восточные или Западные Просторы, так и не вернулся. Однако была одна экспедиция на Северный Простор... - Лоцман задумался.

- И что?

- Это столь старая история, что половина ее стала уже почти легендой. Был один моряк, имени которого никто уже не помнит, его называют просто Северным Мореплавателем... Он отправился далеко на север. Никто не знает, сколько дней или месяцев длилось его путешествие. Когда-то я слышал в одной таверне песню о нем. Там были слова о том, что "плавал он год, за ним второй и третий"... Все это, конечно, ерунда, но я думаю, что он действительно мог плавать много месяцев. Якобы становилось все холоднее, пока наконец море не покрылось льдом, хотя было лето. А потом идти дальше стало просто невозможно, так как все Просторы сковал толстый лед. И солнце не заходило, был вечный день...

- Наверное, ты сам в это не веришь, Раладан?

- Наверное, нет, - признался он. - Но, с другой стороны, должно же что-то быть там, на Просторах. Из-за чего-то ведь корабли не возвращаются? Не знаю почему, но мне кажется, что есть некая земля... большая земля на востоке. Нет, я ничего не могу объяснить, госпожа, - предупредил он ее вопрос. - Я не знаю, откуда у меня такая уверенность. А что касается Северного Мореплавателя, то, я думаю, будь вся эта история лишь вымыслом, в ней было бы намного больше чудес, нежели один лишь толстый лед.

- Чудовища... - подсказала Лерена.

Он кивнул:

- Возможно.

- Есть ли они на самом деле?

Он снова кивнул:

- Птицы, огромные птицы... Их видел и твой отец. Они пролетели над нами... и все.

- А еще? Расскажи!

Она смотрела на него почти с детским любопытством. Другие... Да, он их видел. Но не хотел об этом говорить.

- Не сейчас, госпожа. Не на море.

- Просто расскажи, что ты видел, - настаивала она.

- Не на море, - повторил он. - Расскажу, когда сойдем на берег.

- Хотя бы как часто ты их видел?

- Только один раз.

- Только один раз? - Она была явно разочарована.

- Только один раз. И, во имя Шерни, надеюсь, что больше не увижу...

Он нахмурился, ибо события тех дней вновь предстали у него перед глазами. Каждый раз, когда он вспоминал о них, сердце сжимала странная тупая боль. Он помнил тот день лучше, чем любой другой из тех, что прожил. И не только из-за того, что он тогда увидел...

Это был первый день, который он помнил.

С тех пор прошло тридцать лет без малого.

Он не знал, откуда он, кто он, кем были его родители. Его вытащили из моря, и первыми лицами, которые он помнил, были лица команды торгового корабля. Потом ему рассказали, что его заметили среди волн, судорожно вцепившегося в какой-то обломок доски. Сколько он пробыл в воде? На каком корабле он плыл и куда? Он ничего не помнил.

Судя по одежде, которая была на нем, он мог быть сыном торговца. Но манера речи сразу же выдавала в нем человека благородного происхождения. Он не в силах был сообщить о себе каких-либо сведений. Лишь когда его спросили, как его зовут, он, подумав, ответил: Раладан.

Но все это было уже позже.

Его вытащили на палубу. В полубессознательном состоянии он видел склонившиеся над ним лица, которые то приближались, то как будто снова отдалялись. Наконец зрение вернулось к нему, и тут же он услышал крик - жуткий, многоголосый... Его оставили на палубе, он видел, как вокруг бегают люди, потом на палубу обрушился каскад воды, корабль почти лег на борт, тяжело перевалился на другой, и тогда он, Раладан, увидел, как под волнами что-то мечется и переваливается, наконец поверхность воды взрывается и среди брызг пены и водяной пены появляется ЭТО...

Потом в конце концов решили, что корабль, на котором он плыл, разбился в щепки. И никто уже не удивлялся, что единственный спасшийся с этого корабля двенадцатилетний мальчишка потерял память.

Раладан показывал пальцем на уже появившийся впереди вход в пролив. Лерена пристально вглядывалась вдаль.

- Лучше будет, если я сам займусь рулем, - сказал он. - Поставь надежного человека на носу, госпожа. А лучше всего встань сама.

Шум внизу заглушил его последние слова. Кто-то завопил, столь пронзительно, словно с него сдирали шкуру. Они переглянулись, потом посмотрели вниз, на палубу. Один из матросов корчился у фальшборта, зажимая рукой ухо, вернее, то место, где оно до этого находилось. Из-под его пальцев текла кровь. Другой, пряча нож, держал ухо в руке, показывая его хохочущим до упаду приятелям. Привлеченные взрывами смеха, начали

собираться остальные, толпа росла.

- Госпожа... - начал Раладан.

Он посмотрел на нее и замолчал.

Рот ее был приоткрыт. На нижней губе повисла капелька слюны.

Он не успел ничего сообразить, как она уже оказалась внизу. Левой рукой она схватила державшего ухо детину за горло, а правой, сжатой в кулак, ударила его в зубы.

Смех утих.

Она подсекла матросу ноги и повалила его с силой, которой никто от нее не ожидал. Перепуганному матросу удалось перевернуться на живот, но она, продолжая держать его за горло предплечьем, другой рукой резко дернула его голову вбок; детина судорожно дернулся и испустил дух, со сломанной шеей. Она колотила головой трупа о палубу до тех пор, пока лицо не превратилось в кровавую кашу, затем выхватила меч и проткнула тело насквозь. Встав, она оторвала край рубашки и вытерла руки, после чего швырнула окровавленную тряпку за борт.

Толпа матросов шаг за шагом пятилась назад.

Раладан стоял на баке, глядя на спину девушки. Из-под разорванной в драке рубашки виднелась огромная разноцветная татуировка, изображавшая дракона. Когда пиратка подняла руку, показывая на море, чудовище зашевелилось.

- Ром за борт, - произнесла она свистящим шепотом.

В тишине, нарушавшейся лишь плеском волн и скрипом корабля, ее слова прозвучали очень отчетливо.

Все еще показывая пальцем на воду, она вытянула другую руку:

- Ты будешь боцманом. - (Рослый матрос открыл рот и снова его закрыл, сглатывая слюну.) - Если случится еще какая-нибудь драка, лучше сам прыгай в море... Тогда я назначу другого боцмана. Раладан!

Раладан спустился на палубу.

- В проливе командуешь ты. Займись.

- Так точно, госпожа.

Перед ней поспешно расступались, когда она шла на корму. Раладан остался один перед притихшей, покорной толпой.

- Так точно, госпожа, - повторил он в пустоту, тщательно скрывая удовлетворение.

Он пытался скрыть и веселье...

Некоторое время спустя, когда он наконец снова смог явиться к капитану, он вспомнил повод для недавнего веселья. Он постучал в дверь каюты.

- Это Раладан, - улыбаясь, сказал он.

По своему обычаю, она сидела на столе, болтая скрещенными в лодыжках ногами. Увидев лоцмана, она откинулась назад, опершись о стол руками. Ей даже не пришлось в голову сменить рубашку; выпяченные груди, видневшиеся из-под жалких лохмотьев, целили ему сосками прямо в нос. Она любила покрасоваться, это точно.

- Ну, что там? - спросила она.

- Мы прошли, госпожа, - ответил он.

Она потрянула волосами.

- Что еще?

Он продолжал нерешительно стоять, хотя видел, что ее злость уже прошла. Жаль, поскольку, в отличие от команды, он высоко ценил подобные взрывы. За исключением разве лишь тех, что касались его лично...

- Ну, говори же! - Она начала терять терпение.

- Знаешь, госпожа, кого ты назначила боцманом?

Она нахмурилась.

- Кого?

- Немого, госпожа.

Она молча смотрела на него. Потом выпрямилась и неожиданно приложила ладонь ко лбу.

- И как мне теперь это... отменить?... - спросила она, давясь от едва сдерживаемого смеха.

- Не знаю, госпожа, - ответил он, прикусив губу.

Они хохотали, пока у них не заболели животы.

Берег Висельников...

Несмотря на уже стусившиеся сумерки, Лерена отыскивала нужный дом без особого труда, хотя внешне он казался столь же темным и мертвым, как и остальные. Однако даже ночью можно было заметить, что кто-то заботится о том, чтобы дом не превратился в развалины. Она подумала, что это весьма неосторожно...

Толкнув дверь, она шагнула в темноту. Заметив полосу серого света, она на ощупь нашла следующую дверь и открыла ее.

Снаружи она видела, что ставни закрыты. Теперь оказалось, что окна занавешены еще и изнутри...

Риолата встала и вышла ей навстречу. Протянув друг другу руки, они обнялись и поцеловались.

- Слишком долго мы не виделись, - одновременно произнесли обе сестры и рассмеялись. Риолата чуть отодвинулась.

- Скажи, скажи скорее...

- Рио-ла-та.

- О Шернь, как же здорово снова услышать свое имя, настоящее имя...

Они снова обнялись.

Сев лицом к лицу за стол, они жадно разглядывали друг друга.

- Ты похорошела, - сказала Лерена.

- И ты похорошела, - эхом повторила ее сестра.

Они взялись за руки.

- Ты чуть не спутала мне планы, - сказала Риолата. - Ты убила Берера.

- Чуть не спутала? Что значит - чуть?

- Я нашла сокровища отца. Они у меня. Сын Берера нарисовал мне карту.

Лерена стиснула кулаки.

- Не верю, - помолчав, проговорила она.

Риолата положила на стол кожаный мешок.

- Это тебе.

Лерена сунула руку в мешок и извлекла горсть драгоценных камней. Лицо ее побледнело.

- Это... подачка? - спросила она сквозь зубы.

Риолата помрачнела.

- Почему ты так решила? Я использовала сокровища в своих целях, это все, что от них осталось. Я до сих пор даже платья себе не купила. Может быть, сейчас у меня была бы такая возможность, но я хочу, чтобы ты это взяла.

Лерена швырнула драгоценности на пол.

- Издеваешься, шлюха?! - прошипела она.

Риолата рассмеялась.

- Конечно издеваюсь! - ответила она. - Ради Шерни, сестренка, я тебе это говорю лишь затем, чтобы насладиться зрелищем твоей раздосадованной физиономии... Хотя, может быть, лучше было бы не говорить и ты так и искала бы дальше! - Она откинула голову назад в новом приступе смеха.

Лерена неожиданно успокоилась.

- Я хочу знать, где были сокровища, - холодно потребовала она. - И что там было. Я должна это знать.

- Неполный день пути от того места, где ты пустила ко дну корабль Берера.

- Об этом я и сама догадываюсь.

- Барирра. Остров Бесстрашного Демона. Собственность отца.

Лерена застыла.

- Правда, как просто? - смеялась Риолата.

- Шутишь... Подобная мысль пришла в голову уже не одному человеку, и там побывали сотни.

- Видимо, плохо искали.

- Дальше!

Риолата кивнула:

- Должна тебя обрадовать: меньше, чем мы полагали. Три сундука, полных золота и драгоценностей. Правда, довольно больших.

Глаза Лерены погасли.

- Шлюха, - повторила она. - Глупая шлюха. Почему именно тебе все всегда удается? Не поверю, что ты уже истратила все сокровища. Береги то, что осталось, ибо я превзойду саму себя, чтобы вырвать его из твоих коготков.

Риолата неожиданно наклонилась к ней.

- Не перестарайся, - тихо сказала она. - Даже привязанность к сестре имеет свои границы, Лерена.

Пиратка медленно сплюнула на стол.

Обе молчали.

Риолата, усмехнувшись, откинулась назад.

- А как там твой хахаль? - весело спросила она.

Лицо Лерены исказилось от гнева.

- Не трогай! Его не трогай... Он мой!

- Ну конечно, твой, мне он не нужен! Он твой... естественно, настолько, насколько может быть твоим человек Ридареты.

- Ради всех морей на свете, - сказала Лерена, озираясь по сторонам, - что я делаю в обществе шлюхи?

Внезапно она вскочила, сделала два шага и подняла с пола нитку жемчуга. Фальшиво рассмеявшись - смех ее, впрочем, тут же сменился скрежетом зубов, - она поднесла жемчуг к глазам, после чего неожиданно швырнула его сестре в лицо и перепрыгнула через стол.

Никто из них даже не крикнул, слышались лишь стоны и тяжелое свистящее дыхание. Они катались по полу. Лерена придавила сестру и била ее кулаком. Риолата тянула ее за волосы, пытаясь ударить головой о пол. Внезапно они вскочили, став лицом к лицу, и начали избивать друг дружку кулаками, не уклоняясь и не отражая ударов. Они стояли окровавленные, с разбитыми губами, растрепанными волосами и дрожащими, ободранными руками, сжатыми в кулаки для новых ударов. Обе тяжело дышали.

- Хватит, - сказали они, опуская руки и криво улыбаясь. Они обнялись, и, пошатываясь, вышли на улицу.

- Этот дом... выглядит совсем как новый, - отрывисто проговорила Лерена. - Сделай что-нибудь...

Она оперлась лбом о лоб сестры. Некоторое время они стояли не двигаясь.

- Иди, - наконец сказала Лерена. - Ты нашла сокровища, но у меня тоже есть для тебя сюрприз... Риолата, у нас есть старшая сестра.

Они вернулись в дом.

Раладан как вкопанный остановился на пороге каюты.

- Нет, - только и сказал он.

Лерена сидела на постели, прижав к плечу мокрую тряпку. Когда она убрала руку, он увидел ободранную до самого локтя кожу. Она подняла голову, показав огромный синяк под левым глазом и второй вокруг правого. Третий украшал подбородок. Она криво улыбнулась распухшими губами.

- Нет, - повторил он.

Он вышел и вскоре вернулся с кружкой рома. Она послушно подняла руку. Рука распухла, а в коже торчали какие-то занозы. Он вытащил самые крупные и плеснул ромом. Лерена взвыла.

- Это солдатский способ, - пояснил Раладан, - запомни его. Ром прижигает рану. Теперь она не загноится. Кто-то напал на тебя, госпожа?

Она потряхнула головой.

- Ничего со мной не будет, - раздраженно бросила она. - Сядь. Подожди. Помоги мне надеть рубашку, у меня все болит... С тобой невозможно разговаривать, когда, вместо того чтобы думать, ты тарачишься на мои голые сиськи.

Он искоса посмотрел на нее... но она говорила серьезно. Порой у него опускались руки.

Она повторила ему разговор с Риолатой.

- Теперь я не знаю, кому верить - тебе или ей? Три сундука или шесть, и еще какое-то барахло?

Она кивнула, предупреждая его ответ:

- Нет, Раладан, я прекрасно знаю... Сокровища там же, где и были, а у нее их не только нет, но она даже не знает, где их искать. Она лишь хотела выиграть время.
- Раладан сидел погруженный в раздумья.
- Завтра уходит в море ее парусник, - сказал он.
- Она мне говорила. В Армект, за зерном. Моя сестра - торговец до мозга костей, Раладан. И вообще, она взяла себе имя - Семена. Совсем как тот город в Дартане.
- Ты в это веришь, госпожа?
- Что она - торговка? Конечно, дела ведет кто-то другой...
- Ты веришь в то, что ее корабль идет в Армект? Это прекрасная, быстроходная, маневренная бригантина. На таких кораблях зерно не возят.
- Возят на том, что есть... Что ты имеешь в виду?
- Ты считаешь, что твоя сестра - Дура, госпожа?

Она вопросительно смотрела на него.

- Боюсь, что она все-таки знает, где сокровища, - пояснил Раладан. - Думаешь, она дала бы себя поймать на такой глупости, как количество сундуков с золотом? Она прекрасно знала, что ты ей не поверишь, именно это и было ей нужно.
- О чем ты, Раладан?
- О том, что эта бригантина идет за сокровищами, госпожа. Твоя сестра наверняка знала, что ее корабль вызовет подозрения, и сделала все, что было в ее силах, чтобы доказать тебе, что она не знает, где сокровища искать.

Лерена молчала. Она встала и, осторожно ощупывая пальцами раненую руку, сделала два медленных шага. Дракон на ее спине смотрел на лоцмана треугольными глазами сквозь дыры в рваной рубашке. Татуировка была выполнена настоящим мастером, это не были примитивные матросские наколки, покрашенные в синий цвет и больше напоминавшие шрамы, чем рисунок. Такие татуировки - многоцветные, высокохудожественные - делали в Дартане. Пять, может быть, десять человек еще занимались подобным необычным искусством, медленно, но неуклонно умиравшим. Один рисунок стоил целое состояние.

- Ты прав. Ты прав, а я... дала себя обмануть. Конечно. Будь сокровища на самом деле у нее, она бы мне об этом не сказала. Она знала, что этим меня удивит, знала, что я не поверю...

Она повернулась лицом к нему.

- Ты прав, - снова повторила она. - Снимаемся с якоря, Раладан. Скоро рассвет. Мы должны войти в порт в Дороне, несмотря на риск.
- Риск? Я не узнаю тебя, госпожа. Одумайся. Дорона - это не Дран. Мы не можем туда зайти, поскольку никогда оттуда не выйдем. Впрочем, там нам нечего делать.
- Нужно ей помешать.
- Как? И зачем? Может, пусть лучше она сама приведет нас к сокровищам?
- Ты не хуже меня знаешь, что "Звезде Запада" ее корабля не догнать.
- Послушай, госпожа: я знаю, что можно и что нужно сделать. Но если ты будешь перебивать меня на каждом слове, то и в самом деле твоя сестра вернется с сокровищами, а мы все еще будем торчать здесь.

Неожиданно ее лицо озарила широкая улыбка.

- Хорошо, капитан Раладан. Я внимательно слушаю.

Он коротко изложил свой план.

Дран, так же как Дорона и все прочие города Гарры, когда-то был оборонительным укреплением. Городские стены, теперь уже основательно заброшенные, охватывали порт и строения, названные позднее Старым Районом.

Дран не был большим городом, его стремительный рост начался лишь после присоединения Гарры к Вечной Империи. Как расположенный дальше всего на севере и потому ближе всего к побережью Армекта, он быстро стал важным торговым центром, тем более что широко разлившийся, лениво несущий свои воды Бахар, самая большая река острова, обеспечивал легкую и быструю доставку товаров в глубь Гарры. Город вырос, но после недолгого периода процветания вновь пришел в упадок. Может быть, причиной тому было именно то, что по иронии судьбы он лежал на скрещении важнейших морских путей империи... Достаточно того, что он стал излюбленным местом всяческого сброда: вышвырнутых с кораблей матросов, ищущих возможности наняться куда-либо еще; уволенных со службы за разные делишки солдат, предлагающих торговцам свои мечи вместе с обещаниями бдительного надзора за товаром; разных бродяг и мелких бандитов, рассчитывающих на легкую добычу в портовой толпе; нищих, бывших здесь сущей напастью; всякого рода мошенников, наконец – что естественно для любого портового города, – целых отрядов шлюх любого возраста, от десяти до восьмидесяти лет.

В Дране можно было услышать все языки Шерера: звучный, звенящий, словно серебро, армектанский смешивался с горловым звучанием гаррийского, в котором было столько же диалектов, сколько и островов. На их фоне мелодично переливались дартанские гласные... Иногда то тут то там даже слышался твердый акцент громбелардца, пришельца из самого отдаленного края империи. Над всеми же царил Кону, являвшийся, по сути, упрощенным языком Армекта.

Военный гарнизон Драна был самым большим во всей провинции. Но что с того? На службу в столь отвратительном месте порой "ссылали", словно в наказание... В результате тут собрались худшие солдаты из всех, каких только можно было себе вообразить. Офицеры готовы были на все, лишь бы вырваться из этой помойки, комендантом же обычно становился какой-нибудь вполне честный человек, которому не хватало сил и хитрости, чтобы купить или добыть себе приятное теплое местечко с надеждой на быстрое продвижение по службе. Несчастный делал все, что было в его силах, но отребье, которым он командовал, скорее провоцировало драки, чем их предотвращало. Дезертирство росло с каждым днем. Рано или поздно каждый комендант Драна либо отказывался от военной карьеры, либо поступал в соответствии со старой поговоркой "С волками жить..."

Однако в Дране был Старый Район. Город в городе.

В Старом Районе находилось огромное мрачное здание Имперского Трибунала. Было там и несколько дворцов – довольно убогих, чисто по-гаррийски, – принадлежавших старым местным фамилиям. А еще была крепость-тюрьма – самая большая и самая неприступная на острове. В Старом Районе размещалось армейское подразделение в сто человек, солдат морской гвардии, подчинявшихся не коменданту легиона в Дране, но непосредственно Князю-Представителю Императора в Дороне (а фактически его наместнику). То были лучшие солдаты в этой части империи. В Старом Районе действовали особые законы. Бродяжничество и попрошайничество преследовалось и наказывалось там со всей строгостью. Днем по улицам кружили вооруженные патрули, численность которых удваивалась ночью. Мечтой каждого купца было иметь свою контору в Старом Районе, мечтой каждого ремесленника было иметь там свою мастерскую. Однако даже если какой-то дом шел на продажу, его цена превышала цену дворца в любом другом месте...

В тот самый день, когда "Звезда Запада" покинула Дран, направляясь в сторону Дороны, перед зданием Трибунала появился какой-то человек, укрытый широким плащом с капюшоном. Он обменялся несколькими негромкими словами с гвардейцами у входа, и его пропустили.

Фигура в плаще еще несколько раз проходила через посты у дверей. Последний стоял у довольно широкой лестницы, ведущей дугой вниз. У подножия лестницы начинался коридор, освещенный тусклым светом факелов. Из коридора многочисленные двери вели в комнаты по обеим его сторонам.

Человек в плаще, в сопровождении гвардейца, скрылся за одной из дверей. Вскоре солдат вышел и вернулся на свой пост.

Комната была обставлена с роскошью, просто потрясающей по сравнению с убожеством коридора. Пышный дартанский ковер покрывал часть серого каменного пола (к которому он, впрочем, совсем не подходил); вдоль стен стояло десятка полтора статуй, изображавших величайших владык Армекта и

Вечной Империи. Стены и потолок были обиты бархатом. Посреди комнаты находился огромный стол из черного бука. Вокруг стола стояли высокие кресла, украшенные богатой резьбой. В серебряных канделябрах горела, наверное, целая сотня свечей.

Три кресла были заняты, на них сидели двое мужчин, один пятидесяти лет с небольшим, другой – значительно моложе, и женщина лет сорока. Мужчины были одеты достаточно скромно, зато платье женщины могло стоить целое состояние.

Человек в плаще подошел к столу и откинул капюшон, открыв женское лицо и светлые волосы.

Сидевшие молча смотрели на нее.

– Прелестное личико, – наконец сказал младший из мужчин.

– Неоценимые способности, – подчеркнул второй, бросив на того уничтожающий взгляд. – Я просил тебя прийти, госпожа, поскольку на этот раз у меня есть кое-что для тебя.

Женщина удивленно взглянула на него.

– Нет ничего странного в том, что я забочусь о способных людях, – пояснил мужчина. – Может быть, госпожу заинтересует тот факт, что человек по имени Д.М.Вард, бывший капитан морской стражи, прибыл позавчера в Дран на борту корабля, идущего прямо с Агар.

– Думаю, Алида, он ищет тебя, – добавила женщина за столом. – Конечно, это может быть лишь случайность... – Она говорила со слабым, почти неуловимым дартанским акцентом.

– Я в это не верю, – сказала Алида. – Я не верю в такие случайности.

– Что ты собираешься делать, госпожа? – спросил молодой человек. – Лучше всего было бы его схватить.

Она странно посмотрела на него, качая головой:

– Нет, господин. Пусть делает что хочет. Интересно, откуда он узнал, где меня искать? Пока он на свободе...

– Полагаешь, госпожа, что за этим может скрываться что-то еще? – прервал ее молодой человек.

Она немного помолчала.

– Не перебивай меня, господин, когда я говорю.

Молодой человек изумленно обернулся к своим товарищам. Мужчина сидел с каменным лицом, женщина едва скрывала улыбку.

– Мне нужны трое, которые найдут его и не будут спускать с него глаз, – сказала Алида.

– Согласен, – кивнул старший. – Выбери их сама, госпожа. И... советую быть осторожнее. Я не хочу тебя потерять.

– Этот человек не слишком опасен.

– Ну... не знаю. Четыре месяца он работал на руднике на Агарах. По собственной воле. После семи лет каторжных работ там же. Такой человек способен на многое.

– Я буду осторожна.

Когда она вышла, молодой человек всплеснул руками:

– Кто она, во имя Шерни?

– Это женщина благородного происхождения, Нальвер.

– Гаррийка?

– Наполовину армектанка. Ты вел себя как деревенщина.

– Ее тон...

– Очень мне понравился. И насколько я ее знаю, она разговаривала бы так с каждым. Ты не разбираешься в людях, а это очень плохо.

– Ты говорил, господин, что она проститутка?

– Да. Но она еще и самый опасный человек из всех, кого я знаю. Это королева интриг и хитрости, и еще тебе следует знать, что она никогда и ничего не забывает. Подумать только, мой предшественник отправил ее на эти Агары, где ее талант пропадал столько лет! – добавил он.

Некоторое время все молчали.

– Как она сюда попала? И кто этот... капитан?

– Именно ему мы обязаны тем, что ее обнаружили, – улыбнулась женщина. – Она была дорогой шлюхой на Агарах, – вульгарное слово прозвучало в ее устах совершенно естественно, – лишь несколько человек знали, кто она на самом деле. Она претворяла в жизнь некий план, когда этот дурак капитан схватил ее и бросил в темницу. Судя по всему, его подкупили пираты. Во

всяком случае, войско действовало исключительно умело, что бывает редко. – Она снова улыбнулась. – Потребовалось некоторое время, прежде чем все выяснилось. Была целая война между тамошним комендантом и Трибуналом, комендант лишился своего поста, этого Варда же... Алида отправила на рудники. Несколько жестоко, но от дураков все же следует избавляться.

Вард уже не был дураком. Семь лет на рудниках научили его иному взгляду на жизнь. И во взгляде этом было немало горечи и гнева.

Вокруг умирали люди. Вольным рудокопам, труд которых был не менее тяжел, платили вполне прилично. Иначе было с рабами – они получали лишь еду и одежду. Однако о них заботились: после каждых шести рабочих дней седьмой был днем отдыха. Рабы были собственностью императора. Их берегли, так же как волов и лошадей. Осужденные же работали день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем. Они умирали, добавляя товарищам лишнюю работу своими похоронами.

Варду всегда было известно о работающих на рудниках осужденных. Однако он никогда не задумывался о том, что, собственно, за люди туда попадают. Он никогда об этом не спрашивал. Он был солдатом, преследовал преступников, схваченных же отдавал в руки Имперского Трибунала. Больше его ничто не интересовало.

Потом он сам стал преступником.

Убийцы на рудники не попадали. Убийц вешали. Так же поступали со всеми грабителями, разбойниками, пиратами, пусть даже их руки и не были запятнаны кровью. Вместе с Вардом трудились люди, на совести которых была кража курицы, незаконная охота на императорскую дичь, незаконная ловля императорской рыбы, попытка обмануть имперского сборщика налогов. В течение полугода ближайшим другом Варда был конюх гаррийского магната; подсаживая в седло жену хозяина, он попал рукой ей под платье. Конюх клялся, что это была лишь случайность. Он остался в живых, отбыл свой срок и покинул рудники.

Другим везло меньше. Молодые ребята, а также люди слабые или пожилые обычно умирали через несколько месяцев. Здоровые, сильные мужчины медленно угасали. Если не погибали от болезней – они тяжело трудились, день за днем... лишь бы дотянуть до осени. Осенью темп работы ослабевал. Корабли не приходили, склады же в Ахелии были невелики. Осень приносила некоторое облегчение.

Среди тех, с кем Вард познакомился, впервые приступив к работе, через семь лет остались в живых только трое. Еще нескольких освободили после отбытия наказания.

Вард был мужчиной Чистой Крови. Лишь благодаря этому его осудили на семь лет, а не на пятнадцать. Относились к нему тоже лучше, значительно лучше, чем к другим. Комендант легиона хорошо его знал как коллегу-офицера, солдаты и надсмотрщики тоже видели в Варде бывшего капитана. Его ставили на легкую работу, посылали с повозками в Ахелию, где он принимал участие в разгрузке. Осужденные ворчали, досаждая ему на разный манер, и требовали равного и справедливого отношения ко всем.

Равного и справедливого... Вард не понимал, как эти люди еще могут употреблять подобные слова.

Освобождая Варда от самых тяжелых работ, главный надсмотрщик рисковал потерей своего поста. Осужденный капитан все-таки не был обычным преступником...

Когда Ик Берр лишился поста коменданта Морской Стражи, на Агарах тут же снова пошли в ход обвинения в халатности. Пришедший на место Берра протеже Трибунала счел их обоснованными. Варда уволили со службы. Тем самым он перестал быть неприкасаемым для Трибунала. Обвиненный последовательно в оказании помощи члену команды пиратского корабля, в содействии бегству пиратки с Малой Агары и позднее – с Агар вообще, в соучастии в убийстве имперского урядника, наконец, в незаконном лишении свободы уважаемой жительницы Ахелии, госпожи Эрры Алиды, он был немедленно осужден и тут же сослан на рудники. Днем раньше Алида сама посетила его в камере. Тогда он уже знал, кто эта женщина.

– Ты глупо поступил, господин, ввязавшись в дела, которые тебе не по зубам, – сказала она. – Я была единственным действующим орудием Трибунала

на Агарах, поскольку те старикашки, которых все знают, могут лишь осуждать, но не преследовать. Теперь моя миссия закончена. Никто уже не придет к самой дорогой шлюхе в Ахелии с поручением кого-то убрать...

- И сколько таких поручений ты выполнила? - спросил он.

- Немного, - пренебрежительно ответила она. - Но все это были незначительные люди. Их смерть ничем не угрожала империи. Однако у меня бывали те, кто требовал... о, весьма необычных вещей. Ты наверняка догадываешься, что с ними стало. Агары невелики. Но у людей, которые здесь живут, порой бывают большие планы. - На ее губах появилась ироничная улыбка. - Ты умрешь на рудниках, - коротко сказала она.

Он стоял на немеющих ногах, с висящими на прикованных к стене цепях руками - но выпрямившись.

- Приговор уже вынесен, - пояснила она. - Завтра ты его услышишь. Может быть, однако... я могла бы его смягчить.

Она ждала, но он не отозвался.

- Куда они поплыли? - спросила она.

Он не знал. Но даже если бы и знал, она не услышала бы от него ни слова.

Он молчал.

- Пока тебя еще не допрашивали... по-настоящему. Здесь есть места, где ломают самых крепких.

Он скривил губы:

- Не пугай. Я человек Чистой Крови. Даже вы не можете пытаться меня безнаказанно. Сведения о том, куда сбежали какой-то мелкий пират и девушка, не стоят того, чтобы проливать Чистую Кровь в камере пыток.

- Неужели?

- Может быть, в Дороне. Может быть, там есть люди, достаточно высокопоставленные для того, чтобы допустить подобное беззаконие. Но здесь я никого такого не вижу. Здесь Агары, а Чистая Кровь на Агарах в цене. Ты это хорошо знаешь, поскольку тебе платили за твое имя. Ведь не за красоту же?

Она быстро подошла и плюнула ему в лицо.

С тех пор он ее больше не видел.

Когда его освободили с рудников, комендант легиона, не покидавший Арбы, вызвал его к себе. Это был тот же самый уже основательно постаревший человек, который делил власть на острове еще с Берром.

- Капитан, - сказал он, - в морскую стражу ты уже вернуться не можешь, в легион тебя тоже не возьмут. Но я могу порекомендовать тебя капитанам кораблей, которые заходят в Ахелию. Я уже стар, и меня не интересует мнение Трибунала по этому поводу. Правда, офицерская должность на корабле, который возит медь, - не особо достойная работа, но все-таки...

Вард молчал.

- Так я и думал, - вздохнул комендант. - Я здесь вроде ткременного надсмотрщика. Не обижайся, что мне пришлось выполнить свою обязанность.

Вард покачал головой.

Комендант снова вздохнул:

- Что я могу для тебя сделать, сынок? Денег ведь ты не возьмешь... Поверь, однако, что я желаю тебе добра. Трибунал... - Он помолчал, потом продолжил: - Ты счел бы мои слова провокацией. Лучше я не буду ничего говорить. Что я могу сделать для тебя, господин?

- Две вещи, комендант.

Старик тут же наклонился к нему. Вард видел, что этот человек и в самом деле не желает ему зла.

- Сейчас я должен поехать в Ахелию, на могилу матери. Но потом я вернусь. Мое имущество пропало. Я хочу работать на рудниках, господин. Могу я получить рекомендацию вашего благородия?

Офицер уставился на него неподвижным взглядом:

- Ради Шерни, господин... Ты понимаешь, что говоришь?

Вард выжидающе молчал.

- Мужчина Чистой Крови... на медных рудниках...

- Я могу получить работу как вольный рудокоп?

- О чем ты говоришь... Конечно, и немедленно. Но я в самом деле не понимаю...

Вард поблагодарил его кивком.

- А второе желание?
Бывший осужденный отвел взгляд:
- Просьба, комендант. Не мог бы ты, господин, узнать, где сейчас та женщина?
Наступила тишина.
- Солдат этого не слышал, - сказал комендант. Он снял мундир, тщательно его сложил и спрятал. Лишь после этого он снова посмотрел на Варда: - Хорошо, капитан.

29

"Сейла" - легкая, быстроходная и маневренная бригантина, названная так по имени одной из легендарных дочерей Шерни, созданных для борьбы со злом, шла поперек ветра на юг. Дартанские легенды гласят, что самой красивой дочерью Шерни была Роллайна, старшая сестра Сейлы. Возможно. Трудно, однако, было возражать против того, что "Сейла" была одним из самых изящных кораблей, которые когда-либо плавали в этих водах. На трех мачтах корабль нес три косых паруса ллапманского типа, все белые, с ярко-зеленым знаком "I" посередине. Косые паруса, может быть и не столь подходящие для дальних рейсов, требовали меньше работы, чем прямые, и потому вся команда бригантин составляла из тридцати человек - больше просто не требовалось. Тем более что на корабле не было орудий; лучшей его защитой была скорость.

"Сейла", сильно накренившись на правый борт, ровно рассекала волны спокойного моря, оставляя за кормой пенящуюся белую полосу. В нескольких милях перед ней, с наветренной стороны, из утреннего тумана выступали приземистые очертания какой-то суши. Корабль слегка изменил курс и пошел прямо в их сторону. По левому борту лежал одинокий каменистый островок. Его старательно отмечали на всех картах, поскольку его окружали опасные подводные скалы. Не один корабль пошел здесь ко дну.

В тени этого угрюмого острова, почти неразличимый на темном фоне обрывистого берега, стоял на якоре большой барк с оголенной мачтой. Выше, на краю обрыва, два человека внимательно наблюдали за стремительной бригантиной.

- Не могу на тебя надивиться, - сказала Лерена. - Еще раз спрашиваю: откуда ты знал?

Лоцман пожал плечами:

- Я не знал... Только догадывался. А ты нет, госпожа? Берер должен был идти этим путем, разве что он возвращался с Западного Простора. Но я в это не слишком верил. Если же он шел от Южных Островов, то должен был идти именно здесь, поскольку это кратчайший путь в Дорону.

- Не кратчайший... - заметила она.

- Кратчайший известный путь, - согласился он. - Никто не ходит вдоль западных берегов Гарры. Если бы все погибшие корабли, что лежат там, вдруг всплыли на поверхность, по их палубам можно было бы дойти сюда, не замочив ног.

Они восхищенно следили за ровным ходом корабля с белыми парусами.

- Но это значит, что ты давно уже догадываешься, где могут быть сокровища.

- Не притворяйся, госпожа, что сама не догадываешься!

Она кивнула:

- Однако Южный архипелаг - это несколько сотен островов и островков...

- Именно.

- Может быть, в самом деле Барирра?

- Сомневаюсь, госпожа. Нет, госпожа. Это было бы чересчур просто. А кроме того...

- Мой отец был не дурак, Раладан. Он знал, что каждый скажет - это чересчур просто.

- Ты забываешь, что я знал твоего отца, госпожа. Наверняка не Барирра. Она долго смотрела ему прямо в глаза, с растущим недоверием.
- Почему ты столь усиленно пытаешься выбить из моей головы эту мысль? Он снова пожал плечами:

- Если хочешь, можем проверить. Но я знаю Барирру. На нашей карте другой остров, впрочем поменьше... И повторяю, я знал твоего отца. Он завоевал Барирру, сражаясь со всеми войсками Гарры. Потом мы заходили туда пару раз, чтобы вывесить новый флаг, но капитан даже не сходил с корабля... Его забавляла мысль о том, что всю эту войну он развязал и выиграл просто так, ради прихоти. Он не спрятал бы на этом острове даже пары старых сапог, поскольку был бы вынужден сказать сам себе, что сражался за что-то. А это отобрало бы у победы весь ее вкус.

Она кивнула, продолжая смотреть ему в глаза.

- И что теперь, Раладан?

Они снова взглянули на пересекающую морскую гладь бригантину.

- Красивый корабль.

Они помолчали.

- Так, как мы решили: когда он скроется из виду, двинемся следом и мы.

- Если ветер не переменится, могут быть хлопоты.

- Увидим. Южные Острова составляют три группы... Думаю, речь идет о Восточной Отмели.

- Верно, - согласилась Лерена. - На Восточной Отмели - Сара, в Саре - стражники и мощная эскадра. А Западная Отмель...

- ...Там одни лишь скалы, столько скал, что лишь безумец отважится идти туда на чем-либо крупнее челнока.

- Кто знает?... - задумалась она.

- Нет, госпожа. Даже Демон не отправился бы туда без хорошего лоцмана. Впрочем, посмотри: эта бригантина наверняка идет не на Западную Отмель.

- Может быть, у него был лоцман? - В ее голосе вновь зазвучало подозрение. - А Риолата... может быть, она специально запутывает следы. Она хитрая, Раладан.

- Ты меня слушаешь, госпожа? - Он продолжал спокойно объяснять: - В конце лета мы всегда отводили корабль в какое-нибудь укрытие. На борту оставался Тарес, иногда Эхаден, иногда я. И еще несколько матросов. Несколько раз оставался твой отец. Остальные еще до этого сходили на берег. У Южных Островов мы бросали осенью якорь ровно пять раз: два раза у Западной Отмели и три раза у Восточной. В каждом из этих мест капитан хотя бы раз был сам, вместе с четырьмя или пятью матросами. Не помню, чтобы я когда-либо еще видел кого-то из них...

Она вопросительно посмотрела на него.

- Обычно, хотя и не всегда, оставались те, кто больше не хотел выходить в море. Команда была уверена, что в конце осени они сошли на берег и отправились восвояси.

- А на самом деле?

- На самом деле они отправились на корм рыбам. Некоторые убежища использовались неоднократно, никто не должен был знать, где они находятся. В начале зимы команда снова собиралась в условленном месте. "Морской Змей" приходил туда, ночью ненужные матросы шли за борт, а утром шлюпка плыла за теми, кто ждал на берегу. Так это примерно выглядело.

- Ты никогда прежде мне об этом не рассказывал.

- Ты никогда не спрашивала, госпожа.

Они посмотрели друг на друга. Разбитое лицо девушки выглядело просто ужасно, синяки потемнели.

- Однажды осенью, - продолжал лоцман, - твой отец рискнул, воспользовался хорошей погодой и спрятал сокровища на острове, у берегов которого стоял "Морской Змей", или на одном из островков поблизости. Ему помогали те самые матросы, что оставались с ним.

- Это весьма ограничивает пространство для поисков.

- И да, и нет. У Восточной Отмели я бросал якорь лишь один раз, возле острова... в точности такого же, как тот, где мы находимся сейчас... Во время осеннего волнения просто невозможно пристать на шлюпке к этому утесу, верно? Тем более что наверняка было совершено несколько рейсов. Ведь Демон хотел спрятать сокровища, а не утопить... Это явно был другой остров.

- А на Западной Отмели?

- На Западную Отмель всегда вел корабль я. Один раз сам, в другой раз с капитаном и со всей командой. Мы просто бежали от имперской эскадры, это было в конце лета. Один фрегат разбился о скалы, второй мы захватили. Демон остался с троими или четверыми в укрытии, а Эхаден, Тарес, я и все остальные отправились дальше на том корабле. Его купил Броррок... Больше мы никогда не укрывали "Змея" в тех скалах. Зимой, когда капитан пришел за нами на Гарру, я решил, что это настоящее чудо.

- Почему?

- Я оставил ему карты и сам же еще их дополнил. Но что там карты... Обшивка была так повреждена, что вся команда латала ее две недели. В трюме было столько воды, что... Будь это другой корабль, не столь прочной конструкции... Думаешь, госпожа, твой отец спрятал бы сокровища там, куда не в состоянии добраться сам?

Лерена в душе с ним согласилась.

- Пожалуй, пора, Раладан, - сказала она.

Они осторожно начали спускаться туда, где их ждала шлюпка, затем переправились на корабль.

План их был прост: они должны были удостовериться, что Риолата действительно идет к Южным Островам, после чего подстеречь ее на обратном пути. Первая часть плана была уже выполнена, относительно второй же у Лерены имелись серьезные сомнения. Раладан, однако, убеждал ее, что все получится. Впрочем, выбора у них не было.

Если речь действительно шла о восточной группе островов и если Риолата собиралась возвращаться тем же путем (что было вовсе не обязательно), они должны были преградить ей путь в указанном лоцманом месте. Бригантина, конечно, легко могла уклониться от борьбы, поэтому ее должны были окружить быстрые, изворотливые лодки морских шакалов, как называли местных прибрежных пиратов. Раладан советовал нанять шесть или семь таких лодок, с чем не должно было быть хлопот, и пересадить на них часть команды "Звезды". В этих неглубоких, полных рифов и мелей, самых предательских водах Шерера даже изящная бригантина Риолаты не могла сравниться с плоскодонными челнами с десятью гребцами на каждом.

Но этих "если" было столь много, что Лерена боялась даже предполагать, каковы, собственно, шансы на успех их, вернее, Раладана плана.

Однако ничего лучшего она придумать не могла. Раладан... Доверяла ли она ему? Что ж, пожалуй, больше чем когда-либо, но все же не до конца. Она никому не доверяла - до конца. Но ему она очень хотела бы доверять.

Удивительный человек... Дитя моря. Перед встречей с Риолатой на Берегу Висельников он рассказал Лерене свою историю. Чудовища из глубин внезапно утратили для нее всякий интерес, таинственное происхождение Раладана занимало ее куда больше. Кем был этот лучший лоцман всех морей? Сыном торговца, а может быть, капитана корабля? Высокорожденным? Ведь он мог выступать в любой из этих ролей. Кем, кем он был? Она отдала бы полжизни, лишь бы это узнать.

Полжизни... Немного...

Ее постоянно мучила тщательно скрываемая боль, граничившая почти с отчаянием. В детстве она была очень рада, что так быстро растет. Риолата тоже. Радовались они, однако, лишь до тех пор, пока не начали понимать, что это на самом деле означает... Они были попросту обмануты.

Порой она с ужасом думала о том, что уже через несколько лет будет намного старше собственной матери. Она не знала причин этой трагедии, никто не в силах был помочь ей найти ответ на самый важный вопрос. В последнее время у нее начали возникать мысли о далеком Громбеларде и таинственном, опасном Дурном Крае. Может быть, мудрецы с Черного Побережья? Об их знаниях и могуществе слагались легенды.

Может быть, там?

Опершись о фальшборт на носу корабля, Риолата думала почти в точности о том же самом, что и Лерена. Они давно уже заметили, что мысли их часто необычно схожи, кроме того, если размышления одной из них сопровождались сильными эмоциями - другая почти всегда их воспринимала.

Так было и на этот раз. Риолата испытывала грусть, смешанную с горькой

злостью, но чувства эти исходили откуда-то извне – она безошибочно это определяла. Само их присутствие, на фоне ее собственных чувств, вызывало подобные же мысли...

Риолата думала о старости. О недалекой уже старости.

Потом она подумала о том, что очень хочет иметь сына. Сильного, настоящего мужчину, который продолжит ее дело и сын которого будет королем Просторов, могущественным владыкой, который способен огнем согнать армектанские и дартанские города в глубь материка, а может быть, даже поднять меч на самое сердце империи – Кирлан. В своем воображении она видела пылающие города, могучее зарево от горизонта до горизонта, а на его фоне – фигуру владыки-воина, командующего тысячами солдат пехоты, стирающей с карты Шерера все, что враждебно или нежелательно новому властителю. Она с презрением думала о нынешней империи, представлявшей собой странную и неряшливую мешанину разных стран и народов. В свое время пожалели усилий на то, чтобы создать из них один великий народ, одну страну. А ведь люди, которыми правит один человек, не могут быть разными, не могут пользоваться десятком языков... Все нужно перемешать и переплавить, вывезти гаррийских девушек на континент, а тех, что с континента, – на Гарру... Светловолосые громбелардки должны стать женами черноглазых армектанцев, дартанки – получить в мужья островитян... Нелегкое, но единственно верное решение. Кроме того – оставалась проблема других разумных существ. Она никогда не видела живого кота или стервятника, лишь изображавшие их гравюры. Здесь, посреди морей, они не встречались вовсе, мало было тех, кто мог бы похвастаться тем, что видел хотя бы одно из этих созданий. Чаше всего это были моряки. Среди матросов с торговых кораблей часто ходили разговоры о том, что достаточно зайти в громбелардский Лонд, чтобы встретить не один десяток котов; можно было их увидеть также в армектанских Каназе и Рапе.

Она этого не понимала. Она не могла понять, как тварь, ходящая на четырех лапах, словно собака, может сравниться с человеком. Не говоря уже о стервятниках.

Она слышала о Кошачьей Войне, победоносном восстании, когда _звери_, пусть даже и разумные, отвоевали себе человеческие права. История этого мятежа столь ее занимала, что она собрала как можно больше сведений на эту тему. Она не могла поверить – империя позволила повстанцам победить! И как только, ради Шерни, не вспыхивали новые восстания? Коты, живой символ неподчинения, ходили и занимались своими делами среди людей!

– Госпожа...

Она медленно обернулась. Капитан "Сейлы", уже пожилой человек, однако опытный моряк, чуть наклонил голову. Он был одним из тех немногих, кому было известно, кто на самом деле управляет двумя солидными торговыми предприятиями в Дороне; знал он и о том, что торговля с Армектом и Дартаном лишь прикрытие для совершенно иной деятельности. Кстати говоря, дела Риолата вела весьма уверенно и в течение неполных двух лет добилась немалых денег и влияния. Путь, правда, ей проторил Раладан, воспользовавшись какими-то связями еще с тех времен, когда ее отец крепко держал в узде многих доронских богачей...

– Что, капитан?

– Я больше не капитан с тех пор, как нога госпожи ступила на эту палубу.

Она чуть улыбнулась:

– Оставь эти любезности, Вантад, мы не во дворце. Что случилось?

– Я просил, чтобы ты не показывалась команде, госпожа, как можно дольше. Люди беспокоятся. Что мне им сказать?

– Да, в самом деле... – сказала она, машинально поднося ладонь к лицу, синяки на котором приобрели желто-фиолетово-зеленый цвет. – Я совсем забыла! Вантад, друг мой, скажи им что-нибудь, что я упала с трапа... ну не знаю...

Старый капитан чуть приподнял брови, поглядывая на копошащихся на палубе матросов.

– Гм, с трапа... Не знаю, госпожа. Ладно, что-нибудь придумаю...

Он с обеспокоенным видом ушел. Риолата еще раз дотронулась до лица и снова оперлась руками о фальшборт, улыбаясь про себя. Старый Вантад был незаменим. Немногие пользовались таким ее доверием. Может быть, еще Аскар.

И пожалуй, больше никто.

Впрочем, все люди на этом корабле заслуживали доверия (естественно, в разумных пределах). Вантад и Риолата тщательно их подбирали. Двадцать моряков, в совершенстве знавших свое дело, полностью обеспечивали "Сейлу"; Риолата заботилась о том, чтобы у них было хорошее питание, достойное жалование и чтобы они не были перегружены работой сверх меры, хотя на безделье они отнюдь не могли пожаловаться. Кроме моряков в состав команды входило десять солдат – мысленно она называла их своей гвардией. Они были ей беззаветно преданы и великолепно обучены. Она платила им за тренировки и щедро награждала тех, кто лучше всех стрелял или искуснее всех владел мечом. Поэтому между солдатами шло непрестанное соперничество. Командиром этого небольшого отряда был мрачный десятник со сломанным носом, которого порекомендовал ей Аскар, сказав: "Это вор. Он по-настоящему болен, если не в силах что-либо украсть. Я не могу держать его в гарнизоне, поскольку никто из моих офицеров не хочет за него отвечать. Как-то раз он украл подсвечник из дворца Представителя... Но во всем остальном это человек, который не видит для себя жизни вне армии. Позволь ему время от времени что-нибудь украсть, и он сделает из вверенных ему людей машины для убийства".

Так оно и было. Носач (таково было прозвище десятника) нашел ей наемников – людей, любивших золото, женщин и оружие. Она оценила их и, похвалив его выбор, дала им столько, сколько они потребовали. Когда они не были на службе, они могли делать что хотели. Взамен они должны были слушаться и молчать. Двоих пьяниц, которые молчать не умели, убили на глазах у остальных. Третий, не желавший слушаться, сдох у позорного столба. С тех пор хлопот у нее больше не было.

Она сама установила порядок тренировок. Носач был просто потрясен тем, как она разбирается в военном деле. Официальный владелец "Сейлы" (ее марионетка) заявил, что отряд предназначен для сопровождения грузов. Комендант гарнизона в Дороне (то есть Аскар) выдал разрешение на ношение мечей – привилегия высокородных и солдат. Кроме мечей у них были еще и арбалеты, доспехи же их состояли из закрытых шлемов с забралом, опускавшихся сзади на шею, кольчуги и кирасы, покрытых белыми накидками с зеленым, таким же, как и на парусах "Сейлы", знаком. Образцы Риолата черпала частично из Громбеларда – родины арбалета, частично же из Армекта, поскольку кираса была защитным доспехом тяжеловооруженной армектанской пехоты. В Армекте, однако, вместе с кирасой носили топор и щит – она же отказалась и от того, и от другого.

Она любила оружие, так же как и Аскар. Может быть, именно благодаря этому они столь легко находили общий язык.

Больше всего она доверяла оружию, которое могло поражать на расстоянии. Знакомая со сведениями о вооружении и облачении легионов и Морской Стражи, которые предоставил ей Аскар, она думала о том, сколь трудным противником являются армектанские войска на суше. Армект был краем лука, превратившегося там почти в предмет культа, – самого действенного оружия в сражении с любым противником. Удивительно, сколь тщательно было продумано взаимодействие лучников с топорниками. В обороне лучники дезорганизовали атаку противника, под прикрытием тяжеловооруженной пехоты. В наступлении роли менялись местами: топорники составляли ядро атаки, задачей же лучников было смешать стрелами строй противника, в случае контратаки – защищать тяжеловооруженных от окружения с флангов, на решающей же стадии поддержать их с мечом в руке или же в случае поражения – прикрыть отступление. Могло показаться, что лук лишь вспомогательное оружие. Но это было не так. В обороне он имел первоочередное значение, а в наступлении – такое же, как и топор. Армектанцы хорошо об этом знали и сами боялись лука настолько, что сделали все возможное, чтобы обезопасить от него собственные войска; именно этой цели прежде всего служили кирасы и щиты топорников, достаточно хорошо защищавшие от стрел.

Другое дело, что в краях, захваченных Армектом, никто, собственно, луком не пользовался. Дартан пал почти без борьбы, зато любимым оружием громбелардцев был арбалет, для которого кираса уже не являлась препятствием, даже с расстояния в сто пятьдесят шагов. Если бы громбелардские горы обороняли регулярные войска, а не банды наемников, служивших разбойникам рыцарям, громбелардский арбалет мог бы преподнести

Армекту неприятный сюрприз... С луком, использовавшимся не только как охотничье оружие, захватчики столкнулись лишь за морем – но зато с каким луком! Гаррийский лук, опертый о землю, достигал человеческого роста, стрелы же могли сравниться по силе с арбалетными. У гаррийских командиров не было, однако, единой концепции использования этого оружия... Впрочем, не только его. В результате прекрасно организованным отрядам Армекта приходилось иметь дело с воинственным, но плохо организованным войском, поделенным на неравные отряды, вооруженным самым разнообразным оружием – от алебард и секир до луков и пращей, не говоря уже о топорах и мечах...

Риолата думала о том, чтобы вооружить своих людей длинными гаррийскими луками, но по нескольким причинам отказалась от этой мысли. Во-первых, длинный лук уже много лет был запрещен Кирланом, а она хотела, чтобы ее отряд был полностью законным. Во-вторых, на палубах кораблей, где во время сражения обычно было крайне тесно, среди такелажа и парусов, лук такой величины, честно говоря, принес бы одни лишь хлопоты, ее же "гвардии" приходилось действовать везде и в любых условиях. Она выбрала арбалет, оружие более дорогое, тяжелое и не столь скорострельное, зато легкое в транспортировке, дальнобойное и с невероятной убойной силой.

Она чуть улыбнулась. О, она готовила армектанской пехоте парочку сюрпризов...

Внезапно очнувшись, Риолата несколько удивилась, осознав, сколь далеко зашли ее размышления. Она еще раз посмотрела на море, повернулась и направилась к длинной невысокой кормовой надстройке, наклонив голову, чтобы вахтенные на палубе не видели ее синяков.

Помещения на "Сейле", хотя и несколько темные, были в меру просторными и удобными. У нее была своя каюта, рядом с капитанской. Она редко выходила в море, но каюту всегда на всякий случай держали наготове. Однако она не пошла к себе, а постучала в дверь каюты капитана. Вантад сидел за столом в обществе своего первого помощника. При виде ее они встали. Офицер тут же поклонился и вышел.

– Когда будем на месте?

– Завтра вечером, госпожа. Если повезет. Ты не знаешь здешних мест, уже скоро нам придется быть очень внимательными...

– Я не только здешних мест не знаю, но и вообще никаких, – засмеялась Риолата. – Плохой из меня матрос, капитан.

– Мне приходилось видеть и худших.

– Думаю, не приходилось... Ну ладно, Вант, у меня есть определенные опасения.

– Какие?

Она тщательно взвешивала каждое слово:

– Я уверена в этой команде так, как только можно быть уверенным. Но мы идем за самым большим сокровищем из всех, что когда-либо видели Просторы. Ты можешь поручиться?..

Он кивнул:

– Ручаюсь, госпожа. Эти люди имеют здесь такие условия, о которых моряк обычно даже мечтать не смеет. Они знают, что лучше не будет нигде. С другой стороны... Сам не знаю почему, но они боятся тебя больше всех и всего на свете. Нет, госпожа. Даже если бы кому-то из них золото затмило разум, остальные вышвырнут его за борт при одном лишь упоминании о мятеже. Им есть что терять, и притом немало.

– Надеюсь.

Помолчав, капитан заметил:

– Тебя что-то еще беспокоит, госпожа. Я не настаиваю... но, может быть, старый Вантад сумеет чем-нибудь помочь?

Она положила руку ему на плечо.

– Все идет чересчур хорошо, чересчур гладко. Парень Берера говорил так быстро, как только мог. Потом мне удалось обвести вокруг пальца Лерену. Так мне, по крайней мере, до сих пор казалось... – Она помрачнела. – Ты ведь знаешь, Вант, что у меня есть сестра? Но ты не знаешь, что мы одинаковые.

Он поднял брови:

– Не понимаю?..

– Она моя сестра-близнец.

Вантад удивился:

- Я не знал... да и откуда я мог...

- Вот именно - откуда ты мог знать? Мы храним это в тайне, Вантад, сохрани ее и ты. Никогда не известно, каким целям может послужить наше подобие... - Она покачала головой. - Об этом не знает даже Аскар. А тебе я это говорю потому, что чувствую, что она где-то рядом. Она опасна, - после короткой паузы продолжила Риолата. - Она опаснее, чем думает кто бы то ни было, чем думает она сама. Но пока она не знает, чего хочет... Знаешь, Вантад, иногда мне кажется, что я старше ее. У меня свои цели, я к чему-то стремлюсь. Она - нет. Она думает, что станет королевой пиратов, но... вот именно, ты сам улыбаешься. Однако в один прекрасный день Лерена объявится, и это будет подобно удару грома, Вант. Ничто ее не остановит, ничто не сможет ей помешать. Я боюсь этого дня. - Она прикусила губу. - Я боюсь этого дня... - тихо повторила она.

Она подняла взгляд и засмеялась, увидев нахмуренные брови старого капитана.

- Ладно, не принимай близко к сердцу, - с внешней беззаботностью сказала она, беря его руку в свои. - Когда рядом такой мужчина, я не боюсь никого и ничего.

Ее слова явно доставили ему удовольствие.

- Я иду спать, - заявила она.

- Хорошо, госпожа. Я разбужу тебя, когда мы будем у цели.

- Да.

Вскоре она уже была в своей каюте. Несмотря на тусклое освещение, маленькое зеркало безжалостно отражало все синяки на ее лице. Недовольно морщась, она разглядывала себя, поклявшись, что не выйдет на палубу до захода солнца. Потом легла.

Сон ее ничто не нарушал, пока ее не разбудил Вантад.

- Мы на месте, госпожа.

Риолата мгновенно пришла в себя.

- Сейчас иду! - поспешно бросила она.

Быстро одевшись, она выбежала на палубу. Сгущались сумерки. Она отыскивала взглядом капитана и подошла к нему. Некоторое время они стояли молча.

- Успеем? - спросила она, не спуская глаз с массивных очертаний острова. - Пристанем сегодня?

- Честно говоря, госпожа... Я предпочел бы бросить якорь здесь до утра. - Вантад с сомнением посмотрел вдаль. - В этих водах на самом деле полно ловушек.

- Есть какие-нибудь шансы...

- Что ж... конечно.

- Тогда я не стану ждать всю ночь всего в миле от цели.

- Мы рискуем потерять "Сейлу".

- Что поделаешь.

Столь возбужденной он никогда прежде ее не видел. Близость цели волновала и его, но он старался сохранить здравый рассудок. Впрочем, в его возрасте риск и приключения уже не были тем, чем они были для него когда-то.

- С твоего позволения, госпожа, - осторожно начал он, - думаю, у меня есть идея получше.

Она нетерпеливо посмотрела на него:

- Да?

- Я предпочел бы все же не подвергать "Сейлу" риску. Я дам тебе, госпожа, шлюпку и шесть умелых гребцов. Вы высадитесь на острове, а утром я к вам присоединюсь.

Она чуть не заключила его в объятия.

- Отлично, отец! Так и сделаем. Поторопись!

Чуть позже матросы уже оживленно сустились возле стоявшей на средней палубе лодки. Вантад назначил шестерых на весла и рулевого, но двоих Риолата отвергла, взяв вместо них Носача и одного из солдат. Вскоре они отчалили от борта парусника. Риолата сидела на носу, то и дело оглядываясь на остров, контуры которого медленно погружались в сумерки.

- Ты знаешь, как называется этот остров? - спросила Лерена. - Ну тот, на котором ты собираешься нанять лодки?

Раладан покачал головой:

- Нет, госпожа. Не помню. Когда-то я наверняка об этом слышал, но островков таких вокруг Гарры сотни. Не требуй от меня, чтобы я знал название каждого из них. Особенно если учесть, что названий иногда несколько.

- Я и не требую. Но я думала, раз на них живут морские шакалы...

- Шакалы сидят на многих из этих островов, госпожа. Это рыбаки, просто рыбаки. Они и в самом деле ловят рыбу. Другое дело, что одинокий корабль не может здесь чувствовать себя в безопасности, а уж если он сядет на мель или разобьется о скалы... Я не слышал, чтобы кто-то уцелел после подобного приключения. Эти ребята режут всех спасшихся до единого, а корабль очищают, словно муравьи кость.

- Значит, если бы мы наткнулись на скалы...

- У нас не было бы ни единого шанса. Но пока мы в море, ничто нам не угрожает. Именно поэтому я хотел, чтобы мы поставили черный парус, не только потому, что его труднее разглядеть.

- Понятно, - догадливо улыбнулась она. - Здесь лучше выдавать себя за пирата, чем за торговца.

- Именно. Наша посудина, - он показал на палубу, - для них лакомый кусок. Лучше будет, если наши рыбаки сочтут, что на нем полно головорезов, готовых отправить ко дну любого, кто окажется поблизости. Но меня несколько беспокоит твоя сестра, госпожа. "Сейла" - быстрый корабль, но здесь это не имеет особого значения. Боюсь, как бы кто-нибудь не украл у нас идею...

- За Риолату не беспокойся, - сказала Лерена, и ему показалось, что воздух содрогнулся, как бывало всегда, когда она произносила это имя. - Лучше побеспокойся о нас.

Он посмотрел на нее, и в то же мгновение послышались крики матросов. Проследив за ее взглядом, Раладан обернулся. С наветренной стороны, из-за скалистого мыса, медленно выплывал средней величины фрегат с красными парусами.

- Дартанский стражник? Здесь?

- Почему нет?

- В это время года? И прежде всего, госпожа, - фрегат? Дартанская стража ходит на бригантинах, не на фрегатах, и уж наверняка... - Он перешел к другому борту. Она двинулась следом. Раладан растолкал матросов и еще раз внимательно посмотрел вдаль: - И уж наверняка не на этом фрегате, госпожа.

Он улыбнулся, что бывало редко. Фрегат сменил курс и теперь шел прямо к ним.

- Перед тобой живая история Просторов, госпожа. Это корабль Броррока. Старый Броррок был стар еще до того, как твой отец впервые увидел море...

- Ты его знаешь?

- Еще бы! Мы год плавали вместе, от него я перешел к Демону. Что вовсе не означает, госпожа, что твои люди должны стоять разинув рты, пока пушечные ядра не выбьют им зубы.

Лерена огляделась по сторонам.

- Эй! - завопила она.

Матросы зашевелились. Она дала пинка одной из корабельных шлюх, о чем-то быстро распорядилась и вернулась к нему.

- Что будем делать?

- Посмотрим. Сомневаюсь, чтобы он принял нас за торговца. Спустить паруса.

Она повторила команду.

Они смотрели, как фрегат ловко маневрирует, также сбрасывая скорость. Вскоре они дрейфовали почти борт о борт, на расстоянии не более ста шагов друг от друга.

- Эй! - послышалось с палубы фрегата. Голос был столь громок, что если его обладатель был его достоин, то наверняка принадлежал к племени гигантов. - Эй! Что за корабль?!

Раладан пожал плечами, но Лерена сказала:

- Ответь им, наверняка они обо мне слышали.

Он подумал, что на ее месте не был бы столь уверен. Слава Лерены простиралась главным образом в ее собственном воображении... Хотя, с другой стороны, "Звезда Запада" не была кораблем совершенно неизвестным. В свое время довольно громкой была история о бунте команды на барке, перевозившем племенных рабов в дартанскую Ллапму. Лерена рабов продала, а корабль и мятежная команда служили ей верой и правдой уже два года.

С фрегата их окликнули еще раз, резко и требовательно. Раладан хотел было ответить тем же самым тоном, но Лерена подняла руку.

- Ответь им, - подчеркнуто спокойно сказала она. - Я прислушиваюсь к твоим советам, Раладан, но капитан здесь все-таки я.

Он кивнул.

- Э-эй! - крикнул он. - "Звезда Запада" капитана Красотки Лерены! Кто спрашивает?!

Мгновение спустя послышался ответ:

- Привет Красотке! Это "Кашалот" капитана Броррока!

Корабли, лениво покачивавшиеся на волнах, сблизились еще больше. Лерена отодвинула Раладана в сторону и крикнула своим низким, глухим голосом:

- Красотка приглашает капитана Броррока!

На фрегате начался какой-то спор. Потом раздался короткий ответный крик:

- Идем к вам!

Броррок бросил якорь. То же сделали и на "Звезде". Собравшись на палубе, команда Лерены смотрела, как там подтягивают привязанную к корме шлюпку и бросают веревочный трап. Вскоре шлюпка с несколькими людьми на борту начала быстро перемещаться в сторону барка.

Сначала на палубу поднялся довольно высокий, рыжий, как лис, парень с крупными веснушками на лице. Он протянул руку и помог маленькому, сухому, словно палка, старичку. За ними появилось еще несколько человек.

Старик сделал несколько шагов, чуть подволакивая левую ногу. Он посмотрел вокруг, затем неожиданно наклонился и, щуря поблекшие глаза, уставился куда-то на палубу. Вытянув руку, он сдавленным голосом спросил:

- Сто тысяч молний, Рыжий... Что это?

Веснушчатый парень посмотрел под ноги.

- Говно, капитан, - коротко ответил он.

Старик выпрямился.

- Говно, - проговорил он, снова оглядываясь по сторонам. - А где же капитан?

Раладан, наблюдавший эту сцену из-за спин моряков, покачал головой. Говорили, что Броррок, прежде чем попасть на море, был садовником у гаррийского магната. Может быть, именно это, а может быть, что-то другое стало причиной его редкостной любви к красоте и порядку. Все корабли, которыми ему приходилось командовать, сверкали чистотой, какой не требовал даже суровый, любивший дисциплину Рапис. Пятно на парусе, грязная палуба, даже выступающий гвоздь приводили ворчливого старика в ярость. Его пираты были толпой щеголей, которых силой заставляли стирать одежду и мыться. Лоцман был уверен, что грязный, воняющий мочой, дерьмом, блевотиной и ромом корабль Лерены, к тому же с черным, пропитанным дегтем парусом на мачте, Брорроку не понравится.

Старый пират посмотрел на стоявшую несколько в стороне Лерену, на ее покрытое синяками лицо и изодранную в лохмотья когда-то белую рубашку.

- Где капитан? - повторил он. - Это ты, что ли, дочка? Может, ты и красотка, но я что-то этого не замечаю.

- Я думала, что меня посетит капитан Броррок, а не какой-то старый пердун, - спокойно ответила она, заложив руки за спину. - Но что поделаешь. Чего тебе надобно, папаша? Помощи?

Наступила тишина.

- О, сто тысяч молний... - проговорил капитан. Он повернулся к своим:

- Хей, капитан!

Лоцман раздвинул матросов и шагнул вперед. Старик посмотрел на него и

удивленно наморщил лоб:

- О, сто тысяч... Слепой Раладан, пусть меня повесят... Что ты делаешь в этой помойке, отвечай! Уборщиком работаешь?

Раладан встал рядом с Лереной.

- Нет, капитан. Я служу под началом дочери, так же как служил под началом отца. И я знаю, что делаю. Странно, что ты не слышал, кто капитан этого корабля.

- Кое-что слышал... Но сегодня я верю в это еще меньше, чем когда-либо.

- И зря.

Старик обернулся к своим людям, словно прося совета. Раладан, однако, знал, что подобное просто невозможно: старый ворчун был известен тем, что никогда ни у кого совета не просил.

- Капитан Броррок, - сказала Лерена, - может, поговорим?

Вскоре они уже сидели вчетвером у нее в каюте. Броррок, недовольно морщась, разглядывал Лерену. Рыжий не сводил глаз с Раладана. Они не были лично знакомы, но виделись несколько раз мельком. В свое время, бывало, их капитанов связывали общие дела.

- Что вы делаете в этих паршивых водах? - спросил старик. - Скоро здесь будет чересчур жарко.

- Почему? - спросила Лерена.

Броррок почесал нос.

- Видишь ли, дочка, я гнался за стражником. И упустил его, сто тысяч молний... - Он ругался еще долго.

Раладан и Лерена переглянулись.

- Наверняка он сбежал на Сару. - Броррок снова почесал нос и чихнул. - У меня испортилось мясо в бочках. Тридцать с лишним парней концы отдали...

- Он мрачно посмотрел в угол. - Я нашел новых, но, ясное дело, без ничего. Вот я и думал, может, тот стражник даст мне немножко хорошего оружия и кольчуг. Но он сбежал, сто тысяч молний. Насколько я знаю имперских, эскадра из Сары уже выходит. Но старого Броррока им не поймать.

- Это поиски наугад, - покачал головой лоцман. - Неизвестно даже, выйдут ли они на самом деле.

- Выйдут, выйдут... Старый Броррок стоит того, чтобы попытать счастья.

- Те знали, кто их преследует?

- Да, Слепой, так уж получилось - знали.

- Почему "Слепой"? - спросила Лерена, поглядывая на Раладана.

- Старое прозвище... Так меня называли, когда мы плавали вместе.

- Ха, ему завязывали глаза, а он швырял ножи! - захохотал Броррок. - И всегда попадал в мачту, чтоб ему!.. - восхищенно добавил он. - Вот его и прозвали "Слепой".

- Молодой был, - пробормотал Раладан.

- Но покрасоваться-то ты любил... Э, что там, когда я был молодым... - Он посмотрел на Лерену: - Ну, дочка, а ты?

- Думала наловить тут немного рабов, - она развела руками. - Хорошее место, спокойное... Но, вижу, оно перестало быть таковым.

- Перестало. Рабы все еще окупаются?

- По-разному. Сейчас лучше. У меня в трюме хватит места для доброй сотни. Вошло бы и полторы, но тогда больше сдохнет, и прокормить трудно.

Броррок присвистнул:

- Ну, если сотня, то дело того стоит. В Бане продаете?

- Сейчас нет. Год назад буря погубила посевы в Армекте, и дартанцы сделали целое состояние на своем зерне. До сих пор лучше всего продавать в Лла. Еще лучше было бы в Лида Ай, но Замкнутое море - дурное место.

Броррок согласно кивнул.

- Я не вожу рабов, - сказал он. - Как-то раз возил, и потом весь корабль у меня провонял. Больше не вожу.

- Мне же лучше, - заметила Лерена.

- Так что, в трюмах у вас пусто?

- Пусто, - усмехнулась она. - А даже если бы что-нибудь там и было, то я не советовала бы заглядывать...

Броррок захохотал. Рыжий тоже улыбнулся.

- А ты неглупая, - похвалил старик. - Нет, сто тысяч молний, я не тронул бы корабля его дочери. Отличный был мужик, шалопай, каких мало, но человек достойный. Жаль, рано умер.

(Не так уж рано... Но для Броррока каждый, кому не исполнилось хотя бы шестьдесят, был молокососом и щенком.)

Старик задумчиво разглядывал девушку.

- Ты не могла бы постирать рубашку, а, дочка? - Он махнул рукой. - Так, только... Не слушай старика. А может быть... - Вытянув трубочкой сухие губы, он посмотрел на Рыжего, на нее, на лоцмана и снова на Лерену. - Может быть, вместе надерем задницу имперским? А?

Лерена подняла брови.

- Оружие у меня есть. Больше мне не нужно. А другая добыча... - Она пожала плечами.

- И правда, добычи никакой, - согласился Броррок. - Но слава, какая слава, дочка! - искушал он.

Лерена покачала головой, хотя и с сожалением; Раладан был уверен, что в другой раз она охотно бы присоединилась.

- Жаль времени, - сказала она. - Лето кончается, а мне нужно продать еще партию. Сюда я пришла зря, придется идти куда-то еще.

- Жаль. - Старый пират, по обыкновению, выругался.

- А еще какая-нибудь помощь нужна, капитан? - любезно спросила она.

Броррок бросил взгляд на Рыжего, движением головы показывая на Лерену:

- Смотри, как уважает старика... Карты, дочка. Может, у вас найдутся лишние?

- Этих мест?

- Ну да.

Раладан кивнул.

- Немного старые, - сказал он. - Но я их для тебя поправлю, капитан.

- Недорого возьму, - добавила Лерена.

Броррок выпятил челюсть.

- Подкована на все четыре ноги, - констатировал он. - Пусть меня утопят, я в тебе сперва не разобрался... Только, дочка, тут чуток воняет (не слушай старика)... Твой уважаемый папаша, будь он жив, дал бы тебе шлепка, ой дал... Не слушай. Меня это не касается.

- Именно, - кивнула Лерена. - Раладан, принеси карты. Может быть, капельку рома, капитан?

- О, дочка, что нет, то нет. В моем возрасте спиртное вредно. Я пью молоко.

- Откуда в море молоко? - весело спросила она.

- У меня всегда есть молочная скотинка. Есть и молоко.

Она не поняла - не шутит ли он. Лишь потом Раладан сказал ей, что нет...

Вскоре Броррок уже плыл обратно на свой фрегат. Они провожали шлюпку взглядами.

- Станный он, - сказала Лерена. - Немного смешной.

- Это только кажется, - возразил Раладан. - Это самый хитрый, безжалостный и жестокий человек, какого мне только приходилось видеть, госпожа. Притом моряк по призванию. Твой отец его превзошел, поскольку у него был корабль, с которым ничто на Просторах не могло сравниться. И еще у него был я, - добавил он без хвастовства, но и без лишней скромности.

Лерена искоса посмотрела на него, но ничего не сказала. Когда шлюпка пристала к борту фрегата, она повернулась к команде:

- С якоря сниматься! Паруса поднять!

Броррок и его люди взобрались на палубу. С фрегата послышались прощальные крики. Команда "Звезды" ответила тем же. Корабли медленно разошлись в противоположные стороны.

вернулась к своим людям, ожидавшим возле шлюпки.

Она нашла сокровища.

Трудно было их не найти. "Остров" оказался всего лишь безлюдной скалой, облюбованной огромными стаями птиц. На ней росло несколько карликовых деревьев и десятка два кустов; вся растительность была сосредоточена в середине этого клочка суши шириной примерно в четверть мили и вдвое больше в длину. К северу от этого "леса" лежал "холм" – груды камней, испещренная белыми птичьими силуэтами. При свете факелов, держа в руке нарисованную сыном Берера карту, она отыскала среди камней вход в пещеру.

Стоя внутри легендарной сокровищницы, она подумала, когда прошел первый восторг, что воистину трудно было бы спрятать эти богатства лучше. Более крупные острова были, как правило, населены, и рано или поздно кто-нибудь случайно раскрыл бы тайну. Закопать же подобное количество драгоценностей в землю было просто невозможно.

А этот островок – негостеприимный, избегаемый людьми (кто знает, когда его касалась нога человека, может быть, за сто лет до появления здесь Демона, а может быть, вообще никогда...) – был укрытием, о котором можно было только мечтать. Кто мог бы заглянуть сюда? Разве что какой-нибудь потерпевший кораблекрушение. Но вероятность подобного случая была столь мизерной, что ее можно было не принимать во внимание.

Впрочем, ее отец застраховался от непрошенных гостей... Сразу же за входом в грот находилась волчья яма, дно которой было усеяно острыми кольями. Человек, сопровождавший Берера, нашел в ней быструю смерть. Прикрывавший яму кусок парусины, столь же темный, как и скалы вокруг, в конце концов стнил бы. Но ему и не предназначалось лежать там вечно...

Возвращение Риолаты разбудило солдат и матросов. Они поднимались, потягиваясь и зевая.

Наступающее утро было довольно холодным и пасмурным, зато без тумана. Она видела, как на стоявшей в миле от берега "Сейле" поднимают якорь.

Она окинула взглядом море вокруг, и легкая улыбка, игравшая на ее губах, внезапно погасла. С юго-востока быстро приближались три парусника. Она тут же узнала фрегаты "малого флота Островов" – прекрасно были видны их ярко-желтые паруса.

Люди Риолаты обменивались приглушенными голосами, словно опасаясь, что их могут там услышать. Она посмотрела на свой корабль. На "Сейле" тоже заметили эскадру. Она думала о том, какое решение примет Вантад. "Сейла" была кораблем вполне законным, а присутствие в этих водах как-нибудь удалось бы объяснить; они могли идти на юг Гарры, в Багбу, хотя бы за водкой, которая была лучше, крепче и дешевле доронской. Правда, торговый корабль, идущий в Багбу, скорее избрал бы путь между восточной и средней группами Южных Островов, но ведь они могли по ошибке сбиться с курса... Хотя в этих краях подобных ошибок, как правило, старались избегать.

Впрочем, у Вантада, собственнно, не было особого выбора. Стражники наверняка уже заметили бригаантину, цвет парусов и знак на них. Каждый владелец судна обязан был снабдить его четкими обозначениями в соответствии с требованиями местного коменданта стражи. Велись специальные реестры. Бегство "Сейлы" могло бы доставить весьма серьезные хлопоты.

Риолата напряженно смотрела, как эскадра островитян разделяется надвое: два корабля остались на прежнем курсе, последний же сменил галс и направился прямо к "Сейле", быстро приближаясь к ней.

– Спрячьтесь, – бросила она; белые мундиры ее солдат легко было заметить на фоне темных скал.

Вскоре корабли сблизились. Она не могла слышать разговора их капитанов, лишь смотрела, напрягая взгляд почти до боли. С удивлением и почти с ужасом она увидела, что Вантад разворачивается и отходит от острова, в кильватере фрегата.

Риолата схватилась за голову.

У Вантада тем временем просто не оставалось выбора. Не менее напряженно, чем Риолата, он смотрел, как на фрегате рифят паруса, уменьшая скорость. Вскоре со стражника донесся голос, требовавший назвать себя. Он незамедлительно ответил.

– Что вы здесь делаете? – продолжался допрос.

– Иду в Багбу! – крикнул в ответ капитан. – Вчера сбился с курса!

Фрегат поравнялся с бригаантиной, после чего начал медленно ее обходить,

на расстоянии шагов в пятьдесят.

- Здесь пираты! - сообщили Вантаду. Офицеры на носу фрегата посоветовались, после чего послышалось:

- Корабль переходит под мое командование! Следуйте за нами!

- У меня дела в Багбе!

- Ты что, не знаешь законов? - последовал суровый вопрос. - От имени императора приказываю тебе следовать за мной! Твой корабль придается в распоряжение эскадры Главного Флота Гарры и Островов!

Вантад, сам тому не рад, отдал соответствующие приказы.

Действительно, таков был закон империи. Капитан имперского парусника мог подчинить себе любой встреченный им корабль. Для этого должны были иметься причины, но определение наличия таковых входило в компетенцию его подчиненных. Торговец имел право подать жалобу, которая обычно рассматривалась весьма тщательно, или же в случае понесенных убытков мог требовать их возмещения. Однако он не мог отказать в предоставлении помощи.

Шло преследование пиратов. Вантад вынужден был признать, что капитан фрегата не злоупотребил своей властью. Группа из двух парусников имела значительно больше возможностей, чем отдельный корабль. Тем более что каждый моряк тут же оценил бы достоинства "Сейлы", прежде всего ее скорость и маневренность. При наличии такого корабля шансы на поимку пиратов, если бы удалось их выследить, неизмеримо возрастали.

Старый капитан вспомнил о предчувствиях девушки. Не о корабле ли ее сестры шла речь?

Он обернулся, глядя на оставшийся за кормой остров.

32

Погода несколько ухудшилась, что было хорошим знаком. Если бы светило солнце, их наверняка бы заметили. Однако покрытое тучами небо и то, что они находились между приближающейся эскадрой и островом, на темном фоне которого их черный парус был почти не виден, предопределило исход дела. Раладан незамедлительно приказал менять курс, и они пошли в сторону берега, что было сопряжено с немалым риском; лоцман знал множество проходов и перешейков, но даже он не в силах был определить положение каждой подводной скалы в каждом море Шерера...

Но им повезло. Они подошли к берегу столь близко, что в любой другой ситуации смело могли бы считаться безумцами. Спустив паруса, они стали на якорь. Все столпились на палубе, разглядывая идущие на расстоянии нескольких миль корабли.

- Узнаешь, госпожа? - спросил Раладан. - Похоже, твоя сестра принимает участие в облаве на Броррока.

Прикрыв глаза ладонью, Лерена вглядывалась вдаль.

- Кажется, ты прав, этот корабль действительно похож на бригантину. Думаешь, они его реквизируют?

- Скорее включили в состав эскадры вместе с командой.

Она повернулась к нему:

- Но с такого расстояния невозможно в точности сказать, "Сейла" ли это. Я знаю, что у тебя превосходное зрение, но...

- Нет, конечно, я не уверен. Но подождем. Терпение, госпожа. Они идут почти прямо на север и потому должны к нам немного приблизиться. Может быть, тогда мы получим подтверждение.

- Ты намерен здесь так долго торчать?

- А что еще мы можем поделать? Когда они будут... где-то здесь, - он показал пальцем, - мы поднимем якорь и скроемся за островом. Но для этого потребуется время.

Она снова посмотрела на парусники:

- А если это и в самом деле она? Может быть, она уже нашла сокровища?
- Сомневаюсь.
- Но если? - настаивала Лерена. - Если нашла, то все пропало, но если нет... - Она задумалась. - Идем, Раладан, - неожиданно сказала она.
Он пошел за ней. Когда они оказались в капитанской каюте, Лерена достала несколько карт и бросила на стол.
- Садись, - велела она.
Они склонились над очертаниями островов и морей.
- Сейчас они здесь, так? - показала она острием кинжала. - А мы здесь, так?
Раладан кивнул.
- Мы знаем, когда они вышли в море. Вчера около полудня, во всяком случае до вечера. Если они сейчас здесь, то - при таком ветре - куда они могли идти?
Он задумался, потом пожал плечами:
- Трудно сказать... Наверняка они шли ночью...
- Ночь была темная, Раладан. Уже вечером сгущались тучи.
- Но...
- Ночь была темная, Раладан! - резко повторила она. - Было темно, совсем темно. Мы тоже стояли на якоре, хотя у нас на борту лучший лоцман Просторов. Да или нет?
- Да...
- Сколько фрегатов у них на Саре?
- Три. Кажется, три.
- Два наверняка пошли туда. - Она показала путь между восточной и центральной группами островов. - И они могли идти ночью. А этот отправился проверить Восточную Отмель.
- Сомневаюсь.
Она молча посмотрела на него:
- Кажется, я опять перестаю тебе верить... Что ты темнишь, Раладан?
Внезапно Раладан не выдержал:
- Я не темню, а думаю! Зачем им посылать один фрегат? Ведь им известно, кого они хотят поймать. Один фрегат может только спастись бегством от Броррока, а вовсе не преследовать его. Думаешь, госпожа, что тот убегал ради забавы, едва добрался до Сары, и второй, точно такой же, вышел в море, чтобы его, наоборот, преследовать?
Лерена стиснула зубы.
- Думаю, что они пришли сюда, на Восточную Отмель, всей эскадрой, - объяснил он уже спокойнее. - И, лишь встретив корабль твоей сестры, разделились на две группы.
- Ну хорошо. Тогда скажи, куда они шли.
Наморщив лоб, он посмотрел на карту:
- Не знаю... Может, туда? Нет, скорее туда. Раз они пошли сюда, а не на доронский путь, значит, думали, что Броррок скорее где-нибудь спрячется, чем сбежит. Но в таком случае... я направился бы туда.
Лицо ее исказила гримаса.
- Мне просто смешно, что я могла поверить тебе хоть на минуту. Ты делаешь все возможное, чтобы я не нашла этого острова - не так ли, Раладан?
- Послушай, госпожа...
- Это ты меня послушай, и послушай внимательно: я все больше и больше уверена, что ты пытаешься меня надуть. Хорошо, что я затеяла этот разговор. Давай разговаривать дальше. Еще одно или два высказывания, и я буду знать достаточно, чтобы с чистой совестью вырвать твой лживый язык.
Он молча покачал головой.
- Да ты с ума сошла, моя милая, - с каменным спокойствием проговорил он.
- Нет, мой дорогой. Это ты забыл, с кем разговариваешь. Я не девка из трактира. Я капитан корабля. И кое-что я о морях знаю, хотя наверняка меньше, чем лоцман Раладан... Говоришь, ты пошел бы туда? По суше?
Он удивленно посмотрел на нее:
- Как... "по суше"?
- Видишь ли, Раладан, я уже когда-то бывала в этих краях. Последний раз даже вместе с тобой, когда мы гонялись за Берером, помнишь? Этот пролив

существует только на картах, да и то не на всех. Здесь не два больших острова, Раладан, а только один, словно два шара, соединенных цепью. Здесь нет прохода, во время каждого отлива обнажается полоса суши.

- Я не знал... Ради Шерни, госпожа, я тоже могу ошибаться.

- К твоему несчастью, в этих вопросах ты не ошибался никогда.

- Я в самом деле не знал. Раз-другой я видел эти острова... этот остров издалека...

- Но почему-то ты был уверен, что между ними есть проход, которым могут воспользоваться корабли размером с имперский фрегат, - язвительно заметила Лерена.

Раладан развел руками.

- Никто не знает всех островов, проливов и мелей Шерера, - сказал он. - Мой дар состоит в том, что, когда я смотрю на воду... или хотя бы на карту... я каким-то образом... почти ощущаю форму дна. Но ведь иногда я ошибаюсь! Как-то раз я завел "Змея" на такую мель, что пришлось бросать якорь. Все запасы пошли тогда за борт, все орудия, а две сотни парней плавали вокруг корабля, лишь бы его облегчить! Еще немного, и пришлось бы рубить мачту!

Лерена задумалась.

- Ну хорошо, - сказала она, уже мягче. - Так куда они шли, Раладан? Если не по суше, то куда?

Он немного подумал:

- В таком случае - туда. Не с северо-запада, потому что тогда лучше было бы идти по торговому пути и сейчас эти два корабля были бы к северу от нас... Они подошли к Восточной Отмели с юго-запада.

- А дальше? Здесь Барирра...

- Именно. Скорее всего они оставили ее по правому борту. Потом бросили якорь на ночь. А раз... - Он поднял взгляд: - Раз сейчас они здесь... значит, они шли... вот так. Твою сестру они встретили по дороге вчера вечером, скорее даже сегодня утром...

Она кивнула.

- В расчет стоит брать три или четыре острова, госпожа. По пути их больше, но на нескольких есть селения. - Он посмотрел на Лерену: - Если даже мы не найдем нужный...

- То что?

Он опять немного подумал:

- Если твоя сестра забрала сокровища, то в самом деле все пропало. Но если нет - она все равно за ними вернется. Мы уже догадываемся, где примерно могли ее встретить имперцы. Достаточно притаиться где-нибудь у нее на пути и посмотреть, куда она направится.

- Так и сделаем, Раладан.

33

Несмотря на тяжелый труд на рудниках, хотя и не столь изнурительный, как у прочих заключенных, Вард все же не превратился в развалину. Он несколько похудел и выглядел старше своих лет, но душа его осталась прежней - душой настоящего солдата, перед которым поставлена конкретная задача.

Кто знает, не сохранил ли он свою душу благодаря Алиде?

А тело его почти не пострадало.

С тех пор как он начал работать на рудниках в качестве вольнонаемного, ему платили вполне прилично. Семьи у него не было, о себе он вполне мог позаботиться сам, так что он много и хорошо ел, долго спал, одевался небогато, но не убого. Перед тем как покинуть Агары, он получил в подарок от старого коменданта легиона простой, самый обычный, но надежный гаррийский меч. Подарок он принял.

Пожалуй, нигде и никогда еще не случалось, чтобы мужчина отказался

принять оружие как искренний дар другого мужчины.

По громбелардскому обычаю он носил меч за спиной. Солдатам не разрешалось носить оружие таким образом, но он не был солдатом и ощущал некую потребность особо это подчеркнуть. Больше он, однако, ничего себе не позволил, хотя возможностей имел немало.

Кто-нибудь другой на его месте наверняка пошел бы прямо в Трибунал, послушал, как урядники обращаются к нему "ваше благородие", после чего предложил бы поцеловать себя в задницу.

Проработав четыре месяца, он на первом же корабле отправился на Гарру, прямо в Дран.

Прошла уже неделя, как он был в Дране.

Вард не был чересчур хитер и никогда себя таковым не считал. Но он не был и глуп. Из сведений (достаточно свежих), которыми он располагал, следовало, что Алида сейчас в Дране. Он был уверен, что агарский Трибунал тем или иным образом известит ее о том, что человек, у которого она отобрала восемь лет жизни, жив и – по странному стечению обстоятельств, – едва получив свободу, отправляется туда, где можно ее, Алиду, найти.

Поэтому он никого не расспрашивал, не искал, не подкарауливал. Он просто ждал, когда их утомит его бездействие. Он бродил по порту, по рынку, по всем районам города, разглядывал выставленные на продажу товары, беседовал с моряками в тавернах и с гвардейцами в Старом Районе. С каждым он легко находил общий язык – не зря на рудниках он общался со столь разными людьми... Его беспокоило лишь уменьшающееся количество денег в кармане. У него оставалось еще десять слитков серебра. И немного медяков.

В последнее время он заметил, что вокруг него крутятся какие-то подозрительные личности. Его бездействие явно кого-то раздражало, шпионы стали чересчур назойливы. Когда он останавливался, чтобы поговорить с перекупщиком, сразу же появлялся, словно из-под земли, неприметный, серый человечек с незапоминающим лицом. Человечек этот из кожи вон лез, лишь бы услышать хоть слово из их беседы. Интересно, думал Вард, идет ли потом содержание подслушанных разговоров дальше наверх?

– Значит, нельзя ставить лотки? – спрашивал он перекупщика.

– Ой, господин, ой-ой, – жаловался тот. – Нельзя. Ой нельзя. Везде, только не здесь. А ведь здесь, ваше благородие, торговля лучше всего идет!

– И что? Все на себе таскать приходится?

– Ну да, господин, на собственном хребте. Все таскаю и таскаю, иногда добрый человек что-нибудь купит. Господин, грибки-то глядите какие! – Он полез в большую корзину за спиной, доставая из нее коричневые связки.

Вот такие это были разговоры.

Интересно, размышлял Вард с приобретенным на агарских рудниках цинизмом, сколько может выдержать человек, день ото дня слушая доклады о подобных беседах?

Как оказалось, не слишком долго...

В один прекрасный день, когда он, как обычно, кружил по улицам Драна, его остановил нетрогкий окрик:

– Капитан Вард!

Вард обернулся.

– Я не капитан, – сказал он. – Но меня и в самом деле зовут Вард.

Незнакомец слегка поклонился и назвал свое имя. Он был армектанцем Чистой Крови, хотя и не слишком высокого происхождения: однобуквенный инициал перед именем носили очень многие.

– Я должен передать вам приглашение, – сказал он.

Вард кивнул. Армектанец явно был удивлен отсутствием каких-либо вопросов с его стороны и не знал, нужно ли объяснять что-либо еще.

– Ну что, идем, господин? – спросил Вард.

– Да... да, капитан.

– Я не капитан, как я уже говорил. Не называй меня так, господин. Куда?

Армектанец показал дорогу. Несколько сбитый с толку, он шагал молча, лишь изредка бросая косые взгляды на странного человека, который даже не интересовался, куда его ведут...

Так они дошли до Старого Района.

Дом, перед которым они остановились, ничем не выделялся среди других – ни величиной, ни богатством.

– Здесь, господин.

Провожатый хотел сказать что-то еще, но передумал. Он провел Варда внутрь здания и попрощался. Вард остался один в просторной, но довольно скромно обставленной комнате на первом этаже. Ему не пришлось слишком долго ждать. Вскоре открылась дверь, ведущая в другие помещения, и вошел мужчина лет пятидесяти с небольшим, с необычно серьезным, даже суровым лицом.

- Капитан Вард, - вежливо сказал он, - прошу извинить за столь необычное приглашение. Прошу также извинить за то, что не называю своего имени - будет лучше, если делать этого я не стану.

- Я не капитан, - в третий раз за этот день повторил Вард. - Я не команду никаким кораблем. Не может быть, чтобы ты об этом не знал, господин.

Мужчина немного помолчал, потом протянул руку, указывая на место за столом:

- Сядем.

Некоторое время оба молча смотрели друг на друга.

- Итак, господин, - сказал хозяин, - ты не капитан. Очень жаль. Ты никогда не думал о том, чтобы снова им стать? Например, на фрегате Главного Флота?

- Это невозможно, - ответил Вард, - а даже если бы и было возможно, то противоречило бы закону. Нет, господин, я об этом не думаю. Хочешь подумать за меня?

Брошенный словно невзначай вопрос несколько смутил хозяина. Он взял стоявший на столе большой кувшин и разлил вино в два серебряных простой работы бокала.

Вард действительно не был ни чересчур проницателен, ни хитер. Однако, будучи человеком предусмотрительным, он уже давно продумал, как поступать в подобной ситуации (и не только). Не вдаваясь в словесные игры, он внимательно слушал и наблюдал.

- Зачем ты со мной играешь, господин? - прямо спросил он. - Кто-то убедил тебя, что так будет лучше? Не верь ему. Давай просто поговорим.

Он заметил, что попал в цель, но даже представить себе не мог, насколько точно.

"Шернь, этот человек видит меня насквозь, - промелькнуло в голове у его собеседника. - Нальвер, ты дурак, а я - еще больший дурак, что послушал тебя сегодня..."

- Я вижу, капитан... прошу прощения, _господин_ Вард, что верно оценил тебя. Что ж, я только рад. Итак, давай просто поговорим. Я занимаю высокий пост в Имперском Трибунале, господин. Еще раз прошу меня извинить, но имени своего я в самом деле предпочитаю не называть... без явной необходимости. Есть ли она сейчас?

Вард кивнул:

- Ты прав. Нет.

- Крайне сожалею, - продолжал тот, - что судьбе было угодно так распорядиться твоей жизнью, господин, и жизнью... одной женщины. Хочу спросить: это из-за нее ты здесь, в Дране?

- Почему ты так считаешь, благородный господин? - Вард, уже примерно поняв, кто его собеседник, воспользовался титулом, полагавшимся высокопоставленному уряднику Империи.

- Что ж, например, тебе могло показаться, господин, что у тебя есть повод для того, чтобы мстить, - последовал откровенный ответ.

- Думаю, что я хотел бы с ней поговорить, - чуть подумав, сказал Вард. - Когда мы виделись в последний раз, я висел на цепях и не мог стереть ее плевок со своего лица. Теперь руки у меня свободны, и я всегда могу это сделать.

Урядник слегка нахмурился и плотно сжал губы.

- Боюсь, что подобная встреча невозможна, - помолчав, сказал он.

Вард показал на двери, через которые тот входил.

- Почему? - спросил он. - Через двери мало что услышишь, даже если они приоткрыты. Думаю, она могла бы слышать больше и лучше, сидя вместе с нами за столом.

И эта реплика, хотя и рискованная, поскольку была брошена почти наугад, попала в цель. Вард с неподдельным удовлетворением смотрел, как его собеседник явно теряет почву под ногами. Его тактика оказывалась

неожиданно успешной.

- Я не ищу мести, благородный господин, - сказал он. - Я ищу справедливости. Может быть, для урядника Трибунала это звучит смешно, но когда-то я в нее верил. Много лет назад меня осудили за поступки, которых я не совершал. Я хочу знать, почему так произошло. Избавились ли от меня во имя интересов империи, что я, возможно, и мог бы понять, или же... кто-то просто злоупотребил своей властью. Ты уверен, господин, что не имело место именно второе?

Урядник молча смотрел на него.

- Я не привык к подобным разговорам, - наконец сказал он. - Давно уже я не встречал человека, который говорил бы без обиняков и столь откровенно. По крайней мере, я хочу в это верить. Спасибо тебе. - Он встал. - Думаю, нам пора прощаться. Однако у меня к тебе вопрос: примешь ли ты мое следующее приглашение? Я хотел бы поговорить с тобой в таком месте, где не будет никаких дверей, ни закрытых, ни открытых... и где мы сможем пообщаться на равных. Скажем, на берегу моря?

Вечером того же дня в здании Трибунала, за большим столом в богато обставленном зале, сидели трое - те же, что и несколько дней назад. Сменилось лишь платье женщины - что не означало, что она была менее богата.

- Ты дурак, Нальвер, - сказал пожилой мужчина. - До сих пор я считал тебя чересчур вспыльчивым молодым человеком. Но теперь я вижу, что это не молодость. Это глупость.

Нальвер покраснел:

- Во имя Шерни, господин... Пост, который ты занимаешь, не дает тебе права...

- Верховным Судьей Трибунала я стал по воле самого императора, Нальвер. С тобой, однако, дело обстоит иначе. Меня не интересует, кто рекомендовал тебя на твой пост, хотя, как ты, наверное, догадываешься, это нетрудно выяснить. Уверю тебя, однако, что этой поддержки тебе не хватит, если я решу, что тебе следует уйти. Если кто-то вредит интересам Трибунала, я имею право обращаться вплоть до самого Кирлана.

Нальвер посмотрел в сторону, но обладательница богатого платья показала жестом, что полностью согласна с только что сказанным.

Какое-то время все молчали.

- Итак, - продолжил пожилой, - встреча принесет результаты. Это не какой-то дурень, ввязавшийся не в свое дело. Мне потребуется твоя помощь, госпожа, - обратился он к женщине. - В архивах Главного Флота наверняка есть какие-то документы из Ахелии, восьмилетней давности. Только ты можешь сделать так, чтобы мне не пришлось ждать их месяцами. Я хочу сопоставить эти документы с тем, что мы получили от ахелийского Трибунала.

Женщина с легкой улыбкой кивнула.

- Может быть, стоит также отправиться на эти Агары. Нальвер, - сказал он, осененный внезапной мыслью, - туда поедешь ты. Это вовсе не ссылка, - предупредил он. - Скорее проверка, способен ли ты хоть на что-нибудь. Послезавтра я снова смогу встретиться с тем человеком. Если мои подозрения подтвердятся, я дам тебе все полномочия. Ты должен расследовать дело до самых корней, Нальвер.

- Не слишком ли широкомасштабные действия на основании столь хрупких предпосылок? - спросила женщина.

- Сам об этом думаю. Но этот капитан - человек каких мало. Честный до мозга костей. И далеко не дурак. Не верю, что он в самом деле помогал пиратам. Однако... - Он надолго задумался. - Заседание закрыто, - неожиданно сказал он, подняв голову.

Нальвер удивленно посмотрел на него, но встал и слегка поклонился. Остальные двое продолжали сидеть. Внезапно он понял, в чем дело, и во второй раз за этот вечер кровь ударила ему в лицо. Он сжал кулаки и быстрым шагом вышел из комнаты.

- Ты ему не доверяешь, - сказала женщина.

- Скорее... не принимаю всерьез, - ответил мужчина. - Это первая из причин, по которым я закрыл заседание.

- А вторая?

- То, что я хочу сказать, носит неофициальный характер.

- Я так и думала. Ты всегда остаешься самим собой, дорогой мой кузен... Хорошо, поговорим без свидетелей.

- Лучше госпожи Эрры Алиды у нас никого нет, - подумав, сказал он. - Двух мнений быть не может - я предпочел бы иметь рядом с собой ее, чем такого вот Нальвера. Как ты знаешь, в годовом отчете для Кирлана я предлагаю ввести тайную должность Третьего Представителя. На этом посту я вижу именно госпожу Алиду и упомянул ее имя в докладе. Но... Елена, ты знаешь ее лучше... Скажи, почему эта женщина работает на Трибунал?

- Из-за денег, - ответила она. - Это главная причина. Жалованье из имперской кассы вовсе не такое маленькое. А во-вторых, она получает по-настоящему крупные доходы от своей профессии, которая якобы служит лишь прикрытием. Ты когда-нибудь думал о том, что она в той же степени оказывает услуги нам, что и мы ей?

Он нахмурился.

- Это от Трибунала она получила дом в Старом Районе, - пояснила женщина. - Трибунал обеспечивает ее безопасность. Трибунал платит за ее приемы, на которых она, правда, тянет гостей за язык... Скажи, кузен, какая еще шлюха в Дране столь хорошо живет?

- Значит, золото и прочие блага...

- И власть. У нее ее не так уж мало. К тому же сама она стоит над законом...

- Не совсем.

- И все же.

Он кивнул:

- Значит, ты подтверждаешь мое мнение. Госпожа Алида ради денег и власти делает... если даже не все, то во всяком случае многое. Она крайне ценна для Трибунала, но если окажется, что восемь лет назад она злоупотребила своими полномочиями, ведя какую-то собственную игру, то нет никакой гарантии, что она не сделает этого снова. Она может быть опасна. Для нас, для Трибунала, а может быть, и для империи.

- О чем ты думаешь?

- О восстании. Оно наверняка разразится в следующем году. Мы не можем позволить, чтобы наши люди вели какую-то свою игру. Особенно тогда. - Он замолчал. - К чему все эти сомнения? - наконец спросил он. - Ведь ты сама хотела, чтобы те, кто следит за капитаном Вардом, докладывали нам?

- Да. Тем не менее... - Женщина покачала головой: - Пожалуй, ты слишком далеко зашел в своих подозрениях. Возможно, в Ахелии Алида и нарушила закон...

Он махнул рукой:

- Не считай меня наивным, Елена. Я знаю, в чем заключается работа шлюхи, которой к тому же можно заказать убийство. Если к ней должны приходиться большие шишки, требуется определенная репутация... Меня не интересует, сколько мелких интриганов поубивали друг друга с ее помощью. Как говорится, лес рубят - щепки летят. Работа урядников Трибунала - это полоса мелких преступлений, совершаемых, чтобы предотвратить крупные.

- О чем в таком случае речь?

- О том, кузина, чтобы этих мелких преступлений не совершалось больше, чем это необходимо. И никогда - в собственных интересах.

Вид ее был столь мрачен, что матросы и солдаты старались не попадаться ей на глаза, боясь даже громко разговаривать. Впрочем, вид отходящей "Сейлы" тоже не прибавил им хорошего настроения.

Собственно, пока им ничто не угрожало; в их распоряжении была хорошая шлюпка, немного еды и пресной воды. Однако решение нужно было принимать

как можно быстрее: грести ли сразу в сторону Гарры (около двадцати миль) и затем перебираться по суше или по морю в Багбу или же, рассчитывая на скорое возвращение "Сейлы", ждать.

Она могла лишь догадываться о том, что произошло. Однако предположить, когда вернется Вантад, было невозможно. Он мог вернуться завтра, а мог и через три недели. Могло случиться и так, что он не вернулся бы вовсе. Одной Шерни было известно, куда шел тот фрегат – может быть, и в Громбелард...

Она взяла себя в руки. Конечно, это невозможно. Однако ее собственная злость подбрасывала ей именно такие мысли.

Риолата решила ждать. Она верила, что, если рейс затянется, Вантад что-нибудь придумает.

Однако бессмысленное ожидание казалось просто невыносимым. Уже первый день, тянувшийся почти бесконечно, дал ей понять, на что она, собственно, пошла.

Еда и вода почти закончились; правда, немного дождевой воды собралось в углублениях скалистого грунта, но вкус ее был отвратителен. Настроения среди ее людей тоже были не из лучших. Моряки отоспались на все времена, потом бродили вдоль берега, распугивая камнями птиц, но с наступлением вечера начали недовольно ворчать. Впрочем, и она сама порой впадала в беспричинную злость.

Может, все-таки надо было идти на Гарру?

Ночь была холодной; те, кто выспался днем, теперь не могли заснуть. Мучилась и она. В конце концов несколько матросов потащились в "лес". Они разожгли костер, но он горел недолго: ближе к утру прошел кратковременный дождь, слишком слабый для того, чтобы успеть набрать свежей воды, однако достаточно сильный, чтобы промочить одежду и погасить костер. Тогда она поняла, что значит невезение и каким образом внешне незначительные события могут вконец испортить жизнь. Она утешала себя мыслью о том, что разжигать огонь все равно было неразумно: удивительно много кораблей крутилось в этих обычно избегаемых водах. Кроме того, она не была уверена, действительно ли два соседних острова, очертания которых можно было различить днем в хорошую погоду, необитаемы. Сомнительно, правда, чтобы кто-либо заметил оттуда небольшой огонек, но... ставка была достаточно высока для того, чтобы оправдать любую предосторожность. Последнее, чего ей хотелось, – встретиться на этих скалах с морскими шакалами.

И вообще с кем бы то ни было.

Утром она взяла у Носача плащ и отправилась к сокровищнице.

Ни моряки, ни солдаты до сих пор ничего не знали о сокровищах. Однако она подозревала, что они о чем-то догадываются. Рейс не был обычным рейсом, остров же, на котором они находились, не изобиловал чем-либо достойным внимания. Поскольку, однако, он являлся целью их путешествия... Она была уверена, что, когда ее нет поблизости, они начинают строить бесчисленные догадки. Часть из них наверняка не была лишена смысла. Какой же матрос не слышал о пиратских сокровищах?.. Об этих сокровищах. О ставших уже легендарными сокровищах Бесстрашного Демона.

Она добралась до места, но спускаться в пещеру не стала. Вместо этого она поднялась на вершину холма, высматривая "Сейлу".

И увидела ее!

Риолата удовлетворенно улыбнулась. С северо-запада приближался черный силуэт. Вантад возвращался!

Радость ее быстро улетучилась. Паруса корабля не были белыми. Она не могла определить их цвет, но они были темными... наверняка не белыми.

Она напряженно всматривалась вдаль.

Корабль медленно приближался; она знала, что пройдет немало времени, прежде чем он окажется у берегов острова.

Риолата потряхнула головой. Ради Шерни, почему они должны направляться именно сюда? В душе обругав себя за безосновательные опасения, она еще раз посмотрела вниз и хотела спуститься с холма, но что-то приковало ее к месту. Внезапно появилось знакомое ощущение; она всмотрелась в далекий корабль и неожиданно тихо, с неподдельной ненавистью проговорила:

– Лерена...

Раладан стоял на юте, глядя на горизонт. Неожиданно он почувствовал на плече руку Лерены.

- Раладан...

Он посмотрел на нее. Они были почти одного роста; она склонила голову к его плечу, глядя вдаль.

- Раладан... - повторила она.

- Да, госпожа?

Он проследил за ее взглядом.

- Что там? - спросила она, хмуря брови.

- Остров, островок, - ответил он.

- Островок, - машинально повторила она.

- Да, госпожа. Собственно, лишь торчащая из воды скала - такая маленькая, что на многих картах она даже не обозначена.

- А на наших?

- Нет.

- Ты ее не отметил?

- Нет, госпожа.

- Почему?

Он не ответил.

- Почему, Раладан? - повторила Лерена.

Она подошла к бушприту.

- Идем туда, - сказала она.

Взгляд Раладана вновь вернулся к черной точке, за которой он до этого следил.

- Ты слышал?

- Да, госпожа.

Она повернулась, глядя ему в лицо:

- Может быть, там?

Он пожал плечами, засунув большие пальцы за пояс.

- Какой ты ужасно молчаливый! - неожиданно разозлилась Лерена. - Обычно у тебя всегда находится что сказать, и немало!

Лоцман глубоко вздохнул:

- Не знаю, госпожа. Думаю, нет. А молчу я потому, что в последнее время любое мое высказывание, не совпадающее с твоими мыслями, становится поводом для того, чтобы обвинить меня в нелояльности или вообще в измене.

Она долго смотрела на него, не говоря ни слова.

- Почему ты считаешь, что сокровищ там нет? Ты знаешь этот остров?

Он снова пожал плечами:

- В том-то и дело, что нет. И мне не вполне понятно, откуда мог бы о нем знать твой отец. Трудно предположить, что он пристал к незнакомому берегу, чтобы спрятать там сокровища, не зная даже, удастся ли там выкопать яму.

Лерена надула губы:

- Ну да: хорошо известный остров - не подходит, поскольку на нем живут люди. Незнакомый - тоже, поскольку неизвестно, можно ли на нем закопать сокровища... Какой же тогда это может быть остров, Раладан? Чтобы о нем знали только мой отец и ты, и больше никто? Много таких?

- Ну что ж... Ты наверняка права, госпожа, - согласился он. - Возможно, столь долго занимаясь бесплодными поисками, я начинаю теперь искать неизвестно что...

- Пожалуй, так, Раладан. Но не расстраивайся - ты уже нашел.

Она снова повернулась к морю и показала пальцем на далекую скалу:

- Это там.

Он кивнул:

- Пусть будет так, госпожа. Но позволь теперь спросить мне: откуда такая уверенность?

- Не знаю... Просто: это там.

Он кивнул, скептически улыбаясь. Она подошла и открытой ладонью ударила его в лоб, отчего его голову отбросило назад.

- Не позволяй себе подобных усмешек, - заявила она, почти оскалившись.

- Иначе прикажу выдать тебе пару палок.

Кровь в гнев ударила ему в лицо. Она не торопясь отступила на полшага, словно освобождая ему место.

- Ну? - выжидательно бросила она и, высунув язык, медленно провела его

кончиком вдоль верхней губы.

Остров выглядел именно так, как описал его Раладан, – выступающая из воды группа скал, покрытых тут и там тонким слоем почвы. Держа в руках помятую, неряшливо вычерченную карту, Лерена смотрела то на нее, то на остров.

– Здесь! – лихорадочно говорила она. – Смотри, там какая-то возвышенность, она обозначена на карте... А тут мыс, словно вытянутая рука... Мы нашли! – Она ударила ладонями о планшир. – Эй! Меч для меня, восемь человек в шлюпку! Раладан!

Лоцман стоял рядом, молча глядя на нее.

– Хочешь им показать сокровища? – спросил он, кивая в сторону матросов. – В таком случае наша жизнь немного стоит...

– Об этом не беспокойся, – сказала она. – Они сделают то, что я им прикажу.

"Ради Шерни, – подумал он, – да ты с ума сошла, девочка..."

Ее вера в собственную власть над командой была столь наивной, что внушала тревогу.

– Ну так что?! – неожиданно заорала она, словно прочитав его мысли. – Я должна сказать себе "да, это здесь" и убраться восвояси?

Шлюпка уже покачивалась у борта.

– Идешь? – спросила Лерена сквозь зубы, пристегивая к поясу меч.

Он мрачно кивнул.

Вскоре они были на берегу. Лерена выскочила на песок и сразу же направилась в глубь острова. Раладан прикусил губу.

– Ждать здесь, – бросил он гребцам.

Никто не возразил.

Он двинулся следом за девушкой.

35

Алида уже хорошо понимала, что совершила ошибку. Очень серьезную ошибку. Варда следовало убить... Конечно, просто так этого сделать было нельзя. Баватар был порядочным человеком. Верховный Судья Имперского Трибунала Гарри и Островов – был порядочным человеком...

Слово "порядочный" было одним из тех слов, которые означают столь много, что не значат практически ничего. Порядочность была понятием относительным, точно так же как добро, зло, справедливость... Понятиями этими можно было пользоваться, но серьезные дела следовало вершить в отрыве от всяческих догм.

Охваченная внезапным раздражением, Алида отбросила прочь философские раздумья.

"Стареешь, дорогая", – язвительно подумала она.

Баватар не философствовал. Он был порядочным, и притом в весьма широком смысле этого слова. Для Верховного Судьи Трибунала подобная связывавшая руки черта являлась недостатком. Но с этим она ничего не могла поделать. Во всяком случае не сейчас.

В то же время она могла еще несколько дней назад без труда избавиться от Варда. Естественно, без официального согласия Баватара. Ее словам о том, что он хотел ее убить, с легкостью бы поверили, и ее людям пришлось бы принять меры.

Однако она позволила ему остаться в живых. Где-то в глубине ее души таилась слабая надежда, что этот человек все же знает кое-что... о Раладане. А теперь было уже поздно. Мало того что она дала ему выиграть время, но еще и воспользовалась людьми Трибунала. Правда, подобного от нее ждали: поступи она иначе, это выглядело бы по крайней мере странно... Но и

что с того? Дела приняли еще худший оборот, поскольку выбранные ею шпионы докладывали о всех действиях объекта слежки не только ей, но также и Елене.

Неужели та что-то подозревала?

Кто знает... Достаточно того, что необычно спокойное, загадочное поведение человека, которому приписывалось желание отомстить, привлекло внимание Первой Представительницы Судьи. Соответственно, делом заинтересовался Баватар. Состоялась та удивительная встреча, и Алида, которая действительно слышала весь разговор, не могла поверить собственным ушам: человек, которого она считала простодушным дурачком, повел себя подобно королю интриганов, откровенные слова которого ударили в самую точку! Заинтригованный Баватар желал беседы с глазу на глаз!

Алида закинула руки за голову.

Она не могла допустить, чтобы подобная встреча произошла. Правда, если убить Варда теперь, подозрение неминуемо падет на нее, что наверняка повлечет за собой дальнейшее, намного более дотошное разбирательство. Но, может быть, лучше уж подозрения, чем уверенность, которой после встречи с Вардом непременно будет обладать Баватар.

Она не могла позволить, чтобы ее в чем-либо обвинили. Не сейчас.

Капитан должен был не только умереть, но и исчезнуть... Что ж, нет ничего проще, с улыбкой подумала она; знакомства, которые она приобрела благодаря своей профессии, уже не в первый раз оказывались весьма полезными.

Но что дальше?

Она со знанием дела строила планы. Вард исчезнет. Как поступит Баватар? Баватар решит, что она в этом безусловно замешана. Что он станет делать? Начнет копаться в документах Главного Флота. Но там скорее всего мало что найдется, события на далеких Агарах вряд ли удостоились большего, нежели несколько скупых упоминаний в рапортах; впрочем, что там говорить об этих военных отчетах... Значит, он пошлет кого-нибудь на Агары. Это уже может оказаться более опасно, там до сих пор живут люди, которые... Да, нужно было добраться до человека, который отправится туда.

Ее разозлило то, что именно теперь, когда на нее свалилось столько дел (и каких дел!), все карты спутал этот вояка! Во имя Шерни, похоже, люди созданы лишь для того, чтобы совать нос туда, куда вовсе не следует.

Итак, коротко подытожила она, убрать Варда и выяснить, кто от имени Трибунала поплывет на Агары.

После чего - отправиться с ним в постель. Для начала.

Вард прилично поужинал. Серебро он уже не экономил; будучи слегка суеверным, он полагал, что если считать каждый грош, непременно накличешь беду. Так что он наелся и напился досыта.

Выйдя из таверны, он направился в сторону порта.

Он все еще любил корабли. После стольких лет он продолжал в душе оставаться моряком и солдатом. В конце концов он вынужден был в этом признаться...

В порту он чувствовал себя как дома, разглядывая стоявший у набережной фрегат Морской Стражи. На палубу корабля поднимались солдаты, другие сходили на берег. Правда, их мундиры были темно-желтыми, отчего казались несколько чужими, но покрой их был тот же, теми же были и обозначения должностей и званий...

Главный Флот Гарры и Островов.

Нет, он не вернулся бы на службу, даже если бы у него вдруг действительно появилась такая возможность. Эта страница его жизни была перевернута. Раз и навсегда.

Но воспоминания остались. И часть из них были по-настоящему добрыми воспоминаниями. Особенно за последние два года службы, когда он ходил на собственном корабле, вместе с испытанными друзьями-офицерами. Лишь потом была та проклятая облава и проклятый пиратский парусник, который лишил его всего - друзей, корабля, а в конце концов и свободы.

Однако - даже теперь - он не осуждал Раладана.

Да, этот человек своими действиями причинил немало зла. Он убил нескольких членов его команды. Именно из-за него появилась та женщина. Но

все это он делал ради девушки, которая ни в чем не была виновата и которую ему поручили опекать.

Вард в это верил. Он даже сам не вполне понимал почему – но верил.

Может быть, ему просто нужно было хоть во что-то верить. Может быть, для того, чтобы хотя бы в собственных глазах не выглядеть законченным дурнем.

– Господин!

Вард остановился. К нему подошли трое.

– Мы от известного тебе человека, – сказал высокий незнакомец, похожий на главный из троих. – Позволишь проводить тебя, господин?

– Хватило бы и одного провожатого, – заметил Вард.

Незнакомец оглянулся на своих товарищей.

– Это не стража, господин, – пояснил он, – а эскорт. Кое-кто жаждет твоей смерти. Мне сказали, что ты сам догадаешься, о ком речь.

Вард нахмурился и после короткого раздумья кивнул:

– Хорошо. Куда?

Ему показали дорогу.

Темными улицами они добрались до старой городской стены. Ворота были уже закрыты, но заброшенные стены не являлись препятствием ни для кого, кто хотел бы войти в город или из него выйти. Миновав предместья, они зашагали по тракту, удаляясь все дальше от Драна.

– Куда мы идем? – спросил Вард.

По левой стороне дороги рос лес; лунный свет отбрасывал на дорогу его мрачную тень.

– Верховный Судья хотел бы побеседовать с тобой в том месте, где не будет лишних ушей, – послышался ответ. – Разве он не говорил об этом, господин?

"Верховный Судья", – подумал Вард.

Человек, представившийся урядником Трибунала, не сообщивший своего имени, занимал пост Верховного Судьи.

Вард метнулся в лес. Прежде чем он понял, зачем, собственно, это делает, он был уже далеко от дороги. За спиной слышались звуки погони.

Эти люди слишком много знали. За время службы в Морской Страже Вард неплохо познакомился с методами работы Трибунала. Там каждый знал лишь столько, сколько должен был знать. Людям, назначенным в качестве его провожатых и эскорта, наверняка не могло быть известно содержание того разговора.

Он остановился, прислушиваясь. "Провожатые" продирались следом за ним. Треск ветвей слышался сзади и слева.

Вард двинулся дальше, стараясь как можно меньше шуметь. Он шел направо, если его не подвело чувство направления – вдоль дороги.

Луна светила по левую сторону от него.

Неподалеку послышался крик, после чего стало совсем тихо. Преследователи отнюдь не были дураками. Теперь они прислушивались.

Он ступал медленно, осторожно...

Рядом вспорхнула какая-то птица. Вард схватился за оружие. Меч с лязгом выскочил из ножен. Он тут же обругал себя за отсутствие самообладания.

Его услышали. Теперь они быстро продирались в его сторону.

Вард снова побежал. На бегу он зацепился ногой о корень и упал. На ощупь отыскав меч, он поднялся и, хромая, побежал дальше.

Неожиданно он оказался на краю леса. Перед ним открылась широкая, поросшая травой поляна. Заметив темный силуэт дома, он сразу же поспешил к нему. Задышавшись, он начал колотить в дверь.

Он слышал преследователей. Они были уже близко.

Несколько лет назад он мог бы противостоять троим вооруженным, судя по всему, лишь ножами, – и у него было бы немало шансов. Но эти несколько лет не прошли даром. Он знал, что уже не владеет оружием столь уверенно, как когда-то. Последняя схватка, в которой ему довелось участвовать, имела место на палубе пиратского корабля. На палубе "Морского Змея".

Дверь открылась. Он ворвался внутрь, и в то же мгновение луна осветила выбежавшие из леса темные фигуры.

Вард задвинул засов и обернулся.

Перед ним стояла женщина с масляной плоской в руке. Он посмотрел на ее лицо – И очутился в собственном прошлом.

Узнала его и она. Плошка упала на пол, разбрызгивая горячее масло.

Тишину нарушил громкий стук в дверь. Вард оперся о нее спиной.

- Открывай! - донеслось снаружи. - Открывай!

- Это судьба. - Голос Варда прозвучал словно странный звук из иного мира. Капитан говорил спокойно, столь спокойно, как может говорить человек, который в одно мгновение узнал собственное предназначение, цель и конечный пункт собственной жизни. Но так оно, в сущности, и было. Он прибыл в Дран в поисках справедливости... а нашел собственную судьбу. Ему предстояло погибнуть, стоя между женщиной, которая для многих была символом преступления, и людьми, которые отождествлялись со справедливостью...

- Открывай! Открывай, иначе подожжем дом!

Дверь сотряслась от тяжелых ударов.

- Вот она, справедливость, - проговорил Вард.

- Не открывай! - сказала женщина, словно видя в темноте его спину, вот-вот готовую оторваться от вздрагивающей под ударами двери. - Не открывай!

Он покачал во мраке головой, после чего внезапно сказал:

- Ради Шерни, скажи мне правду... теперь уже можно: Раладан лгал?

- Я не была пираткой.

- Значит, все-таки стоило... - непонятно прошептал он. - Стоило...

Он отскочил от двери и одним движением отдернул засов. Прежде чем она успела понять, что происходит, у порога дома вспыхнула драка. Кто-то с воплем рухнул на землю, мертвенный лунный свет блеснул на лезвии меча, но рука, державшая меч, попав в могучий захват противника, сломалась в локте с треском, сопровождавшимся болезненным стоном. Тяжелые удары в живот свалили его наземь - и тогда из ночи внезапно выстрелило красно-желтое пламя, охватив убийц.

Осторожно, чтобы не разбудить спящего рядом мужчину, Алида выбралась из постели и на цыпочках подошла к двери. Еще раз бросив взгляд на спящего, она вышла из комнаты. Помещение рядом было освещено столь же скупо, как и спальня; две свечи в изящном канделябре отбрасывали на противоположную стену ее увеличенную тень. Она повернулась боком, разглядывая очертания небольших, все еще идеально круглых грудей, после чего, одобрительно кивнув, уселась в украшенное богатой резьбой кресло, подобрав под себя ноги, взяла с блюда тонкой работы грушу и откусила. Липкий сок потек по подбородку, капая на зеленый треугольный плоский камешек, висевший на шее. Листок Счастья с Черного Побережья, оберегавший от болезней.

И подхитивший к цвету ее глаз.

Лохматый песик (подарок от "подруги") лежал в углу, поскуливая во сне. Алида чуть наморщила нос. Она не слишком любила животных.

Зато она просто обожала сладкое.

Она снова откусила от груши.

Однако сладкий сок плода не мог заглушить горечи нараставшего в ней раздражения.

Что произошло, ради Шерни? Им не удалось? Впрочем, даже если и так - что ж, бывает! Такие, как они, по-настоящему знающие свое дело, не побоялись бы стать перед ней и честно сказать: у нас не получилось потому-то и потому-то...

Тем временем прошла ночь, прошел день, теперь опять была ночь, а она не имела понятия о том, что происходит.

Ведь не убил же он их всех! Нет, она не знала такого человека, который мог бы убить троих профессиональных убийц, возможно лучших в мире, не каких-то там мелких бандитов, но людей, для которых убивать означало то же, что для сапожника - шить сапоги.

Значит?

Отрызок распался в ее руке надвое, большой кусок упал между ее бедер. Она взяла его двумя пальцами и начала чертить на коже какие-то знаки. Лобок ее был гладко выбрит, по дартанской моде. Она разглядывала влажные линии, оставленные грушевым соком на теле, пока те не высохли и не исчезли. Бросив остатки плода на пол, она поднялась и заглянула в спальню. Нальвер крепко спал. Что ж, хорошо, что хотя бы с этим все прошло гладко.

Она сразу подумала об этом придурке, поскольку получить какие-либо сведения от парочки кузенов было просто невозможно. Нальвер же, которого те считали дурачком (каковым он, собственно, и был), показался ей весьма многообещающим экземпляром. Что ж, она попала в самую точку. Кто мог бы подумать, что Баватар планирует набег идиотов на Ахелию...

Для нее же лучше. Хотя бы одно уже можно было выбросить из головы.

Но это, это!

Алида хотела крикнуть, но передумала, подумав, что может разбудить Нальвера. Она вышла из комнаты и сбежала по лестнице вниз. Ей нравилось ощущать босыми ногами холод ступеней. Особенно тогда, когда было так жарко и душно, как этой ночью.

- Эй, бравый сторож! - негромко позвала она, перегнувшись через перила.
- Крепко спишь?

Рослый привратник появился почти сразу же, со свечой в руке.

- Всегда на страже, - заверил он, потирая лицо. - Да, госпожа?

- Никто не приходил? - спросила она, хорошо зная, что никто.

- Никто, госпожа.

Она смотрела куда-то поверх его головы, задумчиво морща брови.

- Что тебя беспокоит, госпожа? - спросил он, тоже помрачнев.

Ее отношения со слугами были весьма странными. В присутствии посторонних она требовала полного подчинения, зато, когда никто не видел, вела себя с ними полностью на равных. Все слуги были рабами. Бывшими рабами, поскольку всем им она дала свободу. Ушли лишь двое. Те, кто не ушел, души в ней не чаяли. Она была прекрасной госпожой, лучшей из всех, кого только мог представить себе слуга. Может быть, она стала такой под влиянием матери-армектанки? Отец не позволял дома никаких "чужацеств", как он называл прекрасные древние армектанские обычаи и традиции, но мать о них рассказывала. Суровые гаррийцы никогда не сумели бы их понять, особенно учитывая их армектанское происхождение... Впрочем, она сама соглашалась далеко не со всеми из них. Однако правило, что раб хорош для работы в поле, но никогда - в доме, где слуги должны чувствовать, что им полностью доверяют, нашло у нее полное понимание, и она успешно применяла его на практике. Она давала почувствовать слугам свою исключительность, давала им понять, что лишь они могут быть с ней столь близки. Им это невероятно льстило, они ощущали собственную незаменимость. Алида сама не знала, где проходят границы подобных доверительных отношений... Но на самом деле подобной проблемы просто не существовало. Слуги чувствовали эти границы намного лучше, чем она сама. Она находилась под их опекой.

Пожалуй, никто из знакомых ей высокорожденных не поверил бы, что возможно поддерживать необходимую дистанцию и отношения хозяина с подчиненным, соседствующим с самой настоящей дружбой.

И тем не менее...

Конечно, большое значение имел подбор людей. Но в людях она разбиралась превосходно и подбирала их весьма тщательно.

Она стояла на третьей ступени снизу, но, несмотря на это, ее лицо находилось на одном уровне с лицом гиганта. Держа свечу так, чтобы не поджечь ее светлые волосы, он протянул руку и осторожно большим пальцем снял кусочек груши с уголка ее рта. Она улыбнулась.

- Чем-нибудь могу помочь, госпожа?

Она покачала головой:

- Нет. Но если кто-нибудь придет, зови меня, где бы я ни была. Не ходи, не ищи. Просто позови. Я жду крайне важного известия.

- Хорошо, госпожа.

Махнув ему рукой, она быстро побежала вверх, поскольку ее босые ноги все же несколько замерзли на каменных ступенях.

Остаток ночи она не спала. Но лишь поздним утром один из ее людей принес известие, что возле сторевшего дома на краю леса (об этом пожаре она слышала) обнаружили обугленные трупы нескольких человек.

Сторевший дом? На краю леса...

Она знала и это место, и этот дом. Когда-то там собирались построить лесопильню. Построили, однако, только дом, после чего от дальнейших работ отказались - ее никогда не интересовало почему. Какое ей дело до какой-то лесопильни?

Дом долго стоял пустым, поскольку находился далеко от дороги и был

недостроен. Около года назад она случайно услышала, что кого-то там видели. Ей было даже интересно, кому понравилось жить вдали от людей, в заброшенной развалине; раз-другой ей хотелось проверить, но всегда находились дела поважнее...

Те сторевшие трупы – могли ли это быть они?

Конечно, да. Она сама настаивала, чтобы они вывели Варда куда-нибудь за город, выдавая себя за людей Баватара. Повод был прекрасный – Баватар сам предлагал встретиться где-нибудь в безлюдном месте...

"Этот человек – солдат, – сказала она им. – Он может защищаться. Возможно также, что за ним следят. Уведите его куда-нибудь подальше, где никто не заметит борьбы. Легче будет и проверить, один ли он. Ну и спрятать труп, никто не должен его найти, ясно?"

Она мысленно обругала себя за излишнюю осторожность.

Сколько, собственно, трупов нашли на пожарище? Возможно ли, чтобы в этом доме у Варда были какие-то друзья? Нет. Но человек, который там жил, мог ему помочь. Может быть, их было несколько?

Кто там жил, ради Шерни?

У кого это можно было узнать? У лесников? Может быть, у каких-нибудь лесорубов? Чем быстрее она это выяснит, тем быстрее получит ответ на вопрос, жив ли капитан. Если жив – дело плохо... У нее не было времени ждать... Теперь – не было.

36

– Факел, – хрипло сказала Лерена.

Раладан стоял, глядя в небольшое темное отверстие.

– Слышишь? В шлюпке есть факелы. А если нет, то плыви за ними на "Звезду"! – бросила она. – Я отсюда не уйду, – грозно предупредила Лерена, едва он открыл рот.

Он направился обратно к шлюпке.

– Быстрее! – яростно крикнула она.

Когда он вернулся с горящим факелом в одной руке и с трутом и кресалом в другой, она продолжала стоять на том же месте. Вырвав у него факел, она полезла в темную дыру. Он последовал за ней.

– Осторожно, – предупредила она. – Здесь провал.

Он обогнул ловушку.

Сразу же за тесным входом коридор расширялся, земля уходила вниз, и вскоре уже можно было выпрямиться во весь рост. Им пришлось пройти значительно дальше, чем он ожидал, прежде чем Лерена остановилась.

– О Шернь... – проговорила она.

Они находились в просторной пещере. Мерцающий свет факела вырывал из темноты ее часть, погружая остальное в еще более глубокую тень. Посреди возвышалась какая-то бесформенная груда, прикрытая парусиной. Раладан представил себе матросов, в поте лица таскающих тяжелые сундуки, а рядом – огромного, мрачного человека, угрюмо глядящего на них из-под насупленных бровей...

Лерена отдала лоцману факел и начала стаскивать парусину, под которой обнаружилась пирамида ящиков разной величины и формы. Опустившись на колени, она подняла крышку огромного сундука, стоявшего отдельно у подножия груды.

Внутри были кольчуги.

Она бросилась к другому, небольшому, стоявшему наверху. Заглянув внутрь, она погрузила в него руки и тут же вытащила их снова, держа спутанные ожерелья из жемчуга, переплетенные какими-то цепочками. Вскочив, она закружилась на месте, торжествуя подняв руки над головой.

– Раладан! – почти запела она. – Раладан!

Из темного угла пещеры появилась Риолата.

- Я первая, - сказала она.

Стоявший позади нее человек сбросил темный плащ, открыв белый солдатский мундир. Под плащом был спрятан арбалет.

Второй человек появился за спиной Раладана, вырвав у него факел и преградив путь к выходу.

Лерена все еще стояла с поднятыми руками, с застывшей на лице улыбкой.

- Держи руки подальше от меча, сестра, стой там, где стоишь, - и спасешь две жизни, - сказала Риолата, бросая лоцману веревку. - Сядь и свяжи себе ноги, Раладан. Как следует и крепко, я проверю. Нет, морячок, - усмехнулась она, - этот узел ты развяжешь одним движением... О, теперь хорошо.

Лерена уже опустила руки, но продолжала стоять на месте, постепенно, однако, приходя в себя.

- Что дальше, сестренка? - спросила она. - У меня тут рядом полторы сотни человек.

Солдаты Риолаты все еще держали оружие наготове, изумленно переводя взгляд с одной женщины на другую.

Их можно было различить лишь по одежде.

- Полторы сотни? Откуда ты знаешь, сколько их у меня на этом острове?

- А здесь поместится больше двоих?

- О! - усмехнулась Риолата. - А у тебя есть чувство юмора, Лерена!

Она задумчиво покачала головой.

- Раздевайся, - велела она.

Лерена подняла брови.

- Меня что, собираются изнасиловать? - язвительно спросила она.

- Сбрасывай свои тряпки или их с тебя сдерут!

Пиратка бросила на нее презрительный взгляд, затем расстегнула пояс с мечом, сняла рубашку, сапоги и широкие штаны.

- Свяжи ее, - приказала Риолата, забирая арбалет из рук Носача. - А ты свяжи ему руки. - Она протянула руку за факелом.

Солдат, держа веревку, склонился над лоцманом. Тот протянул руки, посмотрел в сторону, после чего проговорил - в первый раз с тех пор, как они вошли в сокровищницу:

- Давай, Красотка...

Прежде чем успели прозвучать эти слова, он схватил солдата. Лерена оттолкнула Носача, бросаясь к сестре. Та упала, выронив арбалет - но не факел... В следующее мгновение Лерена взвыла. Носач вскочил, пытаясь ее удержать. Риолата кинулась к душившему солдата лоцману, сунула огонь ему под мышку. Солдат взревел, так как и ему обожгло лицо, но Раладан его отпустил, и тогда она со всей силы ударила лоцмана головней.

- Свяжи его! - рявкнула она обожженному солдату. Раладан ошеломленно тряс головой. В волосах у него гасли искры.

Лерена боролась с Носачом, который едва мог ее удержать.

- Ударь ее! - крикнула Риолата. - Хватит возиться!

Солдат оттолкнул Лерену; та ударила его в челюсть, но его удар оказался сильнее: она открыла рот, хватая воздух, согнулась пополам и медленно опустилась на колени, вытаращив глаза, потом согнулась еще больше, почти касаясь лбом земли.

- Очень хорошо.

Риолата воткнула факел в щель в каменной стене, после чего неожиданно повернулась и, яростно оскалившись, ударила лежащую в бок с такой силой, что затрещали ребра. Послышался слабый стон, скорее походивший на писк.

- Свяжи ее! - рявкнула Риолата. - Но так, чтобы чувствовала!

Она села у стены, с силой потирая руки и постепенно успокаиваясь.

- А теперь уходите. Мне не нужны посторонние.

Она взяла меч сестры, показав солдатам на арбалет. Те забрали его и ушли.

В пещере наступила тишина, прерываемая лишь стоном Лерены, звучащими отчасти как рыдания, отчасти как прерывистое дыхание. Сломанные ребра и жесткая веревка, врезавшаяся в обширный ожог на ноге, причиняли невыносимую боль.

- Раладан, команда что-нибудь заметит, если я вернусь на корабль вместо нее?

Лоцман вздрогнул и, поморщившись, поднял гудящую голову.

- Одежда у меня уже есть. - Она показала рукой. - Хотя, честно говоря, не знаю, как это надевается... - Она приподняла острием меча штаны. - Она что, снимает их, если ей надо помочиться?

Лерена, несмотря на боль, издала некое подобие смешка.

- Ты мне нужен, Раладан, - сказала Риолата. - Я предпочла бы иметь на корабле кого-то из тех, кого знаю.

Пиратка издевательски фыркнула.

- Нам нужно спешить, Раладан, - невозмутимо продолжала Риолата. - Я потеряла корабль, а мне пора возвращаться в Дорону. Она у меня в руках. Ты знаешь кто. Ридарета. Она умрет, если я в ближайшее время не появлюсь.

Лоцман потерял самообладание.

- Лжешь, - сказал он.

- Пожалуй, нет. После последнего разговора с ней, - она показала на сестру, - я подумала, что хватит с меня сюрпризов. Впрочем, я многое могу простить, Раладан, но женщина, которую я называла матерью, обманывала меня всегда, не заботясь о том, что я думаю и чувствую, присвоив себе право выбирать, что мне следует знать, а что нет. Перед тем как выйти в море, я отправила к ней людей. Надежных людей, Раладан.

- Лжешь, - повторил он.

- Хочешь проверить?

Лерена со стоном перевернулась на бок, уставившись на лоцмана.

- Раладан?... - простонала она.

- Он уже сдался, - заявила Лерена. - Ты не знала? Ради Шерни, сестренка, твой лоцман безнадежно влюблен в нашу сестру-мать... Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Он сделает все, что в человеческих силах, чтобы спасти в первую очередь ее жизнь, и лишь потом - эти сокровища, которые он считает ее собственностью. Ты рассказывала мне о том разговоре в таверне... Действительно, сокровища нашего отца должны были пойти ко дну вместе с кораблем, ибо так хотела она. Но это должен был быть твой корабль, Лерена. Если бы ты забрала все это, он отправил бы твою посудину ко дну на первых же скалах!

Лерена кусала губы, не отрывая взгляда от лоцмана.

- Раладан? Это... правда?

Лоцман угрюмо кивнул:

- Да. - Он посмотрел на Риолату. - Я согласен, госпожа.

- Нет, - с беспомощной яростью проговорила Лерена. - Раладан... ты любишь Ридарету?

Он взглянул ей прямо в глаза:

- Не так, как это себе представляет твоя сестра. Однако ради нее я сделаю все что угодно.

Девушка словно внезапно перестала чувствовать боль. Приподнявшись настолько, насколько позволяли путы, она сказала:

- Слишком многим господам ты хочешь служить, Раладан... И это тебя погубит. Клянусь.

Риолата привсталла, уперлась ногами в грудь сестры и сильно толкнула. Лерена упала назад, ударившись головой о камень. Она даже не застонала.

Острие меча коснулось пут Раладана... но тут же отдернулось, не разрезав их. Риолата наклонила голову и, задумчиво нахмурив брови, потерла ладонью щеку.

- Команда надежная? - спросила Риолата. - Сейчас я тебя освобожу, - пообещала она.

Он странно посмотрел на нее:

- Команда? Хуже некуда.

- Значит, сокровища...

- Это безумие.

Она кивнула:

- Значит, пусть пока остаются там, где были.

Поднявшись, она взяла факел и вышла из пещеры. Солдаты ждали. Она посмотрела в сторону леса, где скрывались остальные ее люди.

- Они все еще там? - спросила она Носача.

- Да, госпожа.

- Нужно от них избавиться, они слишком много знают. Сумеете сами довести меня на шлюпке до Гарры?

Они переглянулись:

- Наверное, да, госпожа.
- Наверное?
- Наверняка, госпожа.
- Значит, убейте их. Справитесь?
- Да, госпожа. У них только ножи.
- Приступайте.

Вернувшись в пещеру, она взяла меч и освободила лощмана.

- Нужно избавиться от тех двоих, - сказала она.
- Солдат?

Она кивнула.

- У тебя здесь больше никого нет, госпожа?

Она поколебалась:

- Что ж, возьми себя в руки... Были. Только что.

Он все понял.

Она наклонилась, подняла кусок веревки в три локтя и протянула его лощману.

- Сейчас приведу одного, - сказала она. - Задуши его. Потом займешься вторым.

Он кивнул, наматывая концы веревки на руки. Риолата вышла из пещеры и подождала, пока солдаты не вернутся.

- Все? - спросила она.

- Да, госпожа.

- Последи за окрестностями. Мне показалось, что я кого-то там видела. - Она показала рукой на скалы неподалеку. - А ты со мной, - кивнула она Носачу.

Раладан прикончил десятника столь ловко, что она посмотрела на него с уважением.

- Не радуйся, госпожа, - холодно сказал он. - Если сегодня ты солгала, тебя ждет то же самое.

Они смерили друг друга взглядом.

- А если не солгала - тоже? - презрительно заметила она. - Ты слишком мелок, Раладан... С кем ты хочешь помериться силой? Кем ты себя считаешь? Я скажу тебе, кто ты: просто дурачок, стремящийся в никуда. Ты мог бы столько иметь... Но нет, ты предпочитаешь одноглазую сумасшедшую, существования которой никто не замечает, так же как никто не заметит и ее исчезновения...

Он схватил ее обеими руками за горло. Она даже не пошевелилась.

- Ну... - прохрипела она, - давай...

Он освободил захват и медленно опустил руки. Потирая шею, она медленно, демонстративно собирала слюну. Он уклонился от ее плевка.

- Я не могу тебя убить... - сказал он.

Она криво усмехнулась.

Повалив ее на землю лицом вниз, он молниеносно связал ей руки остатками веревки, после чего подобрал рубашку Лерены и закинул ее скомканный край глубоко в рот лежащей.

- Кто тебе сказал, что ты неприкасаемая? - спросил он. Расстегнув пояс, он хлестнул им по спине извивающейся девушки. - Кто тебе это сказал?

Встав, он пнул ее ногой так, что она перевернулась на спину.

- Я буду ждать возле шлюпки, - сказал он. - Освобождайся быстрее, иначе я могу передумать. После того, что я сегодня услышал и увидел, мне начинает казаться, что такую суку, как ты, лучше отсюда не выпускать. Лучше уж искать Ридарету вслепую. Если она вообще у тебя... - добавил он уже из коридора.

Лежащая возле груды ящиков Лерена почти задыхалась от неудержимых приступов смеха.

Риолата подползла к брошенному мечу, освободила руки и вырвала кляп, после чего, почти рыча от ярости, набросилась на Лерену и захлестнула на ее шее кусок веревки.

Раздался пронзительный хриплый визг. Риолата затянула узел и встала. Лерена извивалась на земле, ударяясь головой о камни. Глаза ее вылезли из орбит, лицо все больше синело. Она выгнулась дугой, мышцы связанных рук и ног сотрясали судороги. Риолата, не спуская с нее глаз, собрала брошенную одежду, взяла медленно догорающий факел, повернулась и двинулась по каменному коридору к выходу.

Алида схватила за голову:

- Нет, нет, нет!

Лохматый щенок с воинственным лаем выскочил из-под стола. Она дала ему такого пинка, что он с визгом отлетел далеко к стене.

- Нет! - еще раз вскрикнула она. - Этого не может быть!

Мужчина испуганно попятился:

- Так мне сказали... госпожа.

Алида села, сжав кулаки.

Нет, этого просто не могло быть. Во имя Шерни, молодая женщина без одного глаза... Ведь не единственная же она на свете... Нет, не может быть, чтобы она столь долго жила прямо у нее под боком, почти на расстоянии вытянутой руки...

Прикусив губу, Алида посмотрела на своего шпиона.

- Что еще? - бросила она. - Что тебе еще известно?

- Ничего... Это все, госпожа. Несколько раз ее видели в лесу охотники, и только...

Легким движением головы она показала ему, что он свободен.

- Стой, - тут же сказала она. - Забери это.

Песик лежал судорожно вздрагивая, с морды текла кровь. Мужчина осторожно взял его на руки и вышел.

Алида вскочила, обошла кругом стол и снова села.

"Возьми себя в руки, дорогая", - подумала она.

Если это была она, пиратка Раладана, - тогда все понятно. Вард не бежал куда глаза глядят. Кто-то у него был здесь, рядом... Невероятно... Но чем могла помочь одна девушка? Правда, пиратка. А может быть, там был еще и _он_? Раладан...

- Нет и _нет_! - рявкнула Алида.

Однако все сходилось.

У всех этих людей были с ней счеты. Присутствие здесь девушки, а наверняка и Раладана объясняло, откуда Вард мог узнать, где ее искать. О Шернь, все сходилось - и даже чересчур хорошо!

Жив ли Вард?

Алида внезапно почувствовала себя окруженной со всех сторон. С одной стороны, ей угрожал этот островитянин (о, как же она недооценила эту опасность!) и его друзья. С другой же - Трибунал. Хуже всего было то, что именно сейчас, занимаясь столь важными и столь деликатными делами, она должна была быть свободна от всяческих подозрений. Ставка была чересчур высока! А тут еще и новые хлопоты: всплыла история с покупкой должностей...

"Успокойся, дорогая, - по своему обычаю обругала она себя. - Все не так уж плохо... Ведь ты ждешь известия, которое многое объяснит".

Словно по ее зову, появился слуга со свитком пергамента.

- От кого? - по привычке спросила она.

- Не знаю, госпожа.

- Ты задержал посыльного?

- Нет, госпожа. Он сразу же ушел.

Она уже знала от кого.

Письмо не было запечатано. Оно содержало лишь несколько слов: "Будь спокойна. Н."

Алида медленно подняла взгляд, позволив себе улыбнуться.

- Так что же? - спросила госпожа Елена.

Баватар сидел с мрачным и грозным видом. Таким его видели редко, и

никто тогда не осмеливался заговорить без разрешения. Она была исключением.

Ей были знакомо упорство и необычайная сила воли этого человека. Были у него и иные черты, дававшие все основания полагать, что воистину трудно было бы найти более подходящего человека для тех функций, которые он исполнял. Однако порой ей казалось, что это упорство и железная последовательность в любых поступках его ограничивают. Он не в силах был сосредоточиться на нескольких вещах сразу. Дело, за которое он брался, он всегда доводил до конца, но – ценой других.

Что ж, именно для этого у него были помощники – она и Нальвер, не считая множества чиновников рангом ниже.

На этот раз, однако, Баватар вцепился в дело... на самом деле не слишком важное. Все еще ждало своего завершения дело о невероятных злоупотреблениях, допущенных высшими офицерами двух стоящих в Дране эскадр Главного Флота. Процветала торговля должностями и постами – еще один вопрос, который срочно нужно было выяснить. И наконец, воистину фантастическое бегство троих заключенных из самой надежной тюрьмы на острове, о котором только что сообщили. Похоже, не было сомнения в том, что в этом замешаны стражники, а может быть, даже кто-то из комендатуры цитадели. Беглецы были известными смутьянами – к сожалению, слишком известными и слишком благородного происхождения, для того чтобы их можно было просто повесить. Теперь, меньше чем за год до предполагаемого восстания, это событие представляло в необычайно грозном свете.

Несмотря на все эти события, Верховный Судья Имперского Трибунала Гарры и Островов занимался вопросом о нелояльности какой-то шлюхи... К тому же восьмилетней давности.

Однако – и Елена это хорошо знала – именно лояльность подчиненных была навязчивой идеей Баватара. Он непоколебимо верил, что закрывать глаза на какие бы то ни было злоупотребления со стороны урядников Трибунала недопустимо и грозит ослаблением его ведомства. Что ж, в этом было немало правды.

Другое дело, что ему вовсе незачем было заниматься этим лично.

– Так что же? – спросила Елена еще раз, тем же тоном, что и прежде. – Не знаю, – помолчав, добавила она, – стоит ли это дело более серьезных мер с нашей стороны. Думаю, господин, что можно ее просто арестовать и заставить говорить. И мы узнаем правду.

– И это говоришь ты, госпожа? – хмуро удивился Баватар. – Яма и камера пыток хороши в Громбеларде... впрочем, от них везде мало толку. Ты не хуже меня знаешь, что там любой скажет все, что от него потребуют. Я знаю людей, которые, ломая другим кости на колесе, приобретают непоколебимую убежденность в собственной непогрешимости. И это, пожалуй, единственное, что действительно можно там приобрести.

Она молча выслушала его тираду.

– Нальвер, – неожиданно спросил Баватар, – что ты об этом думаешь?

Молодой человек вздрогнул, явно застигнутый врасплох. Во взгляде женщины также читалось некоторое удивление.

– Полагаю, господин, – неуверенно проговорил Нальвер, – что мы мало что можем сделать... Ни один корабль не идет на Агары, я проверил. А маленькие баркасы морской стражи все в море. Чтобы добраться до Ахелии и вернуться до осенних штормов, мне пришлось бы воспользоваться большим парусником Главного Флота...

– Дело того не стоит, – неохотно согласился Баватар, испытующе глядя на Нальвера. Тот говорил весьма дельно – крайне редкое событие для того, чтобы его недооценить.

– Продолжай, Нальвер, мы внимательно тебя слушаем.

Женщина утвердительно кивнула.

– Мне пришли в голову некоторые мысли... После исчезновения капитана Варда, – продолжал Нальвер уже смелее, – мы сразу же решили, что в этом замешана госпожа Эрра Алида. Но ведь эта женщина, если она и в самом деле столь хитра и умна, как я слышал, должна была отдавать себе отчет в том, что попытка убрать его именно сейчас неминуемо навлечет на нее подозрения.

– К чему ты клонишь? – спросила Елена.

– К тому, что, если этот капитан располагал какими-то компрометирующими ее сведениями, его не было бы в живых в тот же день, когда она узнала о

его появлении в Дране; ты, господин, с ним бы не беседовал, и не было бы никаких подозрений.

Баватар и Елена переглянулись.

- И наконец, разве не странно, что капитан Вард, уже однажды ощутив силу этой женщины, не только ничего, собственно, не сказал во время встречи с тобой, господин, но даже не попросил об охране... Из этого следует, что либо он дурак - а ваше благородие утверждает, что это не так, - либо чересчур уверен в себе и готов идти на любой риск, но ваше благородие утверждает, что и это не так... Либо же ему просто было на руку бросить на нее тень подозрения, а потом исчезнуть, в чем выделенный ему для охраны человек только мешал бы.

Наступила тишина.

- И правда... трудно отказать подобному выводу в логике, - наконец сказала женщина, странно посмотрев на собеседников.

Верховный Судья сидел погруженный в размышления.

- Должен признаться, ты меня удивил, господин Нальвер... Похоже, это самое разумное из всего, что до сих пор говорилось на эту тему. Однако мне почему-то кажется, что этот человек не способен на подобные интриги.

Елена чуть приподняла брови.

- Ты права, госпожа, - угадал он ее мысли. - Моих ощущений слишком мало для того, чтобы с чистой совестью поддержать обвинение против женщины, работа которой для Трибунала до сих пор была достойна всех похвал. Однако, - он встал, давая понять, что совещание близится к концу, - я бы очень хотел, чтобы капитана Варда нашли. Путешествие в Ахелию отменяется, - кивнул он в сторону Нальвера, - вернемся к этом вопросу в конце осени.

Он на мгновение наморщил лоб - и Елена подумала, что хотя он временно и признал тему закрытой, но вовсе не исчерпанной...

И так оно и было в действительности.

В тот же день, но позже состоялся еще один разговор. Так же как и предыдущий, он происходил в здании Трибунала, но не в Зале Совещаний, а в апартаментах госпожи Б.Л.Т.Елены, Первой Представительницы Верховного Судьи.

Елена была столь же уверена в том, что ей нанесет визит Баватар, как и в том, что после дня наступит ночь. Она слишком хорошо его знала. Этот твердый, непоколебимый человек все же нуждался в опоре, и Елена ему эту опору давала.

Сидя напротив нее, внешне он выглядел так же, как и в Зале Совещаний, - серьезный, сосредоточенный, суровый. Однако она знала, что он чувствовал себя несравнимо лучше. Благодаря своему глубоко укоренившемуся чувству ответственности и необычной добросовестности во время официальных бесед он тщательно взвешивал каждое слово, владел любой дискуссией, не позволяя себе лишних эмоций. После того как на пустовавшее несколько месяцев место Второго Представителя прислали Нальвера, ситуация несколько изменилась. Этот человек явно выводил его из равновесия. С точки зрения Баватара, на ответственных постах не место было ослаб. В механизме принципов Верховного Судьи Нальвер был деталью, которую никакими силами не удавалось пригнать на место.

Здесь, однако, Нальвера не было. Более того, разговор носил приватный характер. Елена знала, что приватные разговоры занимают в жизни Баватара ровно столько же места, сколько она сама.

- Удивил он меня, - сказал Баватар, глядя ей в глаза. - Этот человек сегодня меня удивил, Елена. Подошел к делу без лишних эмоций, искусственно и хладнокровно. Но ведь это на него не похоже.

- В самом деле, он далеко не мудрец, - согласилась она. - Сегодня, однако, оказалось, что и глупцом он тоже может не быть... Это плохо?

Баватар сделал неопределенный жест.

- Вся эта история, - медленно проговорил он, - изобилует неожиданностями. Должен тебе признаться, кузина, что мне трудно сказать о ней что-либо определенное... с соответствующей дистанции. У меня такое чувство, - он отвел взгляд, словно от стыда, - как будто я что-то пропустил. Почему из потока доставляемых ежедневно сведений меня привлекло именно это, касающееся появления капитана в Дране? Связь между его заключением в тюрьму и госпожой Алидой? Конечно, но ведь...

- Ты совершенно зря приказываешь доставлять тебе все эти рапорты,

доклады и доносы, – заметила она. – Ты не считаешь, что твое время слишком ценно для того, чтобы его на это тратить? Когда-то давно, во время Кошачьего Восстания, какой-то офицер гвардии якобы сказал, что главнокомандующий должен руководить армией, для того же, чтобы посылать патрули, есть сотники. Это одна из тех очевидных истин, которые каждый раз приходится осознавать заново.

Он молчал, размышляя над ее словами.

– Значит, ты считаешь, что я зря надзираю за слишком малозначительными делами, и притом такими, в которых не разбираюсь?

– Именно. Ты обладаешь великим даром управлять людьми (да-да), но тебе недостает того, чем должен обладать мелкий урядник в серой мантии, тщательно исследующий сто нитей, прежде чем доберется по одной из них до клубка. Впрочем, что с того? Разве этого от тебя ждут? Правда, Баватар, почему бы тебе не начать отслеживать бандитов где-нибудь в темных переулках?

Он нахмурился.

– Дорогой мой кузен, – она чуть наклонила голову, словно уступая упрямому ребенку, – если эта история не дает тебе покоя, передай ее кому-нибудь ниже! Делом займутся те, кому положено, тем более что они получают за это деньги из имперской казны.

Он взглянул на нее:

– Наверное, так и следует поступить. Однако кое-что... – Он медленно покачал головой. – Кое-что мне не нравится в сегодняшних словах Нальвера.

– Что именно?

Он беспомощно махнул рукой.

– Я тебе скажу, кузен: в словах Нальвера тебе не нравится... сам Нальвер. Этот человек тебя раздражает.

Баватар задумчиво кивнул, потом встал, медленно сделал несколько шагов и, встав за спиной женщины, положил руки ей на плечи.

– В самом деле, Елена, – тихо сказал он, – почему тогда мы не были смелее? Наше родство? Но ведь оно неблизкое, а впрочем... И не такие препятствия обходили. Ты так нужна мне, Елена.

Она прижалась щекой к его ладони.

– Останься... – негромко проговорила она. – Останься до утра, прошу тебя. Никто не знает, что ты пришел ко мне. Ты нужен мне точно так же, как и я тебе.

– Итак, с этой стороны, по крайней мере пока, опасность нам не грозит, – закончила Алида. – Однако я не верю, что от подозрений отказались вообще. Это очень опасная игра, ваше высочество. Считаю, что необходимо нанести упреждающий удар. До сих пор мои руки были связаны приготовлениями к вашему бегству...

Ходивший по комнате туда и обратно мужчина остановился, заложив руки за спину. Лицо его было невыразительным и необычно бледным, как бывает у людей, проводивших долгое время в камере...

– Я до сих пор не знаю, жив тот капитан или нет, – пояснила она. – Если жив – следует считаться с его возможными действиями.

– Разве отсутствие таковых не свидетельствует о том, что он все же мертв?

Слова эти были произнесены с превосходным акцентом и столь безупречной дикцией, что происхождение и положение в обществе этого человека не могли вызывать ни малейших сомнений. Это был представитель одного из древних гаррийских родов, воспитанный в строгих принципах гаррийского дворца.

– Возможно, – ответила Алида. – Но, несмотря на это, Трибунал не прекратит следствие, самое большее – оно перейдет на более низкие уровни тамошней иерархии. Это означает, что оно будет вестись медленнее, но тем вероятнее, что оно завершится вообще. Нижние этажи этого заведения меньше поддаются внушению, чем вершина. – Она чуть улыбнулась. – Обычный урядник, может быть, не слишком тщеславен, но именно поэтому он подобен гончому псу. Он не бросит следа, ибо так его выдрессировали.

– Что ты в таком случае предлагаешь, госпожа? Ведь ты не можешь просто исчезнуть, слишком многим ты нужна.

– Знаю, – сказала она. – Мы их уберем.

- Кого? - не понял он.

- Баватара и Елену.

Мужчина молчал.

- Честно говоря, госпожа, - наконец сухо проговорил он, - я готов предположить, что ты шутишь.

- Честно говоря, господин, - ответила она тем же тоном, - я могла бы предположить, что вы не понимаете.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, после чего она улыбнулась той ничего не говорящей улыбкой, которая должна была понравиться любому мужчине.

- Ваше высочество... позвольте спросить: если мы не в состоянии убрать двоих, к чему вообще вся эта игра в какое-то восстание?

Он покачал головой:

- Я не говорю, что это невозможно. Я говорю, что это нелегко. И мало того, что я не знаю, нужно ли это, к тому же у меня еще есть сомнения, не вредно ли это. Этих людей уже месяц кормят фальшивыми сведениями о восстании и его предполагаемом ходе. Если теперь на их место придет кто-то другой, трудно сказать, не разрушит ли нам всю игру его свежий острый взгляд.

- Нет, господин, поскольку это будет наш человек.

Он замолчал.

- Кого ты имеешь в виду?

- Себя.

Он даже не пытался скрыть изумление:

- Нет, госпожа, боюсь, ты и в самом деле слишком высоко замахиваешься! Этот пост - один из самых важных во всей провинции, если вообще не во всей империи. Протеже высших сановников напрасно его добиваются, и притом это люди весьма высокого происхождения... Прости, госпожа, но твоя фамилия...

- Фамилию очень легко поменять. Если я захочу, завтра я буду женой господина Кахеля Догонора. К тому же все так замечательно складывается, ведь Догонор всем своим сердцем и имуществом поддерживает политику Кирлана! - предупредила она его протест.

Мужчина сел.

- Но... - ошеломленно проговорил он, - ведь ему шестьдесят с лишним!

Алида лукаво улыбнулась:

- Вот именно.

Она пожала плечами.

- Послушайте, ваше высочество, - предупредила она очередные возражения, - ситуация нам крайне благоприятствует. Только что всплыла скандальная история с покупкой ответственных должностей и постов: как вы знаете, в этом, к сожалению, замешаны главным образом наши люди. Мы оба знаем, что им мало чем можно помочь, их ждет тюрьма - разве что им удастся бежать. Но в этом случае от них не будет никакой пользы. И все же есть редкая возможность обратить поражение в успех. Я хочу знать, готовы ли эти люди пожертвовать собой ради дела. Впрочем, жертва не слишком велика, ведь сразу же после восстания все заключенные получают свободу.

- Жертвовать всем, даже жизнью - священный долг каждого из нас, - сурово, с некоторым пафосом, ответил он.

- Отлично. - Она старательно скрыла иронию. - Нужно сфабриковать доказательства и втянуть в этот скандал тех двоих. Вопрос лишь в том, будут ли готовы при дворе Князя-Представителя в это поверить?

- Насчет этого я как раз бы не беспокоился.

- Похоже, влияние вашего высочества, естественно тайное влияние, там просто огромно, - скорее утвердительно, нежели вопросительно сказала Алида.

Он уклонился от ответа.

- В любом случае, - добавила она, - Второй Представитель Верховного Судьи - протеже князя.

- Знаю.

- Значит? Если Баватар и Елена вынуждены будут уйти...

- Нет, госпожа. Его благородие Ф.Б.Ц.Нальвер - человек чересчур... мелкий для того, чтобы отдать в его руки пост Верховного Судьи. В конце концов, ты ведь видишь на этом посту себя?

Она чуть наклонила голову.

- Верховного Судью назначают не каждый день, - заметила она. - Должно прийти согласие Кирлана, а его не будет до зимы... Таким образом, Нальвер будет оставаться на своем посту несколько месяцев, пользуясь молчаливым благоволением и поддержкой своего покровителя. За это время он добьется таких успехов, что сам император сочтет его весьма полезным.

Ее собеседник озадаченно смотрел на нее.

- Нальвер - моя марионетка, - пояснила она. - По его ходатайству я с легкостью получу временную должность Второй Представительницы. Чего еще нужно?

- О, Шернь! - только и сказал он.

- И что, теперь я должна объяснять вашему высочеству, какую пользу принесет восстанию тот факт, что я буду править Трибуналом?

Он молчал, пытаясь найти слабые места в ее рассуждениях.

- Прости, госпожа, что я об этом упоминаю, но... твоё прошлое...

Она громко расхохоталась:

- Вы думаете, никто не доверит подобный пост проститутке? О, ваше высочество... Я ведь не портовая шлюха, что болтается на панели!

Он поморщился, услышав вульгарное слово.

- У меня бывают мужчины из самых благородных родов, порой занимающие очень высокие должности... Естественно, я с ними сплю. Но найдите мне среди них хотя бы одного, кто вслух назовет меня шлюхой! Каждый знает, что это правда, но никто в этом не признается. Ее благородие Эрра Алида - достойное украшение любого общества Старого Района, женщина кристальной чистоты и сама добродетель. Мало того, в моих руках немало фактов, которые в состоянии скомпрометировать пол-Драна, стоит только им всплыть на белый свет! Кто, ваше высочество, осмелится выступить против меня?

Он молчаливо признал ее правоту.

- Кроме того, - добавила она, - Кирлан, даже Дорона (я имею в виду двор Представителя) не питают каких-либо предубеждений к... гм, какой бы то ни было профессии.

- Мне кажется, - госпожа, - с некоторой неохотой заметил он, - что и ты тоже не питаешь никаких предубеждений.

Алида знала, что не может играть с гаррийским чувством приличия. Армектанская свобода поведения в глазах высокородного гаррийца была чем-то невероятно низменным. Она отдавала себе отчет в том, что среди будущего руководства восстанием ее личность являлась предметом не одного спора. Несмотря на неоценимые заслуги по подготовке к восстанию, к ней продолжали относиться как к черной овце.

- Вы ведь знаете, ваше высочество, - поспешно заверила она, - что я делаю то, что делаю, только и исключительно ради независимости Гарры. После победы восстания я тотчас же брошу эту... это унижительное занятие.

- Не сомневаюсь, - сурово произнес ее собеседник. - Я в это верю и потому постоянно тебя защищаю, госпожа.

Порой ее так и подмывало сказать, что она обо всем этом думает.

"Спокойно, дорогая, терпение", - мысленно сдержала она себя.

Какое-то время оба молчали.

- Однако я никак не могу поверить, - снова "заговорил он, - что этот дурачок Нальвер полностью в твоих руках. Правда, он дурак... - ответил он сам себе. - И как давно?

- Два дня.

Он беспомощно окинул взглядом комнату:

- Шутишь, госпожа?

Она снова рассмеялась.

- Ваше высочество... прошу меня простить, - сказала она, посерьезнев, - но уединение, в котором вы столь долго пребывали, искажает ту точку зрения, с которой надлежит оценивать мир и людей. Конечно, Нальвер, будь он хоть еще вдвое глупее, не допустит государственной измены ради одних лишь моих прекрасных глаз. Но он тщеславен. Всегда и всюду он был лишь фоном для других, им пренебрегали, никто не обращал на него внимания... И вдруг, в одно мгновение, кто-то оценил его очень высоко, подсказал ему кое-какие мысли, которые он, считая их своими собственными, повторил - и заслужил признание. Признание тех, кто до сих пор смотрел на него сверху вниз. Знаете ли вы, ваше высочество, какова сила столь долго подавляемых амбиций, стоит им пробудиться один лишь раз?

У выхода из пещеры Риолата наткнулась на труп солдата. Он сидел прислонившись к скале – видимо, сползал вдоль нее на слабеющих ногах, пока не умер. Красные от крови руки сжимали перерезанное горло. Оружие исчезло.

Риолата затоптала дымящийся факел, затем переоделась в одежду сестры, морщась и фыркая от отвращения. Обойдя холм, она увидела корабль Лерены невдалеке от берега. На песке лежала шлюпка, рядом с ней стояли люди.

Она направилась к ним.

Раладан стоял, опираясь о борт частично вытащенной на берег шлюпки, с арбалетом в руках. Окинув его полным безбрежной пустоты взглядом, она коротко сказала:

– На корабль.

Матросы, утомленные долгим сидением на берегу, начали поспешно сталкивать шлюпку на воду. Раладан отошел в сторону, все еще держа поднятый арбалет. Он не избегал ее взгляда, и она неожиданно поняла, что этот человек вовсе ее не пугает! Он и в самом деле размышлял, не послать ли в нее стрелу. Мгновение спустя она могла быть точно так же мертва, как и эти скалы!

Она ощутила некое подобие страха. Верно ли она оценила собственные шансы?

Во имя Шерни, как же глупо могла закончиться ее жизнь, вместе со всеми планами и намерениями... Спусковой механизм арбалета ждал лишь нажатия пальца Раладана.

Она отвернулась, чтобы он не мог прочитать в ее взгляде страха, ненависти и – приговора себе самой.

"Ты мне за это заплатишь, – подумала она. – Клянусь, ты заплатишь за все. Уже скоро".

Кошмар, однако, пришел с другой стороны. И не Раладан был тому причиной. О конце всех надежд возвестила мрачная тень, мчавшаяся среди золотисто-красных гребней волн, со стороны клонившегося к морю солнца. Матросы, бредшие по пояс в воде вдоль бортов шлюпки, ее не видели. Не видел ее и Раладан, все еще погруженный в угрюмые размышления.

– Нет, – прошептала Риолата.

Снова, в который уже раз за этот день, в ней вспыхнула ярость, на этот раз – горькая, бессильная.

– Убирайся прочь! – хрипло крикнула она, хватаясь за волосы у висков.

Раладан и матросы посмотрели сначала на нее, потом – туда... Риолата бросилась в море, упала среди волн, но тут же поднялась, мокрая с ног до головы.

– За что?! Скажи, за что, ты, дрянь! Я – твоя дочь, слышишь?! Я точно так же твоя дочь, как и она!

Солнце над горизонтом, казалось, потускнело, кроваво-красный свет сменился почти бронзовым. Риолата не слышала и не видела ничего, кроме чудовищного остова, который надвигался неумолимо, зловеще, неудержимо, со скоростью гонимой ветром тучи... С палубы корабля Лерены люди прыгали в волны, плывя в сторону острова.

– Остановись! – крикнула она, колотя кулаками по воде. – Остановись!

Потом опустила руки и в отчаянии произнесла:

– Отец...

Черный остов внезапно куда-то исчез, после чего снова появился словно ниоткуда – уже ближе, с туманными, нечеткими очертаниями. С глухим грохотом, словно брошенный рукой великана камень, он ударил в борт стоящего на якоре барка, швырнув большой корабль к небу, словно пушинку. Время словно замедлило свой бег, она видела каждую деталь – ломающуюся пополам мачту, разлетающиеся во все стороны, словно от взрыва, доски

бортов, разорванную палубу, черную яму трюма и подброшенные высоко в воздух фигурки людей. Звук неожиданно исчез, водяные столбы и стены бесшумно падали под тяжестью собственного веса, разбитый парусник рухнул в воду, килем вверх; чуть дальше страшный призрак переваливался с борта на борт среди пенящихся волн, снова набирая скорость и уходя прочь.

Звук вернулся.

- Ради всех Полос Шерни! - взывала Риолата. - Я тебя уничтожу, кем бы и чем бы ты ни был! Клянусь собственным именем, я тебя уничтожу! Во имя всех Темных Полос, да поглотит тебя море!

Небо раскололось, открыв широкую, кошмарную, черную полосу. Рев ветра усилился, но тут же стих, придавленный тенью следующей Полосы, появившейся рядом с первой. Раздался грохот. Нечто подобное черному стилету ударило с неба в уже далекий корабль-призрак. В небо взлетел столб воды; какое-то мгновение еще можно было увидеть разбитый, обожженный остов корабля, тяжело сражавшийся с волнами, прежде чем, поддавшись их мощи, он скрылся в морской пучине...

Она стояла, пока небо не поглотило черные полосы, а потом опустила поднятые над головой руки и упала лицом вниз в воду.

Раладан еще раз огляделся вокруг, но в ступающей темноте никого не увидел. Схватив девушку за шиворот, он поволок ее дальше, ко входу в пещеру. Она шаталась, словно пьяная, хватаясь руками за воздух; если бы он ее не держал, она не прошла бы и двух шагов.

Однако у самой пещеры она вдруг начала сопротивляться.

- Нет, - протонала она, - нет...

Раладан уже видел и пережил за этот день столько, что вконец потерял терпение. Швырнув ее на землю, он схватил ее за волосы и, опустившись на колени, наклонился прямо к ее лицу.

- Послушай, ты, - хрипло проговорил он. - Меня не волнует, кто ты - человек, тварь из иного мира или демон... Делай, что я тебе говорю, иначе, ради всех сил, я тебя убью. - Он выхватил нож и поднес к ее глазам.

- Там... она... - выдавила Риолата. - Я ее убила... Понимаешь?

Раладан опустил оружие, тотчас же вскочил и схватился за голову.

- Ради Шерни, - с неподдельным ужасом сказал он, - да есть ли для тебя хоть что-нибудь святое? - Снова упав на колени, он схватил ее за горло. - Тем более, сука... иди туда!

Оторвав ее от земли, он толкнул ее изо всех сил, не особо заботясь о том, переломает она себе кости или нет. Девушка упала среди скал. Раладан поднял под мышки уже окоченевшее тело солдата и, покрываясь потом, втащил его в пещеру. Заметив брошенный Риолатой затоптанный факел, он взял и его.

Он помнил о дыре сразу же за входом. Двигаясь на ощупь, он запихал в нее труп и какое-то время отдыхал.

- Где ты? - бросил он.

- Здесь... - ответила она едва слышно.

Он недвусмысленно подтолкнул ее, и они поползли на четвереньках дальше в глубь коридора, больно ударяясь о камни.

Раладан достал из-за пазухи трут и кресало. Они были сухими - настоящее чудо, поскольку, вытаскивая Риолату из воды, он промок почти насквозь. От усталости и избытка впечатлений руки у него дрожали так, что он никак не мог высечь огонь. При мысли о том, что ему придется просидеть в темноте целую ночь с этой женщиной, он решился вновь добраться до выхода, где нашел убитого и оторвал кусок его мундира. Сстиснув зубы, он наконец высек огонек, поджег тряпку и обмотал ею обожженный факел.

Девушка сидела бессильно прислонившись к стене, но по взгляду, который она на него бросила, он понял, что она приходит в себя. Он вытянул руку с факелом так, что огонь едва не коснулся лица сидящей. Риолата отшатнулась, ударившись головой о камень. Жестом он приказал ей идти в глубь пещеры. Она послушно подчинилась, то и дело оглядываясь на него; лицо ее искалось от ужаса.

Входя в сокровищницу, Раладан не знал, что там увидит... Услышав о смерти Лерены, он вдруг понял, что нечто связывало его с этой девушкой. Может быть, дело было просто во времени, которое они провели вместе; может быть, старая, закоренелая привычка быть в меру лояльным по отношению к

капитану, независимо от того, кем этот капитан был... Он никогда по-настоящему не желал смерти Лерены, хотя порой она вызывала у него ярость, граничившую с ненавистью. И теперь наконец не Лерена, но ее сестра оказалась столь отвратительным созданием, что та внезапно показалась ему чуть ли не другом и уж наверняка не врагом.

Он не знал, как она умерла. Неожиданно это показалось ему крайне важным.

Лерена, однако, была жива.

Лерена была жива, и Раладан, которому, возможно, казалось, что все невероятные и кошмарные события этого дня уже завершились, отшатнулся, чуть не выронив факел. Тут же Риолата издала какой-то нечеловеческий звук, бросаясь к выходу; он инстинктивно преградил ей путь и удержал, не в силах, однако, оторвать взгляд от синего, опухшего, чудовищного лица, с которого глядели большие, вытаращенные глаза... Но самым страшным были не лицо и не глаза...

Лерена смеялась.

С вывернутой вбок головой, со все еще связанными руками и ногами, наконец, с неподвижной, лишенной воздуха грудью – она смеялась жутким, беззвучным смехом...

Раладан оттолкнул Риолату и на негнущихся ногах подошел к девушке. Веревка врезалась в шею; лоцман воткнул факел в щель между ящиками и рассек узел, который был единственным доступным для острия ножа местом. Страшный, полужвериный хрип вырвался из гортани, столь давно лишенной дыхания; Раладан разрезал путы и, медленно повернувшись к Риолате, взял факел и, не пряча ножа, сделал два шага. И тут он увидел, что та спокойно улыбается.

– Ну давай, – сказала Риолата, одним движением поднимаясь с земли. – Она жива, дурак ты этакий. А это означает, что _нас невозможно убить_. Мы с ней одинаковые, Раладан. Ну? Давай!

Раладану внезапно показалось, что все это ему снится. Это наверняка был лишь сон... Долгий, кошмарный сон.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РУБИН ДОЧЕРИ МОЛНИЙ

39

Был конец зимы.

Предательская погода – лучшего определения Раладан не в силах был подобрать. После многих недель крепких морозов (замерзли даже порты в Багбе и Дороне, что бывало крайне редко) и беспрестанного снегопада наступила внезапная оттепель. Снег продолжал идти, но к нему прибавился дождь, отчего все вместе превращалось в отвратительную липкую смесь, и смесью этой ветер хлестал по улицам Багбы, словно мокрой тряпкой. Громадные сугробы, сквозь которые нелегко было пробраться во время морозов, теперь стали вовсе непреодолимыми препятствиями – целые завалы густой серо-белой грязи таяли, превращая улицы в холодную трясину из медленно плывущего месива.

Липкий, мокрый снег обладал также и некоторыми преимуществами, хотя и весьма немногочисленными; лоцман наклонился, слепил в ладонях массивный снежок и швырнул в особенно назойливого пса, пытавшегося сожрать его подбитый мехом плащ. Целые десятки подобных тварей бегали по городу в

поисках чего-либо съедобного; дошло до того, что солдаты отстреливали их из арбалетов. Псы были настоящим бедствием. Тем более за городом, где, как слышал Раладан, они объединялись в одичавшие стаи, охотившиеся на крестьянский скот, а нередко и на людей.

Ранний зимний вечер загнал с улицы в дома даже тех, кому по каким-либо причинам пришлось сражаться с сугробами. Улица была пуста, и Раладану, за спиной которого недвусмысленно рычали шесть или семь псов, стало не по себе. Он сунул руку под плащ, поправив пояс с мечом. Подобного оружия он почти никогда не носил, против людей ему достаточно было ножа. Меч он взял именно с мыслью о псах. Если уж ему суждено было угодить к кому-то на обед, он предпочел бы, чтобы это оказалось какое-нибудь морское чудовище.

Прежде чем он добрался до корчмы, о которой ему сказали два дня назад, сапоги его окончательно промокли. За голенища набился снег. В помещении было тепло, почти жарко, и вода потекла вниз, по лодыжкам. Что ж, в жизни ему приходилось сталкиваться с куда более серьезными неприятностями...

Горячее пиво с кореньями и медом было просто отменным; гаррийский хмель не знал себе равных, да и воду для него брали отборную. Раладан выпил кувшин, за ним другой, наконец решил, что с него достаточно.

Ему сказали правду. Старик был действительно странным.

Он сидел в углу корчмы, серый, согнувшийся, с горбом на левой лопатке. На коленях он держал инструмент – Раладан никогда такого не видел. Он напоминал скрипку, но намного больших размеров, струны же казались необычно длинными. Струн было шесть, может быть семь.

Старик – так же как и почти все в этом зале – потягивал пиво. К удивлению Раладана, лежавшую на кувшине руку украшал большой перстень, стоивший на первый взгляд целого состояния. У нищих, сказителей, бродячих музыкантов порой бывали деньги, и притом не столь малые, как обычно считалось. Но они никогда не выставляли свое богатство напоказ.

Раладан наклонился к соседу, размахивавшему руками перед носом приятеля, словно и без жестов рассказ об акуле-людоеде не был достаточно красочен.

– Почему он не поет? – спросил лоцман, показывая на музыканта.

Сбитый с ритма повествования, тот на мгновение застыл.

– Что? А, этот... Сам его спроси, сто тысяч молний! Но у него тут, – он показал на лоб, – явно не хватает, так что имей в виду...

– Всякие бредни поет, что ли?

– Бредни, говоришь? – Сосед внезапно опустил руки и помрачнел. – Нет, не бредни... Чудеса всякие...

Раладан кивнул.

Чудеса... Что человек, рассказывающий о громадной, как остров, акуле, мог счесть "чудесами"?

Раладан услышал о необычном музыканте два дня назад, совершенно случайно. Кто-то сказал – "странный старик", и Раладан внезапно вспомнил обращенные к нему последние слова Демона: "Есть один странный старик, Раладан. Он скажет тебе больше". С тех пор прошло немало лет, но Раладан так и не встретил "странного старика". Теперь, глядя на горбуна в лохмотьях, с большим камнем на пальце и необычным инструментом в руках, он подумал, что если этот старик не странный – это значит, что странных стариков вообще не бывает.

Он встал.

Сразу же встал и старик, выжидающе глядя на него.

"Ради Шерни, – подумал лоцман, – пусть это будет именно тот, о ком я думаю".

В голове у него тут же пронеслась сотня вопросов, которые стоило задать человеку, рекомендованному ему самим Демоном. Он направился к музыканту, который крепче сжал свой инструмент, явно ожидая его. Раладан встал перед ним и сказал:

– Старик, кое-кто много лет назад посоветовал мне обратиться к тебе... как к источнику необыкновенных знаний. Скажи, не ошибаюсь ли я?

– Кто-то посоветовал обратиться ко мне? – голос музыканта был тихим и чуть дрожал. – Кто, господин?

Раладан немного помолчал, затем ответил:

– Великий пират... Король Просторов. Бесстрашный Демон, старик.

Горбун медленно опустил веки, словно размышляя.

- У меня здесь комната, - негромко проговорил он. - Идем, господин. Раладан внезапно ощутил комок в горле.

Он был у цели.

В далеком громбелардском Лонде существует древний обычай, в соответствии с которым на каждом постоялом дворе есть комната, даже скорее каморка в каком-нибудь углу, часто на чердаке, которую бесплатно предоставляют на ночь нищим и разным бродягам. Обычай этот распространился почти по всем краям империи, - может быть, потому, что недорогой ценой позволял проявить щедрость и благородство по отношению к неимущим...

Вскоре они оказались именно в такой комнатке на чердаке.

- Итак? - спросил старик, заботливо ставя инструмент у стены.

Раладан молча стоял на пороге.

- Итак? - повторил горбун, садясь на колченогий табурет, единственный предмет мебели, стоявший возле кучи влажного сена. - У меня есть время, господин, много времени, значительно больше, чем ты думаешь. Но разве тебе так же повезло?

- Нет, во имя Шерни, - ответил лоцман. Он поставил принесенную снизу свечу на прогнивший пол и сел у стены, вытянув ноги в черных от влаги сапогах. - Однако я не могу поверить...

Он замолчал, приложив ладонь ко лбу.

- Скажи, господин, - нарушил тишину старик, - неужели ты в самом деле видел за свою жизнь столь мало странного, что не веришь в нашу встречу?

Лоцман кивнул:

- Ты прав, старик. Мне многое довелось повидать. Но из всего, что я видел, я понимаю столь мало... что именно потому боюсь поверить, что сегодня наконец получу объяснение.

- Попробуй, господин.

- Много лет назад я служил на пиратском корабле. Им командовал человек, о котором до сих пор слагают песни...

Музыкант кивнул.

- Их все больше, - сказал он. - И будут появляться новые, пока тень этого человека будет скользить по морям. А может быть, и после Бесстрашный Демон останется вечной, бессмертной легендой.

- Тени Демона уже нет. Ее поглотило море.

Старик чуть улыбнулся:

- В самом деле?

Раладан пристально посмотрел в глубоко посаженные глаза:

- Я видел, старик.

- Что ты видел, моряк?

- Остов "Морского Змея", который шел ко дну.

- Его пробили скалы и внутрь набралась вода? Послушай, господин, почему ты веришь своим глазам, вместо того чтобы верить собственному разуму?

Раладан насторожился.

- Черный Корабль, - продолжал старик, - принадлежит проклятым Полосам Шерни. Именно они позволили ему вернуться в наш мир. И они же стали причиной того, что он исчез, поскольку, судя по всему, воспротивился их воле. Ах, ты думаешь, это из-за девушки? Нет, господин. Нет такой силы, которая сорвала бы Полосы с небесного купола. Это тень Демона призвала их своими деяниями, которые, похоже, противоречили замыслам Полос. Темные Полосы явились затем, чтобы покарать Тень за предательство. Тень Демона еще появится на Просторах, а если этого и не случится, то не по причине могущества твоей подруги. Станным, могучим человеком, должно быть, был Демон... - Старик задумался. - Раз даже после смерти он преследует какие-то свои цели, способный противостоять силе, благодаря которой сам же и существует...

У Раладана перехватило горло.

- Ты все знаешь...

- Нет, моряк. Я знаю ровно столько же, сколько и ты. Я - понимаю...

Наступило молчание - время, чтобы понять.

Старик поднял руку:

- Не спрашивай. Думай. Вспоминай. Я буду объяснять. Итак, имя? Как? Риолата?

Лоцман хотел его остановить, но не успел.

- Это имя проклято... Ты навлек несчастье на свою голову. Моя вина...

Значит, Риолата? – спокойно повторил старик.

Раладан внезапно понял, что воздух все так же неподвижен, тени – лишь обычные тени, а огонь свечи даже не дрогнул.

– Ради всех морей, господин... Когда я впервые произнес это имя, оно обожгло мне горло, словно жидкий огонь... Попробовав потом еще раз, я провалялся неделю в лихорадке, как после тяжелых ран.

– Это имя не проклято. Оно могущественно, и только. Действительно, его нельзя употреблять безнаказанно, не зная, что оно означает... Смотри. – Он вытянул руку с кольцом. – Что ты видишь?

– Перстень... рубин?

– Это Гееркото. Рубин Дочери Молний. – Старик поднял руку. Рубин засветился. – Нет, моряк, он вовсе не маленький. Напротив, это большой Рубин. Что же делать, если капитан К.Д.Рапис нашел, пожалуй, самый большой из всех? А имя этого Рубина – Риолата.

– Это не имя Рубина. Это...

Неожиданно его потрясла мысль, от которой он застыл как вкопанный.

– Нет, не верю, – прошептал он побледневшими губами.

– Да, сын мой. Эта девушка – Рубин. И не она одна... Все три.

Раладан обхватил руками голову.

"Сила камня, который воплощает в себе две Темные Полосы Шерни, больше не будет мне служить", – вспомнил он слова Раписа. Значит, тогда...

– Нет.

– Да. Сын мой, та девушка умерла... нет, я не скажу тебе когда...

– На пиратском корабле, – с дрожью в голосе сказал Раладан. – Вскоре после этого Демон разговаривал со мной... Ее замучили... или, может быть, она утонула, позже...

– Да, вижу... Может быть.

Лоцман вскочил, сделал несколько шагов, потом снова сел.

– Ради всех сил... Говори, говори, господин!

– Успокойся... Как я могу рассказывать тебе о ста вещах сразу?

Раладан сжал кулаки.

– Эта девушка... стала мне почти дочерью! – хрипло бросил он. – Теперь ты говоришь мне, господин, что она мертва... что она – какой-то камень! Но ведь она жива!.. Она дышит, чувствует!

– Только чувствует, сын мой, но никто на свете не скажет тебе, что и как она чувствует.

– Ест, спит... – голос его внезапно сорвался, – дышит...

Но он уже видел однажды, что дышать ей не обязательно. Как и ее дочери.

– Ей не нужно также и есть, пить, спать... Ее измучит бессонница. Она будет страдать от голода и жажды. Но она не умрет. Даже если не будет есть сто лет.

Раладан, казалось, не слушал.

– Никогда в жизни, – проговорил он, не в силах разжать сведенные судорогой челюсти, – я не любил никого и ничего... кроме моря. Но знай, господин... что сегодня все Просторы... могут превратиться для меня в пустыню!

Старые доски глухо застонали от удара.

Старик молчал.

Раладан снова вскочил и начал кружить по комнате, не в силах произнести ни слова.

– Дальше... дальше, господин, – наконец попросил он. – Я хочу, чтобы ты рассказал мне все. Но сначала скажи... можно ли что-нибудь сделать?..

Старик чуть наклонился вперед.

– Не знаю, сын мой, – медленно проговорил он. – Я точно так же рад был бы все знать... Короткая жизнь? Ты, видимо, не слушал. Рубин вечен, как Шернь. Он не умирает, его сила не есть жизнь... По порядку, сын мой!

Раладан сел, глядя в угол; старик, однако, знал, что он напряженно слушает.

– Ты меня сначала не слушал, так что я повторю: Рубин бессмертен (что не значит, заметь, "неуничтожим"). Сила Рубина – для дочерей Демона то же самое, что жизнь для тебя. Но сила эта может меняться, и в зависимости от этого время для этих женщин будет идти быстрее или медленнее. Так что тот факт, что младшие дочери Демона сейчас в возрасте их собственной матери, не означает ничего, кроме как то, что сила Рубина ускоряет их взросление.

Завтра та же самая сила может задержать старение всех трех на десять, сто или тысячу лет.

Старик немного помолчал.

- Что такое Рубин? - продолжил он. - Ты же знаешь. Это Гееркото, Темный Брошенный Предмет, ничего больше. Он могуществен, но есть и более могущественные... Да, именно Перо. Однако сила Серебряных Перьев основана на том, что с их помощью легко можно добраться до Полос Шерни. Рубин же ведет всего к двум Полосам, да и то с трудом. Рубин вовсе не Предмет, который служит своему владельцу, напротив - он сам влияет на того, кто им владеет, и притом влияние его намного сильнее, чем какого-либо иного Гееркото. Да, моряк, я вижу, что ты понимаешь, - это именно прилипала, прицепившаяся к днищу корабля, но прилипала гигантская, способная заставить корабль везти ее туда, куда она сама захочет...

Горбун замолчал и долго о чем-то размышлял.

- Первая дочь Демона сопротивлялась его силе, ибо ее создала жизнь, а не мощь камня. Две другие же никогда собственной жизни не имели, от начала до конца они - творение Рубина. Они вынуждены творить зло, поскольку ни на что иное не способны. Ты все еще удивляешься, что та, кого ты зовешь Риолатой, могла желать смерти сестры? О, она может желать многого, куда худшего, и, будь уверен, то же можно сказать и о двух других. Нет, сын мой, пусть тебя не удивляет, что Риолата, метя в сестру, наносила удар самой себе. Рубин не думает, он - слепая сила, ничего больше. Он... как река: она течет к морю и должна течь, путь же ей обозначают возвышенности и долины. Рубин стремится ко злу, но вслепую. Однако кратчайшим путем, как река. Поэтому дочери Демона так быстро стали взрослыми. У ребенка ведь намного меньше возможностей. Нет, сын мой, не думай так больше. Ведь Рубин на самом деле не река. Реке все равно, в какое море она впадает, большое или маленькое; Рубин же выбирает зло самое большое, какое только вырисовывается в будущем. Ни ты, ни я можем его не замечать, но поскольку Рубин позволяет своим рабьям поступать именно так, а не иначе, это может лишь означать, что в их поступках кроется зерно преступления столь неизмеримого, что невозможно даже догадаться о его сущности. Рубин, ощущая подобное зло в будущем, сделает все, чтобы к нему приблизиться, даже совершит добро. Да, сын мой. Но только если в конечном счете результатом станет зло достаточно большое для того, чтобы перетянуть чашу весов.

- Почему Ридарета... изменилась? - тихо спросил лоцман.

- Я уже говорил. Она сдалась.

- Так неожиданно? Ведь столько лет она сопротивлялась!

- Именно поэтому, сын мой. Внезапность подобной перемены меня не удивляет, скорее удивителен тот факт, что она произошла столь поздно.

Раладан тряхнул головой.

- Не понимаешь? Хорошо, возьмем, к примеру, лук...

Раладан смотрел на старика - угрюмо, без надежды.

- Возьми лук, сын мой, - повторил старик, - и натягивай тетиву. Сильно, но постепенно, все сильнее и сильнее... Теперь рука твоя дрожит, но ты все еще натягиваешь лук. Рука немеет, ослабевает... Но ты все тянешь и тянешь. И наверняка выдержишь еще долго, прежде чем наконец отпустишь тетиву. Полетит стрела. А чем сильнее будет натянута тетива - тем более грозной будет стрела, тем дальше и быстрее она помчится. Теперь поищем причину. Но ты должен мне помочь. Прежде всего, когда ты заметил эту перемену?

- Я вернулся на Гарру...

- Не трать зря слова, моряк. Посмотри сюда.

Перед лицом Раладана появился мерцающий, подвешенный на цепочке кулон. Старец чуть раскачал его.

- Смотри сюда. Смотри сюда... Ты очень, очень устал...

Они плыли на Гарру.

У Раладана, стоявшего у руля, было достаточно времени, чтобы должным образом оценить все свои действия и поступки. Он оказался полным дураком - теперь это было очевидно.

Он пытался строить интриги - а интриган из него был никакой. Он умел добиваться своего хитростью и силой; однако одно дело - хитрость, и совсем другое - целая паутина лжи, обмана, недоговорок, отвлекающих маневров...

Он зашел так далеко, как только мог; боясь, чтобы общая картина не выглядела фальшивой, и не веря, что Ридарета сможет включиться в игру, он обманывал даже ее саму, более того – выдавал ее тайны, которые ему не принадлежали. Быть может, увенчайся его усилия успехом – и средства были бы оправданны... Однако он все испортил.

Да и чего он, собственно, хотел? Спасти сокровища, упорно веря, что Ридарета ими когда-либо воспользуется; сохранить их от Риолаты и Лерены; исполнить волю Демона, считая его слова: "Помни, что первая моя дочь всегда будет права" – заповедью, которую невозможно нарушить... Слишком многого он хотел добиться. Следовало же выбрать что-то одно, а сделанный выбор подсказал бы самое простое и лучшее решение. Но нет – он пытался совместить несовместимое...

Все было так, как говорила Риолата: он хотел помешать им завладеть драгоценностями, впоследствии же – отправить сокровища на дно вместе с кораблем, на котором они находились. Теперь, когда он уже ясно видел, что проиграл, он мог взглянуть на собственные поступки хладнокровно, со стороны. Он чуть было не рассмеялся... Если бы он решился уже в Дране сказать Лерене, что знает, где сокровища! Так и надо было сделать, ведь он уже знал о Берере, о чудесном, непостижимом стечении обстоятельств, которое позволило этому человеку (правда, после двух лет скитаний от острова к острову) отыскать сокровищницу Демона... Если бы он тогда сказал об этом Лерене! Они опередили бы Риолату, и теперь сокровища лежали бы на дне моря, вместе со "Звездой Запада"; что может быть проще, чем направить корабль на скалы! Но нет. Он не сумел отказаться, нет... подобное противоречило его ослиной натуре! Он продолжал надеяться даже тогда, когда увидел идущую следом за фрегатом островитян "Сейлу". На что он, собственно, рассчитывал? Что островитяне, а вместе с ними и "Сейла" будут преследовать Броррока до начала осени, а потом штормы помешают добраться до сокровищ, давая ему время? В самом деле... Сколь невероятное везение потребовалось бы, чтобы воплотились подобные головокружные планы!

Ради всех морей, права была Риолата! Он был дураком. Законченным дураком. А теперь...

Теперь исход битвы за сокровища был решен.

А может быть, и нет? Может быть, именно теперь он слишком рано сдался? Но, ради Шерни, что он еще мог сделать? Как мог он сражаться с существом, дергающим за Полосы Шерни так, словно это были шелковые ленточки? С существом, отправившим ко дну корабль-призрак, перед которым дрожали все моря Шерера? С существом, которое было воистину бессмертным...

Он в это верил. Да и как он мог не верить?

Сейчас он хотел лишь одного – спасти Ридарету.

После гибели "Звезды Запада", потрясенный и раздавленный масштабами случившегося, он вытащил из моря это _нечто_ и отволоч в пещеру. На острове были матросы со "Звезды" – те, кто был в шлюпке, и другие, добравшиеся вплавь до берега. Пещера была единственным убежищем, единственным местом, где он мог собраться с мыслями, составить какой-то план... Но в пещере он узнал, что не имеет над чудовишными сестрами никакой власти. Чем он мог им угрожать? Смертью?

Оставалась, однако, Ридарета. Независимо от того, действительно ли она была в руках Риолаты или нет, он знал, что ей грозит гибель. Раньше или позже. Он должен был ее спасти.

Он не мог убить сестер. Но Риолата в очередной раз просчиталась. Смертные или нет, обе они были в его власти. Ибо он внезапно понял, что они сами мало что знают о дремлющих в них силах... Он оставил их в сокровищнице – связанных, с кляпами во рту, беспомощных и источающих ненависть ко всему, в особенности же к нему и друг к другу. Теперь он ругал себя за то, что так поступил. "Сейла" рано или поздно вернется. А это означало, что он отдал Лерену – беззащитную – в руки сестры. Судьба пиратки казалась незавидной.

Мог ли он, однако, поступить иначе? Впрочем, ему пришлось действовать в страшной спешке; если он хотел спасти Ридарету, время имело первоочередное значение.

На острове были матросы со "Звезды Запада". Была шлюпка. После недолгих поисков оказалось, что есть и вторая. Это давало возможность добраться до Гарри, давало шанс отыскать Ридарету. Он взял из сокровищницы столько

золота, сколько мог унести с собой, после чего начал действовать.

Ему удалось уговорить перепуганных матросов покинуть остров, который всем казался проклятым. Впрочем, ничего другого не оставалось. Черный Корабль погиб – все это ясно видели. И хотя море вдруг перестало быть им домом, они еще раз ему доверились.

Не все. Несколько человек осталось. Они предпочитали умереть с голоду на этих скалах, нежели снова ощутить под собой волны. С этим он ничего не мог поделать.

Шлюпки поплыли в сторону Гарры. Раладан, считавший каждое мгновение, словно золотые слитки, однако, не торопил матросов, ибо они гребли столь поспешно и неистово, что быстрее просто уже не могли.

Шлюпки мчались, словно конные упряжки.

Они высадились на сушу в окрестностях Бел она, небольшого городка, расположенного милях в десяти от берега. Измученные греблей матросы возились у лодок. Он оставил их – они больше не были нужны, не имели значения. Значение имело лишь время.

К вечеру он добрался до Белона, купил коня и так быстро, как только мог, поскакал в столицу.

Раладан искал всюду.

Он начал с Дороны; Дран был слишком далеко, чтобы ехать туда и проверять, живет ли еще Ридарета на краю леса. Прежде всего он рассматривал самый худший вариант, а именно тот, что Риолата не лгала...

В Дороне он нашел людей, о которых ему было известно, что они как-то связаны с Риолатой. Не особо церемонясь, он расспрашивал, обещал, а чаще всего угрожал – что-что, а угрожать он умел. Если это не помогало, он прибегал к грубой силе.

В течение всего нескольких дней город охватил страх. Ходили слухи о безумце, хладнокровно и умело убивающем и калечащем людей. Несколько известных купцов нашли замученными насмерть в собственных домах; известного и всеми уважаемого торговца зерном, добродушного и веселого Литаса, трудно было после смерти узнать, жене же его перерезали горло так, что голова едва держалась на шее. Четверо слуг тоже были убиты. В соседних домах никто ничего не слышал... Сторел дом господина Э.Зикона, мелкого дворянина, торговавшего армектанским сукном. Зикон никогда не пользовался хорошей репутацией, товар его был низкого качества, кредиторы же стояли у дверей каждый день. Однако вместе с другими убийствами смерть его семьи и пожар дома казались частью некой цепи событий, о сути которой нелегко было догадаться... Незадолго же до этого погиб еще один мелкий торговец, а за городом нашли повешенного старика, в котором с трудом опознали скупого и ворчливого Бадарра, снабжавшего спиртным почти все постоянные дворы, корчмы и таверны в Дороне. Известно было, что Литас и Э.Зикон в последнее время вели общие дела, что многих удивляло, поскольку солидному купцу, каковым был Литас, не пристало связываться с мошенником. Однако оставалось загадкой, какое отношение к этим двоим имели остальные. Впрочем, все эти убийства, хотя и самые громкие, не были единственными... В портовых переулках Дороны не раз и не два находили трупы, являвшиеся результатом каких-нибудь матросских разборок или обычных пьяных драк. На этот раз, однако, могло бы показаться, будто сам дух смерти пронесся по улицам: в течение пяти дней было найдено втрое больше трупов, чем обычно за неделю. Сразу же после этого вспыхнула война между бандами местных уголовников – все поняли, что речь идет о сведении каких-то счетов, в суть которых лучше не вдаваться. Комендант гарнизона взял ситуацию под контроль, усилив патрули, днем и ночью кружившие по улицам. В тавернах и на постоянных дворах появились люди, осторожно расспрашивавшие всех и обо всем. Неизвестно, подействовали ли эти средства, достаточно того, что случаи таинственных смертей постепенно сошли на нет. Продолжалась лишь война в портовых улочках, скрытая в ночном мраке...

Раладан покинул Дорону.

Он был уже почти уверен, что Риолата лгала. В противном случае кто-нибудь должен был хоть что-то знать. Конечно, он мог не найти тех, кому она дала соответствующие поручения. Однако он сделал все, что мог. Дальнейшие поиски были лишь тратой времени.

Теперь он ехал в Дран, в душе надеясь, что найдет Ридарету там, где ее оставил.

Картина пожарища потрясла его до глубины души.

Усталый, голодный и обессиленный, он стоял держа под уздцы почти загнанного, всего в мыле, коня. Прошло немало времени, прежде чем он подошел ближе и, бродя среди углей, начал искать ответ.

Он его не нашел.

Еще до захода солнца он добрался до Драна. Удар, потрясший его при виде обгоревших остатков дома на краю леса, лишил его последних сил. Организм, хотя и железный, требовал отдыха – Раладан уже почти ничего не соображал. В Дороне он жил подобно пламени, безумствуя без сна и отдыха, пока не закончилось топливо. Когда было нужно, он чуть угасал, чтобы тут же вспыхнуть с новой силой. Потом он мчался во весь опор по дороге, желая в конце концов развеять опасения, убедиться, что девушка жива и здорова... Больше же всего (хотя он сам до конца этого не осознавал) ему хотелось наконец увидеть лицо родного человека... Единственного родного ему человека во всем мире.

Ему было это жизненно необходимо.

Теперь же он ничего не чувствовал – ни беспокойства, ни жалости, даже разочарования. Он знал лишь, что нуждается в отдыхе. Если бы перед ним внезапно появился некто с мечом в руке, он наверняка лишь пожал бы плечами: "Убивай, дурак..."

Он снял комнату на постоялом дворе возле доронского тракта, в предместье. Даже не поев, он рухнул на постель и уснул.

Он спал как убитый. Когда наконец проснулся – а проспал он почти сутки, – он пошел есть. Ел же он столь обильно, что хозяин гостиницы, поднося на стол все новые блюда, с неприкрытым изумлением смотрел на человека – отнюдь не гиганта, – который был в состоянии поглотить такие количества каши, мяса, сыра, хлеба, фасоли, колбасы и пива, не делая даже короткого перерыва, а лишь распуская ремень.

Поев, Раладан потребовал грога. Щедро расплатившись, он откинулся на спинку скамьи, потягивая напиток.

Гостиница была неплохая, портовое отребье редко сюда заглядывало. Клиентами были обычно купцы и разнообразные путешественники, едущие в Дран: те, кто не успел до закрытия городских ворот или же, приехав слишком рано, вынужден был ждать их открытия, обычно пополняя кошелек оборотистого корчмаря. Комнаты и еда были дороги, но, должен был признать Раладан, весьма недурны.

Допив грог, он кивнул хозяину. Тот поспешно подошел; гость, обладающий подобным аппетитом, был настоящим сокровищем, тем более что денег, похоже, не считал. Раладан подвинул к нему серебряный слиток.

– Честно наливаєшь, – похвалил он, показывая на опорожненный кувшин. – Я вчера видел сторевающий дом на краю леса... Кто там жил?

Вскоре он знал о пожаре то же, что и корчмарь.

И снова он был в Дороне, однако с совершенно иным настроением, чем несколько дней назад. Ярость и ожесточение уже не требовались; убивая нанятый Риолатой сброд, он мог самое большее натравить какую-нибудь банду на другую – и хорошо, если бы закончилось только этим. Тогда он действовал быстро, но отнюдь не вслепую, к тому же ему еще и везло... Он был не из пугливых, но прекрасно понимал, сколь незавидной была бы его судьба, если бы местное отребье, вместо того чтобы вцепиться друг другу в глотки, обнаружило бы работу постороннего... Впрочем, теперь было не совсем понятно, кого еще тянуть за язык. Те, кого он прирезал в темных переулках, были ему хорошо знакомы – он сам когда-то рекомендовал их Риолате. Они ничего не знали. Значит, она воспользовалась услугами других. Кого? И вообще, местных ли? Если он хотел это выяснить, следовало действовать медленнее и осторожнее. Спешить было не к чему. Если все, что говорила Риолата, было правдой, – Ридареты не было в живых. А если ее только похитили и не было приказа убивать – у него имелось время на поиски. По крайней мере, так он полагал.

Ему не давала покоя история пожара на краю леса. Хозяин гостиницы уверял, что там нашли обгоревшие трупы. Неужели людей Риолаты? Но, во имя Шерни, что там, собственно, случилось? Он хорошо знал Ридарету – девушка многое умела и была далеко не глупа. Но она не могла победить в схватке с убийцами, ведь Риолата послала туда далеко не мальчишек. Кто в таком случае убил несколько человек (корчмарь не знал, трех или четырех)? Кто мог ей помочь? И наконец, чем в конце концов все завершилось? Она убежала? Ее похитили? Или, может быть?..

Этого он боялся больше всего. Того, что одно из обгоревших тел...

Он в это не верил. Не хотел и не мог поверить.

Ответы на все вопросы следовало искать только в Дороне.

Первым делом он отправился в порт. И правильно сделал. Этот корабль он узнал бы всюду, белые паруса были не нужны...

Он не был ни удивлен, ни ошеломлен. Напротив, он ожидал возвращения "Сейлы" даже раньше. Ведь ему было известно, какова цель операции стражников. Старый Вроррок, естественно, благополучно скрылся. Трудно было предположить, что имперские фрегаты будут до бесконечности плавать туда и обратно лишь потому, что так в глубине души желал лоцман Раладан. Они вернулись на Сару, "Сейла" же направилась прямо к тайнику Демона. Сокровища были здесь, в Дороне. В руках этой женщины... или, вернее, _этого существа_.

Сокровища, однако, его уже не волновали. Они были безвозвратно утрачены – и только.

Тот же факт, что Риолата снова наслаждалась свободой, имел огромное значение. Она должна была уже знать, что купцов, столь успешно до сих пор прикрывавших всю ее деятельность, постигла незавидная судьба... Он сильно сомневался, что она сочла бы это случайностью. Следовало ожидать, что она готова на все; что ж, теперь ему уже почти нечего было терять. Жизнь?

Жизнь... Он ставил ее на кон чаще, чем серебряные слитки при игре в кости.

Раладан надеялся, что дочь Ридареты занята сейчас множеством дел, взять хотя бы "Сейлу". Ведь официально корабль был собственностью добряка Литаса. Наверняка уже появились многочисленные наследники...

Самая простая мысль, которая пришла ему в голову, – сразу заняться Риолатой, самым надежным источником любых сведений. Он ругал себя за то, что не сделал этого раньше, еще там, на острове. Что ж, тогда он был по-настоящему потрясен тем могуществом, которое продемонстрировала перед ним девушка. Кроме того (он уже в десятый раз обдумывал собственные поступки), он спешил. У него не было никакой гарантии, что он услышит правду, а каждый ложный след, по которому он бы пошел, мог стоить Ридарете жизни. Так он тогда думал. Но, ради Шерни, можно было попробовать договориться с Лереной...

Он гнал прочь подобные мысли. Что случилось, то случилось. Он либо ошибся, либо нет. Всяческие рассуждения на тему "Что было бы, если..." вели в никуда.

Теперь, однако, страх и то ощущение кошмара, столь пронзительное на острове Демона, прошли. Воистину ему нечего было терять. Естественно, следовало нанести удар в самое сердце, то есть в нее. Да, конечно, она владела силой, о которой он не имел понятия. Но и что с того? Может быть, лучше было бежать куда глаза глядят и спрятаться где-нибудь в глухой чаще, в страхе перед тем, что девушка снова начнет призывать Темные Полосы и тогда Шернь поразит Гарри ударом молнии?

Он не до конца понимал, что станет делать, когда Риолата окажется в его власти. Разум, однако, подсказывал ему, что, если кожу на спине надрезать ножом, после чего захватить клещами и медленно сдирать вниз, правда выйдет на свет столь же быстро, как и промко.

Берег Висельников был хорошо ему знаком – он сам в свое время указал это место Риолате. Он знал, что делает, помогая дочерям Ридареты в их первых самостоятельных шагах. Правда, таким образом он облегчал им реализацию их дальнейших планов (которых сам не знал), с другой стороны, однако, заручался определенным доверием с их стороны и, более того, знал, на что он в случае чего способен, вернее даже, на что способны они...

Именно сейчас знакомство со связями Риолаты, с людьми, которые ей служили, и с местами, которыми она пользовалась, очень ему пригодилось.

Естественно, он уже побывал в мрачном селении неделю назад – слишком уж удобное это было место для того, чтобы держать там пленников. В селении, однако, было пусто. Сейчас он надеялся на иное. Берег Висельников был идеальным местом для решения всевозможных вопросов, требовавших уединения. Там не было ничего, что могло бы помочь чересчур любопытной личности выяснить, что за женщина пользовалась брошенной хижинкой, ничего, что могло бы оказаться полезным в борьбе против нее. Защититься от непрошенных гостей здесь было достаточно просто, чего нельзя было сказать ни об одном доме или переулке в Дороне. Кроме того, дурная слава этого места производила соответствующее впечатление на каждого, кого сюда приглашали, приводили или притаскивали.

Раладан не рассчитывал, что сразу же застанет здесь ту, кого искал. Однако он верил, что, вернувшись из такого путешествия, дочь Ридареты будет вынуждена заняться и теми делами, для которых Берег Висельников подходил как нельзя лучше. Он многим рисковал, забираясь прямо в волчью пасть, но иного выхода не видел. Дорона была велика, как он мог там найти Риолату? Женщины с таким именем для города просто не существовало (какое имя она себе взяла? Семена?). Для Дороны Риолаты не существовало вообще, под каким бы то ни было именем или внешностью. Наверняка были люди, знавшие, где ее искать; однако лоцман Раладан к ним не принадлежал и даже не знал таких людей. Купцы, которых она использовала в качестве наемников, такими людьми не были, – по крайней мере, это было ему известно. Не были ими и бандиты, которым кто-то пару раз поручил работу от ее имени.

Так что он отправился на Берег Висельников.

С собой он взял запас провианта и плащ на тот случай, если придется ждать несколько дней (с подобной возможностью следовало считаться). Кроме того, он вооружился словно на войну – при нем были меч и мощный арбалет, стрела из которого могла бы, пожалуй, пробить навывлет медведя. Глаз его был меток, рука уверенна, он знал, что с расстояния в пятьдесят шагов попадет стоящему человеку прямо в грудь. Хуже было с движущейся целью; опытный арбалетчик мог учесть необходимую поправку, но Раладан не был арбалетчиком, тем более опытным. Однако он рассчитывал, что скорее всего придется стрелять с расстояния в несколько шагов. Не знал он лишь того, сколь многочисленный эскорт сопровождает обычно Риолату; ибо в том, что подобный эскорт вообще существует, трудно было сомневаться.

Он полагал, что, имея арбалет, как-нибудь сумеет справиться с тремя захваченными врасплох людьми. А может быть, удастся убрать их по очереди.

Прошел день, за ним ночь... Потом снова день. Днем он прятался в лесу неподалеку, в кроне росшего на его краю дерева, внимательно наблюдая за окрестностями. Ночью он караулил в первой хижине, считая от Дороны. Терпения ему было не занимать, но тащившееся словно улитка время было невероятно опасным врагом. Короткий сон, который он волей-неволей вынужден был себе позволять, не снимал усталости и не слишком сокращал ожидание, нетерпение и гнев же лишь росли. Мгновения ползли лениво, и каждое из них наводило на мысль о том, что его можно было бы использовать куда лучше, чем торчать просто так в ожидании, возможно тщетном... Нужно было действовать, действовать! Однако ему хватало благоразумия сказать себе, что все кажется простым и понятным только сейчас; с того же мгновения, когда он покинет свое укрытие, станет ясно, что, собственно, вообще неизвестно, что делать, и время помчится, наоборот, слишком быстро.

И Раладан ждал.

Ночь была необычно теплой, погожей и ясной. Последняя ночь лета... Он полагал, что завтра, самое позднее послезавтра, должен начаться "кашель". Потом – бури, ливни и штормы. Еще позже – зима. Он подумал, что зимой они с Ридаретой поднимутся на борт первого же корабля, идущего на континент. Он отвезет ее в Армект, а может быть, в Дартан. Куда-нибудь, куда не смогут добраться никакие злые силы. Он надеялся, что каждой осенью найдет в ее доме – свой дом...

Раладан встряхнулся. Он чуть не забыл, что та, о которой он думает... может быть...

Он нахмурился, вглядываясь во мрак сквозь дыру в обрушившейся стене.

Кто-то приближался.

Он все еще ничего не замечал... Или что-то послышалось? Инстинкт явно подсказывал ему, что в мертвом селении есть кто-то еще кроме него. Внезапно оказалось, что от арбалета нет никакого толку; если бы он сейчас попытался натянуть тетиву, то наделал бы слишком много шума.

Подкравшись к двери, он выглянул во тьму. Потом вышел, прижимаясь к темной стене, с мечом наготове. Он двинулся в глубь селения, бесшумно, осторожно, избегая освещенных луной мест. Внезапно он замер, заметив среди хижин темную фигуру. Он быстро огляделся по сторонам, но никого больше не было видно. Он знал, что где-то в темноте должен быть кто-то еще.

Темная фигура сделала несколько нерешительных шагов, после чего, словно поколебавшись, остановилась и неожиданно направилась прямо к нему. Лунный свет упал на волну темных волос. Ему стало страшно – ведь она не могла его видеть и тем не менее...

Он крепче сжал рукоять меча, но в то же мгновение послышался приглушенный голос:

– Это... я.

Оружие выпало из его руки. Он даже на секунду не подумал о том, что это может быть какая-то хитрость, ловушка... Он знал. Он нашел ее.

Они бросились навстречу друг другу. Он схватил девушку в объятия и прижал к себе, чувствуя, как колотится ее сердце.

– Как ты узнала?... – выдавил он.

Неожиданно она оттолкнула его, и в лунном свете он увидел ее лицо, столь хорошо ему знакомое и вместе с тем – совершенно чужое.

– Не спрашивай, – проговорила она столь враждебным тоном, что он оцепенел. – Никогда меня ни о чем не спрашивай!

Старик задумчиво молчал.

– Я не спрашивал... – горько сказал Раладан. – Это была не она, не та, кого я знал... Я до сих пор не знаю, что произошло там, на краю леса, хотя очень хотел бы знать, ибо это может быть важно для ее безопасности. Я не знаю, отчего сторел дом; не знаю, как она меня нашла; не знаю, как она узнала меня в темноте. Хотя то, что я сегодня услышал от тебя, господин... многое, пожалуй, объясняет. Однако я до сих пор по-настоящему понимаю лишь одно: то, что девушки, которую я знал, не стало. Вместо нее теперь другая, враждебно настроенная ко всему, и ко мне тоже... и к самой себе. Ты уверяешь меня, господин, что в этом нет ничего необычного. Может быть, для тебя это так, господин. Я же до сих пор не понимаю. И до сих пор задаюсь вопросом: как это случилось? Столь внезапно?

Горбун кивнул:

– Помни, сын мой, что я говорил о тетиве лука. Я могу лишь догадываться, но наверняка не ошибусь, если скажу, что нападение на ее дом было подобно удару ножом в руку, эту тетиву держащую. Что-то позволило вырваться на свободу ненависти этой девушки, и наверняка она сама не понимает каким образом.

Раладан снова горько улыбнулся, после чего заговорил, сначала медленно, потом все быстрее и громче:

– Я вынужден верить тебе, господин... Но скажи, что мне теперь делать? Это не может продолжаться вечно. Я не могу оставить ее одну; когда я возвращаюсь, она близка к помешательству... С каждым днем все хуже и хуже. Я вижу, что мое присутствие...

Старик молчал. Раладан тяжело дышал от возбуждения.

– Пойми, сын мой, – послышался наконец ответ, – это не человек. Все чувства, которые ты испытываешь, – это чувства к Гееркото, Рубину Дочери Молний...

– Нет, господин, – прервал его Раладан. – Это неправда. Твои знания неизмеримы, но это неправда. Ридарета в определенной степени – человек, не только Рубин. Если бы она всегда была только Рубином! Тогда она поступала бы так же, как и ее дочь-сестра, стремилась к какой-то цели, может быть и низменной, но поверь мне, господин, что я не делю мир на черное и белое, я хочу ей добра, неважно, какого оно будет цвета! Но то, что осталось в ней от той, шестнадцатилетней девушки, похищенной из маленькой деревушки, все

еще живо. Оно и борется, и проигрывает... Она страдает, господин... и впадает в безумие. А я не в силах ей помочь.

Он неожиданно отвернулся.

- Если нечто пробудило в ней силы Рубина, то нечто может их и усыпить, - приглушенно произнес он. - Скажи, господин, что это, и больше мне ничего не нужно.

Горбун задумался.

- Шар Ферена, - коротко ответил он.

Лоцман повернулся к нему; в глазах его блеснула надежда.

- Шар Ферена, - повторил старик. - Самый могущественный из Светлых Брошенных Предметов. Но действие его... может быть разным.

- Что это значит?

- Это значит, что он может принести ей смерть.

Наступило короткое молчание.

- Все Шары одинаковые, - продолжил старик, - и мощь каждого из них значительно превышает мощь Рубина. Рубины, однако, разные, и этот - не обычный Рубин, но Рубин гигантский: это Риолата, королева Рубинов... Шар Ферена не может проиграть, однако трудно оценить, сможет ли он выиграть. Еще одно: мощь Рубина одна, но находится в трех телах. Похоже, младшие дочери Демона стремятся к некой цели... или же только одна из них, ведь судьба другой тебе неизвестна?..

Раладан наклонил голову.

- Тем более, моряк. Если действует только одна из сестер, то тем более важно знать ее цель... Я не знаю, что это за цель. Законы Всего говорят об Агарах, но Законы Всего не слишком ясны...

- Не понимаю, господин. Что такое Законы Всего?

- Набор правил. Описание связей между Шернью и ее миром. Иногда они касаются возможных событий, но лишь возможных. Если что-то возможно, то не значит, что оно неизбежно. Понимаешь?

- Нет, господин... не вполне.

- Законы Всего крайне редко принимают форму Пророчеств. Я музыкант и проповедую Законы Всего в своих песнях, но Законы эти редко правдивы до конца... Оставим это, сын мой. Тебе вовсе не нужно это понимать. Достаточно знать, что Агары наверняка будут залиты кровью, так говорят Законы, а Рубин стремится их исполнить. Что произойдет потом - можно лишь догадываться. Однако Агары лишь начало некоего большего зла, и нужно, чтобы ты помог Рубину.

Раладан смотрел на него, мало что понимая. Старик невозмутимо пояснил:

- Нужно, чтобы всеуничтожающая сила Рубина нашла выход. Чем большую часть его мощи используют те две сестры (или одна, поскольку судьбы другой мы не знаем), тем меньше ее останется в Ридарете. Тогда принеси ей Шар. Сначала, однако, сделай все, чтобы исполнились планы младшей дочери.

- Значит, я должен...

- Да. Ты должен ей помочь. Всем, чем только сможешь.

- Это невозможно, господин. Ты требуешь неисполнимого. Ни одна из них не примет этой помощи... а уж тем более она...

- Послушай меня, сын мой. Возможно, что Риолата избавилась от сестры. Убила ее, скажем так, чтобы было понятнее. Конечно же, это вполне возможно. Тело - это только тело, мощь Рубина будет его оживлять, но лишь до тех пор, пока тело это будет существовать. А ведь его можно уничтожить без остатка. Хотя бы огнем.

Раладан почувствовал, как его пробирает дрожь.

- Если Риолата и в самом деле так поступила... Ты спрашиваешь, что из этого следует? Очень многое! Сила Рубина, разделенная до этого на три части, теперь заключена лишь в двух телах. Таким образом, в каждом из них ее больше, чем было прежде. Ее труднее победить. И вместе с тем все действия Риолаты может поддержать лишь сила Ридареты. Нужно сделать так, чтобы силы этой осталось в теле Ридареты как можно меньше, тогда сила Шара Ферена сможет победить оставшуюся часть и занять ее место, а не сгореть в неравной борьбе. Как же можно этого достичь? Создав младшей сестре достаточно широкий простор для действий, чтобы силы, содержащейся в ней самой, уже не хватило... Понимаешь, сын мой? Если на каждом из нас лишь часть доспехов, а я, бросаясь в битву, одолжу у тебя твою часть, то ты останешься беззащитным. Понимаешь? - снова спросил он.

- Если даже и понимаю... Повторяю, господин: ни одна из дочерей Ридареты не примет моей помощи!

- А я тебе говорю, сын мой, что ты ошибаешься. Ты снова доверяешь внешнему впечатлению, не пытаешься добраться до сути. Мошь Рубина, как я уже говорил, слепа, но неудержимо стремится ко всему, что ей благоприятствует. А кроме того, - подчеркнул старик, - из твоих воспоминаний ясно следует, что ты обладаешь немалой властью над этими женщинами. Одна из них была в тебя влюблена, моряк. Не знаю, может быть, даже обе.

Раладан, онемев, смотрел на него.

- Вот слепец, - вполголоса проговорил старик. - Не видит вещей огромных, как Просторы.

Лоцман продолжал молчать, не в силах связать двух слов.

- Кто тебе сказал, - продолжал старик, видя царящий в его мыслях хаос, - что любовь должна быть доброй? Ради Шерни, моряк, во имя этого чувства в мире совершено было больше преступлений, чем во имя чего-либо иного, не считая, может быть, власти! Это самое коварное, жестокое и убийственное чувство, какое только может овладеть человеком, ибо оно пробуждает в нем другие, а именно зависть, ревность и гнев. Все доброе, что есть в этом чувстве, касается лишь единственной живой души. Так что подумай, сын мой, прежде чем называть добрым это нечто, которое, по сути, есть не что иное, как убогая, извращенная дружба - само по себе чувство возвышенное и прекрасное. Говорю тебе, без любви мир был бы намного счастливее, при условии, что в нем осталась бы дружба.

- Нет, ради Шерни... - проговорил Раладан, думая совсем о другом. - Не могу поверить, что они...

Старик встал.

- Тем не менее.

Раладан понял, что разговор окончен.

- Кто ты, господин? Тот, который все знает... Почему ты скрываешься под личиной бродячего музыканта?

- Скрываюсь? Но я и есть музыкант! - ответил горбун, беря инструмент. - Похоже, однако, ты кое-что мне принес, моряк?

Раладан встал, лихорадочно вытаскивая кошелек с золотом. Старик принял его с явным удовольствием.

- Даром тут не кормят, - спокойно сказал он. - Даже музыкантов. Теперь - скажи еще раз, как тебя зовут.

Лоцман поднял с пола плащ, рассеянно перебрасывая его с руки на руку.

- Раладан.

Горбун наклонил голову. Лоцман продолжал стоять, словно хотел еще о чем-то спросить, но почувствовал, что на этот раз ответа не будет.

- Прощай... господин.

Старик остался один.

Он долго стоял опустив голову. Когда он ее наконец поднял, на устах его блуждала полуулыбка.

- Раладан...

Он чуть прикрыл глаза.

- Прощай, князь, - произнес он в пустоту. - Прости, что я тебя обманул... но ты должен поступать в соответствии с Законами Всего. Твое предназначение - поддерживать Темные Полосы, ибо для этого Просторы отдали тебя миру.

Он крепче сжал инструмент и вышел из каморки.

Черная, отвратительная ночь полна была звуков: то приближавшегося, то отдалявшегося воя и лая собак, плеска стекающей с крыш воды, шума и свиста ветра, несшего мокрый, смешанный с дождем снег. Раладан кружил по улицам, не находя себе места, но наверняка не нашел бы его нигде на свете. Порой ему казалось, что стоило бы бросить меч, упасть в вязкий сугроб и ждать псов... Несколько раз он направлялся в сторону порта, ощупывая одежду в поисках золота, которым можно было бы заплатить за поездку - куда бы то ни было... Наконец он прислонился к холодной стене дома в переулке, с закрытыми глазами мысленно взывая к тому, кто превратил его жизнь в клетку, из которой не было выхода.

"Капитан, - говорил он, - ты несколько раз спасал мне жизнь... Неужели

затем, чтобы присвоить ее себе? Ты получил свое; зачем же ты его отдал?! Ради Шерни, твоя последняя воля стала проклятием! Права была Ридарета: все, что с тобой связано, несет гибель! Повторяю вслед за твоей дочерью: пусть поглотит тебя море! И освободи меня, ибо я больше не хочу тебе служить!"

Черная мокрая стена без единого звука принимала удары его кулаков. Он стоял сжавшись в комок, словно нищий, словно бездомный бродяга. Какой-то голос, похожий на голос горбатого старика, казалось, отвечал: "Глупец! Ты не ему служишь, но ей! Ты сделал все, чего пожелал Демон, но теперь даже его приказ не разделит бы тебя и эту девушку! Ибо то, что ты чувствуешь, когда ее видишь, – единственное светлое пятно в твоей жизни! У тебя нет цели и никогда не было – кроме нее! Она тебе больше чем дочь, и ты желаешь ей счастья, хотя вас и не связывают кровные узы! Неужели ты этого не понимаешь, глупец из глупцов?"

Он снова двинулся по улице, все быстрее и быстрее, подставив лицо липким хлопьям снега.

"Что за жизнь ты вел прежде? Все зло, которое ты творил, также и добро – растаяли, растворились, не служили никому и ничему, даже тебе. Теперь ты хотя бы знаешь, ради чего живешь. Действуй же, борись! Если сдашься, если откажешься от борьбы – что тебе останется? Ничего!"

– Ничего! – сказал он, поднимая лицо к небу. Потом наклонился, набрал полные горсти снега и погрузил в него лицо. – Ничего...

40

Сила, сломившая ее волю, желала быть видимой всем. По мере того как девушка переставала быть собой, росла ее неистовая враждебность ко всему окружающему, к себе же самой – уменьшалась. Однако зло в качестве символа своей растущей мощи выбрало лицо и тело Ридареты. Она становилась все красивее, чувственнее, все более вызывающей; Раладан никогда не испытывал к ней физического влечения, поскольку действительно видел в ней дочь и ни в коем случае не любовницу, но, будучи мужчиной, не мог не заметить изящных очертаний груди, невообразимо пышных волос, гладкой, без единого изъяна, кожи, белизны зубов, формы рта, движений бедер при каждом шаге и рук при каждом жесте... Уже десяток раз он видел в ней законченное совершенство – и каждый раз ошибался! Достаточно было оставить ее на день-два, а когда он возвращался – она была еще прекраснее.

Его это пугало, поскольку она привлекала внимание; он все больше опасался взглядов, которые она неизбежно к себе притягивала, – одноглазая красавица с обещанием во взгляде, с затаенным в очертаниях губ желанием и осознанием собственной красоты, проявлявшимся в каждом движении, осознанием, сбивавшим с толку самых смелых...

И это было самое худшее. Ибо красота ее, растущая день ото дня, не была одним лишь торжествующим криком злой силы. Это было также ее оружием, позволявшим демонстрировать собственное превосходство, презрение к любой другой красоте, тщеславие и самолюбование. Она часами смотрелась в зеркало, потом требовала украшений, платьев, снова украшений... Ради всех морей Шерера! Где он мог взять эти украшения? Она требовала их, одновременно приходя в ярость, когда он хотел оставить ее одну. Серебро между тем не валялось на улицах. Нужно было его добыть, и вовсе не для украшений, но на еду!

Приходилось воровать и грабить.

Нет, ему не нужны были слова старика, чтобы понять – девушка находится во власти сил, которым нелегко противостоять. Только теперь он знал их природу. Знал – хотя до сих пор не понимал до конца.

Четыре дня спустя после встречи со стариком Раладан возвращался из путешествия. Путешествия в Дорону...

Уже неделю с лишним они жили в вонючей каморке, которую он снял за гроши в одном из домов в предместьях Багбы. Однако он знал, что и здесь они надолго не задержатся. Уже сейчас вся улица гудела от слухов о переодетой магнатке, сбежавшей с любовником от преследований мужа. Нужно было убираться, и быстро. К счастью, именно теперь это перестало иметь какое-либо значение. План, повергавший в ужас его самого, но, похоже, единственный возможный, был готов.

Он с дрожью перешагивал порог, зная, что его ждет очередной скандал, в котором, быть может, одних слов для нее будет недостаточно. Придется сопротивляться, чтобы она не схватила его за горло, как в то утро, когда он вернулся от старика. Бывало такое и раньше.

Хотя порой, когда он возвращался, она встречала его сердечными объятиями, лишь плача и не в силах вымолвить ни слова... Это было еще хуже.

Однако на этот раз его ждало нечто такое, чего он не мог предвидеть.

Убогая коптилка, наполненная самым отвратительным маслом, догорала на столе, отбрасывая круг тусклого света. Он огляделся по сторонам, сделал два шага и... припал к неподвижно лежащему телу.

- Ради Шерни, госпожа!

Сердце подскочило к его горлу, и в то же мгновение он ощутил терпкий запах вина и смрад рвоты.

- Ради Шерни... - повторил он.

Она была пьяна в стельку. Ему никогда прежде не приходилось видеть ее такой, и он не допускал и мысли о том, что когда-либо увидит.

- Ради Шерни! - повторил он в третий раз. - Подожди, девочка моя...

Схватив ведро, он выбежал на улицу. Вскоре он вернулся с ведром, полным ледяного месива. Рванув заблеванное платье, он вывалил содержимое ведра на спину и голову лежащей без сознания девушки, потом перевернул ее навзничь и начал возить туда-сюда, вытирая пол волосами, словно тряпкой. Она дернулась, что-то хрипло бормоча; он втер две горсти ей в щеки и еще две в голые груди, затем отволол ее на постель и прислонил к стене. Она смотрела на него затуманенным взглядом, однако его узнала.

- Ра... ладан...

Он снова вышел, принес новую порцию серо-белого снега и встал перед своей подопечной.

- Что это значит, госпожа? - мягко спросил он.

Она криво улыбнулась. Взяв ведро за дно и за край, он вывалил ей в лицо все, что в нем было. Тяжесть смешанного с водой снега отбросила ее голову к стене так, словно ее ударили пустым кувшином. Он услышал звук удара и ее крик. Она схватилась за голову, затем вскочила, собираясь выцарапать ему глаза. Сегодня, однако, чаша его терпения переполнилась, слишком многое необходимо было сделать, чтобы терпеть любое препятствие на своем пути. Впрочем, он уже имел вполне определенную цель... Чтобы ее достичь, он в любом случае вынужден был прибегнуть к грубой силе.

Он ударил ее по лицу с такой силой, что сел бы даже мужчина. Она во второй раз отлетела к стене, схватилась за щеку и - почти уже трезвая - уставилась на него. До сих пор она не произнесла ни слова.

- Что это значит, госпожа? - повторил он, на этот раз с издевкой. - Значит, иначе ты не понимаешь? В чем дело? Ты не думала, что я на подобное решусь? Сюрприз за сюрпризом!

- Я тебя убью, - глухо проговорила она. - На кого ты поднимаешь руку? За кого ты меня принимаешь, господин? Кто я, по-твоему?

Он выдернул из-под стола опрокинутый табурет и сел.

- Рубин, - сказал он. - Рубин Дочери Молний. Теперь уже - только он, и ничего больше, не так ли?

Наступила долгая, очень долгая тишина. Девушка смотрела ему в глаза с ужасом, отчаянием и - чем-то еще, для чего он не мог найти названия.

- Значит, ты знаешь?

Внезапно закрыв лицо руками, он начал ожесточенно его тереть.

- Ради Шерни, девочка, - сказал он, опуская руки и делая глубокий вдох.

- Знаю, но почему так поздно?

Она отвернулась, прикусив губу. Из ее груди вырвался вздох, похожий на

сдавленный всхлип.

- Теперь послушай, - сказал он. - Слушай, так как еще немного - и ты опять перестанешь быть собой. Я не упрекаю тебя за то, что ты хранила все в тайне, несколько дней назад я понял, что это не твоя вина. Та дрянь хотела, чтобы никто о ней не знал. Но теперь я хочу вышвырнуть ее из тебя, и я это сделаю, клянусь всеми морями Шерера. Я сделаю это даже вопреки твоему желанию, ибо никто на свете не в силах определить, где заканчиваешься ты и начинается Рубин.

- Это невозможно, - прошептала она. - Он заменил...

- Знаю. Я знаю даже больше, чем ты. Есть способ.

- Невозможно, - повторила она, но это уже возвращалось. В голосе ее звучала угроза.

Он молча смотрел на нее.

- Невозможно, - прохрипела она, сжимая кулаки.

Он ударил ее во второй раз.

41

Если речь шла о тайных встречах, то лучшего места для них, чем Берег Висельников, было просто не найти. Однако зимой добраться до него было нелегко. Что ж, Раладан уже проделал долгий путь - из Багбы до Дороны, и последний отрезок этого пути показался ему не самым худшим.

Едва он спешился, его тут же окружили несколько вооруженных детин. Он отдал им оружие еще до того, как они этого потребовали.

- Пусть кто-нибудь последит за лошадьми, - велел он. - Не развьючивать! Ваша госпожа прибыла?

- Ее благородие Семена ждет, - коротко ответил коренастый мужчина, судя по всему главный. - Не развьючивать лошадей! - приказал он своим людям, исполняя требование лощмана.

Раладана повели в сторону дома.

Последний раз он видел ее там, в сокровищнице Демона, и не думал, что ему когда-либо еще доведется ее увидеть. Судьбе, однако, было угодно распорядиться иначе.

Она сидела за столом. Когда он вошел, она бросила на него короткий взгляд, тряхнув в беспорядке падающими на глаза волосами. Он едва не отшатнулся: ее красота была столь же пламенной, как и красота Ридареты! Никогда еще они не были столь похожи друг на друга.

Двое из его провожатых обошли вокруг стола, встав за спиной женщины. Двое других заняли места у дверей.

- Раладан, - лениво проговорила она с легкой улыбкой, - что ты опять затеваешь? Ради всех сил, когда мне доложили, что ты желаешь встретиться со мной, я просто не могла поверить!

Она подняла голову, снова тряхнув волосами. Он посмотрел ей в глаза и увидел в них радость - неподдельную и искреннюю.

- Ради Шерни, - сказала она, - сколько же бессонных ночей я провела, думая о том, как заполучить твою голову! Ты не мог раньше известить меня о том, что она явится ко мне сама? Да еще таща вместе с собой все остальное?

Она послала ему улыбку - кокетливую и вызывающую. Он знал, что предстоит не обычный разговор... но так забавляться, так притворяться не умел никто из знакомых ему людей. Он вспомнил далекие как в пространстве, так и во времени Агары и светловолосую женщину, которую считал выдающейся интриганкой. Где там! В ее взгляде" и в самом деле не было ничего, кроме радости, доброты и... сентиментальности.

Он опустил глаза.

- Я пришел, ибо хочу служить тебе, госпожа.

- О, великолепно! Что ж, послужи мне советом: не знаю, зажарить ли тебя живьем или содрать шкуру? Или, может быть, четвертовать? Хотя бы скажи, с

чего мне начать?

Он поднял взгляд. От ее доброты не осталось и следа. Она задавала вопросы. И это были не шутки.

Внезапно ему показалось, что его расчет может не оправдаться. Все, что он хотел ей предложить, было основано на убеждении, что в большей или меньшей степени он может быть ей полезен. Однако похоже было, что она готова скорее отречься от всех своих зловещих намерений, чем выпустить его отсюда живым. Возможно, это была лишь игра, чтобы его запугать. Если так – играла она отменно. Он попросту видел, что она жаждет крови. Его крови.

Отступать, однако, было уже поздно.

– У меня есть доказательства и гарантии, что я буду служить тебе верой и правдой.

Казалось, она его не слушала; кивнув одному из своих людей, она начала что-то шептать ему на ухо.

– Прикажи принести мой багаж, госпожа! – сказал он уже громче. И слова его прозвучали убедительнее, чем он сам ожидал.

Продолжая что-то шептать на ухо детине, она кивнула стоявшим у дверей. Потом, подперев подбородок рукой, безо всякого выражения уставилась на него.

Раладан стоял ничем не выдавая собственных чувств.

Двое вернулись, неся большой сверток. Они развернули его, и Раладан понял, что такого они не ожидали!

Ридарета, крепко связанная, с кляпом во рту, неподвижно лежала на боку. Глаза ее были закрыты. Она тяжело дышала.

– Ради Шерни, – нарушила тягостное молчание Семена, вставая из-за стола, – должна признаться, такой игры я не понимаю...

– Понять ее очень легко, – негромко сказал Раладан. – Эта девушка повредила умом. Она до сих пор для меня как дочь, но я не в состоянии убивать людей так быстро, как это необходимо для того, чтобы сохранить ее существование в тайне от тебя. У меня нет золота, чтобы надежно ее спрятать, и взять его мне негде. Должен признаться, я хотел бежать в Дартан, но она добровольно не поедет, а связанную я могу ее везти ногами на конском хребте, три дня... не больше. В каком порту меня возьмут на корабль с брыкающимся свертком на спине? – Внезапно он заскрежетал зубами. – Так что забирай ее! Если желание мстить затмевает твой разум – убей ее. Однако тебе придется убить и меня. Может быть, однако, ты все же сочтешь, что Раладан может тебе пригодиться. Вот она – гарантия моей верной службы. Если все же хочешь четвертовать меня, госпожа, – пожалуйста! Больше мне предложить нечего.

Семена наконец пришла в себя.

– Интересно, – пробормотала она. – Еще что-нибудь скажешь?

Он кивнул:

– Конечно. Я не бандит и не какой-то жалкий разбойник, хотя в последнее время мне приходилось быть и тем и другим. Я пират. Сокровища ты уже получила, я не сумел спасти их для нее. Больше нам сражаться не за что. Может быть, все же удастся объединить наши интересы? Я хочу, чтобы она была жива. Но я хочу снова служить какому-то делу. Тебя это не устраивает, госпожа?

– Убрать, – мрачно велела она, показывая на лежащую без сознания женщину. Снова кивнув стоящему рядом детине, она что-то шепнула ему. Тот кивнул в ответ.

Двое у дверей шагнули к лежащей. Лоцман схватил одного, поднял над головой, раскрутил и швырнул на пол. У второго он вырвал из руки меч и прикончил его одним ударом. Все произошло столь быстро, что, когда оставшиеся двое выбежали из-за стола, он стоял уже готовый к новой схватке, показывая на лежащую.

– Стоять! – рявкнула Семена.

– Я убью ее, – предупредил Раладан, – потом себя. Но сначала еще, может быть, этих двух придурков... Я не позволю ее забрать, не зная, договорились мы или нет. Итак, да или нет?

– Я ведь могу тебя обмануть, – сказала она.

– Нет, не можешь, – ответил он. – Ты шлюха, но для тебя это было бы чересчур низко. Я ведь тебя немного знаю, не правда ли? С детства. С того мгновения, когда ты появилась на свет.

Она подошла ближе. Он преградил ей путь мечом, но она отвела клинок в сторону.

- Не называй меня шлюхой. Никогда больше так не говори, Раладан.

Она протянула руку. Поняв, он отдал ей меч.

- Убрать, - повторила она, показывая на Ридарету. - А ты - на улицу, - повернулась она к лоцману. - Выходи наружу и раздевайся до пояса. Получишь тридцать палок. Согласен?

После двадцати с чем-то ударов он перестал что-либо ощущать. Потом, когда его отпустили, он упал в мокрый снег. Те, что его только что били, помогли ему подняться.

- Все честно? - спросила она.

Он кивнул, чувствуя, как от незначительного движения лопаются иссеченная кожа на спине. Боль вернулась.

- Должно было быть тридцать, - хрипло сказал он.

- Столько и было.

- Плохо били. Пяти последних я не почувствовал... Пусть исправят.

Что ж, оно того стоило! Она отступила на шаг, не в силах скрыть изумление. Державшие его люди что-то пробормотали - удивленно и с уважением.

- За эти слова стоило бы отнять десяток... Ты опасный человек, Раладан. Похоже, я сама лезу в петлю, договариваясь с тобой.

Она повернулась и ушла.

Его усадили в седло. Он почти лежал на лошадиной шее; ехавший рядом широкоплечий предводитель эскорта взял его коня под уздцы. Мгновение спустя Раладан ощутил прикосновение железа. Ему протягивали рукоять меча.

- Ты его заслужил, - коротко сказал мужчина. - Жаль, что ценой жизни нашего товарища. Но нам платят за то, чтобы мы умирали.

Раладан вздрогнул, когда ему набросили плащ на обнаженную спину.

Они двинулись шагом в сторону Дороны.

42

Новая, только что начатая игра беспокоила ее, но вместе с тем и захватывала... Какую партию на сей раз разыгрывал этот человек? Какова была его цель? Если бы он хотел ее убить, он воспользовался бы иными способами. Она легко могла поверить, что Раладан и в самом деле желает ей служить. Но почему? Рассказанная им история не внушала доверия. Он не мог вывезти ее в Дартан?! Смешно... Имея золото, можно было сделать и не такое, - неужели он действительно не мог добыть нужного его количества? Чужь. Она слишком хорошо знала лоцмана.

Он лгал. Впрочем, прекрасно зная, что она ему не поверит.

Значит, он скрывал от нее что-то еще. Что-то, о чем он не хотел или же не мог говорить в присутствии посторонних. Очередная ложь? Наверняка. Она была убеждена, что лоцман в самом деле хочет поступить к ней на службу, однако он наверняка преследовал какие-то собственные цели, частично совпадающие с ее целями... Однако что он мог о последних знать?

Но было, должно было быть что-то, ради чего стоило идти на любой риск! Что-то, о чем она не имела понятия. Однако, раз лоцман придавал этому такое значение, имело смысл попытаться узнать больше. Этот человек не привык подставлять собственную шею ради слитка серебра. Речь должна была идти о чем-то крайне важном!

Кроме того, часть сказанного все же была правдой: Ридарета и в самом деле повредила разум! Вряд ли она могла столь умело притворяться. Да и как долго можно притворяться? И зачем?

Наконец, то, что он сказал в конце: что он не разбойник, а пират. Устраивало ли это ее? Конечно устраивало. Больше, чем все прочее! Да, это могло быть причиной. Для этого человека - это могло быть причиной.

Однако не единственной, но одной из многих.

"Ну, Раладан? – подумала она. – Что у тебя еще есть для меня? Какую еще ложь ты мне готовишь, не сомневаясь в том, что я ее приму? Мой дорогой?"

Где-то в глубине души таилась догадка... Но столь наивная и смешная, что она сама ее стыдилась.

– Дура ты! – рассерженно бросила она вслух. – Самая распоследняя дура!

Она долго сидела прикрыв глаза и стараясь думать о чем угодно, только не о союзнике, которого только что приобрела. Она пыталась успокоиться, хотела идти к нему... Но сначала нужно было избавиться от остатков злости. Наконец она встала... и долго поправляла волосы, глядя в зеркало. Тут же сообразив, зачем и для кого она это делает, она снова с трудом сдержала гнев.

Раладан лежал на животе в комнате для слуг, положив подбородок на руки. Обнаженная спина была иссечена длинными, еще свежими ранами. Когда она вошла, он повернул к ней голову.

Она тряхнула волосами.

– Как прошла ночь? – спросила она.

– Все в той же позиции, – мрачно ответил он.

Она свернула в комок кусок ткани, который принесла с собой, и смочила его в круглом оловянном сосуде.

– Что это? – спросил Раладан.

Она развернула ткань, прикрыв ему спину. Он глухо застонал.

– Ром, – сладко шепнула она. – Когда-то Лерена мне говорила, что это хороший способ. Солдатский.

– Может быть... – прошипел он сквозь зубы. – Но сразу... после ранения. Хотя...

Она сняла тряпку с его спины и снова свернула ее, приложив еще несколько раз в разных местах.

– Что ты сделала с Лереной? – поколебавшись, спросил он.

Она отодвинулась от него.

– Тебя не касается. Какое тебе дело до Лерены?

– Никакого. Совершенно никакого. Год с лишним я служил на ее корабле. А когда-то... сажал ее себе на спину. Так же, как и тебя, госпожа.

Она молчала.

– Не твое дело! – наконец повторила она с неожиданной яростью.

– Я хочу знать, жива ли она.

– Не твое дело! – рявкнула она в третий раз, швыряя тряпку на пол.

Раладан повернул к ней голову.

– Что ты с ней сделала? – спросил он. – Бросила ее, закованную в цепи, в море? Сожгла? Закопала живьем в землю?

– Раладан, – неожиданно спокойно сказала она, хотя и несколько сдавленным голосом, – не спрашивай меня о Лерене. Может быть... когда-нибудь я тебе расскажу. Но сейчас спрашивать буду я.

Они долго смотрели друг на друга.

– Хорошо, госпожа, – коротко ответил он и тут же добавил, тряхнув головой: – Не спрашивай. Там, на Берегу Висельников, я лгал.

– Конечно, – кивнула она. – Я знаю.

– Тогда, прежде чем все тебе рассказать, я хотел бы лишь спросить: почему? Почему ты взяла меня к себе на службу?

Она немного подумала.

– Не скажу, – просто ответила она. – А теперь я тебя слушаю.

Раладан глубоко вздохнул.

– Ты бессмертна, – сказал он. – Нет, это вовсе не означает, что тебя нельзя убить. Можно. – Он сел на постели, болезненно поморщившись. – Ты бессмертна, поскольку не умрешь так, как любой другой. Ты больше не будешь стареть.

Смысл сказанного дошел до нее не сразу. Потом она внезапно схватила его за плечи.

Она ходила по комнате, держась за голову.

– Нет, Раладан. Это неправда, – говорила она.

– Правда, госпожа.

– Нет, Раладан. Неправда.

- Ну хорошо. Будем считать, что я пришел потому, что не мог увезти ее в Дартан.

Она не слушала.

- Нет, Раладан. Это неправда.

- Правда, госпожа.

Неожиданно она накинулась на него:

- Ты приходишь и заявляешь, что я какой-то там Рубин! Что я неживая! И я должна в это верить?! Думаешь, я умом тронулась?

Он держал ее за запястья, пока она не перестала вырываться.

- Нет, - убедительно проговорил он. - Ты обыкновенная восьмилетняя девочка, такая же, как и все прочие... Ты не срывала с неба Полос Шерни. Ты не уничтожала призрак "Морского Змея". А твоя сестра-близнец дышала через пупок, когда ты хотела ее задушить. Нет, госпожа. Ты не Рубин.

Он с силой оттолкнул ее.

Она стояла то поднимая ладони к вискам, то снова их опуская.

- Но... как же так? - в отчаянии бросила она.

Наконец превосходство было на его стороне. Но тут же ему совершенно неожиданно стало ее жаль. Еще совсем недавно он ненавидел эту девушку больше кого бы то ни было на свете...

- Успокойся, госпожа, - сказал он. - Надо полагать, ты догадываешься, что я пришел не затем, чтобы сказать тебе все это и смотреть, как ты будешь себя вести. Дело касается нас обоих; меня потому, что я должен заботиться о Ридарете. Да сядь же, наконец! Если ты не в состоянии взять себя в руки, значит, я пришел зря.

Она снова прижала руки к лицу, а когда их убрала, он увидел, что его тирада возымела действие.

- Собственно, о чем-то подобном я догадывалась, - сказала она все еще несколько сдавленным голосом, но уже совершенно спокойно. - Я не знала, как назвать то, что дает мне эту силу, но и так понятно, что сила эта не берется из ниоткуда. Говори.

Он кивнул:

- Сила Рубина полностью тобой овладела, и ты не в силах ей противиться. Пока эта сила спит, но посмотри, однако, на Ридарету и подумай, что случится, когда эта сила проснется. И все же ей можно противостоять.

Она выжидающе смотрела на него.

- Нас ждет путешествие в Дурной Край, госпожа, - коротко сказал он. - В Безымянную Землю, где родился Рубин. Мне сказали, что лишь там я найду ответы на все вопросы.

Она не сводила взгляда с его лица.

- Наверняка ты спросишь, почему бы мне не отправиться туда одному? Но как, госпожа? Вплыв? Нужен корабль, нужны люди... У тебя все это есть. Есть у тебя и личная заинтересованность в том, чтобы организовать подобную экспедицию. Вот истинная причина, по которой я к тебе пришел.

- Откуда мне знать, что ты не лжешь? Где доказательства, Раладан?

- Доказательства чего, госпожа? Что тобой и Ридаретой овладела одна и та же сила? Возьми нож и перережь ей горло. Посмотрим, получишь ли ты что-либо, кроме быстро заживающего шрама.

- Я хочу видеть человека, который все это тебе рассказал.

- А я что, хочу чего-то другого? Я же тебе говорю: плывем в Дурной Край!

- Он там?

- Туда он собирался. Насколько мне известно, родина Посланников - Дурной Край, а не Гарра.

- Что он искал здесь? Слишком уж невероятна эта ваша встреча, - подозрительно заметила она.

Раладан развел руками.

- Чего искал? Не знаю! - со злостью проговорил он. - Но я знаю, чего ищешь ты - очередных придинок! Неужели ты, госпожа, в самом деле не в состоянии хоть немного подумать? Разве что-то нас до сих пор разделяло? Какая-то враждебность, идущая от самого сердца? Наоборот! Если бы не сокровища твоего отца, которые были тебе нужны и которые я хотел сохранить для Ридареты, все пошло бы совершенно иначе! Я никогда не позволил бы тебе причинить вред Ридарете (впрочем, зачем?), однако во всем остальном был бы твоим верным помощником, и притом совершенно искренне! Еще охотнее я

служил бы Лерене, и это не должно тебя удивлять. Твоих планов я не знаю, но она... Ради всех морей, мы захватили бы корабль получше и снова, как и при Демоне, стали бы ужасом Просторов. Скажи, чего еще мог бы хотеть старый пират капитана Раписа?

Он глубоко вздохнул.

- Однако случилось иначе, - сказал он уже тише, глядя ей в глаза. - Но значит ли это, что мы должны быть врагами до самого конца? Зачем, для чего? Если я считаю Ридарету почти своей дочерью - значит ли это, что я должен стать ее преданным слугой? Я желаю ей счастья, я хочу, чтобы у нее были золото и платья, чтобы она нашла себе достойного мужчину. Но я хочу также распоряжаться своей собственной жизнью...

- Это правда? - перебила она его.

- Что "правда", госпожа?

- Это правда, что она... тебе как дочь?

- А кто? Жена, любовница?

Она не сводила взгляда с его лица.

- Поверь мне, госпожа, - почти беспомощно сказал он. - Я хочу победить ее безумие. Это для меня самое важное. Однако не меньше я хочу моря и золота, моря и схватки, моря и победы... Неужели так трудно это понять? Зачем мне лгать? Зачем мне пытаться предать тебя? Я с радостью буду служить женщине, которая сумела меня победить, ибо это попросту означает, что она не кто попало. По-моему, вполне естественно служить кому-то, кто лучше тебя или хотя бы тебе равен, но никогда - тем, кто хуже. Единственное, что мучит меня, - судьба Лерены. Я не могу и не хочу поверить, что ты ее убила!

- Лерена жива, - прошептала она. - Она так много для тебя значила?

Он не знал, что ответить. Утвердительный ответ она могла счесть знаком того, что ему не стоит доверять, так как он может искать мести за причиненные той страдания. С другой же стороны, отрицательный ответ она неизбежно восприняла бы как попытку ей угодить, как ложь. Однако она сказала, что Лерена жива. Если так, значит, сестра была ей не совсем безразлична.

- Больше, чем ты думаешь, - сказал он, идя на риск.

Слова его прозвучали искренне. И он знал почему. Он просто сказал правду.

Она все еще смотрела ему в лицо. Он не скрывал своего беспокойства - сейчас он имел на это право, и она могла это заметить.

- Ты знаешь, что я верю тебе? - тихо сказала она. Он увидел почти боль в ее взгляде, когда она попросила: - Я верю тебе, Раладан. Не предавай меня, пожалуйста... Не предашь? Я так одинока, так, как ты даже не можешь себе представить...

43

Потом ей было стыдно за ту минутную слабость, она давала ему понять, что это было лишь недоразумение. Он боялся этому верить. Скорее он предпочел бы видеть какую-то хитрость, игру... Она сама не осознавала того, сколь потрясла его та наивная просьба сохранить ей верность. Неожиданно он увидел в ней человека - одинокую, лишенную близких девушку, которой жизнь уже была не мила. Ей все приходилось покупать - защиту, привязанность, верность. Никто не пришел и не сказал ей попросту: "Я с тобой".

Никто, кроме него.

Во второй раз за всю жизнь он обнаружил, что ему не хватает сил... Просьба была оружием, против которого он не мог устоять. Никто никогда ни о чем его не просил; кто мог бы просить пирата, да и о чем? Однако, когда его все же о чем-то просили, он не мог отказаться. Много лет назад Демон,

прося его позаботиться о дочери, связал его сильнее, чем могли бы это сделать прямой приказ или золото. И вот теперь – опять. В самом деле, он предпочел бы сто раз услышать, что это лишь игра с ее стороны, игра, рассчитанная именно на такое воздействие.

Однако ничто, похоже, того не подтверждало.

Судя по всему, он действительно обладал некоей властью над девушкой. Неужели горбун был прав?

Раладан пытался отбросить прочь эмоции, рассуждать хладнокровно. Он не верил. Не верил, что эта молодая женщина испытывает к нему что-либо, кроме давних, почти забытых чувств. В конце концов, когда-то он был ее опекуном, по сути заменял ей отца. Однако мысль о том, что она или Лерена... что кто-то из них мог бы...

Вздор!

Он начал вспоминать то время, когда служил под началом Лерены. Сколько раз она унижала его, пыталась...

Нахмурившись, он потер лоб.

Он чувствовал себя словно мальчишка. Собственно, он довольно слабо знал женщин. Слабо... Он вообще их не знал. Где он мог их узнать и когда? Во время службы в Морской Страже? У Броррока? У Раписа? О женщинах он знал лишь, что они существуют. Иногда, осенью, находясь на берегу, он овладевал ими – без особого труда. Иногда покупал. Однако ему ни разу не пришло в голову, что и женщины тоже могут хотеть кем-то овладеть... Он весьма туманно представлял себе, как подобное могло бы выглядеть. Как должна была бы поступить женщина, желающая заинтересовать его собой? Бросить вызов, естественно... Дать понять, что овладеть ею невозможно.

Открывшаяся перед ним истина повергла его в изумление. Удивительно, что никому до него не пришло это в голову. Он, Раладан, открыл новую землю.

Неужели старый музыкант был прав? Нет, он даже не представлял себе подобной возможности. Впрочем, даже если Лерена... Но эта – никогда!

"Почему? – спросил он сам себя. – Почему нет?"

"А потому, – тут же ответил он, – что ты слишком стар, приятель".

Простой ответ вполне его удовлетворил.

Потом он начал постепенно осознавать, что на этот раз он какую-то землю... закрыл.

Он поморщился – и перестал думать о женщинах. Ему нравилось, если у них были светлые волосы. И все.

Он все еще занимал ту же комнату в Дороне, в каменном доме, который ему показали после возвращения с Берега Висельников. Он уже знал, что Риолата в этом доме не живет; да, иногда она там ночевала, но редко. Дом фактически использовался в качестве казармы – в нем размещались солдаты Семены. Из того, как к нему относились, он легко сделал вывод, что вовсе не является пленником. Но было что-то еще. Его не воспринимали и как равного. Даже Давароден, коренастый уроженец Прибрежных Островов, тот самый, который подал ему меч, когда они возвращались с Берега в Дорону, именовал его не иначе как "господином". Возможно, таким образом Риолата пыталась притупить его бдительность? А может быть, она ему доверяла и он должен был быть готов занять какой-нибудь высокий пост рядом с ней?

О большем ему не приходилось и мечтать.

Пока что, однако, он был глух и слеп; ему ничего не было известно о ее планах, кроме того, что следовало из слов горбатого музыканта; он не знал ничего о предназначенной ему роли, даже о том, предназначила ли она ему вообще какую-либо роль.

Однако в неведении он оставался недолго.

Меньше чем через неделю после состоявшегося между ними необычного разговора она появилась у него, около полудня. В первое мгновение он ее не узнал. Лишь когда она сняла полузакрытый шлем, он понял, кто на самом деле этот таинственный пришелец в кольчуге и бело-зеленом солдатском мундире.

– Я никогда не прихожу сюда днем, – сказала она, кладя шлем на стол, а рядом с ним – рулон карт, принесенный под мышкой. – Потому и пришлось переодеться. Все знают, что в этом доме живут солдаты, сопровождающие товары уважаемого Мелара. Это сын Литаса, – пояснила она. – Ты оказал мне большую услугу, освободив меня от старика... Когда-нибудь я тебе все объясню.

– К чему все эти предосторожности? – спросил он. – В этом городе даже

не знают о твоём существовании. Ты прекрасно могла бы открыто вести свои дела, госпожа. Насколько мне известно, они вполне законны.

- До поры до времени. - Она насмешливо наклонила голову. - Это лишь видимость. В любой момент могут начаться хлопоты. Все эти купцы, которыми я прикрываюсь, нечто вроде щита. Они примут на себя первый удар. Ну ладно. - Она повернулась к столу, развернула одну из карт и прижала ее край шлемом. - Иди сюда, Раладан. Пора кое-что тебе рассказать. Здесь Гарра, - она рассмеялась, увидев на его лице такое выражение, словно он в первый раз слышал о подобных землях, - а здесь Агары. Здесь будет восстание... а здесь - моя война.

- Вот и все, - закончила она, сворачивая карты.

Планы ее были впечатляющи - это следовало признать. Однако его беспокоило нечто иное. Он решил, что может сказать об этом прямо.

- Я вижу две возможности, - задумчиво проговорил он. - Или все это правда... или же частичная ложь, неполная правда, или ложь от начала до конца.

- Что ты хочешь этим сказать? - удивленно спросила она.

- Только то, что я, естественно, считаю, что услышал правду. Но такую правду, госпожа, открыть может лишь безумец. Разве что он считает собеседника человеком заслуживающим полного доверия или же уверен, что человек этот его не выдаст, даже если очень того захочет.

Она выжидающе смотрела на него.

- Это все? Ничего нового ты не сказал, - язвительно бросила она. - Сколько раз ты еще хочешь услышать, что я тебе доверяю? Кажется, я уже дала тебе это понять, и причем достаточно ясно?

Он кивнул:

- Хватит об этом. Из того, что ты сказала, госпожа, следует, что путешествие в Дурной Край ты планировала уже давно?

- Конечно, Раладан, - ответила она. - По многим причинам... Я действительно надеялась, что мудрецы Посланники из Громбеларда объяснят мне, кто я на самом деле. Это сделал ты. Однако мне нужно подтверждение. Но прежде всего, как ты справедливо заметил, не в человеческих силах превратить Ахелию в крепость в течение года. Поэтому мне нужна сверхчеловеческая сила... Мне нужны Брошенные Предметы, благодаря которым Полосы Шерни окажут мне помощь. Мне нужен также кто-то, кто сумеет этой помощью надлежащим образом воспользоваться. Не знаю, что может подкупить мудреца из Края. Если золото - предложи ему. Если власть - обещай ему. Если же ничто - заставь его.

- Не понимаю, госпожа. Значит ли это?..

- Именно так. Корабль ждет, капитан Раладан. Теперь слушай внимательно, может быть, то, что я скажу, частично ответит на твой вопрос, почему я тебе доверилась. Я буду с тобой полностью откровенна - ты на меня как с неба свалился. Мне служат многие, однако никто не в состоянии возглавить подобную экспедицию. Еще неделю назад я считала, что мне придется отправиться туда самой. Однако здесь, в Дороне, сходятся сотни нитей; я держу их в руках и не могу просто так бросить. Я откладывала путешествие день за днем, месяц за месяцем... Я потратила впустую всю зиму и полвесны. Больше ждать нельзя. Громбелард далеко, а в Дурном Краю, сам знаешь, время течет иначе. Ты отправишься завтра же, Раладан.

Она улыбнулась, показав белые зубы.

- Все, что ты сказал и сделал, чтобы доказать искренность своих намерений, - добавила она, - естественно, очень важно. Однако ты должен знать, Раладан, что еще полгода назад ты не нашел бы достаточных доводов для того, чтобы меня убедить. С тех пор, однако, многое изменилось, я лучше узнала и поняла саму себя... Уже месяц с лишним мне известно: важно то, что я думаю, но еще важнее то, что я чувствую. Разум порой меня подводил, но чувства - никогда, с тех пор как я им доверилась. Я чувствую, что ты со мной откровенен. Правда, похоже, не до конца. Мне кажется, что ты хочешь найти в Дурном Краю что-то такое, о чем не сказал... Вместе с тем я вижу, что ты хочешь, чтобы мои планы исполнились. Этого достаточно. Если при этом у тебя есть какие-то свои интересы - мешать не стану. Но, может быть, я могла бы помочь? Подумай над этим. Если твоя цель в Дурном

Краю могла бы стать нашей общей целью, может быть, ты от этого только бы приобрел?

Он покачал головой.

- Я не настаиваю, - она пожала плечами. - Ты поступил ко мне на службу, но ты можешь заниматься собственными делами постольку, поскольку они не мешают моим. То, которое ты имеешь в виду, похоже, не мешает... Однако мне все же любопытно: может быть, я и Рубин, но во сто крат больше - женщина. - Она снова улыбнулась. Никогда прежде он не видел ее в столь превосходном настроении и теперь размышлял о том, что является подобного настроения причиной. - Послушай, Раладан, я в десятый раз повторяю, что я тебе верю. Однако я хочу, чтобы ты знал - в Край отправляются две экспедиции. Ведь мне приходится считаться с тем, что по каким-то причинам ты потерпишь неудачу. Правда, я не особо верю в то, что команде другого корабля удастся достичь того, что не удастся тебе. Тем более что они должны обследовать лишь границы Края, я приказала им избегать чрезмерного риска. Я посылаю их главным образом затем, что не хочу, чтобы начало восстания застало какой-либо из моих кораблей в Дороне. Мне пришлось бы отдать его мятежникам. - Она выжидающе смотрела на него. - Теперь говори, что тебе нужно. Корабль готов отправиться в путь. Это "Сейла", думаю, ты сможешь оценить ее по достоинству. Команда в полном составе.

Он нахмурился.

- Мне нужно подумать, - сказал он. - Пока я знаю лишь, что хотел бы иметь на борту Давародена и его солдат.

- Это мои лучшие люди, - заметила она.

- А ты думала, госпожа, что я попрошу худших?

Она показала ему язык. Ее беззаботное, почти шаловливое настроение чуть не передалось и ему. Он чувствовал себя превосходно - ради Шерни, ему поставили задачу! Трудную, необычную, но понятную. Он мог ее просто выполнить, безо всяких интриг, хитростей и обмана. Как же он нуждался в чем-то подобном! Внезапно он с горечью подумал, что охотно посвятил бы себя планам этой девушки, целиком и без остатка. Планы эти были ему по душе. В них был размах, какого не знал даже Демон.

Хорошему настроению мешала лишь одна деталь. Самая важная. Та, которой он до сих пор боялся коснуться, чтобы не вызвать подозрений.

- Я хочу еще раз увидеть Ридарету, - сказал он.

- Это невозможно, - коротко ответила она.

Хорошее настроение развеялось без следа.

- Почему? - почти угрожающе спросил он.

- Потому что я не знаю, где она.

Он ошеломленно уставился на нее.

- Трое моих людей увезли ее по моему приказу, - медленно говорила она, глядя ему в глаза. - Пять дней назад. Они получили все необходимое, чтобы ее спрятать...

Он стиснул кулаки.

- ...в месте, о котором не буду знать даже я. Особенно я. Ты мог бы суметь каким-то образом вытащить из меня эти сведения; откуда мне знать, какие чудеса ты привезешь из Дурного Края и чему ты там научишься! Может быть, они спрячут ее в Армекте, может быть, на каком-нибудь острове. Можешь быть уверен, они будут охранять ее, как величайшее сокровище. Если мои планы увенчаются успехом, зимой они привезут ее на Агары. До тех пор мы не будем знать, где она находится.

- Я с тобой за это еще посчитаюсь, - сказал он.

- Раладан, - мягко ответила она, - подумай, что ты говоришь... Ведь ты сам отдал мне ее как заложницу. На моем месте ты поступил бы точно так же. Кроме того, не забудь, что через несколько месяцев Гарра уже ни для кого не будет безопасным краем. Подумай только: восстание... Я что, должна держать эту женщину в каком-нибудь подвале, целыми месяцами? Этого ты хотел? Можешь думать что хочешь, но, приказывая ее надежно спрятать, я отнеслась к тебе по-дружески. Знай, что ее забрали люди, по-настоящему заслуживающие доверия, не какие-то разбойники. И я не приказывала ее убить, если мой план не удастся. Она будет жить. Вот только, если я погибну, ты больше никогда ее не увидишь. Поверь мне, Раладан. Так, как я поверила тебе.

- Поверила... - Он уже знал, откуда у нее это хорошее настроение. - К

чему было столько разговоров о доверии, чувствах и подобной ерунде? Ты не могла сразу сказать, госпожа, что попросту держишь меня за горло?

Она посмотрела на него с неожиданной грустью:

- Тебе кажется... Конечно, я была душой и ею осталась. Но больше не буду. В самом деле, сама не знаю, с чего мне пришло в голову, что, может быть, стоит хоть раз в жизни просто кому-то поверить.

Внезапно она отвернулась.

- Ты что, ждал, - бросила она, - что я упаду в твои объятия и скажу: дорогой мой, вот все мои планы, я не требую никаких гарантий, никаких заложниц, делай что хочешь?! Раладан, разве это я должна доказывать тебе свою преданность? Чего ты, собственно, хочешь? Тебя удивляет и беспокоит, что я смело раскрываю свои планы, и вместе с тем ты требуешь, чтобы я не обеспечивала себе никаких гарантий? Скажи, что тогда у тебя не было бы никаких подозрений. Ну скажи, а я над тобой посмеюсь! Скорее именно тогда ты не спал бы ночами, размышляя о том, какую я, собственно, веду игру. Разве не так?

Она снова посмотрела ему в лицо.

- И еще одно, - сказала она. - Ты все еще принимаешь меня за ту самую девушку, которую оставил в пещере, связанную и униженную... Я уже другая, Раладан. Неделью назад ты называл по имени источник моей силы, но ничего больше. Я уже давно умею ей пользоваться. Мне незачем тебе лгать. Если бы я тебе не верила, я сказала бы: не верю. Сегодня я уже не дала бы себя связать.

Она холодно улыбнулась, забрала шлем и вышла.

44

Никогда прежде ему не приходилось командовать кораблем. Наблюдая за суетой матросов, смельчаков каких мало, он почувствовал, как сердце его переполняется радостью. До сих пор он даже не отдавал себе отчета в том, насколько ему хотелось иметь собственный корабль!

Собственный корабль.

- Раладан, - сказала она ему утром на прощание, - забудем о вчерашнем разговоре...

Она замолчала в неподдельном замешательстве.

- Можешь думать как хочешь, - наконец продолжила она. - Считай это подарком, или знаком верности, или... чем хочешь. "Сейла" - твоя. Я отдаю ее тебе вместе с командой; вот документ, из которого следует, что ты приобрел ее у купца Мелара. Команде заплачено за год вперед. Новые паруса уже должны быть на корабле, я сама выбрала для тебя знак.

- Зачем ты это делаешь? - спросил он, не в силах скрыть изумления.

Она посмотрела на него столь странным взглядом, что о его значении он предпочел бы не догадываться.

- Думай что хочешь, - с усилием повторила она.

Теперь он находился на борту собственного корабля. Собственного!

Ради всех Полос! За всю свою жизнь он ни разу не стоял на палубе корабля более прекрасного, чем этот! Он заглянул в каждый угол, побывал в носовом кубрике, в офицерских каютах, в трюме... Он пересыпал из руки в руку песок, служивший балластом, проверил состояние такелажа, взобрался на каждую из мачт, чтобы тут же снова оказаться под палубой. Там он обстучал и ошупал почти каждую балку или доску, все стойки, шпангоуты и кницы. Состояние палубы, бортов и причальных брусьев он проверил еще раньше. Доски палубы были выскоблены почти до белизны, на якорной цепи он не обнаружил даже следов ржавчины... От первого помощника, до сих пор временно исполнявшего функции капитана корабля, он узнал, что "Сейла", которая вообще была новым кораблем, осенью прошла ремонт, вернее, детальный осмотр с учетом всех мелочей. Около недели назад доставили

запасы еды, тщательно проверили состояние солонины, муки, фасоли и сухарей. Раладан проверил все еще раз. Никаких замечаний!

О Шернь! Он никогда еще не видел лучше подготовленного к выходу в море корабля!

В капитанской каюте он нашел комплект карт; просматривая их, он обнаружил на нескольких из них нанесенные поправки, которые что-то говорили лишь одному человеку на свете – именно ему! Откуда она знала? От Лерены? Он не верил собственным глазам.

Она купила его! Купила себе лоцмана Раладана.

Капитана Раладана. Капитана!

Он усиленно убеждал себя, что это не что иное, как попросту ловушка. Тщательный расчет, имевший целью привязать его к ней. Что, она вдруг стала воплощением добродетели? Она хотела его подкупить, только и всего.

Но даже если так?

Однако он знал, что ей незачем было это делать. Все было так, как он сказал: она держала его за горло. Он вынужден был быть к ней лояльным. То, что она делала ему подарки, не имело никакого значения.

О, ради всех сил! Ведь то, что он ей сказал, было чистой правдой! Он хотел служить ей, оно того стоило. Среди ее планов он чувствовал себя словно рыба в воде.

А если?.. А если и она тоже? Почему, собственно, ей искренне не принять его помощь? Разве все и всегда должно быть обязательно неправдой или ложью? Воистину сама среда, в которой им обоим приходилось вращаться, полностью исключала столь преходящую и ненадежную вещь, как доверие... Но разве хотя бы раз невозможно было отступить от этого правила?

Он понял, что о подобном и думать нельзя. Нет. Отступить от подобного правила было невозможно. Он получил "Сейлу" с определенной целью – это ясно. Он пытался мысленно перевернуть ситуацию: мог ли он сделать подарок ей? Без всяких иных мыслей, кроме того, чтобы доставить ей удовольствие?

Конечно нет.

Он подумал о Ридарете, и снова его охватил гнев. Вот что могло быть причиной. Семена, видимо, считала, что в приступе ярости он, Раладан, может совершить нечто ею не предусмотренное, и хотела эту его ярость как-то сгладить.

Мысленно он вернулся к решению, о котором размышлял уже сотни раз, самому тяжелому решению в его жизни. Правильно ли он поступил, отдав Ридарету в руки Риолаты-Семены? Это была единственная возможность переломить ее недоверие – так он считал тогда и мнения своего не изменил. Но одной Шерни было известно, с какой болью он принял это решение. А теперь... Она отобрала ее. Что по сравнению с этим значила какая-то "Сейла"?

Но опять-таки в глубине души он понимал, что Семена, собственно, поступила честно. Так или иначе ему пришлось бы расстаться с Ридаретой, ведь он предполагал, что отправится в Дурной Край, сам того хотел... Она могла позволить ему увидеться с Ридаретой и лишь после его отплытия куда-нибудь ее отправить, ничего ему об этом не говоря.

В самом ли деле она не знала, где сейчас Ридарета?

Он в это верил. Верил, ибо в подобном поступке было больше смысла, чем могло бы показаться. Она и в самом деле застраховалась от любых непредвиденных действий с его стороны, ибо не было того, ради чего стоило бы действовать.

Он вышел из каюты на палубу. И вновь ощутил, что у него есть свой корабль...

Его раздирали противоречия, до такой степени, что он думал лишь об одном: как совместить благополучие Ридареты с искренней службой у ее дочери. Пока это было возможно. Но потом? Ему пришлось бы пытаться совместить несовместимое.

"Сейла" была готова к отплытию. Однако новый капитан не спешил отдавать приказ. Он пошел на нос, потом на корму. Потом на середину корабля. Матросы видели, как он погладил рукой грот-мачту и тут же огляделся по сторонам, словно проверяя, не заметил ли этого кто-нибудь...

Благополучие Ридареты – или благополучие Раладана? Ибо именно этим и являлась служба у новой госпожи. Благополучием Раладана.

У него было лишь одно сердце.

Он посмотрел на еще свернутые белые паруса с черными крестами, не в силах дожидаться того мгновения, когда их наполнит ветер...

Он приказал принести старые, с зеленым знаком "I".

Потом пошел в каюту и, вернувшись несколько минут спустя на палубу, позвал одного из солдат.

- Отнеси это госпоже, - сказал он, протягивая руку. - И скажи, что свою миссию я исполню. Можешь не возвращаться.

Вскоре "Сейла" вышла в море.

45

Когда-то в глубоких подвалах размещался винный склад. Теперь огромные бочки были пусты. Часть из них была убрана, чтобы освободить место для тяжелых ящиков, целые пирамиды которых громоздились вдоль стен. В самых больших лежали кольчуги, тщательно переложенные промасленной ветошью; значительная часть доспехов недавно была доставлена из Громбеларда, добрая сотня же вела свое происхождение из сокровищницы Демона. Дальше, в ящиках более коротких, но зато более глубоких, были спрятаны кирасы для тяжелой пехоты, далее щиты, потом шлемы - каски для арбалетчиков и стрельцов, полузакрытые шлемы для топорников и открытые - для конных разведчиков. За ящиками, у стены, стояли копья, связанные по десять штук, с лоснящимися от смазки наконечниками. Потом - ящики с мечами, а за ними - с арбалетами. И наконец, сто козел под пицали, сами же пицали - в сундуках под ними.

В этом необычном винном погребе-арсенале, казалось, слышался еще далекий, но уже отчетливый грохот восстания...

- Должна признаться, зрелище и в самом деле впечатляющее, - сказала женщина, скрывавшаяся в тени подпиравшего потолок столба; два факела на стенах давали очень мало света. До двух следующих было тридцать шагов с лишним.

- Это полное вооружение для нескольких сотен человек, - пояснил Аскар. - Полагаю, ваше высочество, - обратился он к стоявшему рядом одетому в черное мужчине с бледным суровым лицом, - что ни одно восстание до сих пор не было столь хорошо подготовлено с военной точки зрения.

- Это вскоре выяснится, - сказала досточтимая Кахела Алида, вдова недавно умершего достопочтенного Кахела Догонора, выходя из тени. - Количество железа ни о чем еще не говорит.

- Уверяю тебя, госпожа, - послышался голос сзади, - что одними лишь интригами Гарру не освободить. Я не разделяю твоего презрения к оружию.

Все трое повернулись к вошедшей.

- Прощу извинить за опоздание, - добавила она, подходя ближе.

- Позволь представить тебе, господин, - обратился Аскар к мужчине в черном, - ту, что является душой всех наших приготовлений здесь, в Дороне, - госпожу Семену.

Его визави, казалось, не придавал никакого значения тому факту, что титул предшествует одному лишь имени, без инициалов Чистой Крови.

Одетая в военный мундир женщина вошла в круг света. Под мышкой она держала шлем. Алида бросила на нее короткий взгляд и отвернулась.

Они почти ненавидели друг друга.

- Я Мефер Ганедорр. - Мужчина слегка поклонился, не в силах, однако, отвести взгляда от ее лица. Блеск факела обрамлял кровавым сиянием связанные в несколько узлов темные волосы. - Ради Шерни, госпожа, не сочти это за дерзость, моя молодость давно уже в прошлом... Но одно лишь воспоминание о ней велит мне отдать должное столь совершенной красоте. Ты вернула мне чувства, которые я считал давно умершими.

Она слегка улыбнулась:

- Моя красота меркнет по сравнению с красотой госпожи Алиды. Я уверена, что лет через двадцать я никому уже не буду нравиться.

Это было самое обычное, даже ничем не прикрытое нахальство. Мужчины почувствовали себя сбитыми с толку, как это обычно бывает в присутствии женщин, затевающих свою очередную битву без оружия. Они приложили все старания, чтобы не обменяться возмущенными, растерянными взглядами. Алида зато выглядела так, словно ей было весело; она отнюдь не намеревалась нарушать тишину, которая становилась все более неловкой, казалось свидетельствуя о том, в сколь глупое положение поставила себя доронская красотка. Семена внезапно покраснела, чего не сумел скрыть даже полумрак подвала, и лишь тогда блондинка послала ей полный наслаждения взгляд, но так, чтобы этого не заметили мужчины.

"Браво..." - казалось, говорила она.

- Я сказал... - откашлялся Аскар. - Я говорил...

- Конечно, господин, - тут же подхватил второй. - Со всей уверенностью можно сказать, что подготовка идет полным ходом.

Он подал руку Алиде.

- Дальше тоже оружие? - спросил он.

- Да, господин, - ответил Аскар. - Думаю, не стоит утруждать себя разглядыванием арсенала. Время наших гостей слишком дорого, чтобы тратить его зря. - Он посмотрел на Семену.

- Так же, как и время хозяев, - заметила Алида. - Оружие еще скажет свое слово; пока же я полагаю, что... прошу прощения, госпожа, - улыгнулась она Семене, - нас ждут дела, для которых мечи не требуются.

Та наконец пришла в себя.

- Это правда, - коротко сказала она.

- Тогда идем. - Ганедорр потер руки. - Здесь холодно... а кроме того, эти стены вызывают у меня воспоминания. Дурные воспоминания.

Вскоре они оказались в просторном зале несколькими этажами выше. Большой стол прогибался от яств.

- Еще раз прошу простить за то, что заставила себя ждать, - сказала Семена. - Тем более что я снова собираюсь исчезнуть. Ненадолго, обещаю. - Она показала на мундир, в который была одета, и тяжелый шлем, который все еще держала под мышкой. - Господин Аскар прекрасно сумеет меня заменить, я это знаю наверняка.

Лишь тремя комнатами дальше она позволила себе грохнуть шлемом о стену.

Когда она вернулась, одетая в сапфировое платье, двери были закрыты, а слуг и след простыл. Она догадалась, что Аскар отпустил всех до конца дня.

Она открыла двери и тут же закрыла их за собой. Ганедорр и Алида сидели во главе стола, Аскар с ловкостью проворного слуги сам разливал мед по кубкам.

Она села напротив Алиды.

Ганедорр пригубил мед и обвел взглядом лица собравшихся.

- Итак, - начал он, - первое, хотя и не самое важное: благородная госпожа Кахела Алида получила подтверждение о своем назначении на пост Второй Представительницы Верховного Судьи Трибунала. О назначении объявил лично, от имени императора, Князь-Представитель в Дороне. Собственно, это и есть официальная причина присутствия здесь госпожи Алиды, - добавил он.

Семена и Аскар кивнули. Трудно было сомневаться, что все именно так и произойдет. Под руководством господина Ф.Б.Ц.Нальвера Имперский Трибунал в Дороне стал истинным оплотом справедливости. Была доказана вина десятков имперских урядников и офицеров, предотвращены сотни преступлений. Места продажных сборщиков налогов заняли честные, места плохих командиров - хорошие...

- Однако появилась проблема, - продолжал Ганедорр. - Вместе с назначением госпожи Алиды из Кирилана прибыл человек на место Первого Представителя. Удивительно разумная личность. Он занимает свой пост меньше недели, но уже начинает понимать, что Нальвер - глупец, который не сумел бы добиться и сотой части тех успехов, которых добился... Еще неделя, и господину Б.Н.А.Киливену станет совершенно ясно, что Трибуналом руководит госпожа Алида, а вовсе не Нальвер.

- Это еще не повод для беспокойства, - заметила Семена. - Ведь довольно часто бывает так, что подчиненные превосходят начальников?

- Ты наверняка права, госпожа. Но госпожа Алида подозревает, что Киливен не случайный человек. Возможно, успех Нальвера оказался большим, чем требовалось. Князь-Представитель стареет, но император, насколько мне

известно, человек необычайно наблюдательный и умный. Непрерывная полоса успехов в провинции, которую всегда труднее всего было держать в руках, могла вызвать в столице... определенное недоверие. А ведь Верховного Судью и Первую Представительницу практически вынудила уйти Дорона; сомнительно, чтобы Кирлан счел собранные против них доказательства достаточными.

- Именно этого я и опасаясь, - подтвердила Алида. - Я не прошу совета, поскольку, думаю, у вас и своих хлопот хватает. Справлюсь сама. Однако я призываю к осторожности. Думаю, мы не скоро снова увидимся, выезжать из Драна становится для меня чересчур рискованно. Мне придется также ограничить помощь, оказываемую вам, так же, впрочем, как и всем нашим. Нужно считаться... даже с самым худшим. Если моя роль станет ясна, большинство тех, кого я посадила на различные должности, сложат голову вместе со мной. У вас немало таких людей в Дороне. Нужно ограничить встречи с ними, лучше всего, чтобы таких встреч не было вообще. И наконец, если меня все же раскроют, нужно быть готовыми к тому, чтобы тотчас же вырвать звенья из цепи. Те, кто знает меня и вас или хотя бы догадывается о наших связях, должны будут исчезнуть. Немедленно.

Они обменялись взглядами.

- Второе, - сказал Ганедорр. - Вам нужно взять на себя приготовления в Багбе. Те, кто действует там сейчас, не слишком энергичны.

Семена презрительно кивнула.

- Что с тобой происходит? - спросил Аскар. Был поздний вечер; лишь сейчас у них появилась возможность поговорить наедине. - Я знаю, что ты терпеть не можешь эту кичливую даму, мне она тоже не нравится. Но разве это повод для того, чтобы выставять себя на посмешище в глазах самого высокорожденного человека на всем этом острове? И притом при первой же встрече?

Она чуть не набросилась на него.

- Снова пытаешься мне объяснять, что я делаю так, а что не так?!

На этот раз он не стал ей уступать.

- С меня хватит, - спокойно заявил он. - По какому праву ты относишься ко мне словно к рабу? Я не раб. Ты сама допустила меня к участию в твоих планах, и я делаю все для того, чтобы они увенчались успехом. Я делаю это для тебя. Не для себя. Мои амбиции удовлетворены, я комендант одного из крупнейших гарнизонов империи, с немалыми шансами на пост главнокомандующего Главным Флотом Гарры и Островов. Твое восстание скорее мешает моей карьере, чем помогает.

- Хватит! - яростно бросила она. - Убирайся! Слышишь? Убирайся отсюда!

Он горько покачал головой.

- Это нужно было говорить полгода назад, - сказал он. - Теперь уже поздно. Естественным образом, я давно уже перестал верить, что ты испытываешь ко мне хоть какие-то чувства, впрочем, я, пожалуй, никогда в это не верил... Я был тебе нужен, только и всего. Однако когда-то ты уверяла меня в ином. Но с тех пор как ты привезла эти сокровища... Ты изменилась. Всю осень я тренировал твоих людей на этом проклятом острове, ты прекрасно знаешь, что нам приходилось есть последние две недели. Вернувшись, я ничего от тебя не ждал, кроме, может быть, теплого слова. Ибо о наших совместных ночах я успел уже забыть...

- Ну и прекрасно! - рявкнула она. - Ради Шерни, освободишь ты меня наконец от зрелища твоей физиономии?!

- Слуги услышат, - сказал он, забыв, что всех отпустил.

- Пусть слышат, ради всех сил! С меня хватит, убирайся, говорю!

Он внимательно посмотрел на нее, осененный внезапной мыслью.

- Что за драную бумагу принес тебе тот солдат? - спросил он. - Дурные вести? Твой корабль, "Сейла", уже вышел в море?

- О-о-о! - взвыла она, сжимая кулаки. - В третий и последний раз: убирайся!

Он схватил лежавший на столе пояс с мечом и застегнул его на бедрах.

- Но если я уйду, - проскрежетал он, резким движением срывая плащ со спинки высокого стула, - то не рассчитывай, что я оставляю тебя в покое вместе с твоими грязными делишками! Твое восстание закончится, прежде чем успеет начаться!

- Угрожаешь? - сдавленным шепотом спросила девушка. - Ладно... - медленно процедила она, - идем со мной...

Она быстро направилась к двери и, толкнув ее, почти побежала через комнаты. Ворвавшись в спальню, она пинком откинула крышку сундука, достала из него пояс с мечом и тяжелый ключ и застегнула пояс поверх платья.

Они быстро спустились в подвал. Единственный факел горел возле лестницы, остальные были погашены, так как в помещении, несмотря на его размеры, скапливался дым. Она повела его мимо ящиков с оружием, в самый конец подземелья. Потянув за железное кольцо, подняла люк в полу. Крутая лестница вела вниз.

- Дело моей жизни, - сказала она, тяжело дыша и отдавая ему факел. - Ты сам этого хотел, дурак... Ты! - бросила она ему в лицо. - Ты был самой большой моей проблемой! Что, я изменилась? - Она расхохоталась жутким смехом. - Да, изменилась!

Ступеней было немного. Небольшой коридорчик вел к широкой массивной двери. Она отодвинула тяжелые засовы и открыла дверь. За ней была другая, которую она открыла ключом. Изнутри помещения ударила страшная вонь. Девушка перешагнула порог и, забрав у Аскара факел, воткнула его в углубление в стене.

- Ну иди, - сказала она, дрожа от едва сдерживаемого смеха. - Иди, иди...

Никогда в жизни он не видел ничего ужаснее.

На прикрепленной к потолку цепи висело какое-то... существо. Ноги не доставали до земли, поскольку были отрублены по колено. Свет факела осветил некоторые детали, свидетельствовавшие о том, что на цепи висит - женщина. Чудовищная нагота открывала жуткие шрамы на месте отрезанных грудей. Голову покрывали остатки волос, из тех же мест, где волос не было, их, похоже, выдирали вместе с кожей. У женщины были выколоты глаза, и сквозь дыры в щеках виднелись зубы. Остатки носа срослись в нечто бесформенное.

Аскар, обливаясь потом, отшатнулся, опершись о стену.

- Что? - услышал он рядом свистящий голос. - Боишься своей возлюбленной? Да, да, это не я - это она!

Он не понимал, не соображал, не был в силах мыслить.

- Она мне очень помогла! - голос девушки снова задрожал от смеха. - Поверь, дорогой мой, если действовать соответствующим образом, можно добраться до любых тайн, узнать любые подробности, сведения о лицах и именах тех, о ком нужно знать... Конечно, я совершила множество ошибок, некоторые удалось легко исправить, другие же... Ты спрашивал про Вантада, старого капитана Вантада? Он и в самом деле оказался чересчур наблюдателен!

- Нет, - ничего больше он был не в силах вымолвить.

Цепь, связывавшая руки пленницы, покачнувшись, изуродованная голова дрогнула. Звук, сорвавшийся с губ, невозможно было разобрать.

- Да! - Она рванула тело, повернув его на цепи, и показала на маленькое родимое пятно на лопатке: - Узнаешь, любовник моей сестры?

Одним рывком она разорвала на себе платье и показала ему спину.

- Разве у меня есть что-то подобное? - со смехом крикнула она, отбрасывая в сторону волосы.

Огромный дракон смотрел на него красными треугольными глазами. Аскар на мгновение ослеп, после чего услышал собственный хриплый крик. Рука сама выдернула меч. Окутывавший голову туман рассеялся, он увидел блеск вражеского клинка и скрестил с ним свой... Ярость, боль и ненависть остались, но безумие прошло. Оружие, столкнувшись с другим, передало его руке холод сражения, рука же - принадлежала солдату.

Рукоять дрогнула у него в руке - он понял, что эта полунагая, скалящая зубы волчица умеет обращаться с мечом. Она оттолкнула его - вызывая, бросив смешок сквозь сжатые зубы, - выпустила из руки оружие, позволив мечу повиснуть вертикально в воздухе, после чего перехватила рукоять - и атаковала с близкого расстояния отрывистым, коротким ударом.

Так сражались пираты с Островов, в абордажной сумятице, когда схватка шла в основном врукопашную, на ножах и кулаках.

Он легко парировал удар.

Ненависть душила его. Однако никогда прежде мысли его не были столь

ясны. Он знал, что убьет ее.

Она умела драться, но для него оружие не имело никаких тайн. Он любил оружие. Так же, как любил девушку, от которой остался лишь кусок человеческого мяса, висящий на цепи.

Он нанес татуированной женщине несколько быстрых ударов, которые та с трудом могла отбить. Он ранил ее в руку, потом в живот, потом пронзил острием горло. Вражеский меч с лязгом упал на пол.

Она обхватила руками шею и тяжело опустилась на колени, вытаращив глаза. Струей ударила кровь. Она упала на бок и затихла. Тяжело дыша, Аскар выронил оружие. Он не мог заставить себя взглянуть в сторону покачивающейся над полом искалеченной женщины.

Наконец он все же посмотрел на нее. И заплакал.

- Ради Шерни, - рыдал он. - Ради Шерни...

Он упал на колени, закрыв лицо руками. Слезы текли между его пальцев, голова склонялась все ниже и ниже.

Сзади послышался лязг запираемых засовов - и что-либо предпринимать было уже поздно.

И тогда он услышал смех. Висевшая на цепи женщина еще была в состоянии смеяться.

46

В Дурном Крае время шло иначе...

Раладан стоял на носу, нахмурившись и заложив руки за пояс.

Судьба оказалась к нему неблагосклонна. А ветер, казалось, исполнял волю судьбы. В начале их путешествия дуло с востока. В ветре с востока, весной, не было ничего необычного. Тем не менее "Сейла" две недели с трудом шла под острым углом к ветру, который дул то с востока, то с северо-востока, то есть прямо в нос. Идя то правым, то левым галсом, они почти не приблизились к цели. "Сейла" отлично справлялась, но что с того? Встречный ветер - это встречный ветер.

Потом, однако, ветер прекратился вообще.

Проклятый штиль поймал их у восточных берегов Дартана. Когда он наконец кончился, они пошли чуть быстрее, поперек ветра, но что с того, если в Дартанском море ветер снова начал дуть прямо в нос?

До Пустого моря, находившегося в границах Безымянной Земли, они добрались поздно, очень поздно. Раладан знал, что времени у них мало. Тем более что в Дурном Крае время шло иначе. Медленнее.

- Все еще не вижу никакой разницы, - сказал Давароден, подходя к Раладану. - Это и в самом деле тот легендарный Дурной Край, капитан?

Раладан задумчиво посмотрел на него. Командир арбалетчиков оказался хорошим товарищем. До того как поступить на службу к Семене, он вел весьма разнообразную жизнь: был солдатом Морской Стражи, боцманом на торговом барке, наемником на службе у гаррийского магната, потом охотником на медведей в Дартане и опять солдатом - в Громбеларде. Он соглашался с тем, что нигде у него дела не шли лучше, чем под командованием ее благородия Семени, однако слегка ворчал по поводу того, что солдат, по его мнению, чересчур баловали.

"Ее благородие, - сказал он как-то раз Раладану за кружкой рома, - похоже, хочет, чтобы солдаты ее любили. Я вижу, господин, какой ты капитан, поэтому скажу смело: солдат должен уважать командира, и не более того. Любить можно только вино. Да и то лучше соблюдать меру".

Это замечание напомнило капитану "Сейлы" о Лерене. Разве Давароден не подтвердил того же, что он сам говорил когда-то? Однако он никогда не считал, что сестру Лерены волнует отношение к ней подчиненных. Выяснилось, что разница в поведении сестер была меньшей, чем он полагал. Да... Похожими были не только их лица. Почему же, однако, он всегда предпочитал

Лерену?

С Давароденом они соглашались во многих вопросах; Раладан обнаружил в нем братскую душу. Отличались они в основном тем, что сам он навсегда связал свою жизнь с морем, используя свой дар понимания происходящего в соленых глубинах. Давароден подобным даром не обладал и потому искал для себя места на самых разных поприщах. Однако их связывала общая ненависть к бездействию.

- Не вижу я здесь целей для своих стрел. - Коренастый островитянин облокотился о фальшборт. - Пожалуй, пора пристать где-нибудь к берегу?

Раладан кивнул, в очередной раз отметив, что арбалетчик многое приобрел на магнатской службе: речь его звучала намного чище, чем у большинства уроженцев Островов, он редко вставлял жаргонные словечки, а фразы строил по гаррийскому образцу. Кроме того, Давароден немного знал дартанский и вполне неплохо владел громбелардским.

- Может быть, пристанем, если будет нужно, - сказал Раладан. - Но к островам, возле Черного Побережья. Прямо перед нами. Я предпочитаю добраться туда по воде, а не по суше. Даже если эта вода - Пустое море.

Арбалетчик внимательно посмотрел на него:

- Ты говорил, капитан, что когда-то уже был здесь. Значит, ты знаешь, что делать. Но я думаю, что раз мы пришли сюда за Брошенными Предметами, то в воде мы их не найдем.

- Нет?

- Ну, не знаю... Наверное, нет.

- А я тебе говорю - найдем. Конечно, не в самой воде. Но именно на тех самых островках, о которых я говорил. Только те, кто никогда не был в Крае, считают, что Предметы есть лишь на Черном Побережье. Тем временем некоторые из этих островков напоминают сокровищницы. Естественно, охраняемые.

Островитянин поднял брови.

- Охраняемые стражницами, - уточнил Раладан.

- Это... женщины?

- Нет, друг мой. Сирены.

Давароден недоверчиво посмотрел на него:

- Это не сказки? Я думал...

- Ты думал, как все, кто здесь не был. Странное дело с этим временем, говорят все - путешествуешь по Краю три дня, а когда его покинешь, оказывается, что прошел месяц. Но какие-то там сирены или слепые летучие мыши? А тем временем, друг мой, это место не без причины назвали Дурным Краем.

- Ты уже говорил, капитан, что был здесь, - пробормотал арбалетчик. - Несколько раз. Я тоже не люблю без повода трепать языком. Но может быть, все-таки стоит услышать несколько слов? Я хочу знать, чего ожидать моим солдатам. Думаю, это не повредит. Здесь, говорят, умирают.

Раладан молча кивнул. Бросив взгляд на палубную вахту, он убедился, что все в порядке, после чего облокотился о фальшборт, так же как и арбалетчик.

- Мой недосмотр, - признался он. - Я и в самом деле не люблю рассказывать о своих похождениях. Но мы в Дурном Крае, это правда... Слушай, Давароден, и передай остальным.

Несколько мгновений он собирался с мыслями.

- Несколько лет тому назад, - начал он, - двести смельчаков на лучшем корабле всех морей отправились сюда. Мы вернулись богачами. Но нас вернулось лишь сорок с небольшим. Остальных сжег ветер, убили каменные волны, утопил свет или раздавили тени. Ну вот, теперь ты знаешь о Дурном Крае почти столько же, сколько и я.

Островитянин неуверенно смотрел на него.

- Чего ты ожидал? - спросил Раладан, оглядывая горизонт. - Драконов? Живых скелетов? Это как раз сказки. Половина наших, из тех, кто вернется, будут рассказывать, что видели здесь подобные чудеса. Ибо что им еще сказать? Что когда двое прилегли в тени, от них осталась лишь вонючая лужа? Каждый второй будет потом клясться, что видел гиганта, совершенно невидимого, который их растоптал. Поверь мне, друг, из всего, что нас тогда убивало, калечило, похищало и доводило до безумия, я могу назвать и хоть как-то понять лишь пару-другую. На Черном Побережье нас окружили

гигантские летучие мыши, которые почти не причинили нам вреда, хотя всюду было их полно. Выглядят они страшно, но, если ударить мечом или выстрелить из арбалета, их легко убить. Наш боцман даже задушил одну голыми руками. Хуже было с рогатым волком, пожалуй покрупнее зубра. А хуже всего именно с сиренами. Чтоб ты знал – у них есть хвосты и плавники. Есть у них и все остальное, что должно быть у рыбы. Очень, правда, красивой рыбы – желтой, красной и зелено-черной. Большой, как акула. А поет она самым чудесным женским голосом, какой только можно в жизни услышать. Трудно сказать, почему это именно голос, к тому же еще и женский... Но если послушаешь ее достаточно долго – ты труп. Люди блевали кровью у меня на глазах, прыгали в море или пронзали себя мечами, ибо того, что творит их пение, невозможно сотворить с человеком даже в казематах Трибунала. Ты умираешь от боли, чувствуя, как внутри все лопается – сердце, легкие, кишки... Если заткнуть уши – не помогает. Именно потому я и говорю, что непонятно, почему у них такой голос. Поскольку, чтобы его слышать, уши не нужны.

Раладан, нахмурившись, замолчал. Давароден покачал головой.

– И как же защищаться? – мрачно спросил он.

Капитан показал на море. Арбалетчик посмотрел в указанном направлении; внимание его привлекло нечто в миле с лишним от корабля.

– Что это?

Черные силуэты то появлялись, то снова исчезали среди волн.

– Это?..

– Косатки, – сказал Раладан. – Как защищаться? Они тебя защитят. Если успеют... Тогда они тоже плыли за нами. Не знаю почему. Нужно только выдержать, – помолчав, добавил он, жестом приветствуя, скорее машинально, черные спины. – А выдержать вовсе не так легко. Я видел крепких, отважных парней, которые не выдержали. Впрочем, просто стиснуть зубы недостаточно. На одних это действует быстрее, на других медленнее. Были такие, что начинали блевать кровью почти сразу, другие дождались... Стая косаток, такая же большая, как и эта, прикончила сирен, и нас осталось полторы сотни. Но многие умерли позже. Не бойся, – добавил он с легкой усмешкой, – еще не время. Похоже, сирены есть только возле островов.

– Может, лучше пройти мимо островов? – Давароден не скрывал своей неприязни к сиренам.

Раладан молчал.

– На одном из этих островов, – наконец сказал он, – мы тогда видели сторожевую башню. Думаю, это дом мудреца Посланника. Чей же еще? Косатки все время плывут за нами. Если они нас не бросят, мы пристанем к этому острову. Это самое безопасное, что можно сделать.

– Не понимаю, капитан...

Раладан махнул рукой.

– Пение сирен убийственно, но, – он показал на стаю, – от них есть защита. Если, однако, нам придется искать Предметы и Посланников на Черном Побережье – не знаю, что нас там ждет. И косатки нам не помогут.

Он выпрямился.

– Тогда, на Черном Побережье, – сказал он, – в полумиле от берега порыв ветра сжег десять человек, плывших на шлюпке вверх по реке. Может быть, знаешь, как от этого защититься? Так что, – закончил он, не получив ответа, – я выбираю опасность большую, зато известную.

Восстание должно было начаться за две-три недели до осенних штормов. Сейчас был конец весны. Однако легко было подсчитать, что для того, чтобы успеть до осени, хотя бы прямо на Агары, "Сейла" не может оставаться в Дурном Краю дольше десяти дней.

Два дня уже прошли. Раладан не боялся вернуться с пустыми руками. Брошенные Предметы каким-то образом "любили" быть обнаруженными, лежали в наиболее очевидных местах... Хуже обстояло дело с мудрецом-Посланником. Капитан не слишком верил, что легендарный лах'агар – человек, усыновленный Шернью – позарится на золото Риолаты. Эти люди не нуждались в богатстве; если бы они захотели, могли бы возводить целые дома из серебра... Дурной Край не был для них опасным местом, каждый Посланник мог набрать себе сколько угодно Предметов, словно грибов, и вывезти их в Дартан, где за Листок Счастья платили столько же, сколько за красивую молодую рабыню.

В Морской Провинции о Дурном Крае, мудрецах магах и Брошенных Предметах было известно немного, а то, что было известно, редко соответствовало действительности. Раладан прекрасно понимал, что его знания о подстерегающих там опасностях весьма поверхностны; как он и сказал командиру арбалетчиков, он мало что понимал, хотя, может быть, и многое видел... Он жалел, что у него так мало времени. Можно было бы отправиться сначала в Громбелард, где о Дурном Крае знали столько же, сколько на Островах – о Замкнутом море. Служа под началом Раписа, он в свое время познакомился с человеком, который в горах Громбеларда был тем же, кем Бесстрашный Демон был на морях. Басергор-Крагдоб, король Тяжелых Гор и горных разбойников. Раладан вспомнил этого громадного, даже более крупного, чем Рапис, мужчину со светлой, ровно подстриженной бородой. Они встретились с Демоном в Лонде, громбелардском порту у ворот Средних Вод. Раладан вспомнил, что его капитан понимал светловолосого предводителя разбойников почти с полуслова и наоборот. Они были почти как братья, люди одной и той же породы... Они виделись лишь в течение четырех дней. Крагдоб, как раз в Лонде, свалился им как снег на голову, предложив совместными усилиями расправиться с морским конвоем, перевозившим кольчуги, мечи и шлемы в армектанскую Рапу. Разбойник и его подчиненные поднялись на борт "Змея", а потом приняли участие в схватке с солдатами. Эти люди первый раз сражались на море... и даже сейчас, после стольких лет, Раладан вынужден был признать, что никогда не видел более метких арбалетчиков и такого рубаки, как король гор! Плечом к плечу с Раписом, они, казалось, просто развлекались – один с двумя мечами, другой с топором. Много раз потом собирался Демон вновь отправиться в Громбелард – хотя бы затем лишь, чтобы снова увидеть человека, который четыре дня был ему братом. Суровый пират, презиравший всяческие сантименты, никогда не скрывал своих чувств к великану горцу. Впрочем – что весьма необычно, – именно тогда завязалась не одна дружба. "Морскому Змею" часто приходилось заключать союзы с другими пиратскими парусниками – несколько раз с "Кашалотом" Броррока, раз-другой с "Севером" Алагеры... Выполнив задачу, корабли расходились, каждый в свою сторону, ибо их почти ничто не связывало, кроме этой самой задачи. Тем временем удивительная дружба моряков с горцами продлилась годы; более разговорчивый, чем Рапис, Эхаден не раз вспоминал Делоне, молодого виртуоза меча из Громбеларда. И пожалуй, самой странной была симпатия, которую питал лоцман Раладан к заместителю Крагдоба, симпатия, впрочем, вполне взаимная. Может быть, в основе ее лежало то, что оба были проводниками: один по морям, другой по горам...

Кот-магнат, Л.С.И.Рбит.

Раладан знал о котах и раньше, видел их в армектанских портах. Однако лишь в Лонде он встретил гадбов, громбелардских котов-гигантов.

Рбит был велик даже для гадба. Именно тогда Раладан поверил в услышанную когда-то историю об отряде Громбелардской Гвардии, состоявшем исключительно из котов. "Убийцы из Рахгара" могли внушать ужас разбойничьим бандам, не столь многочисленным и организованным, как компания Басергора-Крагдоба.

Раладан никогда не задумывался о том, как, собственно, выглядело сосуществование двух разумных рас. Непосредственно его это никогда не касалось. Однако, увидев в Лонде десятки, если не сотни котов, он заметил, что здесь они отнюдь не были чем-то необычным. Они отличались друг от друга точно так же, как отличаются люди. Естественно, кроме цвета шкуры прочие мелкие детали не бросались ему в глаза, однако, как он вскоре узнал, с противоположной стороны это выглядело примерно так же... Редко находившийся среди данных конкретных людей кот легко замечал разницу в росте, цвет волос... Однако черты лица ему приходилось просто заучивать наизусть. Различия между котами касались, естественно, не только внешности. Коты бродили по порту, вместе с разными мелкими бандами, но были и такие, кто сотрудничал с людьми. Похоже, некоторые занятия в Лонде были сферой деятельности почти исключительно котов. Купцы охотно платили им за охрану товара. Всякого рода курьерами, посыльными и гонцами были обычно коты. Громбелардский Легион платил коту-разведчику жалованье десятника, кошачий же патруль на улицах города, особенно ночью, был просто незаменим, появляясь всюду, где необходимо, словно призрак из темноты... Охотнее же всего четверолапые разумные брались за разовые работы.

Непривередливые в еде, не привыкшие к роскоши, не зная ни одежды, ни постоянного жилища, коты могли позволить зарабатывать себе на жизнь мелкими платными поручениями – передать письмо, проверить, пришел ли корабль в порт, найти того или иного человека... Вид упитанного горожанина, стоящего на пороге дома и орущего на всю улицу: "Есть поручение!" – никого в Лонде не удивлял. Впрочем, сразу же появлялась мохнатая фигура – и совершалась сделка; заработанные деньги исчезали в плоском кошачьем кошельке, подвешенном под брюхом.

Никто, однако, не встречал котов ни в Морской Страже, ни на торговом паруснике. Впрочем, даже Рбит не поднялся на борт "Морского Змея", дав понять, что считает это место самым неподходящим из всех, где он мог бы оказаться.

Больше же всего удивил Раладана тот авторитет, которым пользовался Рбит у людей Крагдоба. Он был его неоспоримым заместителем, его короткое слово прекращало любой спор, решало любые сомнения. Впрочем, сам предводитель разбойников считался с мнением кота больше, чем с чьим-либо иным на свете. Их явно связывала столь тесная дружба, какая редко бывает между людьми.

Все эти воспоминания вызвал у Раладана разговор с Давароденом, когда он упомянул мимоходом, что неплохо бы было иметь здесь, в Дурном Крае, таких людей, как горцы, с которыми он познакомился в Лонде. Он назвал имя – Басергор-Крагдоб и несколько удивился, увидев выражение лица арбалетчика.

– Ты ведь знаешь, господин, – сказал тогда Давароден, – что я служил в Громбелардском Легионе? Это имя известно там каждому солдату лучше, чем имя командира его гарнизона. Уже довольно давно этого человека никто не видел, неизвестно, что с ним. Но до сих пор говорят, что от него трясло весь Громбелард, что он имел доступ к таким тайнам, которые мало кому даже снились... Говорят, предыдущий Князь-Представитель в Громбе постоянно ощущал на горле его пальцы, отсюда и множество непонятных указов, которые сегодня выглядят, словно список привилегий для разбойников. Во имя Шерни, если бы я хоть раз встретил этого человека-легенду, я сразу сбросил бы мундир и пошел бы за ним куда угодно – естественно, если бы он меня взял... Знаешь, господин, что означает "Басергор-Крагдоб"? Всего лишь "владыка Тяжелых Гор".

– Что же тогда означает "Басергор-Кобаль"? – взволнованно спросил Раладан. – Может быть, ты и это знаешь?

– Л.С.И.Рбит! – Арбалетчик удивленно покачал головой. – Значит, ты и с ним знаком? Капитан, ты вырос в моих глазах! Этот кот – князь гор, именно это означает его прозвище. Самое странное и, пожалуй, самое таинственное существо Шерера, именно род Л.С.И. руководил знаменитым Кошачьим Восстанием. Это самый высокорожденный кот из всех известных империи, сам император после победы восстания присвоил его предкам статус Чистой Крови. Этот кот носит имя, которым немногие люди могли бы похвалиться. В Дартане, столь впечатлительном на титулы и звания, это имя дало бы ему должность рядом с Представителем!

Оба замолчали, от удивления не в силах разговаривать дальше. Потом им помешали, а еще позже не нашлось подходящего случая, чтобы продолжить тему.

Однако после того, что сказал Давароден, Раладан еще больше пожалел о том, что судьбе было угодно, чтобы "Морской Змей" никогда больше не зашел в Лонд.

Так или иначе, если даже не учитывать исчезновение Крагдоба, о котором говорил арбалетчик, у них не было теперь времени, чтобы искать кого бы то ни было где-то в Громбеларде. "Сейле" и ее команде приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. И главной проблемой Раладана была вовсе не судьба горных разбойников, но поиски Шара Ферена. И не было никакой уверенности в том, что им удастся найти именно этот Предмет за столь короткое время, которым они располагали.

"Я найду его, – обещал он, думая о той, кого был вынужден отдать в руки врага и кто значил для него больше, чем кто-либо на свете. – Я найду его, госпожа, будь уверена. Верь мне. Я добуду для тебя все, что только в состоянии добыть человек".

Та, которой были адресованы его обещания, находилась значительно ближе, чем он думал. В Роллайне, столице Дартана, всего в двухстах милях от моря, именовавшегося Пустым.

Самый большой, самый красивый и самый богатый город Шерера был одновременно местом нескончаемо порочным. Нигде человек не значил меньше, чем в Роллайне. Здесь имели вес лишь имена, титулы, дворцы и золото. Вокруг двора Князя-Представителя вращались все остальные дворы, вокруг них же в свою очередь – высокопоставленные семейства... Город утопал в роскоши и богатстве, жители его торговали всем, что имело в Роллайне какую-то ценность: мужчины продавали свои имена, покупая за них красоту женщин; женщины продавали свою красоту за дворцы; дворцы обменивались на титулы, те же – на золото. Весь Дартан трудился ради процветания этого города; хозяева деревень, разбросанных по всей провинции, лучшие свои резиденции имели в самом Роллайне.

Сюда прибывали люди со всех краев Шерера, и весьма разнообразные: виртуозы владения мечом – на турниры; купцы – с товаром, цена которого достигала здесь неслыханной величины; разные нувориши, желающие приблизиться к великим этого мира; наемники, ищущие случая вступить в Дартанскую Гвардию, где служба была самой вольготной и вместе с тем самой высокооплачиваемой в империи; наконец, проститутки и воры.

В таком городе и оказалась Ридарета.

Ее необычная красота даже здесь привлекала внимание, но куда меньше, чем в каком-либо другом уголке Вечной Империи. Красивых женщин в Роллайне было в избытке, дартанки не без причин славились своей красотой (но также, увы, и дурным характером). Безумие девушки тоже никого особо не волновало; из него сложно было извлечь деньги или использовать для карьеры. Предмесье дартанской столицы не имело ничего общего с предмесьем, скажем, гаррийской Дороны или Батбы, не говоря уже о Дране... Кого тут могло интересовать – не сбежавшая ли с любовником магнатка эта одноглазая красавица? Таких магнатов в предмесьях видели десятками каждую ночь... Где-то ведь им приходилось добывать должности для мужей. Не в собственных же комнатах?

Торговец, хозяин дома, в котором Ридарета и ее опекуны заняли целый этаж, вовсе не имел никакого желания о чем-либо расспрашивать. Он сразу же понял, что его гости не жители Дартана. Так, очередные искатели счастья в Роллайне. Он взял с них деньги за полгода вперед, и немало. Деньги ему были очень нужны, дела зимой пошли хуже.

Ридарета редко покидала свою комнату. Не потому, что ей это запрещалось. Семена сказала Раладану правду (хотя, естественно, не всю): те трое, которые увезли Ридарету из Дороны, были скорее ее опекунами, чем стражами. Ее всегда сопровождал кто-то из них, но это было единственным, что ей приходилось терпеть.

Чего Раладан не знал, так это того, что Семене на самом деле было прекрасно известно, где в случае необходимости искать заложницу...

Ридарета не выходила из комнаты, поскольку предпочитала смотреться в зеркало.

Она стала еще прекраснее. Но вместе с тем окончательно лишилась рассудка. За месяц она не произнесла ни слова. Лишь иногда только что-то шептала своему отражению в хрустальной поверхности. Когда не смотрелась в зеркало – лежала в мягкой дартанской постели, уставившись в стену или в потолок.

Однако спокойствие это было обманчивым. Ибо внутри ее души продолжалась война. Проигранная война. Приближающаяся к концу...

Трое ее опекунов, ведя истинно праздную жизнь, не могли о том знать. Они давно уже перестали обращать внимание на свою подопечную, лишь заботясь о том, чтобы она ни в чем не нуждалась. Именно так было им приказано перед тем, как они покинули Дорону.

Семена подняла голову, чуть повернув ее вбок. Зеркало отразило то же, что и всегда, уже три с лишним месяца: шрам, хотя и хорошо заживший, был все еще виден.

Она дотронулась до шеи, прикусив губу.

Тогда, задвигая громадные засовы, она не думала о подобных глупостях. Из разодранного горла, несмотря на боль, вырывался хриплый, булькающий кровью смех. Она знала только одно: этот человек умрет. От голода, но скорее от недостатка воздуха.

Прижав ладонь к ране, она, шатаясь, поднялась по лестнице и с грохотом опустила тяжелую крышку люка.

От голода... Снова послышался хриплый смех. От голода – пожалуй, нет. Она оставила ему в подвале достаточно мяса.

Теряя силы, она оперлась о стену и сползла по ней на пол. Подобная рана была не опасна, но очень болезненна и исчезала не сразу.

Она закрыла глаза; вскоре она открыла их снова и, оторвав от края платья длинный неширокий лоскут, обмотала им шею. Почему бы не помочь собственному телу?

Она снова закрыла глаза, продолжая сидеть неподвижно.

Такая рана была не опасна. Это она уже проверяла. Отрезанные члены умирали, но все другие повреждения или ранения быстро заживали. В худшем случае на это требовалось дня два. Тогда, когда удар пришелся в сердце. Она даже какое-то время думала, что убила ее... Но нет. Сознание вернулось, хотя и не сразу. Только боль, похоже, была необычно сильной. Она пробовала трижды, с тем же самым результатом: сначала потеря сознания, потом два-три дня болезненные спазмы и выздоровление. Медленное, но полное.

Она не отваживалась лишь повредить мозг. Слишком большой риск... Риолата все еще была нужна ей, она не могла умереть.

Казалось, этому не будет конца. Постоянно, словно ниоткуда, появлялись люди, которых она должна была знать, но не знала. Из положения она выходила по-разному – иногда удачно, иногда нет. Никто, однако, не обнаружил правды. В том была огромная заслуга Раладана... В поисках Ридареты он убил в Дороне почти всех, кто знал ее по-настоящему хорошо.

Кроме капитана Вантада и этого... Аскара.

Вантад должен был знать, что у Риолаты есть сестра-близнец. К счастью, он не сумел скрыть своих подозрений. Ей удалось избавиться от него еще на борту "Сейлы", прежде чем они достигли Дороны. Он пытался добраться до искалеченной, связанной женщины в трюме... Исчезновение капитана корабля стало для команды немалой загадкой. Но все списали на несчастный случай...

Аскара она вышвырнуть в море не могла. На борту "Сейлы" она просто почти не выходила из каюты. Здесь, в Дороне, ждали десятки дел. Суть их она в общих чертах знала, у нее было достаточно времени в пещере-сокровищнице, чтобы вытянуть из Риолаты не одну подробность. Но об Аскаре ей ничего не было известно.

На что рассчитывала Риолата? Что этот человек ее разоблачит? Она просчиталась. Но еще немного, и все могло повернуться иначе. Не раз ей хотелось бросить все, забрать сокровища и все, что можно было взять, забыть о Дороне, восстании, Агарах...

Однако ставка была слишком высока. В борьбе же с противоречиями ее сестра оказалась весьма действенным оружием – она почти не переносила боль...

Вскоре, однако, выяснилось, что боль не лишила ее способности думать. Цепей оказалось недостаточно.

Ведь они обе обладали подобной исключительной силой. Она училась эту силу использовать, почти вслепую, пробуя, пробуя, пробуя... Но пробовала и та. Слово в состоянии было привлечь частицу силы Темных Полос. С этим проблем не было, она просто отрезала Риолате кончик языка и вырвала дыры в щеках. Едва понятное, свистящее бормотание мало чем могло помочь. Но потом оказалось, что сильнее жестов и слов – взгляд. За это знание она едва не заплатила жизнью. Если бы Риолата еще немного подождала, она смогла бы развить свои способности... Однако она поспешила. Но даже тогда взгляд красных зрачков едва не оторвал ей голову.

Как-то ей удалось тогда выкарабкаться.

Все еще сидя у стены, она дотронулась до обмотанной вокруг шеи тряпки.

Она была липкой и мокрой.

Ярость прошла. Она уже понимала, что совершила серьезную ошибку. Аскар был нужен. Не только ей. Организаторы восстания связывали большие надежды с командиром доронского гарнизона, прирожденным солдатом и лучшим командиром из всех, что у них когда-либо были... Трудно будет объяснить его исчезновение, следовало считаться с дотошностью Ганедорра, Алиды и всех остальных из Драна. Конечно, никто не станет ее подозревать, но сам интерес к этому делу создаст немало хлопот.

Однако она не жалела. Она не могла больше выносить этого человека, претендующего по отношению к ней на какие-то... права. Подобные права мог иметь лишь один мужчина.

Но именно этот мужчина послал ей разорванное пополам свидетельство о собственности на "Сейлу". Дар от самого сердца. До сих пор никогда и никому... она ничего подобным образом не дарила.

Страхнув воспоминания, Лерена снова прикусила губу и вернулась взглядом к отражению в зеркале. Она была прекрасна. Только этот шрам... Но он был не слишком заметен.

- Почему ты меня не хочешь? - с упреком спросила она. - Найдешь ты где-нибудь кого-то красивее? И вернее?

Она коснулась пальцем гладкой поверхности. Зеркало треснуло.

Треснуло и зеркало Ридареты. Она разбила его ударом кулака.

Дверь открылась, и из соседней комнаты вошли двое. Она окинула их взглядом. Закрывавшая выбитый глаз повязка была темно-зеленой, так же как и платье, а по краям обшита серебром. Она обожала серебро. Серебряные браслеты, серьги, перстни и ожерелья. Когда-то, когда она командовала "Морским Змеем", на ней было серебро, много серебра...

Она показала руку.

- Я поранилась, - спокойно объяснила она. - Ничего страшного.

Мужчины быстро переглянулись. Это были первые слова, произнесенные ею за многие недели.

- Все прошло... - сказала она, чуть наклонив голову. - И не вернется.

Неожиданно она встала. Те инстинктивно отступили.

- Госпожа... - сказал один.

Она прервала его на полуслове.

- Мне нужно немного боли, - чуть улыбнулась она. - Я должна проверить, не забыла ли я, как разжигают огонь...

Она повернула голову вбок, чуть наклонилась и посмотрела искоса, все с той же улыбкой. Красно-желтое пламя с гулом охватило одежду обоих. Нахмутив брови, она смотрела, как воющие живые факелы мечутся по комнате.

- Пока я умею только поджигать, - с сожалением проговорила она. - Может быть, когда-нибудь я научусь и гасить.

Она вышла из комнаты. На лестнице ей встретился испуганный хозяин дома.

- Хочешь похудеть, толстячок? - спросила она. - Ну, иди сюда, я вытоплю из тебя немного сала.

Огненный шар с воем скатился по лестнице.

48

Смеркалось.

Таменат-Посланник, однорукий старик, громадный, словно гора, с все еще высоко поднятой лысой головой, подошел к окну, бросив взгляд на внутренний двор замка, по которому беспокойно бегали псы. Он привык называть свой дом замком; однако это был всего лишь приземистый восьмиугольник, окруженный стеной. На Черном Побережье такого дома было бы недостаточно. Но здесь, на этом острове, давно уже не было стражей Брошенных Предметов. Другое дело -

в море. Гехеги иногда выходили на сушу, но для защиты от них вполне хватало псов-басогов, которых он держал. А уж стена гарантировала полную безопасность.

Он наклонил голову прислушиваясь: ему показалось, что издалека донеслось пение сирен. Действительно, они пели... Он любил их песни, очень грустные. Однако он понимал, что именно в это мгновение на каком-то паруснике гибнут искатели приключений. Сирены никогда не пели просто так.

Честно говоря, он уже давно не слышал их пения. Наверное, уже несколько лет.

Может быть, он и помог бы погибающим, несмотря на то что путешествия за бессмысленным богатством, каковым были для авантюристов Брошенные Предметы, он глубоко презирал. Однако он не мог ничем помочь, не видя того, против чего хотел использовать Формулу. Он мог защитить от пения сирен самого себя, но лишь от такого, доносящегося издалека. Если бы пение звучало более отчетливо, он мучился бы как любой другой или немногим меньше. Другое дело, что он наверняка остался бы в живых.

Пение внезапно смолкло, и Таменат подумал, что теперь очередной корабль с мертвой командой будет дрейфовать по морю, пока не прибьется к каким-нибудь берегам. Кто знает, может быть, даже к берегам его острова? Сирены пели совсем недолго. Видимо, они были рядом с кораблем, раз столь короткого пения оказалось достаточно.

Самый старый мудрец Шерера отвернулся от окна и направился к середине комнаты. Большой стол был устлан мелко исписанными страницами.

Таменат творил свой вклад в Книгу Всего.

Пора. Он знал, что скоро умрет.

Наклонившись, он подsunул руку под крышку стола, после чего, выпрямившись, слегка приподнял его и передвинул. Перемещение стола вокруг кресла вносило в его монотонную жизнь хоть какое-то разнообразие.

Он уселся на широкое сиденье - твердое, из дубового пня, которое когда-то вырубил сам.

Потом встал и принес Книгу... Память. Память его подводила - все чаще.

Мрак постепенно заполнял комнату...

Таменат читал.

Много лет назад, когда Шернь превратила два осенних месяца в зимние, он испытал такое же чувство, как и сейчас. Он искал след Законов, которые подтверждали бы, что именно теперь, в этом году, Шернь вернет равновесие, отобрав у зимы лишние месяцы.

Он нашел.

Еще неделю назад он не смог бы признать эти строки Законом. Однако так оно и было. Вне всяких сомнений. Заметки жившего много веков назад Посланника, имя которого виднелось в начале страницы, так же как когда-нибудь будет там виднеться имя его, Тамената.

Он еще раз перечитал страницу. Обычные слова, рассуждения о природе мира и войны, которые внезапно стали невероятно многозначными, доказывая, что его предположения совпадают с тем, что содержится в Полосах.

У него заболели глаза. Он быстро уставал... С грустью он подумал, что придется обеспечить себе освещение. До сих пор оно ему не требовалось. Однако в последнее время он с все большим трудом видел в темноте.

"Петля Шерни, - подумал он. - То, что началось девять лет назад, в этом году закончится. Петля..."

Петли Шерни были феноменом, с которым не в силах была справиться математика. Они были подобны иронической улыбке правящей миром силы, хотя и мертвой. Доказанные, несомненно истинные, формулы и теоремы внезапно оказывались неверными. Объективно существующие, поддающиеся эмпирической проверке явления не поддавались теоретическому описанию. Как феномен времени в Крае. При сохранении непрерывности пространства - разрывность четвертого измерения.

Таменат вздохнул. Он не мог этого понять. Он был малозначимым Посланником, смешным мудрецом... Одним из тех, кто вместо философских постулатов вписывает в Книгу Всего преобразованные формулы. Работа поденщика, мальчика на посылах, приносящего хозяевам нужные инструменты. Кто-нибудь вроде Великого Дорлана благодаря найденным в Книге готовым преобразованиям когда-нибудь сэкономит время и силы. В деле познания Шерни математик был не более чем слугой историка-философа.

"Старческие сентименты", – укоризненно сказал он сам себе.

Он перевернул страницу и пробежал взглядом по десяткам букв. Внезапно рука дрогнула.

– Пророчество, – вслух произнес он.

Воистину. Теперь это было Пророчеством. В год замыкания петли. Он не думал, что ему дано будет увидеть Пророчество...

Он пошевелил губами, читая о двух Темных Полосах, проклятых Шернью. Внезапно он понял, как сильно ошибался. Это не петля Шерни. Это петля Отвергнутых Полос, единственным союзником которых были Просторы.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, утомленные борьбой с мраком.

Еще до того как возник разум, Шернь вела войну с враждебной силой, подобно ей стоявшей над миром, – Алером. Алер был побежден, но Шернь лишилась в той войне нескольких Темных и Светлых Полос. Светлых – больше. Чтобы сохранить равновесие собственной сущности, Шернь была вынуждена отвергнуть две Темные Полосы, отгородив их от остальных Ференом – стеной, вознесенной из Светлых Черт, отделенных от Полос. Проклятые Полосы, отброшенные за небесный купол, все же проникали в мир; такие вторжения называли Трещинами Шерни, хотя, по существу, они таковыми не были. Легче всего Проклятые Полосы проникали в мир над Просторами, соединенные с ними каким-то таинственным союзом, что было весьма необычно. Первобытная стихия Просторов, существовавших задолго до того, как такие силы, как Шернь, начали создавать сушу, была явно враждебной и попросту губительной для Полос. Просторы никогда не подчинялись Шерни. В нескольких сотнях миль от Шерера Шерни уже не было. Никто не знал, каким образом Проклятые Полосы могут – до определенной степени – сосуществовать с Просторами. Каким образом... и зачем?

Сила, подобная Шерни, должна была быть внутренне уравновешенной. Закон Равновесия – первый и важнейший из Законов Всего, касающийся как Шерни, так и Шерера. Таменат считал, что это первостепенное правило для всех сил и миров, которые где-либо существовали, существуют или будут существовать. Постоянное нарушение равновесия неминуемо влечет за собой гибель. Силы, мира... Чего бы то ни было. Иногда ему казалось, что Просторы стремятся именно к этому. К нарушению равновесия Шерни – чуждой для них (и потому враждебной) созидательной силы. Две Проклятые Полосы, результат крупнейшего в истории нарушения равновесия Шерни, естественным образом стремились вновь слиться с остальной ее частью. Ферен – стена, отделяющая их от остальных Полос – была создана не без причины. Быть может, существовала возможность уничтожить Ферен. Если бы это удалось, Шернь вновь оказалась бы выведена из равновесия. Никто был не в состоянии сказать, возможно ли восстановить однажды разрушенную преграду. Но могло быть и иначе. Таменат (и не он один) не раз задумывался о том, почему Шернь, после победоносной войны с Алером, не уничтожила свои лишние Полосы. Достаточно было бросить их против побежденной, но все еще способной уничтожать мощи Алера... Быть может, по каким-то причинам это было невозможно. Таменат, однако, считал, что скорее... ненужно и нежелательно. Шернь была слепой, неразумной, но достаточно целесообразно действовавшей силой. Может быть, лишние (и вредные!) Темные Полосы могли сыграть полезную роль, брошенные не против Алера, а против Просторов? Их союз с вольной стихией мог быть союзом чисто внешне, в действительности же, быть может, Проклятые Полосы и Просторы угрожали друг другу, создавая тем самым новое, своеобразное равновесие?

Значит, перемирие – или скорее холодная война?

Таменат снова вздохнул. Он не знал. Никто не знал.

Он не считал, что на этот раз случилось нечто, что наконец позволит ему понять. Однако, хотя он не мог знать, что, собственно, происходит, он мог хотя бы выяснить как.

Он снова склонился над Книгой.

Корабль раскачивался, словно пьяный, паруса громко хлопали. Не было никого, кто мог бы стоять у руля или хотя бы закрепить его в нужном положении. Раладан ползал по палубе, все еще ощущая тупую боль, раздирающую внутренности. Он увидел лежащего в крови матроса, но тут же заметил еще двоих, которые ползли к корме подобно ему самому. В очередной раз он подумал о том; сколь превосходная команда ему досталась. Его ребята даже сейчас думали о "Сейле".

Сколько их осталось?

Боль медленно утихала; Раладан сумел сначала встать на колени, потом с трудом поднялся. Тут же выпрямился и парусник, снова ложась на курс. У руля кто-то уже был, хотя чувствовалось, что корабль ведут очень неуверенные руки.

- Спустить паруса! - хрипло крикнул Раладан. - Бросить якорь!

Приказ был выполнен, хотя это и стоило немалых усилий.

Якорь наконец крепко впился в грунт, и "Сейла" замерла неподвижно. Раладан окинул взглядом море, ища черные спины и высокие плавники, разрезающие воду словно мечи. Они были тут! Но очень далеко, там, откуда доносилось пение. Неужели битва еще продолжалась?

Бохед, его первый помощник, стоял рядом, все еще согнувшись пополам и прижимая руку к животу.

- Трое мертвы, - с усилием проговорил он. - Но еще с троими... очень плохо, капитан. У них все еще идет кровь.

Раладан стиснул зубы, ибо знал, что это означает. Он потерял шесть человек.

С другой стороны притащился Давароден.

- Мои целы, - сказал он. - Капитан, некоторые надели шлемы... и это помогло. Немного, но больше, чем затыкание ушей.

Раладан внимательно посмотрел на него:

- Скажи об этом всем. В оружейной есть несколько шлемов. Думаю, никакого пения больше не будет... но все-таки скажи всем.

Он посмотрел на палубу. Матросы, все еще шатаясь от слабости, сносили в одно место тела товарищей. Кто-то со слезами проклинал все и вся. Раладан увидел парнишку, который был единственным другом всеми нелюбимого - по традиции - кока, действительно, впрочем, скряги каких мало...

Раладан взглянул на угрюмый черный островок милях в десяти от корабля. Тот ли это? Они блуждали уже довольно долго, напрасно ища остров, отмеченный пятном приземистой башни на холме. Он мог бы поклясться, что это именно здесь. Может быть, ближе? Может быть, дальше на север?

Давароден рванул его за плечо. Раладан обернулся, и на мгновение его ослепило красное заходящее солнце, отражавшееся в волнах. Тут же раздался крик одного из матросов. Все бросились к борту.

Косатки мчались подобно шторму. Черные спинные плавники рассекали воду, огромные спины выныривали, чтобы тут же исчезнуть. Несколько гибких обтекаемых тел пронеслись у самого борта "Сейлы". Одно из последних животных отделилось от остальных, возвращаясь. Матросы громко закричали, когда черно-белый силуэт взмыл над волнами, перекувыркнулся в воздухе и с грохотом обрушился в воду, подняв фонтаны брызг.

- Шернь... - простонал Давароден.

Косатка вынырнула еще раз, вертикально встав в воде; в глубине бил могучий хвост. В открытой пасти виднелись многочисленные зубы.

- Там! - внезапно крикнул один из солдат.

Среди морских волн кипела новая битва. Несколько раз над поверхностью воды взмыло черно-белое тело, можно было увидеть и другие, незнакомые создания, разбрызгивавшие воду.

- Поднять якорь! - прогремел Раладан. - Ну, друг мой, - обратился он к рослому арбалетчику, - это наверняка не сирены. Прикажи своим приготовить самые тяжелые стрелы. Может быть, арбалеты нам пригодятся...

Матросы уже были у кабестана. Однако еще до того, как якорь пошел вверх, перед самым носом, разбрызгивая волны, мелькнул необычно высокий и широкий истрепанный плавник. Почти в то же мгновение они увидели другой, могучий и черный... Чудовищный удар выбросил на поверхность большую зеленоватую рыбу, бока которой, казалось, разлагались заживо, полные

каких-то дыр и клочьев мяса или кожи... У нее был длинный рог, похожий на зуб нарвала.

Рыба снова упала в бурлящую пену. Она описала тесный круг, ища врага, - и снова тяжелый удар, на этот раз нанесенный, похоже, прямо снизу, выбросил ее из воды столь близко от "Сейлы", что они явственно ощутили смрад гниющего мяса. Брызги воды залили возбужденно кричащих людей. Изгибаясь в воздухе, чудовищная тварь снова рухнула в волны и исчезла где-то в глубине, еще раз ударив о борт хвостом.

Парусник содрогнулся.

Поднявшиеся волны сильно раскачивали корабль, однако на поверхности ничего не появлялось. Матросы переглядывались, с отчаянно бьющимися сердцами, догадываясь, что где-то внизу, может быть в нескольких десятках локтей под килем, разыгрывается неизмеримо жуткая битва гигантов...

Шагах в шестидесяти от борта волны вдруг расступились, и они увидели поднятую над водой, пронзенную длинным рогом навывлет извивающуюся косатку. На "Сейле" послышался возглас неподдельного и искреннего отчаяния.

В то же мгновение рог чудовища сломался у самого основания!

Однако тут же они почувствовали новый удар, сбивавший с ног. Зелено-желтая рыба нападала раз за разом, ударяя тупым обломком рога. "Сейла" сильно раскачивалась, сотрясаемая ударами. Но удары эти были все слабее. Однако они не прекращались, зловещая тварь, словно некая машина для уничтожения, все возвращалась и возвращалась, нападая, нападая, нападая...

После одного из очередных толчков Раладан и матросы увидели арбалетчиков Давародена, которые, присев у фальшборта, посылали стрелу за стрелой так быстро, как только это было возможно.

Удары не прекращались. Однако они были уже не опасны.

Последнее нападение они видели очень хорошо. Среди вечерних сумерек отвратительная рыба, тяжело переваливаясь с боку на бок, с наспигованной стрелами спиной, неслась к борту. До него она доплыла по инерции - уже мертвая... Легкий толчок... Вонючее тело перевернулось брюхом вверх, и они увидели, что было тому причиной: из чудовищных ран текла какая-то синяя, размывавшаяся волнами жидкость. Хвост едва держался... Чувствуя комок в горле, они посмотрели туда, где погибла пробитая рогом косатка, а потом дальше, на поле морского сражения.

Стая возвращалась - но уже менее многочисленная.

Черные спины проплыли вдоль бортов, потом описали большую дугу, все еще невдалеке от "Сейлы". За косатками тянулся темный, кровавый след...

Раладан и его команда молча махали руками, со странной уверенностью, что косатки видят этот их жест и понимают его значение.

Башня стояла на холме, примерно в миле от берега. Арбалетчики разделились: двое шли впереди, двое по бокам, остальные же держались рядом с Раладаном и Давароденом. Капитан полагал, что подобные средства предосторожности в случае настоящей опасности мало чем помогут, однако в командование Давародена не вмешивался. Тем более что осторожность никак не могла повредить.

Они беспрепятственно добрались до самого подножия возвышенности.

Псы появились внезапно и бесшумно, огромные, с теленка ростом. Раладан никогда прежде не видел басогов, но это могли быть только они. Они мчались вниз по склону невероятно длинными прыжками. Арбалетчики Давародена выстроились без единой команды, с быстротой, удивившей капитана, пожалуй, больше, чем вид громадных псов. Четверо присели, четверо остальных прицелились над их головами. Давароден стоял рядом, словно на параде, держа арбалет обеими руками, вертикально перед лицом.

Псы были от них в пятидесяти шагах.

Высоко на склоне появился какой-то человек. Он крикнул, и псы остановились словно вкопанные. Однако было уже поздно, так как в это же мгновение Давароден спокойно бросил:

- Рель!

Стрелы помчались вперед, послушные громбелардской команде.

Один из псов рухнул на землю, скуля, остальные три упали без единого звука. Солдаты тут же начали вновь натягивать тугие тетивы.

Незнакомец – громадный, словно дуб, мужчина в просторном сером плаще – медленно спускался по склону. Они поспешили ему навстречу, готовые к любым неожиданностям. Возле псов они задержались, но несколько поодаль, поскольку последний зверь, хотя и с двумя стрелами в спине, скалил зубы, пытаясь подняться... Давароден наклонил арбалет, желая прекратить его мучения, но Раладан, повинуясь некоему порыву, жестом остановил его.

Давароден повернулся к своим людям, не спуская взгляда с приближающегося гиганта.

– Плохо, – коротко, с укоризной сказал он.

– Шлемы, господин, – объяснил один из солдат. – И доспехи.

Командир кивнул, принимая оправдание. Раладан тоже понял, что имелось в виду. По мнению Давародена, закрытые шлемы для арбалетчиков были чем-то вроде недоразумения. Узкая щель затрудняла оценку расстояния. Шлемы подобного типа были вполне уместны в рукопашной схватке, так же, впрочем, как и кирасы – крайне неудобные для арбалетчиков. Ее благородие Семена не могла решить, хочет ли она иметь топорников или стрелков.

Тем не менее Раладан не мог не оценить мастерства этих солдат: они ведь не стоваривались, лишь выучка заставила их выбрать цель. Каждый пес получил две стрелы.

Человек в сером плаще – лысый как колено, похоже столетний, но необычно могучий старик – сначала склонился над псами. Жестом он успокоил раненого зверя, провел рукой над его головой, и пес застыл неподвижно. Однако заметно было, что он все еще дышит. Старик выдернул стрелы и коснулся ран. Лишь потом он тяжело выпрямился.

– Зря, – грустно проговорил он на языке Кону. Он окинул взглядом скрытые шлемами головы солдат и остановился на лице Раладана. – Я вас не виню, вы не могли знать, что я их задержу. Я старею и уже не могу бегать так быстро, как когда-то.

Раладан открыл рот, но старик поднял руку. Плащ откинулся, и все увидели, что второй руки у него нет.

– Поговорим у меня.

Давароден кивнул солдатам. Те тут же вырвали стрелы из неподвижных тел, очистили их, несколько раз воткнув в землю, протерли наконечники краями накидок и вложили в мешочки на поясе. Старик, несмотря на все еще заметное сожаление о гибели псов, с уважением посмотрел на них. Он коснулся плеча, где должна была быть рука.

– Я потерял ее, когда служил в Громбелардской Гвардии, – сказал он. – Командовал клином арбалетчиков, – добавил он, кивнув в сторону Давародена. – Правда, это было много лет назад.

Рослый островитянин посмотрел сквозь щель в шлеме сначала на него, а потом на Раладана. Гвардейская колонна, в состав которой входил упомянутый отряд, была, что называется, элитарным подразделением... Великан калека был командиром лучших арбалетчиков в мире.

Старик снова склонился над псом, после чего спросил, снимая плащ:

– Поможете мне?

Четверо солдат, с разрешения Давародена, отдали арбалеты товарищам и с некоторой опаской приблизились к басогу. Тот крепко спал. С усилием они уложили тяжелое тело на плащ и подняли его за четыре угла.

– Осторожнее, – попросил Посланник.

Он двинулся вперед, ведя их в сторону обнесенной стеной восьмиугольной башни.

Весь путь они молчали.

Массивные ворота были открыты. Давароден молча показал на двоих. Те остались снаружи. Точно так же он поставил двоих за стеной, у входа в башню. Увидев взгляд хозяина, он многозначительно направил арбалет в землю, словно говоря, что ничем не хочет его обидеть, а лишь делает свое дело.

Тот кивнул в знак согласия. Раладан начал подозревать, что эти двое договорятся легче, чем он сам с командой "Сейлы".

Пса оставили в маленькой комнатке внизу. Посланник, похоже, забыл о своих гостях. Он поискал что-то в стоявших у стен кувшинах, достал из ящика рулон странного, снежно-белого полотна. Старательно перевязав зверя, он намазал ему морду какой-то резко пахнущей пенистой смесью.

– Это мой солдат, – коротко пояснил он, закончив. – Последний.

Все кивнули.

По крутой, утопающей в темноте лестнице они поднялись на второй этаж башни. Старик открыл тяжелую дверь. Обстановка каменного помещения потрясла вошедших.

У стены стоял большой стол, устланный исписанными страницами. На нем также лежала невообразимых размеров книга; Раладан усомнился в том, что смог бы сдвинуть ее с места... Рядом с ней была другая, поменьше, открытая на страницах, заполненных одними лишь цифрами и непонятными знаками; но капитан "Сейлы" немного имел дело с этой странной, прекрасной наукой, и вид математических таблиц его вовсе не ошеломил. Он перевел взгляд дальше. Рядом со столом находилось кресло, точнее, глубокое сиденье, вырубленное в дубовом пне. Вдоль всех стен стояли полки, на полках же – книги...

Раладан не предполагал, что на свете может существовать столько книг. За всю свою жизнь он видел их не больше нескольких десятков. Он умел читать (хотя понятия не имел, где этому научился), но, честно говоря, в основном названия островов и морей. С письмом дела обстояли хуже. Собственно, на самом деле он никогда по-настоящему не пробовал. Иногда он вносил поправки в карты, названия мог как-то нацарапать, а больше ему и не требовалось. Однако он знал, что в Армекте искусству письма обучается каждый ребенок...

Сколько же, однако, нужно было изобразить букв, чтобы заполнить ими хотя бы _одну_ книгу?

Солдаты смотрели с еще большим изумлением, чем он. Давароден, так же как и Раладан, немного умел писать (без этого невозможно было стать офицером, а рослый арбалетчик когда-то всерьез подумывал о звании подсотника региона). Они переглянулись.

В комнате стояли еще три стола поменьше, на которых лежали обломки каких-то камней, разной величины и формы, засушенные листья и цветы, большие и маленькие кости и множество других предметов... Под каждым из них находился листок исписанного мелким почерком пергамента. Иногда таких листков было несколько, а иногда даже десятка полтора.

Старик уселся в свое кресло.

– Прошу простить, что занял единственное сидячее место, – сказал он, чуть шевельнув рукой. – Мой возраст дает мне подобную привилегию. Перед вами, – неожиданно улыбнулся он, – вне всякого сомнения, самый старый человек Шерера... Здесь, – он описал полукруг рукой, что могло в равной степени означать комнату, остров или весь Дурной Край, – меня называют Таменат-Посланник.

Раладан хотел было что-то ответить, но старик опередил его, спросив:

– Может быть, кого-то из вас зовут Гет-Хагдоб? Нет? А может быть, вам хотя бы знакомо женское имя, Риолатте?

Раладан вздрогнул.

– Да, господин, мне знакомо очень похожее имя... – сказал он; он хотел добавить что-то еще, но удержался. – Знакомо, – повторил он.

Старик внимательно разглядывал его.

– Ты ведь решил ничему не удивляться, не так ли, господин? Это очень мудрое решение, и оно лишь доказывает, что в жизни ты многое повидал.

Неожиданно он вздохнул.

– Значит, действительно Пророчество, – сказал он как бы про себя. – Я все объясню, – тут же предупредил он. – Однако не знаю, следует ли нам разговаривать в присутствии стольких людей?

Раладан посмотрел на солдат. Давароден отрицательно покачал головой.

– Господин, – заметил старик, – я восхищаюсь выучкой твоих людей, и притом как знаток. Но все вы находитесь в доме того, кого иногда называют магом, не знаю, впрочем, почему. Однако, если это поможет вам понять... Пойми, брат мой, арбалет здесь мало чем поможет.

Давароден хотел что-то ответить, но Посланник, видимо, решил не давать слова никому.

– Я не собираюсь с вами сражаться. Я хочу поговорить. Но только с одним, а не со всеми.

– Забери своих, – сказал Раладан. – Подождите во дворе.

– Зачем я тогда поднимался по этой лестнице?! – в гнев бросил арбалетчик.

– Давароден, – настойчиво проговорил Раладан, – здесь команду я. Зачем

ты заставляешь меня делать тебе выговор в присутствии твоих солдат?

- Хотел бы упомянуть, - сказал Таменат, - что оба вы ошибаетесь. Здесь командую я. И я говорю: вояки, пошли прочь.

Давароден снял шлем, словно лишь для того, чтобы все могли увидеть его гневный взгляд. Он с претензией взглянул в лицо капитану и кивнул солдатам. Обернувшись, он вытащил меч из ножен и протянул его Раладану.

- Возьми, господин, - сказал он не терпящим возражений тоном. - А то эти твои ножи смешат меня до слез!

Раладан ради спокойствия взял оружие, но, едва солдаты покинули комнату, тут же положил его на стол.

- Это прекрасный солдат и друг, - сказал он, глядя на старика.

- Вижу, - последовал краткий ответ.

Раладан заложил руки за пояс.

- Подавляющее большинство тех, кого я встречал за свою жизнь, - сказал Таменат, - смотрят на Посланников, словно на двухголовых быков... Однако я вижу, господин, что ты к таковым не относишься. Прежде чем мы начнем разговор, я хотел бы спросить: не встречал ли ты когда-нибудь такого же человека, как я? Если да, то что он говорил? Может быть, что-нибудь о Законах Всего? Мы бы сэкономили массу времени, если бы оказалось, что ты кое-что знаешь о Шерни и Полосах.

- Я слышал о Законах Всего, хотя не стану делать вид, что многое из этого понимаю. Я действительно встречал... странного старика. Он не называл себя Посланником, но думаю, что он был им, так же как и ты.

- Может быть, он назвал свое имя?

- Нет... - Нахмурившись, он добавил: - Это бродячий музыкант-калека. Мы встретились в одной из гаррийских таверн. При нем был странный инструмент, я никогда такого не видел.

Таменат слегка откинулся назад.

- Это не был Посланник, - сказал он. Он как-то странно посмотрел на Раладана: - Не знаю, интересуется ли это тебя, господин, но существо, о котором ты говоришь, старо, как сам Шерер... На протяжении веков оно появлялось много раз, и всегда там, где исполнялись пророчества Законов Всего.

- Кто же тогда этот человек?

- _Существо_, - подчеркнул Таменат. - Никто этого не знает... но он наверняка не человек.

Они помолчали, каждый погруженный в собственные мысли.

- Ну хорошо, господин. Теперь сперва скажи мне, что тебя привело в Ромого-Коор. Безымянная Земля, - пояснил он, видя удивление капитана. - Вы называете ее Дурной Край.

- Ты, господин, - последовал ответ. - Мне поручено найти Посланника и попросить его о помощи.

- Помощи в чем?

Раладан объяснил.

По мере того как он говорил, старик все шире раскрывал поблекшие глаза. Неожиданно он разразился хохотом, могучим, как и вся его фигура.

- Нет, ради всех Полос, - тут же сказал он, словно стыдясь самого себя. - Прости меня... Ведь я знаю, что за этим должно крыться что-то еще. Но, господин, должен признаться, что мысль о том, чтобы просить человека, такого как я, о помощи при строительстве крепости, что называется, гм... весьма необычна! Точно так же, - добавил он, - как и использование в этих целях Брошенных Предметов. Да, Предметы, в вашем понимании, могут послужить хоть для постройки целого замка. Я против того, чтобы их выносили за пределы Края, но это делалось, делается и будет делаться, тут я ничем помешать не могу. Однако если уж им приходится служить иным целям, нежели те, для которых они были созданы, то, может быть, и в самом деле лучше, если с их помощью возведут крепость, чем станут ради потехи кувыряться в воздухе, как когда-то шут дартанского короля, пользуясь (ты не поверишь, господин!) могущественным Пером... Должен, однако, тебе сказать, что строительство замков не является предназначением Предметов, даже если этот замок должен изменить судьбу империи. Моя задача - понять сущность Полос Шерни и дополнить Законы Всего. - Он положил руку на огромную книгу.

- Я понимаю, господин, - сказал Раладан. - Но я также знаю наверняка,

что этот замок и Законы очень сильно между собой связаны.

- И я так считаю, - согласился Таменат. - Лишь поэтому мы с тобой все еще беседуем... Вернемся, однако, к имени Риолатте. Не ошибусь ли я, утверждая, что именно с него все берет начало?

- Да, это правда, - ответил Раладан.

50

Алида ждала... Подозрения Киливена, Первого Представителя Судьи Трибунала, постепенно превращались в уверенность. Она знала, что следует ожидать удара.

Она ждала. Бездействие было мучительным, но иного выхода не оставалось. Вскоре должно было вспыхнуть восстание. Если бы удалось оттянуть развязку до его начала, всем проблемам был бы положен конец. Она надеялась, что это ей удастся. Ей не хотелось преждевременно предпринимать какие-либо действия с труднопредсказуемыми последствиями.

Кем был этот человек? Ей никак не удавалось собрать о нем необходимые сведения. Странно. Армект был неблизок, но столь знатная фамилия должна была быть известна - в той или иной степени - даже здесь. Трудно предполагать, чтобы на столь высокий пост призвали откуда-то с армектанской Северной Границы какого-то магната-одиночку... Представительские дворы в провинциях все же вращались вокруг двора в столице. Если бы Киливен происходил из окружения императора - здесь бы о нем знали.

Однако все было иначе.

Она послала доверенных людей в Армект. Однако на подобное путешествие требовалось время. И вряд ли стоило предполагать, что, добравшись до места, они сразу же отправятся прямо на обед к императору, чтобы расспросить о господине Б.Н.А.Киливене... Сведения следовало собирать осторожно. Однако, несмотря ни на что, это продолжалось чересчур долго. Она уже начала терять терпение.

Этим вечером она хотела лечь спать пораньше. Удобные апартаменты Трибунала вводили в искушение. После безнадежно нудного дня она чувствовала себя крайне уставшей.

"Стареешь, дорогая", - привычно подумала она. Впрочем, на самом деле она ощущала себя моложе, чем когда-либо. В ее руках была власть, и притом власть столь огромная, каковой не имел, пожалуй, никто во всей провинции. Она любила власть и охотно признавалась в этом себе. Кто еще мог бы здесь составить ей конкуренцию? Князь-Представитель? Этот старик уже не в состоянии был управлять даже собственной прислугой. Он был у нее в руках, ибо у нее был Ганедорр... Вот умный человек, хороший организатор и кандидат в вожди восстания, а после его победы - даже во властители Гарры. Но не более того. Чтобы управлять по-настоящему, ему не хватало воображения. Нет, конечно, оно у него было... Но небогатое.

Она расчесала волосы, тщательно уложила их, даже не глядя в зеркало. Она уже не могла позволить себе носить косу. Приходилось выглядеть... гм... благородно.

Она рассмеялась. Власть шла ей на пользу. Она не только чувствовала себя молодой, но и выглядела моложе. Она любила нравиться (а кто не любил?). Другое дело, что в последнее время нравиться было особо некому.

Неожиданно мысли унесли ее в прошлое, в Ахелию. Почему воспоминания о тех временах оказались столь прочными? Она охотно бы стерла их из памяти. Раз и навсегда. Воспоминания о величайшем проигрыше в ее жизни.

Она заметила, что на ней голубое платье - такое же, как и тогда, много лет назад...

Она ему нравилась.

"Глупость, - констатировала она. - Ну да, глупость, и ничего больше...

Скажи, Алида, что ты такого могла найти в том человеке? Ну скажи? Сколько тебе, собственно, лет, дорогая? Четырнадцать? Смешной самообман?"

Вот только, естественно, это вовсе не было смешным самообманом. Она не могла обманывать себя почти девять лет.

Она знала о мужчинах все, что можно было о них знать. Ничего сложного, этого было не так уж и много... Обменявшись с кем-нибудь парой слов, даже просто взглянув на него, она наверняка могла сказать о нем больше, чем его родная мать. Почему же именно этот и никто другой? Что у него было такого, чего не было у других? Живот, твердый, как из железа? Ведь не в живот же она влюбилась!

О да, этот живот она помнила...

Что в нем было такого? Ну что, что непонятного?! Какой-то пират!

Из задумчивости ее вывела служанка, сообщившая о прибытии гостя. Алида мгновенно пришла в себя. Ей трудно было бы жить без рискованных игр, и все же она почувствовала, как сердце забилось сильнее. Б.Н.А.Киливен, Первый Представитель Верховного Судьи Трибунала.

Он никогда прежде к ней не приходил. Значит, развязка!

Алида прошла в комнату рядом, где всегда принимала гостей.

Она приветствовала его сидя, в довольно непринужденной позе.

- Чем обязана?... - спросила она, не пытаясь скрыть неприязни, даже скорее ее подчеркивая. Она знала, что подобное поведение раздражает.

Гость слегка поклонился:

- Прошу прощения, госпожа, если помешал. Однако дело, с которым я пришел...

- Не терпит отлагательства, - почти зевнула она.

- Именно так, - помолчав, подтвердил он.

Он продолжал стоять, выжидаяще глядя на нее. Сестра она ему не предложила.

- Только что, - сказал он, видя, что долгие вступления ни к чему, - по моему приказу арестован господин судья Ф.Б.Ц.Нальвер.

В ее голове пронеслось сразу несколько мыслей. Он застал ее врасплох, но скрывать это ей было незачем.

Она встала.

- Что это значит? - с ужасом спросила она.

- Это значит, госпожа, что я пришел за твоей откровенностью.

Он сел, не ожидая приглашения, и откинулся на спинку кресла.

- Не понимаю? - бледнея, сказала Алида.

- Не притворяйся, госпожа. Ваша хитрость достойна похвалы, но игра окончена. Сначала, думаю, стоит кое-что объяснить, поскольку мне кажется, что твои люди в Кирлане не оправдали возложенных на них надежд. Я специальный посланник его величества императора. Мои полномочия неограниченны...

Он дал ей переварить услышанное.

- Что означает, - добавил он, - что я могу с одинаковым успехом как отрубить тебе, госпожа, голову, прямо здесь и сейчас, так и приказать потопить все корабли Главного Флота или же снять с должности Князя-Представителя. Я могу столько же, сколько и император. Не меньше.

Слова его потрясли ее не настолько, как она делала вид. Однако она вынуждена была признать, что они обладают определенным весом.

Внезапно она заметила, что стоит, в то время как он сидел... Хорошо. Пусть так и будет. "Я пришел за твоей откровенностью", сказал он. Ерунда. Он пришел за собственным успехом... Она это знала. Каждый, достигнув цели, желает получить минуту радости. Удовлетворения.

"Говори, говори... - подумала она. - Позабавимся немного".

- Я знаю, что судьба Верховного Судьи мало интересует тебя, госпожа, - сказал он, вытягивая ноги. - Это лишь завеса, под которой ты ведешь собственную игру. Уверю, мне все известно. Но я до сих пор не понимаю, на что ты, собственно, рассчитывала после восстания?

Она решила, что стоит ему об этом сказать.

- Может быть, мне хотелось занять место Нальвера? После победы восстания многое изменится, но такие организации, как эта, всегда будут нужны.

- Ты и в самом деле верила, госпожа, что восстание может закончиться победой?

- Верила? Нет, господин, я просто умею считать. Старого Князя-Представителя заботит лишь гарнизон в Дороне, и никакой другой. Уже, наверное, полвека Гаррийский Легион не был столь немногочислен. Не говоря уже о морской страже. Я умею считать, господин. И я знаю, что если с одной стороны поставить четверых, а с другой двоих, то эти двое наверняка проиграют.

- Не всегда, - заметил он. - Но, честно говоря, я разделяю твое мнение. Особенно если говорить о состоянии войск и флота в этой провинции. Однако я боюсь, госпожа, что твои расчеты... основаны на ложных предпосылках. Это у меня четверо, а не у тебя.

- Значит, кто-то из нас считает неверно, - согласилась она. - Думаю, этот спор нам не решить. Во всяком случае не сейчас.

- Это правда. Боюсь, однако, что, когда настанет час развязки, ты уже не сможешь признать мою правоту, госпожа. Разве что... - Он замолчал.

- "Разве что" - что, господин?

- Разве что ты исправишь причиненное зло, госпожа.

- Каким образом?

- О, самым простым. Мне известно очень многое, я знаю даже настоящий срок начала восстания. Но ведь я не знаю всего. И открыто в этом признаюсь.

- И ты считаешь, господин, что то, чего не знаешь ты, знаю я?

- Именно так.

Она задумалась.

- Благородный господин, - сказала она, не скрывая любопытства, - скажи мне, кто ты еще? С глазу на глаз... Ибо то, что ты посланник Кирлана, я уже знаю.

- Скажем так... человек, когда-то особо рекомендованный Князю-Представителю Императора в Роллайне.

- Рекомендованный кем?

- Госпожой Б.Л.Т.Еленой. Это о чем-либо говорит?

- Внебрачный сын Баватара и Елены. - Она с улыбкой посмотрела на него.

- Мне следовало догадаться!

Он нахмурился:

- Я тебя недооценил, госпожа.

- О нет, - почти весело сказала она. - Зато я, господин, слишком тебя переоценила...

- Было бы ошибкой предполагать, - резко бросил он, - что в Кирлане кто-либо поверит в то, что господа Елена и Баватар торговали должностями! Громадной ошибкой!

- Согласна, - ответила она. - Но, но... Ведь ты, господин, попросту ублюдок?

Она продолжала стоять, но вдруг оказалось, что так ей легче смотреть на него свысока.

Он вспыхнул гневом:

- А ты кто? Может быть, хочешь, чтобы я тебе рассказал?

- Шлюха, - с наслаждением проговорила она. - Гулящая девка, проститутка, публичная баба. За деньги дам даже псу. - Она приоткрыла рот и провела кончиком языка по зубам. Когда он вскочил с кресла, она лишь насмешливо фыркнула. - Ну, господин... Хочу лишь об одном еще спросить: как могло так случиться, что из Кирлана присылают человека, может быть, и неглупого, но не имеющего никакого понятия, как следует разыгрывать подобные партии? Неужели в столице утратили всякое чувство реальности? Здесь должно вспыхнуть восстание, слышишь, парень? Восстание, не пьяная драка! Ты знаешь, сколько интриг и специальных мер требует подготовка почвы для мятежа целой провинции? Этим занимаются и должны заниматься люди, для которых ложь - профессия! Профессия и страсть!

- Я не лжец ни по профессии, ни по пристрастию, - заявил он. - Это самое главное различие между нами. Однако моя миссия выполнена. Идем, госпожа. Солдаты ждут у дверей.

- Солдаты? Гаррийская Гвардия будет конвоировать женщину?

- Не женщину, а изменницу и проститутку.

Она вздохнула:

- Не женщину? Ну ладно. Сколько тебе лет, мальчик? Эй, бравый страж, - проговорила она, не меняя тона. - Крепко спишь?

- Я не сплю, госпожа, - ответил великан, выходя из-за портьеры и поднимая арбалет.

- Не посмеешь, - язвительно проговорил Киливен. - Уверю тебя, хлопот не оберешься. За дверью...

- Вот именно, за дверью. А не за портьерой. Умоляю, ничего больше не говори, господин, твоя наивность начинает утомлять... Хлопоты? Разве может их быть у меня больше, чем уже есть?

- Мои полномочия...

- Только что закончились. - Она подошла к слуге, коснувшись его руки. - Это не слуга, - сказала она, - это друг.

- И что ты с ним делаешь, когда ему не следует слышать чужих разговоров? - спросил Киливен, видимо желая выиграть время; в голосе его уже не чувствовалось легкости.

- Он может слышать и видеть все. - Она покачала головой. - Если бы ты, мальчик мой, увидел хотя бы половину того, что видел он, ты от одного этого стал бы мужчиной... Ну ладно, хватит этих разговоров с мертвецом.

- Убить, госпожа?

- Конечно.

Арбалет выплюнул стрелу... и Киливен даже не вскрикнул.

Она спокойно удостоверилась, что он мертв.

- Теперь слушай, - сказала она. - Это войско перед дверью должно исчезнуть. И поскорее.

Движением головы слуга показал на окно.

- Угу, - согласилась она. - Через дверь тебя не выпустят. Этого я пока спрячу за портьерой... Я справлюсь, иди. Поторопись!

Он наклонился, вырвал стрелу из трупа, голыми руками натянул тетиву и коснулся ее плеча, подавая оружие. Она взяла арбалет. Великан подошел к окну, выглянул наружу и вышел в мрак летней ночи.

Алида осталась одна.

Она основательно намучилась, но тело оказалось чересчур тяжелым. Она позвала служанку, и они вместе оттащили труп за портьеру. Потом она приказала перепуганной девушке смыть кровь с пола.

- Хорошо, - сказала она, когда пятно исчезло. Потом показала в сторону своей спальни: - Теперь иди туда. И не выходи.

Служанка повиновалась. Алида подумала, что нужно будет ее убрать. Она была новенькой.

Алида села и принялась нетерпеливо ждать. Время, время! Те солдаты за дверью могли войти в любой момент. Приходилось считаться и с такой возможностью.

Впрочем, проблемы на этих нескольких гвардейцах не заканчивались. О, они только начинались! Она не знала, какие меры успел предпринять Киливен. Наверняка были те, кто ему обо всем докладывал, вряд ли он действовал в одиночку. О нескольких его доносчиках она знала. Но, похоже, лишь о наименее важных...

Очевидным казалось лишь одно: восстание должно начаться как можно скорее. Ждать больше нельзя. Следовало передвинуть сроки. Прежде чем начнутся настоящие проблемы.

Она сидела вцепившись пальцами в волосы. Снова бездействие. Но уже не надолго...

"Почему ублюдок служит делу своей матери? - мысленно спросила она сама себя. - И отца?"

Она пожала плечами.

Офицер, командовавший гвардейцами в здании Трибунала, был человеком повстанцев. Он должен был уже появиться и забрать своих людей. Пусть удивляются - не имеет значения, самое большее посидят в карцере сколько понадобится, хотя бы и месяц... Но пусть хоть немного поторопится! Время подгоняло, ей нужно было немедленно увидеться с Ганедорром.

В дверях стоял великан слуга. Наконец-то!

- Путь свободен, госпожа.

Она встала.

- В спальне та малышка, - сказала она. - Займись ею. Если хочешь, можешь развлечься.

- Ничего не получится. - Он показал на беспомощно свисающую руку. - Я вывихнул плечо, не умею лазить по карнизам. Иди, госпожа. Похоже, у тебя

мало времени?

Внезапно она притянула его за шею к себе и поцеловала, как брата. Потом почти бегом бросилась к выходу, но остановилась.

- Почему ублюдок служит делу своей матери? - спросила она, повернувшись к слуге. - И отца? Людей, которые от него отреклись, боясь за собственную репутацию?

Скупым жестом слуга показал на портьеру.

- Потому что он честный человек, - не задумываясь ответил он. - Поэтому его сюда и прислали. Сколько всего честных людей в Кирлане?

Она кивнула в знак согласия.

51

Старик утомленно потер глаза.

- Что же мне сказать тебе, господин? - угрюмо проговорил он. - То, что поведал тот музыкант, как ты его называешь, - правда. Но, к сожалению, не вся.

- Не думаю, чтобы этот человек мог ошибаться.

- Он и не ошибался, он просто лгал.

- Лгал?

- Лгал, уверяю тебя. Во-первых, каждая из женщин, о которых ты говоришь, действительно лишь часть Рубина, но часть совершенно независимая, и никакого перетока силы между этими частями нет и быть не может. Во-вторых, Шар Ферена не изменит твоей дочери, ибо не сможет, подобно Рубину, завладеть другим телом по той простой причине, что он является не более чем свернутым Светлым Пятном Шерни, и, перестав быть Пятном, он перестает существовать вообще.

Раладан стоял, не в силах пошевелиться.

- Впрочем, ни один Предмет не может существовать в отрыве от первоначальной своей сущности, за исключением лишь Рубина или, вернее, Рубинов, ибо это единственные Предметы, различающиеся величиной, формой и свойствами. Как видишь, господин, мы говорим о двух Брошенных Предметах, которые, собственно, таковыми вовсе не являются. Ты знаешь, что такое Брошенные Предметы? Это орудия, послужившие для создания разума. Они - отражение Полос Шерни, каждый Предмет символизирует какую-либо из Полос или несколько Полос. Описывая его с помощью чисел, мы получаем математическую модель Полосы или нескольких Полос Шерни. Иногда эта модель точная, иногда приближенная... Я не в силах объяснить всего в двух словах, но, может быть, достаточно будет сказать, что Шар никакой не символ, а, по сути, сама Полоса, вернее, малая часть Светлой Полосы; это Пятно, существо, из которого был создан Ферен. Стена. Преграда, имеющая целью лишь одно: не дать Проклятым Полосам вернуться в существо Шерни. А отражением Проклятых Полос как раз и является Рубин. Твой старик калека дал тебе прекрасный совет, как уничтожить Рубин и тем самым убить ту девушку. Ты явился сюда, чтобы найти одну-единственную вещь на свете, которая служит исключительно для уничтожения Проклятых Полос Шерни. И ни для чего больше.

Раладан молчал.

- Почему? - наконец очень тихо спросил он. - Почему меня обманули?

- Не знаю, господин. Могу лишь догадываться. Думаю, нечто хотело помешать Законам, а это могущественное таинственное существо, похоже, стоит на их страже... Просторы ведут войну с Проклятыми Полосами... а может быть, напротив, заключили с ними союз. Никто не в силах этого понять. Тем не менее Просторы играют тут важную роль. Важную для Шерни. Шернь, через посредство Стража Законов, пыталась повлиять на Просторы.

- Просторы? А какое это имеет отношение ко мне?

Старик снова потер глаза.

- В рассуждениях одного из древних мудрецов есть замечание о Просторах и Проклятых Полосах, - сказал он. - Вчера я обнаружил в этом замечании Пророчество. Это неизмеримая редкость. И я не знаю, было ли Пророчество когда-либо столь однозначным. Скажу тебе, господин, что мне оно показалось даже чересчур однозначным. В нем называются имена... Мудрецы-Посланники - люди и, подобно любым людям, имеют право ошибаться. В этой книге есть заметки, - он показал на гигантский том, - которые порой можно счесть просто глупыми или вообще лишенными всякого смысла. Фрагмент, о котором я говорю, еще неделю назад я принял бы за обычный бред... - Он махнул рукой. - Что-то я разболтался. Это все от старости. И одиночества. Много лет я разговариваю лишь с этими книгами и своими псами...

Имена, господин. Помнишь, я называл имя Гет-Хагдоб? На древнем языке Громбеларда это означает: Властитель (Властительница) Рубинов. Дословно - Единственная Госпожа. Как ты знаешь, Риолатте - имя этого Предмета в старогромбелардском звучании. Я не спрашивал о третьем имени, ибо сама мысль о том, что кто-либо мог его носить, показалась мне попросту фантастичной... Именно из-за этого имени я сомневался в Пророчестве. Если оно настоящее - это означает, что в распоряжении Просторов сила, о существовании которой до сих пор никто даже не подозревал...

- Что же это за имя?

- Гхаладан.

Раладан поднес руку ко лбу:

- Ради Шерни... это мое имя.

Старик кивнул:

- Я уже не могу сомневаться в Пророчестве... и тем не менее все же колеблюсь. Скажи, господин, и обнадежь меня: возможно ли, чтобы ты был _сыном_ властелина Просторов?

Раладан потер лицо, словно пытаясь отогнать дурной сон.

- Что означает это имя? - глухо спросил он. - Что?

- Морской Змей, господин.

Раладан наклонился, как от удара, все еще прижимая руки к лицу. Внезапно он увидел день собственного рождения, когда его расспрашивали, кто он, как оказался среди волн... Он понял, откуда пришло знание о тысячах подводных скал и мелей, которые он когда-то должен был видеть собственными глазами там, в глубинах... Он понял, откуда ему известно о штормах и течениях и почему судьба странным образом, казалось, всегда хранила его на море. Наконец, он понял как нечто само собой разумеющееся, почему здесь, в Пустом море, куда не простирается власть Просторов, его оберегают самые грозные создания соленых вод - зубастые черно-белые гиганты...

Он медленно выпрямился.

- Я ничего не знаю, - с усилием проговорил он, - кроме того, что меня породили Просторы, и я понимаю их лучше, чем кто-либо из живущих. Я видел... видел морского змея. Сразу же после того, как меня вытащили из воды.

Старик положил на стол свою единственную руку.

- Значит, ответ у нас уже есть.

Раладан подошел к узкому окну и посмотрел на море.

Молчание, казалось, длилось целую вечность.

- И что же из этого для меня следует? - наконец спросил Раладан, уже овладев собой. - К чему мне эта правда, господин? Я ее отвергаю... Я человек и ничем иным быть не желаю.

- Однако Законы Всего утверждают иначе, - покачал головой Посланник.

- Какое мне до них дело? Почему я должен им подчиняться?

- А почему нет? Зачем тебе с ними бороться? Тем более что они неясны как никогда и трудно понять, о чем они, собственно, говорят...

Капитан кивнул:

- Есть причина. Серьезная причина, господин. Человек, или существо, если тебе так больше нравится, которому я поверил, обманул меня, когда я просил о помощи в самой важной в моей жизни борьбе... Скажи, господин, это Законы велели мне полюбить ту девочку? Если так, то почему же теперь они ее у меня отобрали? Если нет, то пусть оставят ее в покое. Я не хочу таких Законов, я отвергаю их, господин, и все, что они с собой несут.

- Законы не могут быть хорошими или плохими, - сказал старик. - Они

описывают сосуществование сил и миров, не более того.

- Пусть себе описывают. Шернь, Проклятые Полосы, в конце концов, сам Шерер... Все это мне совершенно безразлично, господин. Ты лишил меня надежды...

- Скоро ты увидишь свою дочь, - неожиданно сказал старик. - Больше я тебе ничего не скажу, поскольку ничего больше не знаю. Но этот год - год замыкания петли. Все, что началось девять лет назад, должно теперь закончиться. На Агарах. По крайней мере, должно быть так. Не дело Посланника вторгаться в Законы, хотя ты, конечно, можешь с ними бороться. Но сделай это как можно позже, ибо пока что все идет в соответствии с твоими мыслями. Ведь ты хочешь найти ее, не так ли? Отчаянные поступки вслепую могут этому помешать. Так что плыви по течению до тех пор, пока не сочтешь, что дальше плыть не желаешь. Вот мой совет... Впрочем, может быть, и глупый. Плохой из меня мудрец-Посланник. Я должен был стать солдатом, но оказался чересчур любопытным... И вот наказание - впустую потраченная жизнь.

Повинуясь неосознанному порыву, Раладан подошел к дубовому креслу. Старик тяжело поднялся и положил ему большую ладонь на плечо.

- Поплывем вместе, господин, - от всего сердца предложил капитан.

- Не знаю, сын мой. Скоро я умру... Чтобы моя жизнь не была прожита совсем напрасно, я должен заполнить хотя бы несколько страниц в этой книге.

Они разошлись на несколько шагов. Невысокому Раладану пришлось задрать голову, чтобы взглянуть в глаза рослому старику.

- Ради Шерни, господин, - сказал он, желая хотя бы ненадолго отогнать черные мысли, - за всю свою жизнь я видел лишь одного человека, равного тебе ростом... Может быть, он не был мудрецом, как ты, но я им искренне восхищался. А еще больше, пожалуй, его приятелем, который стал мне другом, хотя и был котом...

Лицо Посланника окаменело.

- О ком ты говоришь? - резко, почти враждебно спросил он.

- О громбелардском горце, - ответил Раладан, неприятно пораженный тоном старика. - И коте, который был к тому же и магнатом...

Однорукий гигант опустил на свой пень.

- Где ты встречал этого горца? Это мой сын, - тихо проговорил он.

Раладан отступил на шаг назад.

- Может быть, Давароден знает больше, - закончил свой рассказ Раладан. - Он несколько лет прослужил в Тяжелых Горах...

- Давай его сюда, - потребовал по-настоящему обрадованный старик.

Вскоре несколько сбитый с толку арбалетчик давал отчет о своей службе в Громбелардском Легионе, точнее говоря, обо всем, что касалось Басергора-Крагдоба.

- Вот прохвост, - с нескрываемым удовольствием сказал Таменат. - И всегда с двумя мечами, говоришь?

- Так я слышал, - подтвердил арбалетчик. - Один обычный, а другой очень длинный и узкий... Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь носил такой меч, мне кажется, столь длинный клинок должен быть довольно слабым?

Раладан покачал головой: ему приходилось видеть подобные мечи в бою.

Старик встал и вышел из комнаты. Слышались его тяжелые шаги, когда он поднимался на следующий этаж башни. Вскоре он вернулся, неся под мышкой множество разнообразного оружия.

- Это тарсан, - сказал он, продолжая сиять от радости. Он вытянул руку, в которой блестел узкий серебристый клинок. - Знаешь, что означает "тарсан", солдат? - спросил он.

Арбалетчик кивнул:

- То же, что и ахал... Убийца.

- Старое оружие, которым почти не пользуются уже несколько веков. Это меч только для уколов, но посмотри на его основание - оно совершенно тупое, зато толще и прочнее, чем остальной клинок. Он примет на себя удар любого другого меча. Когда-то в Тяжелых Горах жило могущественное племя шергардов. Искусство боя двумя мечами погибло вместе с ними. Однако не сразу. И не полностью... Я знал одного из последних мастеров владения этим

оружием. Лучше не спрашивайте, когда это было. Скажу лишь, что последние двадцать с лишним лет я провел, правда с перерывами, именно здесь.

Раладан и арбалетчик переглянулись.

– Два века, – тупо проговорил островитянин.

– Столетие с небольшим. Я же говорю – "с перерывами", и это потому, что... в общем, нелегко выдержать... Многие Посланники решили, что взвалили на себя непосильную ношу; неустанное углубление сущности Полос и природы Законов и в самом деле неблагоприятное занятие. Было время, когда я хотел вернуться в мир. И я вернулся, отказался от своего знания, возвратил Шерни полученные от Полос дары и стал громбелардским арбалетчиком. Как раз двадцать с небольшим лет назад. Моих лет. Я был другим человеком. – Он нахмурился. – Общение с Шернью позволяет долго сохранять силы и здоровье, в возрасте семидесяти лет я выглядел на сорок. Однако в конце концов всегда наступает время, когда нужно вернуть Полосам их дар. Для меня это время наступило несколько лет назад. За год я стал старше на двадцать лет... – Он махнул рукой, отгоняя мрачные мысли. – Но раньше, тогда, я жил на широкую ногу, упрекая себя лишь за то, что раньше не сбросил мантию мудреца-Посланника. Однако женщина, с которой я хотел прожить жизнь, умерла, перед этим подарив мне сына... – Тень старой грусти пробежала по лицу гиганта. – Я никогда и никому об этом не говорил, – продолжил он, обводя взглядом своих гостей. – Если говорю теперь, то лишь потому, что у моего сына и у тебя, господин, – он посмотрел на Раладана, – похожее прошлое. Глорм, ибо таково его настоящее имя, тоже ничего не знает о своем отце, происхождении, детстве...

Давароден посмотрел на своего командира.

– Человек, долго общавшийся с Шернью, не может безнаказанно плодить потомство. Я хотел обмануть Полосы. Ничего не вышло. Наверняка вы много раз слышали о детях "магов". Это правда, они всегда не такие, как все. Иногда с физическими недостатками, иногда просто злые... а чаще всего – именно другие... Шернь иногда отмечает их темным пятном на лбу. Есть оно и у моего сына. Под волосами. Я сделал пятно малозаметным и думаю, что он до сих пор о нем не знает.

Он покачал головой.

– Мой сын тоже был другим, – продолжил он после недолгой паузы, видимо желая побыстрее закончить свой рассказ. – Он не мог жить за пределами Безымянной Земли... Дурной Край был для него краем добрым. В любом другом месте он медленно умирал. Я воспитывал его здесь, пытаюсь найти способ вернуть его в мир. И я нашел его. Но мальчику пришлось потерять память. А я именно тогда начал стареть, день ото дня. Я отвел двенадцатилетнего, но рожденного столетие назад мальчика в Громбелард, сам же вынужден был вернуться сюда, иначе моя задержавшаяся старость вогнала бы меня в могилу за несколько дней, в то время как здесь, в Крае, можно было переждать этот самый тяжелый период. Я получил от Шерни причитавшиеся мне годы, а потом... потом были именно те перерывы, о которых я говорил... Я покидал Край. Именно тогда в Громбеларде молодой, крепкий как скала парень встречал порой громадного, как он сам, старика, который рассказывал ему, что такое тарсан, что такое Шернь... но никогда не говорил ему, кто его отец...

Посланник опустил голову и отвернулся.

– Я поплыву с вами, – сказал он. – Я уже сыт по горло копанием в этой книге. Честно говоря, я давно уже жду какого-нибудь повода... Если я не воспользуюсь этим случаем, то через несколько месяцев сдохну на этом пне, безнадежно и бессмысленно – так же, как и жил... Я сам себе обязан за свою откровенность. Хорошо, что вы пришли.

Все молчали.

Посланник внезапно протянул руку к столу, на который положил принесенное оружие, взял тяжелый арбалет и подал его Давародену.

– Держи, солдат, – хрипло проговорил он. – Такого нигде не найдешь. И не косись на меня за то, что я выставил тебя сегодня за дверь. А ты скоро найдешь свою малышку, – обещал он Раладану. – Я же... возможно, будучи в гуще событий, сумею лучше понять сущность Законов Всего. И может быть, именно тогда мне придет в голову что-нибудь такое, что стоит здесь записать. А если нет, то... – Он с грохотом захлопнул книгу. Словно гроб.

Впервые они встретились с глазу на глаз. Семена ходила по комнате. Алида сидела, спокойно выбирая дартанские изюминки с большого блюда, полного разнообразных фруктов.

- Это невозможно, - сказала Семена.

- Это неизбежно, - столь же лаконично ответила Алида.

- Послушай, госпожа, восстание должно было начаться...

- Я знаю, когда оно должно было начаться. Но оно начнется раньше. А именно через неделю. Если мы будем придерживаться прежних сроков, нам придется иметь дело с Большим Флотом Армекта. Единственное, что мы можем сделать, - ускорить ход событий. Есть надежда, что нам удастся победить войска провинции, прежде чем придет подкрепление. Тогда дадим отпор и им. Если они сами не отступят. Судя по сведениям, которыми я располагаю, это должны быть достаточно большие силы. Достаточно большие, однако, лишь для усиления местных гарнизонов, но слишком малые для того, чтобы самостоятельно вести войну со всей Морской Провинцией. Если они отступят - у нас будет целая осень для передышки. В соответствии с планом.

- А если Кирлану удастся усилить Большой Флот еще до наступления осени? Например, дартанскими эскадрами?

- Ну хорошо, госпожа. Жду твоих предложений. Ситуация ясна: Большой Флот Армекта сосредотачивается в Бане, - может быть, уже сосредоточился, может быть, уже идет сюда... Что будем делать? Представь мне свой план, и подумаем.

Семена стиснула зубы. Действительно... Что она могла ответить? Чтобы восстание имело хоть какие-то шансы на успех, нужно было атаковать немедленно.

Но это должно было повлиять на ее планы.

Итак, ей предстояло нанести удар по Агарам почти на месяц раньше, чем она намеревалась. Почему? Очень просто... Ее план опирался именно на восстание. Отряды мятежников должны были занять большинство городов и все порты Гарры. На ее долю выпала одна из самых трудных задач: овладеть Дороной, то есть сразиться с лучшим войском на острове, если не принимать во внимание сотни гвардейцев в Дране... До недавнего времени предполагалось, что часть войска в Дороне пойдет за Аскаром. Ну что ж...

Она верила, что справится и без Аскара. Потом она намеревалась с помощью своих наемников завладеть имперскими кораблями, захваченными во время восстания. Они были ей нужны. Недавно она купила три старых фрегата (за золото своего отца), но на одном из них все еще заменяли такелаж; он стоял в Тарвеларе, на Закрытом море, в лучшем случае - как раз выходил оттуда. Возвращения же другого, из Дартана, она ожидала самое раннее через месяц. Однако независимо от того, были ли бы у нее под рукой все ее корабли или нет - три фрегата, а также старый барк и "Сейла" (последние могли не вернуться из Дурного Края), - подобного флота, возможно, было достаточно, чтобы захватить Агары, но не для того, чтобы их удержать! Переговоры с пиратскими командами шли трудно в связи с предпринимаемыми обеими сторонами мерами предосторожности. Кроме того, участие пиратов в войне за Агары она предполагала лишь весной будущего года. Прежде всего потому, что... у нее не было золота! Расходы были просто гигантскими, лишь недавно она осознала, каких на самом деле затрат требует содержание трехсот пятидесяти человек, не считая даже стоимости необходимого имущества. Риолата оставила ей в наследство несколько успешно действовавших торговых предприятий, основательно, правда, разоренных Раладаном. К доходам от торговли добавлялись сокровища Демона ну и еще то, что ей удалось сэкономить для себя из повстанческой казны. И все мало! Две сотни огнестрельной пехоты и сотню арбалетчиков обучил для нее еще Аскар (и теперь невероятно трудно было сохранить в тайне сам факт существования

такого количества обученных для боя людей). Но пятидесяти топорников, которые были ей необходимы, – не было... Она хотела собрать их в последний момент, чтобы сэкономить хотя бы на жалованье. Оружие у нее было. Конечно, банда оборванцев в доспехах не могла представлять особой ценности. Но золото, золото! Где его взять?! Три старых фрегата и затянувшийся ремонт одного из них поглотили последние сбережения. Поэтому она не могла нанять пиратов. Впрочем, даже если бы и могла... Собственный флот все равно был необходим. Если его у нее не будет, то кто защитит ее саму от таких союзников, как Броррок?

Ей нужны были корабли.

Тем более что сейчас в ее распоряжении не было ни одного! Совершенно нереальным было привести какой-либо из этих парусников на Гарру за достаточно короткое время, чтобы от него была польза во время восстания. Хотя бы для бегства, если бы что-то пошло не так, как надо.

Корабли нужно было захватить!

И она могла их захватить. Но только в начальный период восстания, во всеобщей суматохе. Потом это стало бы сложнее или вовсе невозможно. Кроме того, любое промедление означало, что ее люди, которых она обучала и содержала с мыслью об Агарах, будут втянуты в сражения с имперскими легионами, возможно длительные и наверняка кровавые. Сколько их останется для ее целей?

И вот теперь выясняется, что, захватив Агары, она вынуждена будет хранить этот факт в тайне целый месяц, прежде чем осенние штормы не отрежут острова от остального мира! Возможно ли это? Конечно да, в отношении Кирлана... Ведь весь план в значительной мере держался на том, чтобы как можно дольше обманывать империю. Но удастся ли обмануть повстанцев? Людей, у которых она уведет прямо из-под носа столь необходимые им захваченные корабли? Которых она поставит в тяжелое положение, забрав несколько сотен своих людей? Ведь их будут преследовать. Если бы все разыгрывалось в соответствии с первоначальным планом, то есть за две-три недели до штормов, она могла быть уверена, что преследующие ее эскадру корабли вернутся назад или же, напротив, заберутся слишком далеко и не успеют вернуться на Гарру до начала бурь. Впрочем, даже если бы выяснилось, что цель ее – именно Агары, это не имело бы большого значения. Однако новая ситуация превращала все эти расчеты в пустые рассуждения, не имеющие никакой ценности. Если вожди восстания узнают, куда пошли захваченные парусники, естественно, они сделают все, чтобы об этом услышал Кирлан. Хотя бы лишь затем, чтобы отвлечь внимание империи от Гарры. И затем, если восстание добьется значительных успехов раньше, Армект может счесть, что поспешное вмешательство ничего не даст. Подготовка к войне пойдет полным ходом, но война начнется лишь зимой. Однако Армекту хватит сил и средств, чтобы отправить ко дну несколько кораблей, которые будут у нее на Агарах. Император не дурак, он с легкостью сообразит, что позднее, ведя борьбу с Гаррой, он не скоро сможет позволить себе агарскую авантюру...

Неделя времени! Ради Шерни, едва неделя на то, чтобы составить новый план! Нужно было немедленно завершить все дела, продать все, что можно, ибо потом, когда вспыхнет восстание, никто не даст и серебряного слитка за каменный дом в Дороне...

Алида зевнула.

– Ты все продумала, госпожа? – спросила она. – Что еще за сомнения? Насколько я знаю, подготовку, если не считать мелочей, ты закончила уже давно. Перенос срока имеет определенные преимущества, все труднее сохранить происходящее в тайне...

Семена кивнула. В этом они были согласны... Ее стрельцов и арбалетчиков никто не держал в казармах. Они получали жалованье, но болтались – естественно, без оружия – по всему острову и делали что хотели. Говорили они тоже что хотели... Ходили какие-то слухи, а в гарнизоне, похоже, всерьез начали задумываться о том, что означают странные разговоры о новом оружии, якобы лучше, чем арбалет... Этим уже собиравался заняться доронский Трибунал, но Алиде каким-то образом удалось не дать делу хода. Однако она не могла ни в чем упрекнуть свое войско. И снова – ей не хватало Аскара.

– Захвати столицу, – сказала Алида, – а об остальном не беспокойся.

– Конечно, – ответила Семена. – Просто изменение срока меня несколько

удивило. Ты же знаешь, госпожа, что у меня собственное дело. И восстание не принесет ему ничего хорошего. Но – что поделаешь. С голоду скорее всего не помру.

– Об этом тоже не беспокойся. Займи столицу, а после освобождения Гарры найдутся люди, которые позаботятся о твоём благополучии, – заверила её Алида.

"Ты что, на самом деле веришь в победу? – мысленно спросила Семена. – Я считала тебя более разумной".

– Город будет взят.

– Да, кстати... – Алида бросила в рот горсть изюма. – Ещё одно: Багба под твоим контролем?

– Конечно. Так, как мы договорились.

– Значит, госпожа, ты будешь согласовывать действия в Багбе и в Дороне. В помощь получишь двух человек – одного там, другого здесь.

Семена метнулась к столу, за которым сидела блондинка.

– Что это значит? – яростно спросила она.

– Ничего, кроме того, что я уже сказала, – удивленно ответила Алида. – Что случилось, моя дорогая?

– Ты прекрасно знаешь, что случилось! – Семена отступила к стене, словно для разбега. – Хочешь за мной следить?

Алида с легкой улыбкой раздавила изюминку между пальцами и облизала их.

– Скажи, госпожа, почему ты меня терпеть не можешь?

– Взаимно, не так ли? – скорее утвердительно, нежели вопросительно сказала Семена.

– О да... – Блондинка почти кокетливо посмотрела на неё. – У тебя, госпожа, натура шлюхи. Этого я не могу терпеть ни у кого, кроме себя.

Семена снова подскочила к столу и смахнула с него блюдо. Фрукты покатались по полу, дождем посыпались изюминки.

– Не знаю почему, – прошипела она, – но когда кто-то сравнивает меня со шлюхой, у меня возникает желание скормить его сердце псам.

Алида вздохнула. Не похоже было, что услышанное произвело на неё хоть какое-то впечатление.

– Ну ладно... Мы ведь нужны друг другу, правда?

Семена взяла себя в руки.

– Конечно. К сожалению.

– Тогда обсудим детали. Осталась всего неделя.

53

Они возвращались.

"Сейла" ровно шла поперек ветра на юг, чуть отклоняясь к востоку. Они должны были обогнуть Малый Дартан и плыть дальше, вдоль дартанских берегов, а потом на юго-запад, в сторону Гарры.

Лето было в самом разгаре.

Работы на корабле было немного; в первый же день после того, как они покинули Дурной Край, матросы, не говоря уже о солдатах, нашли немало минут, чтобы обсудить тамошние чудеса. Говорили и о загадке замедления времени, но довольно неохотно, ибо она не поддавалась разумному объяснению и потому попросту пугала. Каждый когда-то слышал об этом феномене, одно дело, однако, слышать, а совсем другое – самому убедиться в том, что это отнюдь не сказка...

Погода была великолепная, и мало кто торчал под палубой. Все радовались, что опасности таинственной земли остались позади. Дартанское море казалось всем привычным и безопасным.

Они заметили, что косатки их уже не сопровождают...

Лишь двоих нельзя было увидеть в этот день на палубе – капитана и мудреца-Посланника. С того момента, когда решено было возвращаться, они

почти не покидали своих кают.

Из-за присутствия старика на корабле матросы чувствовали себя несколько неуверенно. Кроме того, они везли множество Брошенных Предметов, о названиях и свойствах которых предпочитали не спрашивать. Вполне хватало и тех приключений, которые они пережили на Черном Побережье. К тому же они потеряли еще двоих.

Раладан и Таменат много разговаривали. Капитан хотел знать все о своем происхождении; спрашивал он и о содержании Пророчества, желая лучше понять, что, собственно, такое Законы Всего. Прежде всего, однако, он расспрашивал о Ридарете...

Но ответа, который мог бы его удовлетворить, он не получил.

Между тем Посланник знал намного больше, чем говорил Раладану. Уже не раз он хотел рассказать обо всем, но всегда вспоминал одну из великих житейских мудростей: несбывшаяся надежда может даже убить...

Он хотел уберечь не себя, но Раладана. И потому молчал. Однако это был год замыкания петли. И события следовали друг за другом быстро, неизбежно и неумолимо.

На следующий день, после полудня, Раладан стоял на носу (сам того не сознавая, он особенно полюбил место, на котором обычно – когда-то – стояла Риолата: в шаге слева от форштевня, на высоте клюза). Ветер утихал, его горячее дыхание слабо шевелило паруса. Небо было чистым, но на востоке, над самым горизонтом, висела, словно приклеенная к голубому небосводу, черная тучка.

– Вахтенный! – скорее сказал, чем крикнул капитан.

Матрос, стуча пятками о доски, тут же подбежал к нему.

– Позови первого помощника. Штормовые паруса – на мачты.

– Есть, капитан.

Раладан пошел к корме, навстречу своему заместителю.

– Бохед, будет буря. Проследи за сменой курса. Идем по ветру к дартанским берегам. Мы должны успеть, но все должно делаться молниеносно! Молниеносно!

Чуть позже капитан вошел в каюту, предоставленную Посланнику. Старик спал; Раладан уже знал, что тот не лучшим образом чувствует себя на море.

– Будет буря, господин, – сообщил он, когда старик протер лицо. – Хочу спросить, нужно ли каким-то особым образом обеспечить сохранность Брошенных Предметов? На случай, если мы не успеем к дартанским берегам?

– Мы идем в Дартан? – с неожиданным оживлением спросил Посланник.

– Это единственное, что можно сделать. Шторм идет с востока. Если мы не найдем безопасного убежища, он погонит нас как раз в сторону дартанских берегов. Ты можешь этого не знать, господин, но во время шторма земля – самый опасный враг для любого корабля.

– Но ведь мы туда и плывем?

– Да, но по собственной воле, а не на крыльях бури. Если мы найдем какую-нибудь бухту, укрытую от ветра и волн, мы бросим там якорь и будем почти в безопасности. Другое дело, если шторм бросит нас на берег.

– Море кажется спокойным, – заметил Таменат.

– Разве ты не слышал, господин, как порой говорят о "затишье перед бурей"? – удивился Раладан. – Проведя полжизни на острове, ты, похоже, мало что знаешь о капризах моря?

Старик чуть улыбнулся.

– Меня всегда забавляло, когда Безымянную Землю называли "Дурным Краем", – сказал он. – Потому, что он куда менее "дурной", чем все остальное... В Крае не бывает штормов, ураганов, наводнений, не случаются засухи или убийственные морозы. Поверь мне, капитан, за всю свою жизнь я ни разу не видел бури на море! Не говоря уже о том, чтобы пережить ее на палубе парусника.

Раладан, естественно, знал, что отнюдь не все люди на свете – моряки. Однако сам он провел на море всю жизнь, и мысль о том, что кто-то мог не видеть бури, показалась ему чуть ли не забавной.

– Лучше закрепи, господин, – сказал он, – все свои вещи. Пергаменты, перья и, уж конечно, бутылку с чернилами! Возможно, первые порывы шторма застигнут нас в пути. А если даже и нет, все равно "Сейла" будет плясать

на якоре как безумная. Еще раз спрашиваю про Предметы: никаких специальных предосторожностей не нужно?

- Если сундуки хорошо закреплены, то нет, - ответил Таменат. - Гееркото не могут соприкасаться с Дор-Орего, это единственное, за чем нужно обязательно проследить, если мы не хотим получить в трюме войну Темных Полос со Светлыми.

- Я все еще раз проверю, - обещал Раладан. - Если тебе что-то потребуется, господин, найдешь меня на палубе.

С этими словами он вышел.

Вскоре они уже мчались к берегам Дартана.

Бухта, которую они нашли, была, с точки зрения Раладана, не самым подходящим местом: она слабо защищала от ветра и почти не защищала от волн. Выбора, однако, у них не было.

"Сейлу", крепко вцепившуюся в дно якорями, подбрасывали волны, переваливая с носа на корму. Вода унесла одну из шлюпок со средней палубы, пока, однако, серьезных повреждений не было. Изящный корабль пренебрежительно, почти с презрением, противостоял морю. Команда была начеку, готовая действовать немедленно, лишь только возникнет такая необходимость.

Усилившуюся качку хуже всего переносил Таменат. Раладан постоянно находился рядом со стариком. В очередной раз он убеждался, что громбелардский мудрец-Посланник не обязательно должен быть каким-то удивительным существом, в любых условиях излучающим могущество, благородство и силу. Это был просто человек. Обычно несколько шутливый, даже грубоватый, сейчас тяжело страдающий от морской болезни, день ото дня же предававшийся своему любимому занятию, которое было ничем не лучше и не хуже любого другого. Обязанностью солдата было уметь воевать, обязанностью моряка - плавать по морям; обязанностью же Посланника - понимать Шернь. И не более того. Наверняка понимание Шерни давало доступ к силам, которые могли быть использованы во многих обстоятельствах; в конце концов, именно Шернь правила миром. Однако теперь Раладан понимал, сколь забавным, по существу, кажется именование Посланника магом или, в некоторых краях Шерера, почти отождествление его с неким чародеем.

- Разве ты не можешь сделать так, господин, - наконец спросил он, видя смертельную бледность старика, - чтобы страдания твои были не столь тяжки?

Тот слабо улыбнулся:

- Могу, капитан, и притом одним лишь словом. Вернее, мог бы... Но моя сила, так же как и сила каждого среди Посланников, проистекает из понимания Шерни. Нам известно могущество Полос, и именно потому мы знаем, когда можно и нужно его использовать. Капитан, если бы тебе дана была власть над ветрами, ты всегда призывал бы их, каждый раз, когда нужно было бы задуть свечку?

Раладан кивнул в знак того, что мысль старика ему понятна.

- Так что не удивляйся, что я не использую силу Полос для такой ерунды, как мое недомогание. Если бы мне предстояло от него умереть, будь уверен, я не колебался бы ни мгновения, и Шернь простила бы мне обращение к Полосам.

- Буря не должна долго продлиться, - сказал капитан. - В это время года штормы на Дартанском море обычно довольно внезапны, но кратковременны.

- Хорошо бы! - пробормотал Таменат, уже не бледный, но совершенно зеленый. - Дай-ка мне, братец, эту лоханку и лучше проваливай, поскольку помочь все равно не можешь... а зачем тебе смотреть, как благородный мудрец бледнеет с усердием, недостойным его почтенного возраста... Ну, проваливай...

Раладан исполнил его просьбу.

Как и предвидел капитан, уже к утру буря начала утихать, а к полудню погода улучшилась настолько, что можно было продолжать рейс. Раладан, однако, не спешил. Повреждения, которые можно было исправить уже в открытом море, он решил устранить немедленно, не снимаясь с якоря. Отправляться решили только утром следующего дня. Всех это несколько удивило, особенно Давародена и Бохеда, которые видели, как он торопился до этого. Правда, день, потраченный в Дурном Крае, значил несравненно больше,

чем день, потраченный за его пределами, но все же... Тем более что якорь не подняли и утром. Капитан потребовал сначала разыскать унесенную волнами шлюпку (от которой могла остаться в лучшем случае болтающаяся где-то у берега грудка поломанных досок), затем – пополнить запасы питьевой воды (в которой, собственно, не было недостатка, хотя, конечно, вкус у нее был не слишком приятный, как у любой воды, которую долго держали в одном сосуде). Моряки, хотя и несколько удивленные, отнеслись к предложению сойти на берег с радостью, – в конце концов, не они командовали кораблем, а спешить им было некуда. Еще большую радость проявлял Таменат.

Шлюпка отчалила от борта "Сейлы" около полудня. В ней сидели Раладан, Таменат и Давароден, остальную часть экипажа составляли матросы.

Давароден, с недавнего времени решивший ничему не удивляться и ни о чем не спрашивать, изредка бросал взгляды на молчаливого, погруженного в размышления капитана. Раладан, держа румпель, в глубокой задумчивости смотрел на берег, то возникавший над носом лодки, то снова исчезающий под его краем, по мере того как волны поднимали их и опускали. Раз-другой он озабоченно оглянулся на "Сейлу".

Давароден, вооруженный как всегда, то есть с мечом на боку, арбалетом под мышкой и шлемом под другой, был не единственным человеком в шлюпке, имевшим при себе оружие: у Тамената, одетого в свою серую мантию, был пояс с мечом, крепко затянутый на талии. Это подчеркивало необычную ширину плеч Посланника; Давароден подумал, что этот однорукий мудрец наверняка сумел бы справиться с двумя его солдатами, и притом безо всяких Формул и прочих штучек с Шернью.

Матросы подняли весла. Шлюпка еще немного проплыла по инерции, затем заскрежетала о дно. Гребцы выпрыгнули на мелководье и потащили ее к берегу. Раладан и Посланник почти не замочили ног.

Моряки привязали лодку и двинулись вдоль берега. Ясно было, что унесенную волнами шлюпку они не найдут; но раз капитан приказал искать...

– Это Дартан, не безлюдная пустыня, – сказал Раладан, оглядываясь по сторонам. – Думаю, где-то поблизости должна быть какая-нибудь деревня.

– Наверняка, – кивнул Давароден. – Поищем?

Капитан кивнул в ответ.

Где-то невдалеке послышался стук копыт. Давароден тут же надел шлем и взял наизготовку оружие. Вскоре из-за песчаных холмов донеслось фырканье коня, а в следующее мгновение на поросшем травой бархане появился силуэт всадника, державшего под уздцы вьючную лошадь. Раладан побледнел так, что стоявший рядом Давароден принял это за внезапный приступ слабости и хотел его поддержать. Однако тут же он остолбенел сам... ибо узнал девушку, которую видел связанной, с кляпом во рту, на Берегу Висельников...

Девушка закричала. Раладан бросился к ней.

Они бежали навстречу друг другу: он карабкался по сыпучему песку на холм, она, оскальзываясь на склоне, спешила к нему. Он заключил ее в объятия, они покатались по песку, но тут же поднялись, стоя на коленях и держась за руки. Множество чувств охватило Раладана: он боялся поверить, что она снова его нашла (или, может быть, он ее, каким-то чудесным образом?); он хотел просить у нее прощения за то, что отдал ее в руки той, боялся вновь услышать из ее уст враждебные слова, искал во взгляде признаки безумия, которое так недавно заполняло ее душу без остатка... Она поняла обуревающие его сомнения, ибо, не отвечая ни на один из невысказанных вопросов, внезапно поцеловала его, со слезами на глазах, прямо в лицо, где-то между носом и небритой щекой, погрузила его ладони в свои волосы и крепко прижала.

Таменат и Давароден переглянулись, потом снова посмотрели на них; арбалетчик почувствовал странный комок в горле. Повернувшись, он пошел к самому берегу моря, туда, где волны омывали песок, посмотрел в сторону "Сейлы", а потом снова вернулся к капитану и девушке. Они все еще стояли на коленях, лицом к лицу, что-то говоря друг другу, о чем-то спрашивая...

– Все прошло, – шептала она. – Прошло. Я помню каждый день и каждое мгновение, все понимаю, но больше всего то, что... я снова стала собой. Стала собой, хотя, наверное, не совсем... Понимаешь? _Ты_ – понимаешь!

Он смотрел на нее, качая головой.

– Я тоже... – беспомощно говорил он. – Я тоже... не знаю. Как ты меня нашла? Что дальше?

- Я знала, Раладан. Я знала, что ты окажешься в этом месте... Я жду уже неделю, готова была ждать всю жизнь. Я видела корабль и лодку... а потом узнала тебя на берегу.

Дрожащими руками он гладил прекрасные, густые волосы девушки.

- Идем, - наконец сказал он.

Он не отходил от нее ни на шаг, словно боясь, что снова кто-то или что-то их разлучит. Услышав о том, кто такой великан старик, она подошла и подала ему руку. Потом кивнула арбалетчику.

- Мы не можем здесь оставаться, - сказала она. - Я скрываюсь.

- Давароден, собери людей, - тут же приказал Раладан. - От кого? - спросил он, снова повернувшись к девушке.

- От солдат, они меня преследовали. Я украла лошадей... - Она хотела еще сказать, что убила нескольких человек и сожгла деревню, но пока воздержалась.

Давароден побежал по пляжу, догоняя матросов. Раладан огляделся вокруг:

- При лошадях есть что-нибудь, что тебе нужно, госпожа?

- Немного еды и два пледа... Ничего такого, чего нельзя было бы оставить имперцам. Но коней, пожалуй, стоит привести сюда, на пляж. Меньше будут бросаться в глаза.

Раладан взобрался на холм.

- Вижу, Раладан не тратил зря времени, пока я... - сказала девушка, обращаясь к старику. - Не могу дождаться объяснений! Ты знаешь, господин, кто для меня этот человек? - неожиданно спросила она, показывая движением головы на капитана, ведущего с холма лошадей.

- Догадываюсь, - почти тепло ответил Таменат.

- Все! - заявила она с преувеличенной, почти детской серьезностью.

- Значит, вы те двое, - сказал старик, - кому дано иметь все...

Она молча смотрела на него. Потом слегка улыбнулась.

Вскоре они увидели арбалетчика, который вел за собой матросов. Несколько минут спустя лодка под сильными ударами весел плыла к "Сейле".

54

Восстание началось.

Тщательные, уже давно ведущиеся приготовления не прошли даром: сразу же оказалось, что у мятежников почти везде есть свои люди. Двор Князя-Представителя, пытавшийся координировать действия имперских сил хотя бы в столице, был парализован почти тотчас же: распоряжения и приказы либо вообще не доходили по назначению, либо попадали к людям, которые их не исполняли по той простой причине, что давно подчинялись организаторам восстания или были ими подкуплены. Сражения разгорались сразу во многих местах - в Дороне, Багбе, Дране...

В Дране из двух эскадр Главного Флота только два парусника перешли на сторону повстанцев, несмотря на то что эскадрами командовали люди Ганедорра и Алиды. На четырех кораблях солдаты отказались выполнять приказы командира эскадр. От этого мало было толку, поскольку матросы, все до единого, тут же сбежали, частично перейдя на сторону повстанцев, частично же влившись в толпу мародеров и грабителей, воспользовавшихся всеобщим замешательством на свой манер (вскоре каждый, кому было хоть что-то терять, бежал из проклятого города сломя голову, унося с собой все, что можно). Так или иначе, в Дране мятежникам удалось заполучить два фрегата вместе с командами, еще один - захватить силой. Остальные, которые не могли выйти в море без моряков, стражники сожгли. Сражения в порту шли ожесточенные и кровавые.

Самой большой проблемой, однако, как и предполагалось, оказался Старый Район. Сотня гвардейцев не сдалась без боя превосходящим силам повстанцев, хотя и хорошо подготовленным. Безопасные и спокойные до сих пор улицы

залили потоки крови. Несмотря на то что часть офицеров была обязана своими должностями ее благородию Алиде, лишь несколько из них подчинились новой власти. Большинство пошло за старыми десятниками, которых организаторы мятежа не брали в расчет; у Ганедорра и Алиды, боровшихся за высшие должности и ведомства Гарры, не было времени заниматься нижними чинами, кроме того, они не осознавали того значения, которое имели в имперских войсках неприметные с виду десятники. Как это обычно бывает, сотники и подсотники часто менялись, уходили в отставку или на повышение, единственным же вышестоящим начальником, которого солдат хорошо знал и постоянно видел, был бессменный десятник – командир, но вместе с тем и товарищ. Из Драна полсотни отличных солдат вывел – и тем самым спас для императора – не кто иной, как Монаталь, выходец из рыбацкой деревни, рябой служака лет пятидесяти с небольшим, прекрасно помнивший прошлое восстание. Не зная ситуации в других округах и городах Гарры, Монаталь счел первоочередной задачей сохранить хотя бы свой отряд. Уходя от преследования, он повел гвардейцев в Харены, невысокие, но отнюдь не гостеприимные горы, цепь которых образовывала как бы позвоночник острова, тянувшийся вдоль восточного побережья.

Еще хуже, чем в Дране, обстояли дела на юге, в Багбе. Семена, с некоторого времени опекавшая также и этот город, не справилась с задачей. Не хватало Аскара... В Дороне восстание завершилось полной победой, местный гарнизон, командование которым после исчезновения Аскара велось довольно неумело, удалось разбить (хотя и здесь мало кто из солдат перешел на сторону мятежников), дворец же Князя-Представителя разграбили, а затем сожгли. Потери, однако, были серьезными, а ситуация достаточно сложной, чтобы в Багбе командование целиком легло на плечи местных вождей мятежников, людей, не умевших воевать и нерешительных (человек, посланный Алидой в Багбу, имел в своем распоряжении меньше недели на то, чтобы ознакомиться с положением дел в этом городе, – слишком мало!). Солдаты стоявших в Багбе эскадр не только не стали слушать призывов к бунту, но и без особых церемоний повесили подстрекателей, после чего вместе с небольшим отрядом легионеров нанесли удар по бандам мятежников, вышвырнув их из города. Место коменданта гарнизона занял молодой, энергичный командир эскадры, армектанец К.С.Элимер, взяв на себя командование всеми имперскими силами на юге. Корабли морской стражи тут же отправились за подкреплением на Южный Архипелаг и Даленоры у восточных берегов. Вооруженные патрули принесли вести из Белона, благополучные для империи. Восстания в Белоне не было, – видимо, мятежники рассчитывали, что захват Багбы и Дороны позволит им взять этот маленький городок в клещи и подавить небольшой гарнизон Гаррийского Легиона позже и без особых усилий. Элимер немедленно усилил гарнизон Белона, после чего, небольшими силами прикрыв Багбу, двинулся на юг и юго-запад, сжигая без лишних рассуждений любую деревню, в которой замечал хотя бы тень сочувствия восстанию, но защищая и охраняя все те, что сохранили верность империи. Через пять дней после начала войны ситуация стабилизировалась; вся Гарра, от северных границ до самого Белона, была в руках повстанцев (если не считать продиравшихся через горы на юге гвардейцев Монаталья, впрочем ожесточенно преследуемых). Южную часть, с Багбой и Белоном, удерживали силы империи. В Багбу начало поступать подкрепление – сначала с Даленор, потом с Сары, из Южного Архипелага. Правда, это означало, что оставшиеся без войска острова оказывались под ударом мятежников, однако пока что острова эти не имели никакого значения, и имперским силам не было смысла их удерживать, точно так же как силам мятежников – захватывать.

Корабли Главного Флота все еще были в море, тревожа поочередно острова Гаррийского моря, потом Замкнутого моря, наконец, Прибрежные острова и сам Армект. Первые подтвержденные и проверенные сведения достигли континента...

Однако еще до этого, на четвертый день после занятия Дороны, войска повстанцев начали сосредоточиваться для удара по Белону и Багбе. Не был, однако, решен вопрос о том, кому поручить командование этими силами. План восстания не предусматривал широкомасштабных действий в поле; предполагалось, что быстрый, одновременный захват крупных городов и портов Гарры лишит противника возможности собрать силы достаточно большие для того, чтобы можно было назвать их армией... Но все произошло иначе.

Нерешенный вопрос о командовании полевыми войсками привел к первым раздорам среди мятежников...

У Семены не было особых причин радоваться. Все шло в явном противоречии с планом... Она не сумела завладеть доронскими эскадрами Главного Флота, так как ее солдаты безнадежно увязли в затянувшихся сражениях с обреченными на поражение, но упорными солдатами империи. Фрегаты Главного Флота заняли солдаты Ахагадена, человека Алиды. Четыре старых корабля Резервного Флота вообще были потеряны, так как за два дня до начала восстания их отправили к Барьерным Островам. Ахагаден номинально был подчиненным Семены, однако быстро оказалось, что, ведомый тайными указаниями из Драна или же попросту собственным тщеславием, он не намерен отдавать добычу, несмотря на ясно отданный ею приказ. Она уже собиралась применить силу, но подобная война не сулила ничего хорошего; сидевшие на фрегатах топорники были хорошо вооружены, и у них были неплохие командиры, в то время как ее пищали – на которые она так рассчитывала – себя не оправдали. Возможно, причиной тому был особый характер уличных боев, в которых тяжелое оружие, которым можно было пользоваться лишь вместе с неуклюжими козлами, было крайне неудобно и не выдерживало никакого сравнения с арбалетом. Кроме того, отряды неизбежно разбивались на небольшие группы по полтора десятка человек... Так или иначе, рассчитывать она могла лишь на своих арбалетчиков, которых у нее была неполная сотня, а после сражений с имперским гарнизоном – и того меньше. Теперь она проклинала собственное легкомыслие, из-за которого доверилась неиспытанному в бою оружию. Из трехсот хорошо оплачиваемых солдат двести обслуживали пищали... И это лучшие и самые надежные из наемников, которых она собрала с мыслью об Агарах!

Ахагаден, впрочем, после первых стычек даже не оставил ей шансов; он просто уводил фрегаты и реквизированные торговые корабли в море, ставя их на якорь в миле от берега. Если она хотела ими завладеть – то разве что вплавь.

Некоторым утешением было то, что она сохранила собственные корабли. Помогли многочисленные предосторожности, о которых в свое время спрашивал Раладан: о том, кто стоит за Литасом (а позднее за его сыном Меларом), знали только предводители восстания. Но корабли Мелара, "Сейла" и старый барк "Даленор", вышли в море еще зимой – и пропали (на самом деле они были в Дурном Крае). Купленные же недавно три фрегата принадлежали наследникам Э.Зикона, дела у которых шли превосходно, но ничто уже их не связывало с госпожой Семеной. Фрегатов этих в Дороне не было (она распорядилась, чтобы в конце лета они появились сразу на Агарах), однако никто не мог обвинить ее в нелояльности, каковой, несомненно, было бы лишение повстанцев поддержки трех – целых трех! – столь необходимых кораблей...

Что с того? Те три парусника, без солдат на борту, не могли прибыть на Гарри, во-первых, потому, что не хватало времени, во-вторых – их тут же прибрали бы к рукам повстанцы.

План разваливался на глазах.

Появился, однако, некоторый шанс. Шанс, правда, довольно слабый, требовавший множества тщательно продуманных действий.

Силы повстанцев готовились нанести удар на юге. Одновременно штаб мятежников в Дране планировал морское сражение у юго-западных берегов, в окрестностях Багбы. Семена рассчитывала, что независимо от того, кто окажется победителем в этом бою, корабли выигравшей стороны немедленно направятся в Багбу, важнейший в данный момент порт на острове, намереваясь изо всех сил удерживать (или захватить) его. Именно этими кораблями она и собиралась завладеть.

Однако сначала ей нужно было встать во главе повстанческой армии, затем – разбить сухопутные силы империи. Тем временем ни один из планов не предусматривал ее кандидатуры на подобный пост... Единственным козырем была неоспоримая истина, что ее войска единственные из всех добились бесспорного и полного успеха. Однако ей требовались дополнительные, еще более сильные аргументы. Она действовала быстро: после первой же вести о марше гвардейцев Монаталя через горы она послала сорок арбалетчиков и сорок стрелков (для прикрытия) навстречу преследуемому отряду...

Шел восьмой день с начала восстания. Отряды мятежников залегли под Дороной. Силы оказались крайне скудными – полторы тысячи пехотинцев, в том числе чуть больше сотни арбалетчиков и, полсотни лучников. К этому добавлялись триста человек Семены. Оказалось, что вожди мятежа не в состоянии были оценить, сколько сил придется затратить на то, чтобы занять захваченные порты и корабли (всего несколько десятков фрегатов и парусников Морской Стражи поменьше, не считая многих реквизированных торговых барков). Немногочисленные перешедшие на сторону повстанцев команды имперских кораблей нужно было усилить своими людьми или заменить вообще, ибо никто не мог ручаться за то, как они поведут себя в сражении с верными императору парусниками. Столь же важной задачей было удержать порты, поскольку нельзя было исключить попыток отбить их со стороны моря. Большой отряд преследовал в Харенах гвардейцев, много людей требовали также городские патрули и отряды, сопровождавшие разнообразные транспорты... Учитывая более высокие, чем ожидалось, потери и повсеместно распространившееся дезертирство (в Дране оказалось, что почти треть солдат предпочитает грабить – вместе с портовым отребьем – брошенные купеческие конторы, а не сражаться за святое дело освобождения Гарри с не любившими шутить гвардейцами), восемнадцать сотен человек, готовых нанести удар по Белону, выглядели тем не менее достаточно впечатляюще.

Снова не хватало Аскара, которого в свое время прочили даже на пост главнокомандующего морскими или сухопутными силами. Когда составлялись первые, примерные, планы, Аскар был единственным, кто предвидел возможность боевых действий в поле, отметив, что, если сразу не удастся завладеть главными целями, война станет крайне тяжелой хотя бы по причине малой численности тех, кто способен воевать в поле. Однако Аскар пропал без вести, а никто из офицеров в повстанческом командовании не имел опыта в сражениях на суше и не в состоянии был предвидеть их исхода. Прочный мир, царивший в границах Вечной Империи, не способствовал приобретению боевого опыта... Лишь в Армекте, у Северной Границы, постоянно шла партизанская война с алерскими полужверями. Но ни один из мятежных офицеров не был армектанцем и не служил на Северной Границе...

Теперь же еще оказалось, что у этих тысячи восьмисот человек нет командира.

Семена, готовясь встретиться вечером с Алидой, прекрасно знала ситуацию и была уже почти уверена, что победит. У нее были все основания так считать.

Встреча состоялась возле тракта, ведущего из Дороны в Дран, примерно на полпути между городами. Выбор места диктовала спешка; несмотря на раздававшиеся со всех сторон замечания и настойчивые советы (несомненно, справедливые), штаб восстания продолжал размещаться в Дране, по каким-то причинам затягивая перемещение в Дорону, то есть ближе к месту предполагаемых сражений. Впрочем, Дорона, находившаяся на западном побережье, почти на его середине, вообще была лучшим местом для руководства любыми начинаниями. Привязанность к прежнему месту, которую проявляло руководство мятежников, сказывалась на оперативности действий не лучшим образом... Достаточно сказать, что как Семене, так и Алиде, чтобы встретиться, пришлось проделать путь примерно в пятьдесят миль, пользуясь, к счастью, исправно действующими постами со сменными лошадьми, предназначенными для гонцов, постоянно носившихся по тракту в обе стороны.

Семена прибыла первая, усталая и рассерженная, но ее настроение несколько улучшилось при виде изысканной блондинки, еще хуже знавшей таинства верховой езды. Лицо Алиды было серым от пыли, волосы на лбу слиплись от пота, спину же она вообще была не в состоянии распрямить. Семена, успевшая уже немного отдохнуть и умыться, чуть не расхохоталась. Алида, скрипя от ярости зубами, отправила своих людей за водой (обе прибыли с сопровождением, этого требовала предосторожность), после чего, молча хлопнув дверью, скрылась в одной из комнат для гостей. Вскоре принесли несколько ушатов воды. Семена наполнила вином два оловянных кубка и без приглашения вошла в комнату. Алида стояла обнаженная, склонившись над лоханкой с холодной водой и разглядывая натертые, покрасневшие бедра. Она подняла взгляд.

- У тебя тоже так? - бесцеремонно бросила она.

Семена поставила кубки с вином, немного постояла, после чего повернулась, задрала юбку, показав синие ягодицы, и оглянулась через плечо. Обе долго смотрели друг на друга, в конце концов расхохотались.

Наконец они замолчали. Алида набрала в горсти воды и вымыла лицо, после чего смочила бедра, шипя сквозь зубы словечки, каких, наверное, не знали даже самые старые матросы.

- Будем беседовать в торжественной обстановке, в тронном зале, или, может быть, начнем прямо здесь? - спросила Семена, опираясь о стену, с кубком в руке. - Нужно было перенести штаб в Дорону, - добавила она, видя, как к Алиде возвращается ярость.

- Думаешь, я этого не хочу?! - рявкнула блондинка, расплескивая ладонью воду в лоханке, над которой сидела на корточках. - Попробуй поговори с этими высокорожденными дурнями! "Старый Район - знак древних времен. Лишь здесь может возродиться Гарра". Знаешь, чем плоха Дорона? Тем, что ее перестроили армектанцы!

- Не верю, - сказала Семена.

- Я тоже! Как можно победить в этом восстании? Знаешь, почему я приехала? Потому что иначе явился бы какой-нибудь сотник стражи! Который ездит верхом еще хуже меня да к тому же и дурак в придачу! Или какой-нибудь старик, которого здесь сняли бы с лошади и тут же закопали! Если он вообще приехал бы верхом! Конь - это чудо Армекта, гарриец же путешествует в носилках. Ну, может, в каком-нибудь из этих проклятых фургонов, или как они там называются. Он ехал бы дня три, - оценила она, мочась в лоханку.

- Не верю, - повторила Семена.

Алида перевела дыхание.

- Однако там дела обстоят именно так, - почти спокойно сказала она. - Они хотят начать освобождение Гарры с выкорчевывания всех армектанских сорняков. Даже армия должна быть одной большой толпой, ибо деление на клинья, полусотни и колонны придумали армектанцы. В штабе думают только о том, кому поручить этой армией командовать. В Дране этого поста домогается комендант гвардии, порядочный человек, которого я с большим трудом вытащила наверх. Впрочем, он едва справляется со своими обязанностями. Второй кандидат - старый и действительно опытный командир эскадры морской стражи. Вот только человек этот почти не умеет ходить, когда земля не раскачивается у него под ногами, словно палуба. Сражение он начнет, наверное, с того, что воткнет в землю мачты и поставит паруса, иначе ему будет чего-то не хватать. Дальше: серьезные кандидаты - господин Кахель Мохабен, старший родственник моего умершего от старости супруга, и, наконец, сам Ганедорр. Последний, по крайней мере, человек достаточно разумный и вовсе не хочет командовать никакой армией. Однако, если иного выхода не будет, он согласится. Кто-то, в конце концов, должен командовать.

- Почему в таком случае не я?

- А почему не мой кандидат, Ахагаден? Он ведь, кажется, твой смертельный враг?

Они не отводили друг от друга взгляда. Разговор начал склоняться к тому, из-за чего, собственно, и была устроена их встреча. Алида подняла с пола простую грубую юбку и кое-как вытерлась. Нагота вовсе ее не смущала. Семена подумала, что дело скорее всего в немалом опыте. Блондинка с явным отвращением натянула запыленную рубашку. Юбку же с нескрываемой брезгливостью швырнула в угол. Взяв у Семены кубок с вином, она тоже оперлась о стену. Они стояли, словно на страже, по обеим сторонам дверей. Ни той, ни другой даже не пришло в голову сесть. Им еще предстояло насидеться на обратном пути...

- Послушай, - сказала Алида. - Не будем о личном... Те вояки, о которых я тебе говорила, - никакие, конечно, не кандидаты. Другое дело, что они высокорожденные гаррийцы. В конце концов, они предводители всей этой заварушки. А здесь... не Армект. На меня и то уже смотрят косо - что, собственно, делает среди них личность, у которой ничего не болтается между ног? Ганедорр - человек умный и дело свое знает, но остальные - твердолобые упрямцы со взглядами столь же старыми, как и камни их дворцов. Как я могу им сказать, что женщина одержит для них победу? Если бы я еще

была гаррийкой!

- Зато я - гаррийка.

- Точно так же как и я. Или мать - армектанка, или отец - армектанец. Позор, и только.

- Откуда ты знаешь?

Алида искоса взглянула на нее:

- Сама только что сказала... Но все это ерунда. С именем Семена ты никогда не будешь для них гаррийкой.

- А если это имя - ненастоящее?

- А кого это волнует? Ты же его носишь. Нужно было выбрать себе имя с двумя "р", тремя "г" и одним "х". Вот тогда бы хорошо звучало. Словно проблевался и горло прочистил.

Они замолчали.

- У тебя есть все полномочия назначать командира? - спросила Семена.

- Конечно. Иначе какой был бы смысл в нашей встрече? Но знай, что даже если - в чем я сомневаюсь - я назначила бы тебя, то им я об этом сообщать не намерена. Меня прислали сюда, собственно, лишь затем, чтобы я ответила решительным отказом. Повторяю - мы им необходимы, и лишь поэтому нас терпят. Но лишь до поры до времени. Так или иначе, я должна отказать.

- И ты это сделаешь?

- Собираюсь. Но сперва я хочу выслушать твои доводы. Твои письма полны непоколебимой уверенности в том, что доверить войска кому-то другому просто невозможно. Я хочу услышать почему.

- Пока что только я сумела добиться каких-то успехов. В Дране, насколько я знаю, дела обстоят не лучшим образом?

- В Дране дела обстоят прекрасно. А в Дороне успехом обязаны не тебе, а Ахагадену. Это он в критический момент переломил ход событий. Не так ли?

Семена изумленно смотрела на нее. Алида удовлетворенно показала ей чуть подрагивающий в вульгарном жесте кончик языка.

- Мне еще раз объяснить? Ахагаден захватил пять имперских и несколько торговых парусников, а ты ни одного. Гаррийского магната история ничему не научила, для него сила армии все еще определяется количеством кораблей. Наконец, Ахагаден - мой человек. Почти друг. А тебя я не люблю. Так что я просто помогла другу. Я сделала все, чтобы в штабе знали, что победа его заслуга.

В глазах Семены блеснули по очереди удивление, недоверие и гнев.

Алида удовлетворенно массировала сквозь грубую рубашку свои соски, чувствуя, как они твердеют под ее пальцами. Над домом прокатился отзвук приближающейся грозы. Семена отерла пот со лба и шеи, осознав, что в воздухе стало необычно душно.

- А может, оно и к лучшему, - неожиданно почти спокойно сказала она. - Город выглядит не лучшим образом, я думала, что мне придется всерьез объясняться. Но раз это сделал Ахагаден...

- Что значит "выглядит не лучшим образом"?

- Ничего... Вернемся к делу: мои люди окружили сегодня утром гвардейцев в горах. Гвардейцы выбились из сил, а погоня совсем рядом. Известие об этом я получила по пути сюда.

- Великолепно. - Алида прервала свою забаву и испытующе посмотрела на нее. - Но это все?

Семена нахмурилась:

- Сто арбалетчиков и топорники Ахагадена, не считая тех, что на фрегатах. Это хорошие отряды. Несколько десятков верхом - наездники из них так себе, но люди надежные. Три сотни хорошо вооруженных и прилично обученных добровольцев. И может быть, еще две-три сотни чего-то такого, что войском уже не назовешь, но и отребьем тоже. Всего восемь с лишним, но не больше девяти сотен солдат. Остальные - всякий сброд. Не хватает лучников; в Морской Страже почти каждый лучник - армектанец, а они как-то не особо к нам рвались. Наемников же и добровольцев с луками вы взяли к себе на корабли. У меня же - три с лишним сотни солдат. Хорошо обученных и прекрасно вооруженных. И я хорошо им плачу. Их не интересует восстание. Их интересует золото. И добыча.

- К чему ты клонишь?

- Сколько народу может быть у этого армектанца? Элимера, кажется?

- Человек семьсот-восемьсот. Не больше. Но отважных и хорошо обученных,

не говоря уже о вооружении.

- Именно.

- И что из этого следует? - Алида пристально посмотрела на нее.

- Только то, что мои арбалетчики в горах заключили с гвардией перемирие. Та сотня человек, которых вы послали в погоню, наверняка уже добралась до места. Если они захотят напасть на гвардейцев, им придется напасть и на моих. И наоборот. Гвардия не может пробиться, поскольку против них одна, а может быть, уже и две сотни. Какой я должна отдать приказ?

Алида начала понимать.

- Это только начало, - заметила Семена. - Те люди в Харенах мало что изменят. Хотя господин Элимер наверняка озолотил бы меня за пару десятков таких солдат, как эти гвардейцы. А если бы еще оказалось, что заодно я разбила отряд мятежников в сто человек... Но вернемся к Дороне: мои солдаты встанут на ту сторону, на которую я их поставлю. Так на какую они должны встать? Дай умный ответ, ибо, если ответ окажется глупым, я покончу со всем этим восстанием за три дня!

Алида молчала, наматывая прядь волос на палец.

- Смело говоришь... - пробормотала она, но скорее это было признанием правоты собеседницы, нежели чем-то иным. - Умеешь считать, оценивать и знаешь, для чего служат войска. Уже одного этого хватит, чтобы доверить тебе командование... Вот только, - она задумчиво взглянула на Семену, - это идет полностью вразрез с моими мыслями.

Семена слегка пожала плечами.

- Тебя не интересует восстание. И никогда, естественно, не интересовало. - Алида покачала головой.

Гроза приближалась.

- А тебя интересовало? Святой долг освобождения Гарри? - издевательским тоном спросила Семена. - Обойдемся без этих бредней об измене, обязанностях, лояльности и всем прочем, что так страшно воняет, - попросила она.

Они взглянули друг другу в глаза.

- Восстание - восстанием... У меня есть своя собственная цель, - призналась Алида.

- А у меня - своя.

- Интересно, они похожи?

- Кто знает?

- Ой, сомневаюсь... В самом деле сомневаюсь.

Семена подняла брови:

- Ведь ты хочешь освободить Гарри? Неважно, по какой причине. Я тебе помогу.

- Да, конечно. Ты победишь имперское войско, а потом скажешь: Алида, теперь ты. И уйдешь в тень.

- Именно так я и хочу сделать. И даже больше: я намереваюсь исчезнуть вообще.

- И я должна этому верить?

- Попробуй. Уверю тебя, мне не нужны никакие должности на этом мерзком острове. Мне нужна победа восстания... но для того, чтобы ослабить Армект.

Помолчав, блондинка прищурилась.

- Эй... - сладким голосом проговорила она. - Может быть, мне стоит начать тебе верить?

- Попробуй, - повторила Семена.

- Так что там насчет Армекта?

- То, что я сказала.

- И ничего больше?

- Ничего больше.

Алида задумалась.

- Почему ты так стремишься командовать? Раз тебя интересует только победа восстания, почему бы ее не мог обеспечить кто-нибудь другой?

- Есть причины. Прежде всего, я никого такого не вижу. Только я могу выиграть эту войну. Ахагаден этого не сделает, несмотря на то что столь отважно захватил Дорону, и даже весь Главный Флот, не так ли?

- Ты наверняка заметила, что стоит тебе посмотреть в зеркало, как в нем отражается змея? - спросила Алида.

- Гм... - усмехнулась Семена. - То, что я в нем вижу, вполне меня устраивает... Но позволь, я повторю свой вопрос: какой я должна отдать приказ? Должна признаться, что дискуссия, в которой у противной стороны нет никаких козырей, меня несколько утомила.

- А если тебя попросту убрать? - вслух подумала Алида.

- Убрать. Попросту убрать, - согласилась та. - Сто человек в Харенах пойдут под мечи, гвардейцы и мои люди объединятся с Элимером, а стратегией повстанцев будут восхищаться все края Шерера. Нет, ты и в самом деле меня удивила!

Они в очередной раз посмотрели друг другу в глаза.

- В самом деле, кажется, сегодня ты диктуешь свои условия, - подытожила Алида, отрывая спину от стены. - При первой же возможности я подставлю тебе подножку, - пообещала она. - Ты грохнешься на пол, и тогда я буду плясать у тебя на животе. А пока - что ж, теперь ты командуешь армией.

Вокруг бушевала гроза.

55

Сон приносил не сравнимое ни с чем удовольствие - Семена обнаружила это, лишь когда научилась обходиться вовсе без него. Она и в самом деле начинала мечтать о той минуте, когда у нее наконец будет достаточно времени, чтобы прилечь на лугу или в лесу, и лежать, и спать, и ничего не делать...

Было раннее утро, когда войско выстроилось для смотра.

Ей все еще не хотелось даже думать о коне, Впрочем, она знала, сколь неуклюже сидит в седле, и не желала выставлять себя на посмешище. Она осматривала шеренги, идя вдоль них в сопровождении полутора десятков офицеров высшего ранга и двоих сановников из штаба. Последним даже не дали отдохнуть с дороги. Она сразу дала им понять, кто здесь главный. Теперь они брели за ней следом, уже несколько привыкнув к ее кольчуге и грубым мужским штанам, заправленным в голенища кожаных сапог. На кольчугу был наброшен синий мундир с вышитым на левой груди небольшим ярко-красным кругом. На правом боку висел короткий гвардейский меч. Шлема на голове не было; спадающие на спину волосы колыхались в такт шагам.

Семена была самым прекрасным из солдат, которых когда-либо видели небо и земля Шерера.

Она миновала неполную сотню всадников, весьма разнообразно вооруженных, на лошадях разной масти, величины и стоимости; дальше стояли двести щитоносцев Ахагадена, в кирасах, с опертыми о землю щитами и топорами или с крепкими короткими копьями на плече, - отличная пехота. Дальше - сто с лишним арбалетчиков и полсотни лучников, все в серебристых шлемах, но в разных мундирах, а часто и без них, в кольчугах, иногда лишь в кожаных куртках, кожаной и полотняной обуви, а порой даже в плетенных из лыка лаптях. Это она еще могла пережить. Но дальше стояли разделенные на полусотни люди, вооруженные всем, что только можно было себе вообразить, и иногда в весьма странном одеянии: ей попался человек в доспехах, от которых отвалилась половина чешуек, а двумя шагами дальше - какой-то коротышка в кирасе с приделанной к ней настоящей, турнирной "лягушачьей мордой", прямо из Дартана... Это уже было свыше ее сил, она ускорила шаг, боясь, что расхохочется или начнет скрежетать зубами. Она любила хороших солдат и уделяла их внешнему виду не меньше внимания, чем выучке.

Этому она научилась у Риолаты. Ей пришлось перенять ее привычки, как можно более точно подражать ей во всем... Увидев результат, она многое поняла. Теперь, если бы ей вернули "Звезду Запада", она превзошла бы Броррока! Она научилась тому, что солдат чувствует себя в точности так, как выглядит.

Семена дошла до места, где стояли ее люди.

По правую руку от нее располагалась огнестрельная пехота: частокол козел, а за ними солдаты прикрытия с копьями, второй ряд – стрельцы с пищалью на каждом плече; третий ряд – снова прикрытия с козлами и снова стрельцы. С левой стороны – арбалетчики в закрытых шлемах, а в конце – полсотни топорников. Все – стрельцы, арбалетчики, топорники – в синих мундирах, украшенных красными кругами.

Снаряжение и содержание этих трехсот с лишним воинов обошлось более чем в четверть всех сокровищ, не считая оружия, захваченного ее отцом.

Но это того стоило.

Она медленно прошла вдоль строя, жестом приветствуя своих офицеров.

В самом конце стояли согнанные сюда, часто силой, крестьяне и рыбаки из разных селений.

Семена едва не зажурилась. Она обвела взглядом беспомощные толпы и, не говоря ни слова, повернула назад. В то же мгновение она заметила, что один из грязных селян сильно шатается, опираясь на вилы.

В первое мгновение она едва не вырвала ему кишки... Лишь немалым усилием она сдержалась, не дав вспыхнуть красному блеску в зрачках. Она быстро подошла к нему, оставив свиту позади.

– Пьяный? – коротко бросила она, кладя руку на меч.

Запах убийственного пойла сказал ей все. Что-то тихо лязгнуло, она развернулась кругом, и лишь тогда подошедшие офицеры увидели в ее руке меч, который она держала клинком вниз. Она успела сделать два шага, прежде чем крестьянин за ее спиной, хрипя, рухнул наземь. Из артерии хлестала кровь.

– Командира этих людей – повесить, – бросила она. – Все. Выходим тотчас же. В передовой страже пойдут лучники, не конница. Все конники – в моем распоряжении, в том числе на марше. Охрана лагерей – без изменений, как и раньше.

Она кивнула одному из своих сотников.

– Дашь мне коня и пять человек, тоже в седле. Наших, – подчеркнула она.

Не обращая больше внимания на офицеров и тем более на гостей из штаба, она быстро пошла обратно вдоль строя.

Улицы Дороны словно вымерли. Причиной тому было не только раннее утро; прежде всего, горожане не горели особым желанием встречаться с военными, пусть даже эти военные были освободителями Гарры.

В особенности если они были освободителями Гарры. Освободители грабили все, что требовалось восстанию или им самим. Это называлось реквизицией...

Эхом отдавался стук лошадиных копыт. Семена, опередив своих людей, направлялась туда, где почти год был ее дом.

Небольшой отряд миновал разграбленный и частично сожженный дворец Представителя (интересно, Князя уже отцепили от стропил?) и двинулся дальше.

Собственно, в том, что порты и корабли захватил Ахагаден, имелись свои положительные стороны – дворец остался ей... В казну восстания она отправила меньше половины захваченного добра. Остальное пополнило ее личную кассу, что оказалось весьма своевременным. В последнее время она черпала деньги лишь из пояса, который туго набила благодаря поспешной продаже предприятий Мелара и прочих. Несколько дураков сильно обманулись в своих ожиданиях, купив товары и дома, которые почти сразу же отобрало или уничтожило восстание.

Если бы Ахагаден не столь усердно стерег свои фрегаты, он мог бы серьезно осложнить ей жизнь. И так уже до штаба в Дране доходили разные слухи. А правда была такова, что частично она заплатила за службу своим солдатам, позволив им разграбить город. Конечно, она поживилась кое-чем, и сама. Она хорошо знала, что настоящие расходы еще впереди!

Что ж, два десятка вояк столь увлеклись грабежом, что больше она их не видела. Но и так дезертиров в синих отрядах было меньше, чем в каких-либо других. Большинство ее солдат прекрасно понимали, что под предводительством "ее прекрасного благородия" добычи и женщин им хватит с избытком и что легче их добыть всем вместе, чем в одиночку. И легче потом защитить от завистников.

Алида была первым человеком из штаба, увидевшим собственными глазами,

что осталось от Дороны после "победы над имперцами".

"Ах ты... сука! - в ужасе сказала она тогда. - Во имя Шерни, я совершила ошибку, поручив тебе командование... Если ты выиграешь эту войну, мне придется править пустыней!"

Семена в ответ лишь рассмеялась.

"А чего ты хочешь? - насмешливо ответила она. - Что, в Дране грабежей не было? А впрочем, ведь здесь побеждал Ахагаден, не так ли?"

На улицах валялись какие-то обломки, тряпки, всяческий мусор... Часть убрали уже несколько дней назад, но еще не все. Один лишь вывоз и погребение трупов занял почти неделю.

Семена остановила коня перед своим домом.

- Ждать здесь, - сказала она солдатам и спрыгнула с седла.

Здание было покинуто, по крайней мере такое оно производило впечатление. Может быть, слуги где-то и сидели, но у Семены не было никакого желания проверять. Она лишь нашла канделябр, зажгла свечу, а от нее остальные.

Семена спустилась в подвал.

Большие бочки стояли нетронутыми. Но ящиков стало меньше, а те, что остались, зияли пустотой. Семена прошла в самый конец подземелья. Подняв крышку люка, она спустилась ниже и отодвинула засовы. Она давно здесь не была...

Изнутри ударила жуткая вонь. Семена подождала, боясь, что, если она войдет слишком быстро, может не хватить воздуха для свечей. Потом, перешагнув через разложившийся труп у самого порога и задержав дыхание (так было легче, чем дышать), посмотрела на висящее тело.

- С сегодняшнего дня, - сказала она, - я - больше не ты. С сегодняшнего дня меня снова зовут Лерена. Ты же можешь быть Семеной, Риолатой или кем захочешь.

Она подошла ближе и осторожно отодвинула остатки волос с опущенного лба сестры.

- Риолата, - тихо сказала она. - Риолата... Тебе нравилось, когда я произносила твое имя. Рио-ла-та...

Она достала меч и, не обращая внимания на звериный вой и корчи сестры, несколькими ударами перерубила опутанные цепями руки. Кисти и предплечья остались под потолком, остальное рухнуло на каменный пол; из омертвевших коротких культий слабо сочилась кровь.

- Иди в Дран, - сказала Лерена, убирая меч. - Там много высокорожденных гаррийцев... Может быть, выйдешь замуж?

От смрада ей в конце концов стало дурно, и ее стошнило на стену; пошатываясь, она поднялась по лестнице и вышла, оставив подземелье открытым.

56

Восстание не могло не закончиться неудачей - по той же самой причине, что и все предыдущие... Оно должно было потерпеть поражение рано или поздно, ибо висело в пустоте.

Нет, оно и в самом деле было подготовлено намного лучше, чем какое-либо из ему предшествовавших. Оно опиралось не только на добровольцев, желавших отдать жизнь за Гарру, но и на отряды наемников, готовых драться с кем угодно, лишь бы за это платили. В свою очередь, подготовка и использование наемных отрядов были возможны лишь потому, что организаторы восстания сумели проникнуть в ряды тех, чьей целью являлось как раз предотвращение мятежей, а именно в ряды имперских войск и урядников Имперского Трибунала.

Пожар восстания охватил сразу весь остров, и мятежникам действительно удалось захватить немалую часть территории. Но теперь - многие добровольцы погибли, многие наемники бросили службу. И уже видно было, что - как

всегда - все восстание, в сущности, оказалось не более чем гневной перебранкой нескольких древних родов, топаньем ногами, от которого может упасть кувшин со стола, наделав много шума... но наверняка не обрушится дом.

Ибо разве стоял кто-либо за этими магнатскими родами? Может быть, на борьбу подняли купцов? Нет. Купцы лишились из-за восстания своего имущества; их корабли и товары были реквизированы, и вести какие-либо дела стало, в сущности, невозможно. Что могла им дать победа восстания? Разве что конец всяческой торговли с империей, по крайней мере на долгие годы. Может быть, как-то выиграли или должны были выиграть горожане? Тоже нет. В столице они тихо сидели по своим норам, радуясь, если их не ограбили подчистую. В Дране быстро почувствовалось отсутствие на улицах имперских солдат: из дому попросту страшно было выйти. Да и вообще, изменилось ли бы что-нибудь к лучшему, если бы восстание победило раз и навсегда? В лучшем случае все осталось бы так же, как под правлением Кирлана... Рыбаки и селяне? Те, честно говоря, могли лишь возносить молитвы Шерни, чтобы та спалила огнем все эти повстанческие отряды. По очень простой причине: селянин или рыбак, приписанный к имперским владениям, был настоящим богачом по сравнению с крестьянином во владениях гаррийского магната. Имперские сборщики податей обычно требовали четверти урожая, и, кроме того, вольный крестьянин обладал определенными правами. Селянин или рыбак, живший в крепостной зависимости, никаких прав не имел; единственным, и к тому же навязанным его господину Кирланом, было право службы в имперских легионах - привилегия, отличавшая его от раба. Достаточно сказать, что после каждого восстания, когда империя конфисковала имущество замешанных в мятеже семейств, крестьяне в освобожденных императором селениях плясали от радости!

А ведь "святое дело освобождения Гарры" вовсе не было безразлично беднякам. Может быть, лишь в Армекте ощущение национальной принадлежности было более сильным. Гаррийский рыбак с гордостью называл себя гаррийцем и всегда помнил, что Армект, включив его край в состав Вечной Империи, страшно отомстил за десятки потопленных кораблей; взятых в плен солдат и моряков казнили. Однако интересы Гарры, понимавшиеся так, как хотели этого магнаты в коричневых дворцах, шли вразрез с интересами рыбака, в конце концов умевшего считать. Даже если бы он не приобрел ничего, кроме изменения названия с Морской Провинции на Королевство Гарры, - рыбак наверняка бы за это сражался... Во всяком случае, если бы он имел хотя бы тень надежды, что в этом Королевстве Гарры он потом не умрет с голоду. Что не станет хуже, чем под властью императора.

Однако таких обещаний никто давать не собирался. Напротив, везде и всюду трубили, что после победы воцарится "старый порядок". Ах, старый порядок, в самом деле! Имперскому крестьянину, пожалуй, милее было бы зрелище пожара в усадьбе! Крепостной же крестьянин терял единственную свою привилегию, возможность стать профессиональным солдатом, который служит за деньги, по собственной воле и желанию. Мундир легионера или морского стражника, святой для армектанца, как и все военное ремесло вообще, ставил низкороджденного наравне с человеком Чистой Крови. Жалованье было невысоким, но постоянным. Легионер империи знал свои обязанности, но имел и права. За упущение по службе он мог даже закончить свои дни на виселице, но, если нес службу исправно, мог хотя бы жениться, не спрашивая ничьего согласия. Мало того, перед ним открывалась дорога к военной карьере. В имперских легионах происхождение, по крайней мере формально, не имело никакого значения. Каждый удовлетворявший определенным требованиям - то есть имевший достаточно долгий стаж службы, умевший читать и писать и отвечавший некоторым другим условиям - мог, сдав соответствующие экзамены, стать офицером и продвигаться дальше... Легко понять, почему солдаты столь неохотно переходили на сторону восстания; это означало не что иное, как возврат под "опеку", которой многие из них стремились избежать... А также конец всяческим амбициям и мечтам.

В таких обстоятельствах следовало скорее удивляться нейтралитету гаррийских рыбаков; личный интерес велел им сражаться рядом с имперскими солдатами, и сражаться насмерть. Если так не происходило, то на самом деле лишь потому, что рыбак этот ощущал себя гаррийцем.

Лерена, наблюдая, с каким энтузиазмом идут в бой крестьяне, силой

включенные в состав ее войска, обо всем этом, конечно, даже не думала. Однако она явно видела, что требуется чудо, чтобы эти люди вообще дошли до неприятельских позиций. Она не слишком удивилась, когда чуда не произошло: едва в сторону наступавших полетели первые стрелы, огромная толпа тут же развернулась и бросилась назад к ее собственному расположению.

В соответствии с приказом беглецов встретили выстрелами из арбалетов. Однако тяжелые стрелы, убивая и рняя, не привели ни к чему, кроме того, что толпа разбежалась во все стороны, бросая вилы, цепи и колья.

Половина войска Лерены в одно мгновение перестала существовать.

Честно говоря, она почти обрадовалась. Вся эта голытьба лишь обременяла ее, словно ядро на ноге. Теперь она по крайней мере знала, какими силами в действительности располагает.

К несчастью, она уже успела совершить ошибку. Видя скудость сил неприятеля, она приказала атаковать с ходу. В бой пошли лучшие ее отряды – огнестрельная пехота и арбалетчики, при поддержке лучников. Однако атака захлебнулась под настоящим ливнем стрел, посылаемых противником. Лук не обладал такой убойной силой, как арбалет, не говоря уже о пищалях, но он был скорострельным оружием. Град стрел привел в замешательство солдат и ее саму; она остановила атаку на полпути, хотя потери были невелики, и послала крестьян, чтобы те прикрыли отход. Сейчас все ее войско уже стояло готовое к бою. Она подозвала одного из офицеров.

– Поведешь щитоносцев, – приказала она. – Усиль их четырьмя сотнями этих. – Она показала на добровольцев, которые не так давно едва не вызывали у нее приступов смеха.

– Так точно, госпожа.

Она снова обратила взор в сторону противника. Да, крестьяне разбежались, но сражение только начиналось. У неприятеля было всего несколько сотен человек! Что с того, что приходилось наступать в гору? У нее был такой перевес, что результат боя можно было считать предрешенным. Она намеревалась подавить имперских одной лишь численностью.

Щитоносцы двинулись вперед вместе с несколькими сотнями всяческого сброда.

Она подозвала еще одного из своих офицеров.

– Двигайся следом, – сказала она. – Поддержи их. Возьми всех, кто остался. Кроме моих людей и конницы. Они остаются в резерве.

– Так точно, госпожа!

Офицер ушел.

Щитоносцы, под дождем стрел, с трудом, но неумолимо взбирались в гору. Наблюдая за их кровавым маршем, она ощутила легкое беспокойство. Что-то было не так...

Позади послышался стук копыт. Она обернулась и удивленно уставилась на одетую в серую рубашку и такую же юбку девушку, спрыгивающую с седла. Лишь мгновение спустя она узнала... Алиду! Растрепанные золотистые волосы, связанные на затылке в обычный "конский хвост", и порозовевшие щеки делали ее моложе на десять лет.

Впрочем, сколько ей, собственно, было?

– Что ты тут делаешь, госпожа? – спросила Лерена. – Кажется...

– Кажется, вождь, мы угодили на море в большую задницу, – почти весело сказала та, но так, чтобы не слышали офицеры Лерены. – Только что до лагерей добрался гонец.

– Почему не до меня? – гневно бросила Лерена.

– Потому что под ним пала лошадь. В трех с лишним милях отсюда. Он прибежал пешком, едва живой. Я послала к тебе другого гонца. Это я.

Главкомандующая оглянулась на своих офицеров. Те пристально наблюдали за сражением.

– Полный провал?

– Разве я команду флотом, госпожа? – язвительно спросила Алида. – Не знаю, как это называется, когда два флота топят и захватывают друг друга.

– Так сказал гонец?

– Так из этого следовало.

– Издеваешься? – со злостью рявкнула Лерена. Потом, вспомнив об офицерах, добавила: – Госпожа?!

Со стороны имперских позиций донесся жуткий вопль. Лерена тут же забыла об Алиде. Щитоносцы дошли! Но путь, который они преодолели, был отмечен

десятками серебристых кирас...

Вторая волна наступления достигла середины поля битвы. Лерена заметила, что отряды передвигаются медленно, слишком медленно. Уклон, внешне незначительный, сильно затруднял марш. Солдаты тащили доспехи и оружие, а стрелы все еще свистели в воздухе, хотя и значительно реже; щитonosцы достаточно успешно подавляли лучников. Однако линия имперских войск, выстроившихся на вершине возвышенности, стояла непоколебимо. Лерена не могла понять, как могут легковооруженные лучники успешно оказывать сопротивление тяжелой пехоте? Так или иначе, ждать оставалось недолго... Сейчас подойдет подкрепление.

Она должна была выиграть это сражение. И она была уверена, что выиграет. Тем более что флот был разбит. Независимо от того, много ли кораблей потопили или только несколько, путь для подкрепления с континента был открыт. Гарра стала ловушкой. Следовало захватить Багбу и все то, что стояло в порту, пусть даже весельную лодку. И сматываться.

Но что же, отказываться от всех своих планов?

- Никогда! - громко сказала она.

Алида вопросительно посмотрела на нее.

- "Никогда" что, госпожа?

Она вовсе не выглядела столь беззаботной, какой хотела казаться...

"Я никогда не откажусь от Агар, - мысленно ответила Лерена. - Но и никогда не сумею их удержать, если восстание потерпит поражение еще в этом году", - тут же добавила она.

- Гавар, - сказала она через плечо, - возьми стрельцов и отправляйся на помощь этим недотепам. Мне нужна победа. Немедленно.

- Козлы, госпожа...

- Козлы оставь. Оставь пищаля. Прикрытие с копьями, а стрельцы с мечами. Ясно?

- Госпожа... - неуверенно сказал офицер.

Шум сражения внезапно усилился. С неподдельным ужасом Лерена увидела, как из-за возвышенности, на которой расположились имперцы, выдвигаются два сомкнутых отряда, по дуге обходящие с тыла ее войска, сражающиеся с лучниками. Клеши быстро сжимались. Отряды были невелики, но она отчетливо видела сердцевидные щиты с желтым полем посередине, на фоне которого виднелись серебряные четырехконечные звезды Вечной Империи.

Топорники Гаррийского Легиона!

Предводительница мятежных войск внезапно осознала, что проигрывает.

Собственно, сражение было проиграно уже давно... Оно было проиграно еще до того, как Лерена вообще его начала.

Роковую роль сыграли отсутствие опыта и излишняя самоуверенность. Уличные бои в Дороне или Дране, хотя и часто ожесточенные, были, однако, скорее стычками или даже драками небольших групп, без какого-либо тактического замысла, а отсутствие выучки и командования во многих случаях уравновешивалось фактором неожиданности. Тем временем командование войском в полевых условиях (даже не слишком многочисленным) требовало много такого, о чем Лерена даже не слышала. Первым, чему не было уделено должного внимания, была разведка. Повстанцы понятия не имели, какими силами располагает противник - как вообще, так и на самом поле битвы. Те двести пятьдесят топорников, выросших словно из-под земли, могли переломить ход сражения лишь потому, что никто о них не знал. Командир имперских войск не был особо опытным солдатом, однако, как и каждый офицер империи от сотника и выше, обязан был отслужить свое на северном пограничье Армекта, где продолжалась нескончаемая жестокая война с алерскими полузверями. Благодаря этому он прекрасно знал, что резервы не только нужно иметь, но стоит их еще и укрыть от глаз противника... Лерена даже не подозревала, что то, что она видит перед собой, лишь часть вражеской армии. Прислушиваться же к чьим-либо советам она не умела и не желала.

Отсутствие разведки не было, конечно, единственным грехом чересчур уверенной в своих силах предводительницы мятежников. Каждый армектанский командир хорошо знал, что численное превосходство противника может быть сведено на нет удачным выбором позиции. Элимер действовал вовсе не блестяще - напротив! Каждый знающий командир тут же упрекнул бы его в отсутствии гибкости, если вообще не в схематизме. Тактика, которую он

применял, была стара, как армектанский лук... Когда-то о ее достоинствах и недостатках рассуждала Риолата; однако у Риолаты были на этот счет свои собственные мысли, которых не доставало Лерене. Прежде всего, огнестрельную пехоту ни в коем случае нельзя было использовать для наступательных операций! Оборонительной тактике Армекта Риолата хотела противопоставить своеобразную наступательно-оборонительную тактику. По ее мысли, стрельцы с пищалими, синие козлы которых образовывали нечто вроде переносного частоккола, должны были сыграть роль шарнира, на котором вращалось бы правое или левое крыло, обходящее вражеские позиции с фланга; пищали, оружие достаточно громкое, должны были обеспечить поддержку наступлению, стрельцы же, прикрываемые солдатами с копьями, представляли бы собой резерв и опору для подвижных войск – резерв, способный в решающий момент поддержать атаку (задача солдат прикрытия) или являющийся оплотом для отступающих, в случае неудачи, войск; тогда забор из козел стал бы просто укреплением, хорошо защищенным огнем пищалей.

Принятие боя на навязанной противником территории было ошибкой. Еще большей ошибкой была попытка нанести бессмысленный, по сути, удар, выводивший атакующих прямо под армектанские луки. Лекарство против подобных атак изобрели в Армекте несколько столетий назад!

Случилось то, что должно было случиться: тяжеловооруженная пехота, упорно наступающая в гору, понесла значительные потери от стрел, прежде всего же – запыхавшиеся солдаты, лишенные поддержки собственных лучников, а также арбалетчиков и стрельцов (слишком большое расстояние между войсками), добравшись до вражеских позиций, оказались лицом к лицу с легковооруженными, но отдохнувшими лучниками, у которых, самое большее, могли болеть руки от поспешного натягивания тетив... Тяжелый топор или копье, кираса, шлем и щит, вместо того чтобы обеспечить надлежащую силу удара, стали балластом, обременяющим уставших солдат. Когда котел захлопнулся, внутри него не было ни одного отряда, который мог бы предпринять успешную попытку вырваться из окружения.

В схватку двинулись резервы мятежников. И тогда выяснилось, что крестьяне, с которыми не в силах была управиться Лерена, все же могут действовать вполне успешно... Прежде всего Элимер, конечно, сжег несколько деревень, в которых прорастали зерна бунта, но другие пощадил. Ни одного крестьянина он не принуждал силой идти воевать (для армектанца нечто подобное было попросту невообразимо; Непостижимая Арилора – Военная Судьба, – покровительница каждого солдата и каждого умирающего, была благосклонна лишь к тем, кто служил ей добровольно; армектанская традиция как всегда и везде, так и здесь соблюдалась нерушимо). Однако – от имени императора – Элимер обещал крепостным крестьянам и рыбакам освобождение их деревень из-под магнатской опеки... И несколько сот человек пошли за ним по собственной воле, безо всякого принуждения. Имея их в своем распоряжении, армектанский командир показал себя с наилучшей стороны; когда синие отряды Лерены двинулись на помощь окруженным, то тут, то там начали появляться многочисленные, хотя и небольшие группы вооруженных кое-как крестьян... Отряды эти даже не вступили в бой, но своим присутствием связали руки повстанческим резервам достаточно надолго, чтобы разбить силы мятежников на холме.

Элимер, впрочем, развлекался недолго. Силы были действительно не равны; он прекрасно понимал, что, когда перестанет действовать фактор неожиданности, окруженные отряды могут начать оказывать отчаянное сопротивление, возможно даже достаточно сильное, для того чтобы отразить натиск его людей. Кроме того, демонстративные атаки слабых крестьянских групп не могли продолжаться до бесконечности... Так что армектанский командир разбил наголову пойманных в ловушку щитоносцев и добровольцев, после чего открыл им путь для бегства и отбросил вниз по склону.

Стала очевидной очередная правда войны: настоящего солдата можно узнать не по тому, как он наступает (чтобы добиться желаемого энтузиазма, достаточно напоить людей водкой), но по тому, как он отступает. Любое отступление плохо влияет на солдата, в особенности же отход в огне сражения. Дисциплинированный солдат может отступать в строю, шаг за шагом, увеличивая потери наступающих отрядов. Плохо обученный – в состоянии лишь убежать.

Беспомощная, перепуганная и деморализованная банда, преследуемая

меткими дождем стрел, неслась к позициям Лерены.

Главкомандующая полностью потеряла голову. Она носилась верхом от одного отряда к другому. Посреди поля сотня ее всадников резала отряд имперской конницы в сорок человек. Но и что с того! Беспомощные группы беглецов огибали островок сражающихся, мчась сломя голову. Ей бросилась в глаза большая группа серебристых щитоносцев Ахагадена, каким-то чудом собранная вместе в нескольких десятках шагов от нее... Где там! Уже не владея собой, она взвыла от ярости, увидев дику толпу разбегающихся во все стороны добровольцев. На левом фланге арбалетчики разогнали стрелами последнюю кучку крестьян, но это уже не могло ничего изменить. Вся армия бежала прочь!

Она направила коня к группе беглецов, вытащила меч, но ее опрокинули вместе с лошадей! Едва не раздавленная, она вскочила снова, призывая всю мощь своих зрачков. Капризная сила, приходившая к ней лишь иногда, на этот раз оказалась послушной: двое чудно одетых повстанцев упали, словно на всем бегу налетели на невидимую стену. Еще двоих отшвырнуло назад. Впервые она подумала о том, что красное мерцание ее глаз не более чем ярмарочные фокусы. Что, собственно, она благодаря этому приобретала? Могла выигрывать сражения? Одно издевательство! Внезапно она почувствовала себя смешной со своими огоньками в зрачках, бессильной, беспомощной. Ясно было, что вся та мощь, которую можно черпать из Полос Шерни, имеет такое же отношение к правящим миром законам, как кулак к носу! Здесь не было места глупой показухе, здесь правил разум, сила воли, меч!

Остальные промчались мимо.

Невдалеке она увидела нескольких своих топорников; они бежали вместе с другими... Она уже знала, к чему идет дело; она останется на этом проклятом поле битвы одна! В то же мгновение сбоку подскочил какой-то всадник:

- Госпожа!

- Гавар! - крикнула она, узнав командира своих стрельцов. - Голи к нашим! Забор! Залп!

Офицер понял ее с полуслова.

Она потеряла шлем и меч, перепуганная лошадь бегала туда и обратно. Спотыкаясь, - она основательно ушиблась! - Лерена поспешила назад, поскольку уже было ясно, что ситуация вышла из-под контроля. Во имя Шерни! Нужно было вывести отсюда своих!

Рядом воткнулась в землю стрела. Лерена обернулась. Имперские лучники не торопясь спускались по склону, то и дело останавливаясь, поднимая луки и выпуская стрелы. Выше ровной линией стояли топорники - как на параде, опираясь на щиты. В нескольких десятках шагов перед ними, на правом фланге Элимера, выстраивались в две короткие шеренги арбалетчики. Те, что были впереди, присели. Им не нужно было подходить так близко, как лучникам: их оружие стреляло значительно дальше.

Лерена завывала, словно волчица. Всего лишь горстка! Все это войско могло уместиться у нее под шлемом! Во имя Шерни, она уже знала, почему топорники не гонят недобитых... Их было двести с небольшим! Кто их должен был гнать? Да и зачем?! Они удержали порт, и достаточно! Флот Армекта скоро будет здесь, новые отряды солдат сойдут на берег и наведут порядок! Кто остановит имперские корабли? Ведь флот мятежников потерпел поражение!

Внезапно желтые щиты тяжелой пехоты поднялись, и тройная шеренга быстрым шагом двинулась вниз по склону, словно таран! Значит, Элимер решил, что ничем не рискует, продолжая бой; он считал, что разбитое войско уже ничем не может ему угрожать! Ей захотелось заплакать - от унижения. Противник не испытывал к ней ни малейшего почтения!

- Ради всех сил... - проговорила она с яростью, но вместе с тем с неподдельным страхом и стыдом... Она повернулась, чтобы бежать к своим, и в то же мгновение застыла как вкопанная.

Послышался могучий, протяжный гул. Сначала она увидела облако дыма. Тут же раздалось еще несколько отдельных, запоздалых выстрелов, в дымовом облаке что-то блеснуло...

Она стояла, с трудом понимая, что произошло.

Ветер развеял дым, и она увидела своих стрельцов, прикрытых наклонным, ровным забором... Разряженные пищали висели на козлах, вставленные в специальные зажимы; стрельцы устанавливали на опоры запасные. Перед

сплошной синей преградой она увидела некое подобие братской могилы. Какие-то люди корчились в крови, крича; множество тел лежало неподвижно. Солдаты, носившие козлы, а теперь игравшие роль прикрытия, стояли по флангам стрельцов с выставленными вперед копьями... Они были потрясены. Так же как и сами стрельцы, творцы этой бойни.

Она поспешно оглянулась. На склоне неподвижно застыли шеренги имперских лучников, так же как и колонна серебристо-желтых топорников. Потом вражеские отряды начали отступать в гору, назад...

- О, ради всех сил... - снова повторила она.

Акция огнестрельной пехоты завершила сражение. Эффект был поразительный: последние убегающие группки стояли на месте, глядя туда, где все еще стоял неподвижный строй синих солдат. Подсотники и сотники, придя в себя, начали собирать эти группки в отряды. Похоже, впервые в истории убийство собственных солдат удержало противника!

С паникой удалось справиться. Однако, сражение было, так или иначе, проиграно. Кто не сбежал - лежал убитый или раненый или попал в плен. Кроме стрельцов и арбалетчиков у нее осталось человек триста, может быть четыреста. И она прекрасно понимала, что толку от них теперь ровно столько же, сколько от тех крестьян, что незадолго до этого бросились в бой. Победить восемьсот имперцев было уже невозможно.

Она проиграла.

Но у нее все еще были ее люди... Не все; после первой атаки и всеобщего бегства осталось, может быть, две с половиной сотни. Но она внезапно поняла, что - ввиду поражения флота - это единственные серьезные силы, которыми теперь располагает восстание. Так что она лишилась еще не всех козырей.

К ней начала возвращаться прежняя уверенность в себе.

57

Поля боя она, однако, не сдала. По многим причинам. Прежде всего, после всего, что она увидела, она начала догадываться, что отступление станет одним большим дезертирством. Не только повстанцев, но также и ее наемников. Она приказала распространить слухи об очень высоких потерях врага и запретила говорить иначе как о "первом дне сражения". Она прекрасно сознавала, что "второго дня сражения" не будет и быть не может, поскольку ее войско неспособно наступать. Но столь же хорошо она знала, что и имперцы атаковать не станут.

Вечером пришли первые подробные известия о поражении на море. Все было так, как сказала Алида: ко дну пошли несколько кораблей с каждой стороны, кроме того, имперцы захватили два барка (реквизированных у купцов), в том числе один очень старый, и два фрегата, повстанцы же - фрегат и какие-то мелкие корабли. Однако отсутствие развязки означало победу имперских сил; все отчетливо понимали, что можно даже не мечтать о том, чтобы остановить армектанские эскадры, учитывая присутствие ослабленного, но все еще существующего Главного Флота Гарры и Островов.

Восстание агонизировало. Все эти безрезультатные сражения были лишь отсрочкой окончательного приговора.

Лерену не особо интересовал исход восстания. Тем не менее столь быстрое его поражение почти полностью перечеркивало ее планы и надежды.

Вот именно: _почти_...

Ибо шанс все же был. Несмотря на провал восстания, имелся шанс, что удастся захватить и удержать Агары. Способом, который можно было назвать не столько рискованным, сколько попросту смертельно опасным. Она подумала о нем, когда оказалось, что одна из доронских эскадр - три фрегата Ахагадена - опоздала на морское поле боя. Алида и Ахагаден попали в немилость.

Алида... Лерена все еще находилась под впечатлением победы над ней в борьбе за высшее руководство. Победа пришла легко. Может быть, даже слишком легко... Но она явно видела, что блондинка с момента начала восстания выглядит парализованной. Свою силу она черпала от армии шпионов и доносчиков, могущество ее, словно по иронии судьбы, соответствовало могуществу Трибунала. Теперь же, когда эта организация рассыпалась под ударами мятежников, Алида оказалась почти беззащитной. Ее талант перестал быть нужным, она осталась с пустыми руками, не в силах оказать сколько-нибудь существенного влияния на ход событий. Она перехитрила саму себя!

Лерена была убеждена, что справится с надменной блондинкой без особого труда. Проблема была в другом. План был попросту рискованным. Всеобщее замешательство на Гарре благоприятствовало безумным предприятиям, были у нее и свои люди, для которых в рядах повстанцев, похоже, не было противовеса. Однако расчеты ее могли с легкостью не оправдаться. Любая деталь могла разрушить все планы.

Она нашла Алиду в лагере. Наблюдатели из штаба уехали (или, скорее, сбежали) сразу же после того, как выяснилось, что войско потерпело поражение. Алида осталась. Лерена хорошо ее понимала: в Дране на нее всегда смотрели косо, и тем более после того, как она отдала командование женщине и к тому же – полукровке-армектанке. Теперь же еще оказалось, что эта наполовину армектанка со своей задачей не справилась. И наконец, чашу переполнило опоздание Ахагадена.

Лагерь разместился вокруг небольшого селения, названия которого Лерена не помнила. Алида не заняла ни одной из хижин, донельзя грязных и убогих, предпочтя палатку. У входа горел костер, рассеивая ночной мрак. Две женщины смотрели друг другу в глаза над пляшущими языками пламени.

– Если кто-то на самом деле проиграл, так это мы, – в конце концов прямо заявила Лерена. – А ты, похоже, даже больше, чем я.

Алида не ответила.

– Поговорим. Но не здесь, – предложила Лерена.

– О чем?

– Не здесь.

– Тогда где?

– Где угодно.

Алида, поколебавшись, вошла в палатку. Вскоре она вернулась в наброшенной на плечи куртке. Они миновали ряд повозок, углубляясь в темноту.

– Похоже, – спокойно сказала Лерена, – все закончилось?

– Кажется, ты хочешь завтра опять сражаться?

Лерена на мгновение остановилась:

– Ты в это поверила?

Алида смутилась, и – несмотря на густую, скрывающую все вокруг тьму – Лерена могла бы поклясться, что та покраснела.

– Не... не знаю, – пробормотала она. – Я не слишком разбираюсь в военном деле.

Лерена неожиданно поняла, что Алида проиграла в еще большей степени, чем ей казалось прежде. Если чьи-то планы и рухнули полностью, так это планы Алиды! Для империи она была изменницей, для восстания – в лучшем случае неудобной и нежелательной персоной. Даже если каким-то чудом мятежникам удалось бы одержать победу, то кто-то должен был стать козлом отпущения, ведь далеко не все пошло так, как предполагалось... Она, Лерена, была теперь последней надеждой для Алиды! Что за ирония судьбы! Представительница Судьи Трибунала верила во второй день сражения, поскольку ничего иного ей не оставалось. Если бы Лерена еще могла победить, это подтвердило бы по крайней мере справедливость передачи ей командования. Не говоря уже, естественно, о значении победы восстания для самой Алиды, для ее планов. Лерена испытала ни с чем не сравнимое блаженство, словно ее благородие Алида уже стояла перед ней на коленях и просила о помощи. Во имя Шерни, стоило проиграть эту битву, чтобы увидеть унижение золотоволосой дамы!

"Ты хотела восстания, – язвительно подумала она. – Ну вот, ты его и получила! Что, не вышло? Как же мне жаль, дорогая! Но ты сама виновата, поставив все на одну-единственную карту..."

Они молча шли рядом друг с другом.

- Кажется, твой Ахагаден не явился на бой? - почти сладострастно шепнула Лерена. - Как это так получилось?

На этот раз остановилась Алида.

- Случайность, - сказала она со столь безнадежной яростью, что Лерена ей сразу поверила. - Проклятая, проклятая случайность! Слово мало было всего... Случайность.

Они пошли дальше.

- Теперь, однако, - снова сказала Лерена, - все кончено... Я проиграла сражение. И не могу начать его снова. Я распустила слухи, чтобы сдержать дезертирство. Стоит вслух сказать, что все пропало, и утром даже мои наемники сбегут.

- Неужели эти высокие потери имперцев...

- Невероятно высокие! Может быть, сто человек с небольшим, из них менее половины убитых. Остальные - раненые, некоторые скоро вернутся в строй. Такова правда. Если посчитать дезертиров, которые перешли или еще перейдут на сторону Элимера, то окажется, что имперцы в этом бою еще и пополнили свои ряды. Достаточно?

Алида молчала.

- Ты и в самом деле связывала все свои планы с освобожденной Гаррой? Это ошибка, - буркнула Лерена.

- Почему ты все время говоришь обо мне? Ты ведь, кажется, хотела ослабить Армект? Ну и как?

- Может быть, да... а может быть, и нет. Это была лишь одна из возможностей. Может быть, найду другие, чтобы добиться своего?

- Тогда желаю удачи.

Лерена кивнула, хотя блондинка и не могла этого видеть. Ночь была темной, хоть глаз выколи.

- Помнишь, за неделю до начала всей этой авантюры ты сказала, что мы нужны друг другу? Думаю, в этом смысле ничего не изменилось, Алида.

- Что ты хочешь этим сказать?

- То, что дело твое дрянь. Если тебя не повесят имперцы, то уберут мятежники... Винаватый всегда найдется. Кому мне это объяснять? Тебе?

- Как-нибудь справлюсь.

- Сомневаюсь. Однако, если ты так считаешь, значит, не о чем говорить.

- У тебя ко мне какое-то предложение? - помолчав, спросила блондинка.

- Кто знает?..

- Ближе к делу.

- У тебя есть корабли. И люди.

- А, вот ты о чем... Да, есть. Ну и что?

- У меня только люди... Люди, которых я намерена отсюда забрать, пока еще не поздно.

- А куда?

- Туда, куда я всегда хотела. Тебе поправит настроение, если ты узнаешь, что этот твой Ахагаден украл лакомый кусок прямо у меня из-под носа? Ваше восстание нужно было мне лишь затем, что я хотела заполучить те фрегаты. И только во вторую очередь - чтобы отвлечь внимание империи.

К Алиде, похоже, в самом деле начал возвращаться прежний пыл.

- Значит, красавица, - сказала она, - ты хотела отсюда смыться, подорвав в решающий момент наши силы? Да еще и украсть корабли?

- Именно. Так я и хотела поступить.

Алида глубоко вздохнула:

- Ну спасибо.... Не стану говорить "поганая шлюха", а то ты на меня кинешься.

- Я ответила бы: сука... Я заняла Дорону, чтобы услышать, что на самом деле победу одержал Ахагаден, доказательством чему - захваченные корабли.

- Хмм... - удовлетворенно проговорила Алида. - Но, но... Мы уклоняемся от темы.

- Сначала скажи, что за люди у Ахагадена. Только честно, сегодня ложь нам ни к чему.

- Всякий сброд, как и остальные: пираты, вышвырнутые из войска солдаты, портовые воры... Но платят им из казны восстания.

- Или из того, что ты украла у Трибунала, то есть у императора?

- И из того, что дали те гаррийские дурни вроде Ганедорра. "Святое дело

освобождения Гарры".

- Подожди, значит, у Ахагадена...

- Одни наемники. Добровольцы остались на берегу. Это те, кого ты сегодня позволила перерезать.

- То есть топорники Ахагадена пойдут куда угодно. За золото.

- Так же, как и твои.

- Сколько их?

- Точно не знаю. Больше сотни, но наверняка не две. С тем, что на этих кораблях есть еще немного имперцев, которые перешли к нам. Ну и матросы, ясное дело. Но теперь, моя прелесть, я хочу услышать твои ответы. Куда ты хочешь плыть?

- На Агары.

Алида застыла как вкопанная.

- Куда?!

- Кричи громче. На Агары.

- Зачем? Ты знаешь, что это такое? Два острова на краю света! Что ты там забыла?

- Ничего не забыла... А что это такое, я знаю. Может быть, ты знаешь лучше?

- Лучше? Ради Шерни, я там полжизни проторчала!

Лерена лишилась дара речи.

- Издеваешься?

- Я работала для Трибунала, в Ахелии. Несколько лет назад.

Лерена явно заинтересовалась:

- Несколько лет... назад?

- Восемь, десять... Довольно давно.

- И ты там была шлюхой? Так же как в Дране?

- Конечно, добродетельная ты моя.

Лерена внезапно вспомнила свой разговор с Раладаном или, скорее, его рассказ... Вскоре после того, как она узнала, подслушав, что Ридарета - дочь Раписа.

"Шлюха Чистой Крови... из Ахелии..."

- Я слышала, - пробормотала она, - что в Ахелии полно шлюх...

- Да? Может быть. Хочешь отправиться туда за шлюхами?

Лерена поняла, что еще немного, и старая интриганка сообразит, что вопросы ей задают не просто так.

- Нет, - ответила она, решив отложить дальнейшие расспросы на потом. - Зачем искать так далеко?

Затем она вкратце изложила блондинке свой план.

Они сидели на холодной траве, у края небольшого леса.

- Как видишь, - сказала Лерена, - ты мне действительно нужна.

- В самом деле. Только надолго ли?

- О, надолго... Заметь, я ни разу не говорила, что там мы будем на равных. Агары слишком малы для того, чтобы мы могли править там вдвоем. Но мне нужны и будут нужны шпионы. В Дартане, в Армекте, во всех провинциях... В самом Кирлане. И на Агарах. Кто-то должен этим руководить, и руководить четко. Почему бы не ты?

- Министр шпионов. В пиратском княжестве. И это должна быть я?

- Насколько я знаю, после освобождения Гарры ты собиралась заниматься чем-то подобным.

- Подобным?! Ну нет, мне просто весело становится. Если не видишь разницы - прошу извинить и глубоко сочувствую! Во-первых, Гарра - это не какие-то там Агары. Во-вторых, у меня здесь наследство моего незабвенного супруга...

- Это наследство погибло, и ты прекрасно это знаешь.

- Ну и что, что погибло, в крайнем случае я вышла бы замуж за другого. И, третье и самое главное, кто управлял бы таким, к примеру, Ганедорром? Но на этих твоих Агарах... Ты же прекрасно понимаешь, что для меня означает второстепенный пост на таких... задворках! Может быть, тебе польстит, если я скажу, что не знаю, как я могла бы управлять _тобой_. Может быть, когда-нибудь я и нашла бы способ, но ведь ты прекрасно знаешь, чего от меня ждать. Нет, девочка моя. Я отдам тебе корабли, отдам своих

людей, помогу тебе завладеть повстанческой казной, вернее, тем, что от нее осталось, и все это лишь затем, чтобы оказаться за бортом, едва покажутся агарские берега? Или даже раньше?

- У тебя есть мысли получше? Сама прекрасно знаешь, что тебе придется отсюда бежать.

- Но не в петлю.

- Может, рискнешь?

- Рискнуть? С удовольствием. Я всю жизнь только и делаю, что рискую. Но тут я не вижу никакого риска. Вижу только петлю. Столь же однозначно, как и то, что солнце всходит и заходит.

Лерена задумалась.

- Выход все же есть, - неожиданно сказала блондинка. - Возможно, найдется способ получить от тебя достаточные гарантии. Сначала, однако, я хочу удостовериться, что ты знаешь, что делаешь. Как ты все это себе представляешь, дорогая моя? Теперь? Я понимаю, что втягивание империи в войну с Гаррой дало бы тебе время, необходимое для того, чтобы укрепить Агары. Все это очень хрупко, однако, скажем так, возможно... Но _теперь_?

- Теперь, когда у меня меньше времени, я могла бы иметь больше сил. Вместе с твоими людьми - полтысячи одних солдат. Ну и флот! Если бы в соответствии с моим планом Ахагаден захватил еще несколько кораблей... Ты сама призналась, что это возможно. Добавь к этому три, а если все пойдет как надо, то и пять моих парусников... Теперь подсчитаем наших людей. Полтысячи, так? Ну так захватим Дран и все золото, какое еще осталось у Ганедорра. С этим золотом у нас к весне были бы пираты. Семь, восемь кораблей. Все вместе - уже почти двадцать. Откуда империя возьмет флот, который сможет с ними справиться? Императору придется в первую очередь восстановить силы Гарры. А потом? Агары должны только обороняться. Прибрежные воды могут охранять многочисленные лодки, которые поддержат наш флот. Дешево и эффективно. На таких лодках морские шакалы нападают на вооруженные торговые барки. А знаешь, как дерутся пираты? Во имя Шерни, потребуется тридцать больших кораблей, чтобы отбить Агары! Думаешь, империя на это пойдет? Одна война, сразу за ней - другая? Множество влиятельных людей в самом Кирлане начнут крутить носом, нужно будет умело разжечь антивоенные настроения - золотом, не знаю, чем еще? Вот как раз задача для тебя! Как же я могу вышвырнуть тебя в море? Такое сокровище? Самую предательскую, лживую и ядовитую змею Шерера?

- Если бы ты знала, как мне нравится тебя слушать...

Несмотря на язвительные слова, в голосе Алиды Лерене послышалось что-то еще... Восхищение. Значит, все-таки... Темнота скрыла улыбку. Она была уверена, что подобный план может ошеломить своим размахом даже Алиду. Особенно Алиду. Проигравшую авантюристку.

- В Кирлане будут раздаваться голоса протеста, - повторила она. - Там ведь любят жить спокойно, обогащаться, а тут император увеличит налоги, поскольку без этого... Каждая война - это деньги, расходы и расходы! А уж тем более война на море! И ради чего? Двух островов на краю света? Даже победа повлечет за собой потери людей и кораблей, то есть новые расходы! А поражение?

- Увлекательно, - с иронией заметила Алида. - Но как долго ты собираешься платить своим пиратам? И всем наемникам? Раз уж речь зашла о расходах?

- Недолго... Очень скоро наступит осень, а тогда те же самые пираты охотно будут отдавать золото за право безопасной стоянки в Ахелии во время штормов. У них будет _свой_ порт, а в нем таверны, шлюхи и все, чего может желать моряк. Пройдет осень, и наши пираты будут даром защищать, клыками и когтями, _свои_ острова! Где можно починить поврежденный штормом такелаж, пересидеть осень, скрыться от облавы, дешево купить сведения о ценных грузах и всяческих грязных делишках, на которых можно заработать. Китобои, как и прежде, вытопят жир из китов, а я его куплю и отвезу на Гарру, где продам, и притом с прибылью... То же самое с медью. Я дешево куплю любую пиратскую добычу - и снова продам. Много ли нужно, чтобы открыть купеческие конторы тут и там? В них будут сидеть приличные люди, с очень чистыми руками... Мне это хорошо знакомо!

- Чтоб мне провалиться, - пробормотала Алида, - звучит недурно. Жаль, что я не могу принять участия в игре... на твоей стороне.

- Ты говорила о каких-то гарантиях, которые тебя устроят?
- Забудь.
Некоторое время обе молчали.
- У тебя нет выбора, - голос Лерены стал холодным. - Думаешь, я рассказываю тебе обо всех своих планах лишь затем, чтобы услышать в ответ "нет"? Ты сделаешь все, чего я потребую. Ты согласишься на все здесь и сейчас или...

Лерена достала меч.

- Да, - поспешно сказала Алида. - Я согласна, конечно согласна! Ручаюсь честью и подаю тебе руку. Решено?

Лерена чуть не рассмеялась.

- Теперь я скажу, что требую гарантий.
- Каких? Какие гарантии я могу тебе дать, здесь и сейчас?
- Каких... Думаешь, я пришла, чтобы обо всем тебе рассказать, не будучи уверена, что мы придем к согласию?

- Издеваешься? - спокойно спросила Алида.

- Я что, похожа на тех, кто издевается над серьезными делами? Мне нужны твои корабли. И золото Ганедорра. Ты будешь со мной до тех пор, пока все не закончится. Мы просто не расстанемся, Алида.

- Даже об этом и не думай. Ради Шерни, откуда только берутся такие глупые бабы? Ну почему все мои противники как дети? Это несправедливо. Пошла прочь, девчонка!

Лерена выставила перед собой меч, пытаясь разглядеть в темноте очертания собеседницы, и коснулась острием ее шеи.

- Повтори еще раз. Мне не хочется сидеть здесь всю ночь.

- Риски, - громко сказала Алида. - Она не шутит, - добавила она, обращаясь неизвестно к кому.

В темноте шелкнула тетива. Сила удара стрелы бросила Лерену на землю. Она вскрикнула, схватившись за пробитое плечо.

- Я здесь! - взвыла Алида, перекатываясь по траве. Среди безлунной ночи выросла огромная фигура, лязгнув меч. Лерена приподнялась, левая рука ее беспомощно висела, правая же лихорадочно искала выроненное оружие... Проклятая сила Гееркото нарастала в ней медленно, слишком медленно. Ладонь сжала рукоять меча, девушка вскочила, но в то же мгновение в воздухе раздался свист, на нее обрушилось нечто подобное самой смерти; темные вершины деревьев быстро пронесли над ней по широкой дуге и исчезли; какое-то черное пятно прыгнуло ей навстречу, все ближе и ближе, в лоб ударило холодом; и ее охватила боль, какой она никогда еще не знала.

- Забери это... с меня! - истерически взвизгнула Алида.

Великан отбросил меч, подхватил безголовое дергающееся тело под мышки и оттащил в сторону. Алида поднялась и, вся дрожа, прижалась к слуге.

- Все... все, госпожа, - проговорил он сдавленным, не своим голосом.

Она судорожно обнимала его, постепенно приходя в себя.

- Кровь, - хрипло сказала она. - Я вся липкая... Вся.

- Больше я не хочу таких заданий, госпожа. Сначала я все время терял вас из виду... а потом стрелял вслепую! Ради Шерни, я ведь мог попасть в тебя, точно так же как и в нее... Еще немного, и так бы и случилось! Никогда больше, госпожа! Обещай. Если бы... если бы я попал в тебя... - голос его сорвался.

Она сжала могучую руку.

- Идем отсюда...

Она сделала шаг и вскрикнула, споткнувшись обо что-то... Великан с яростью наклонился, нащупал это "что-то", схватил за волосы и изо всех сил швырнул в лес.

- Я хочу, чтобы ты знала, госпожа, - в гнев крикнул он, - что никогда я не убивал с большим удовольствием! Клянусь, госпожа, в этой женщине было нечто отвратительное!

- Идем отсюда! - повторила она, прижимая руку к отчаянно бьющемуся сердцу. - Наивные глупцы - проклятие этого мира... Но и мое благословение, ради Шерни...

До рассвета тело на краю леса успело окоченеть. Ненужная, бессмысленная машина, которой не станет управлять ни одна слепая сила, как бы ее ни

называть – жизнь, мощь или как-то иначе... Зачем оживлять то, что не видит, не слышит, не мыслит?

В двадцати шагах дальше в лес, под ветвями орешника, первые падающие с деревьев листья цеплялись за нечто напоминавшее кучу засохшей травы... Растрепанные, слипшиеся от крови волосы скрывали голову необычной девушки, которой никогда не дано было жить. Израненное лицо утыкалось в землю... а присыпанные ею губы временами шевелились, словно повторяя чье-то имя, которое, однако, не могло прозвучать, поскольку не было легких, которые дали бы воздуха гортани... Лерена все еще видела... слышала... и чувствовала.

Тело похоронили двумя днями позже. Голову никто специально не искал, хотя достаточно было пройти туда, где смыкались кусты...

Но трупов, которые нужно было похоронить, хватало и без того.
Восстание.

58

- И все-таки никак не пойму, – недоверчиво наморщила нос Ридарета, – что там насчет крепости? Я в этом совершенно не разбираюсь, но думаю, что для того, чтобы окружить целый город и порт стенами, какими-то башнями и всем прочим, потребуются многие годы... Десять лет? Двадцать?

Таменат склонился над столом, крепко упираясь единственной рукой в его крышку.

- Знаете, что такое Брошенные Предметы? На самом деле?

Раладан и девушка переглянулись.

- Много веков назад, – начал Посланник, протягивая руку к кубку с ромом, – Шернь сотворила Шерер. По каким причинам это произошло, мы не знаем. Но причины эти – единственный бог вселенной, бог, который правит такими силами, как Шернь. Этого бога-Причину мы зовем Забытым.

Раладан кивнул.

- Не понимаю, – тем не менее сказал он.

- Ну и хорошо, – согласился Таменат. – Чтобы понимать, на то есть такие старики, как я, а ты можешь верить мне на слово; если нет – иди занимайся своими парусами. Разум возник, как предполагают, – продолжил он, – лишь затем, чтобы стать на страже равновесия мира. Создатель разума не вся Шернь, а ее отдельная живая часть, одновременно являющаяся как существом (богом), так и чистой созидательной силой. Мы называем ее Ронголо Ронголоа Краф, или Великий и Величайший Спящий, или лучше – Не-Бодрствующий. Великий и Величайший спит себе (или, скорее, не-бодрствует) где-то в Безымянной Земле. Никто не знает, как он выглядит. К сожалению, а может быть, к счастью, он не слишком трудолюбив: просыпается раз в несколько сотен лет и сразу же дает разум очередному виду животных. Людям, котам и стервятникам он его уже дал. Страшно подумать, что когда-нибудь он может дать его свиньям или еще кому-нибудь, кто приятен на вкус.

Посланник выпил за здоровье молодых и закусил сушеной колбасой. Зубы у него были крепкие, как у коня. Ридарета, еще мало знавшая великана, в сотый раз за этот день бросила взгляд на Раладана, словно спрашивая, действительно ли именно так выглядит лах'агар, легендарный мудрец-Посланник. Она всегда – так же как и тысячи других людей – считала, что это обязательно должен быть седобородый, почтенный старец, излучающий силу, говорящий о Шерни с глубоким уважением и серьезностью... Этот же как ни в чем не бывало потягивал ром из кубка.

- Ронголо Ронголоа Краф, – продолжал с набитым ртом Таменат, – отец разума. Чтобы разум мог править миром, созданным Шернью, он должен был быть сотворен по ее образу и подобию. – Таменат покачал лысой головой: – Но это не так. Ибо Шернь, за исключением Проклятых Полос, так или иначе ею отвергнутых, пребывает в идеальном равновесии. Тем временем разум (в

особенности человеческий) формирует мир по-разному, лучше или хуже, но равновесия в том не видно. Отсутствие равновесия – всегда зло. Сказки, которые тебе рассказывал горбун в таверне, – обратился Таменат к Раладану, – звучат красиво, ибо идут вразрез с человеческим пониманием. Человеческим, – подчеркнул он, – ибо разум кота уже воспринимает мир несколько иначе, ему ближе разделение на правильное-неправильное, чем на хорошее-плохое. Полосы Шерни не плохие и не хорошие. Скорее активные и пассивные, хотя и это не вполне верно. Действие и противодействие. – Таменат поднял свой кубок и протянул его Раладану. – Стукни. – (Сосуды легко ударились друг о друга, словно бокалы в дартанском тосте.) – Сейчас я показал вам, что происходит в лоне Шерни, – объяснил Посланник, по очереди показывая на кубки. – Темная Полоса и Светлая, ты ударил, мы оба почувствовали удар, действие и противодействие, кубки остались на месте, равновесие, – перечислял он.

Он наморщил лоб, подняв брови.

– Какой из кубков плохой, а какой хороший? – спросил он, словно прикидываясь дурачком.

– Значит, нет ни зла, ни добра? – удивилась Ридарета.

– В Шерни? Нет. А в мире... Гм, тут все не так просто. Прежде всего, нет равновесия, а отсутствие такового – всегда зло. В случае Шерни попеременным преобразованием математических формул можно свести произвольную пару Полос к простой системе уравнений. Однако математические модели Шерни строятся в предположении идеальных условий. В отношении мира они бесполезны, ибо деятельность разума поддается, самое большее, статистическому подходу. Таким образом, математическое равновесие Шерни является лишь фундаментом философии, описывающей ее сосуществование с миром. И в конце концов, именно из философии, а не из математики следуют Законы Всего...

Он замолчал, видя, что заговорился. Раладан поглядывал на него искоса, что, видимо, должно было означать "здоров ты болтать". Ридарета щекотала в носу прядью волос; наконец она чихнула.

– Вернемся к Брошенным Предметам, – тяжело проговорил Таменат. – Они были созданы для того, чтобы быть отражением Полос Шерни. С их помощью можно не только строить модели, но и черпать из Полос: либо Темных, либо Светлых, либо и тех и других, но всегда только из тех, отражением которых является данный Предмет. В Брошенных Предметах записаны принципы равновесия Шерни. Однако, похоже, не все. Ронголоа Краф пользовался Предметами так же, как плотник инструментами. Но Краф сам является частью Шерни. Кроме него, никто не в состоянии использовать Предметы в соответствии с их предназначением и возможностями. Я только что сказал, что не все принципы равновесия Шерни содержатся в Предметах. Я утверждаю так (и не я один) потому, что разум, а значит, и мир не находятся в равновесии, помните об этом. Что-то тут явно не так.

– Недостает... добра? – спросила Ридарета.

– Недостает активности, – с нажимом сказал Таменат. – Злом является лишь отсутствие равновесия. Чрезмерная активность или пассивность разрушает равновесие. Избыток добра – зло, так же как и его недостаток.

Он уже забыл, как разговаривают с людьми. Теперь он понял, что таким образом он ничего не добьется. Понятия, которыми он оперировал, ничего для них не значили. Зло и добро – вот что казалось им важным, понятным и точным. Зло и добро, такое, какое они наблюдали. Он вынужден был начать говорить на их языке, если не хотел разговаривать сам с собой.

Некоторое время он размышлял, как, собственно, говорить о причинах, поставив на их место следствия.

– Так вот, друзья, – попытался он, – разум, судя по всему, имеет больше возможностей творить добро, нежели зло. То, что он их не использует, – другое дело. Может быть, потому, что зла слишком мало? Он борется с ним. Вместо того чтобы умножать добро, он устраняет зло, поскольку кажется, что легче его уничтожить, чем создать противовес добра. Понимаете? Наказание для злодея вместо награды для творящего добро... Разве каждый добрый поступок вознаграждается? Почему же тогда преследуется и наказывается любое злодеяние? Это, похоже, ни к чему не ведет. И быть может, именно поэтому Шернь позволяет отвергнутым Полосам проникать в мир. Проклятые Темные Полосы, активные, – напомнил он. – Подобная активность является

чуждой и потому опасной, то есть приносящей зло Шереру. Должен быть создан противовес в виде добра. Вот только стоит помнить, что механизмы, управляющие Шернью, не всегда оправдывают надежды. – Он постучал пальцем по столу. – Так что, я думаю, вместо того, чтобы творить и вознаграждать добро, для чего столь хорошо приспособлен разум, скорее будет предпринята борьба со злом. Конечно, рассказывая обо всем этом, я многое упростил. Тем не менее в общих чертах... – Он покачал головой.

– Ты не ошибаешься, господин?

Таменат долго изучал взглядом ее сосредоточенное лицо.

– Во что-то надо верить, – наконец сказал он. – Математика одна для всех; принципы равновесия Шерни неоспоримы. Но философий много; нет одной, общей для всех Посланников. Я представил вам свою, в очень общих чертах. Во что-то надо верить, – повторил он.

– Значит, это вера? Не разум?

– Вера, красавица. Вера в собственный разум.

Она пошевелила губами, словно повторяя его слова.

– Брошенные Предметы, – напомнил, деловой как всегда, Раладан, которого проблемы добра и зла, похоже, интересовали ровно настолько же, как выброшенный за борт старый сапог. – Брошенные Предметы – отражение Полос Шерни... Что-нибудь еще?

– Дорлан-Посланник, – снова заговорил Таменат, – великий мудрец Шерера, называл некоторые... группы черт Брошенных Предметов свойствами. Каждый Предмет обладает свойствами. Первое свойство – возможность установления контакта с помощью Предмета с определенными Полосами Шерни; сюда входят также математические признаки Предмета... – Внезапно он замолчал и махнул рукой. – Хватит математики. Теперь второе свойство, наиболее ценимое строителями замков, – Таменат скривился, – и шутами, кувыркающимися в воздухе. Это особые черты, присущие лишь некоторым Предметам. Я скажу о них чуть позже. И наконец, третье свойство, редко проявляющееся: влияние, которое оказывает Брошенный Предмет на его владельца... Этим свойством обладают только Гееркото. В особенности же Рубин Дочери Молний...

Ридарета подняла голову.

– Ты говоришь обо мне, – совершенно спокойно сказала она.

– Нет, девочка. Твоя жизнь – жизнь Рубина, это правда. Но у тебя есть еще и разум. Хорошо, что твоя жизнь и твой разум нашли наконец общий язык.

Они молча размышляли над только что услышанным.

– Я наблюдатель, – сказал Посланник, словно предупреждая вопрос. – Меня интересуют Законы Всего, ибо они касаются разума и жизни, а разум, как я сказал, должен был быть создан по образу и подобию Шерни. Мы уже знаем, что он не является точной ее копией. Но тем не менее. Ты, красавица, весьма благодарное поле для наблюдений. Ибо то, что произошло с тобой, показывает, как действует в Шерни механизм, поддерживающий в равновесии ее сущность. Равновесие – это победа. Ты победила.

Снова наступила тишина.

– Не понимаю... – одновременно произнесли Раладан с Ридаретой и переглянулись.

– Каждая война, даже победоносная, влечет за собой потери. Много веков назад Шернь, сражаясь с чуждой мощью, Алером, потеряла больше Светлых Полос, чем Темных. Чтобы сохранить равновесие, две Темные Полосы были изъяты из сущности Шерни, эти Полосы уже не Шернь... но они существуют. И Шернь, похоже, иногда ими пользуется, хотя бы позволяет им влиять на судьбы мира. И у тебя тоже были свои ненужные Полосы. Разные предубеждения, сомнения... Ты их отбросила. Теперь ты наверняка будешь разрушать и уничтожать... Но что с того? Важнее, что ты нашла свое добро. Просто добро. Ибо каким оно может быть? У каждого есть свое собственное, иногда у многих есть общее. Но одного добра, единого для всех, нет и быть не может. Не должно быть. Прежде всего необходимо равновесие. Это оно – величайшее на свете добро. Ты боролась со склонностью творить зло, и что из того вышло хорошего? Вот этот, – он показал на Раладана, – девять лет мучился из-за того, что какая-то свихнувшаяся девица вбила себе в голову, что не станет помогать своему опекуну-пирату. Ну он и пошел резать людей, словно свиней.

– Так... что же такое мое добро? – напряженно спросила она.

– Хотя бы добро твоего отца.

Она медленно покачала головой.

- Не того призрака на Просторах, который, будучи орудием отвергнутых Полос, сумел все же им противостоять. Думаю, он заплатил за это тем суррогатом жизни, который ему оставили. Но не о нем речь. Таким отцом, что воспользовался тем, что у него между ног, и не более того, может быть каждый дурак... Я говорю о твоём отце, - он показал пальцем на молчавшего Раладана, - самом настоящем из всех, каких ты могла бы иметь, если отцовством называть исполнение отцовских обязанностей. Попробуй _теперь_ возразить, малышка. Скажи, что не отдашь за него жизнь, если потребуется. Ну, скажи!

Наступила долгая тишина.

Раладан смотрел на свои сплетенные пальцы.

- Этот старый лысый прохвост говорит правду, - серьезно сказала Ридарета. - Ты хотел бы иметь дочь, Раладан?

Он взволнованно поднял взгляд:

- Я имею ее уже девять лет, Рида... Может быть, действительно пора честно себе об этом сказать...

Она запрокинула голову, глядя в потолок.

- О, наконец-то... Никогда не знала, как тебе сказать, чтобы ты прекратил называть меня этим проклятым словом "госпожа"! - сказала она, крепко его обнимая.

Таменат, подавив улыбку, отхлебнул из кубка.

- Сейчас закончу, - после небольшой паузы сказал он, - и пойду, можете строить ваши паршивые пиратские планы. Мы везем с собой много Предметов. Их "вторые свойства" могут послужить хотя бы для строительства замка. Что ж, цитадели Посланников на Черном Побережье, да и моя собственная башня, возникли очень похожим образом. В Безымянной Земле постоянно существует... нечто вроде сияния, исходящего от Полос. Тому, кто знает, как использовать силу этого сияния, вовсе незачем бегать с сундуком Гееркото под мышкой. Однако на Агарах того, что я назвал сиянием, нет. Поэтому нужны будут сами Предметы. Среди них есть такие, что увеличивают силу мускулов. Есть такие, что режут скалы, и такие, что переносят камни по воздуху. Плоская красная раковина с дырой посередине, называемая Кольцом Обождения, наколдует вам пятьдесят шагов стены там, где ее не хватит. Конечно, это будет стена из воздуха, но никто не отличит ее от настоящей, пока не дотронется. То полукруглое чудо, про которое ты спрашивал, - он кивнул в сторону Раладана, - это Веер. Проведи его краем по поверхности двух каменных блоков и соедини их - и больше уже не разделишь. Необходима крайняя осторожность, этот Предмет накрепко склеивает все, чего коснешься его краем и потом соединишь. Дайте его дураку, и он до конца жизни будет ходить со сложенными руками... Но человек внимательный и умный возведет с помощью Веера столп до самого неба, не пользуясь раствором. Я мог бы перечислять еще долго. Есть Предметы, которые вам очень пригодятся, другие - меньше, а некоторые не пригодятся вообще. Те последние можно продать; с помощью золота замок можно построить столь же быстро, как и при помощи Брошенных Предметов... Старые городские стены достаточно будет починить, а вокруг самого порта, я уверен, не пройдет и года, как встанут укрепления, которых никто не одолеет. Тем более что, - он задумчиво потер подбородок, искоса глядя на собеседников, - мудрец Таменат будет на этих самых Агарах скучать. Вторые свойства хороши для людей, которые ничего о Шерни не знают. Но для старого Тамената более подходящим будет Черный Камень (мы везем его с собой, а как же), Гееркото, Предмет немногим слабее Серебряного Пера. Если не принимать во внимание несомненную истину, что, швырнув его как следует, можно навывлет продырявить корабль, - он кивнул, видя произведенное его словами впечатление, - Предмет этот вовсе не капризен, с его помощью легко в изобилии черпать из нескольких Полос. Темных, естественно. Есть Формула, относящаяся к этим Полосам... Если найдется на Агарах немного ненужных людей, скажем пленников, я сделаю из них машины, работающие без сна и пищи в течение шести-семи недель, и притом работающие хорошо. К сожалению, потом они умрут. Но что сделают - то сделают. Есть еще много Формул, призывающих силу Полос, отражением которых является Камень...

- Почему же никто до сих пор не воспользовался Брошенными Предметами таким образом? - спросила несколько ошеломленная Ридарета.

- Похоже, что Перья и Веера когда-то использовались при строительстве нескольких крепостей на армектанской Северной Границе. С уверенностью можно сказать, что они использовались и для возведения дартанской Роллайны. Но правда такова, что Предметы не раздают горстями. Нужно за ними прийти в Край, найти их... и вынести. Не каждому в этом помогают косатки. И уставшие, разочаровавшиеся в жизни Посланники.

- Косатки? - не поняла Ридарета.

- А, об этом уже спрашивай не меня. - Таменат чокнулся с Раладаном. - Столько, сколько вы везете в трюме, всем искателям приключений не вынести из Края за десять лет, да и за двадцать тоже. Три ящика... Моя совесть чиста, - сказал он словно про себя, - як этому руку не приложил... Ну, может быть, чуть-чуть.

- Ведь эти огромные знания, - неожиданно сказал Раладан, доказывая, что, вопреки видимости, довольно внимательно слушал Посланника, - могли бы для чего-нибудь пригодиться. Я знаю, господин, что такое математика. Не такая, о которой ты говорил... - он нахмурился, - но числа и простые формулы должен знать каждый капитан корабля. - Он показал на маленький столик, где лежали таблицы солнечных склонений, секстант и несколько других приборов. - Я знаю, что науку можно применить для... очень многих вещей.

- Можно, но зачем?

- Ну... наверное...

- Зачем мне это? - уточнил Таменат. - Ради славы? Или ради золота? А может быть, чтобы осчастливить жителей Шерера? Как много лет назад Ленард Давин, гарриец, которому надоела мантия Посланника? Чертежи воздушных кораблей и подводных лодок... - Он скривился. - В конце концов он повесился, - подытожил он, - а ни того, ни другого как не было, так и нет. Хорошо хоть, что он рисовал прекрасные портреты.

- Почему ты стал Посланником, господин? - спросил Раладан. - Во имя чего, собственно, углубляют сущность Полос Шерни? Какой в том смысл?

Старик покачал головой.

- А почему, братец, - ответил он вопросом на вопрос, - ты стал моряком (забудем о твоём происхождении)? Во имя чего, собственно, любят солёную воду? Какой в том смысл?

Они посмотрели друг на друга.

59

- Ради всех морей... что это? - удивленно проговорил Раладан.

Такой эскадры он никогда прежде не видел. Может быть, один только раз: когда Демон захватывал Барирру. Но сейчас? Здесь?

- Что такого? - спросила Ридарета. - Обычные парусники.

- Обычные парусники? Первый - это "Кашалот" Броррока, а на нем - дедушка всех пиратов. Второго не знаю... но третий, та бригантина с прямым парусом на фок-мачте, - "Колыбель" Китара. Двое самых известных после Демона пиратов Просторов знай себе дефилируют вдоль Барьерных островов, где торчат имперские эскадры! Сколько себя помню, пират всегда пробирался здесь тайком и ночами! Помнишь? Ведь это здесь, недалеко, как раз у Барьерных, нас тогда поймали островитяне!

Качая головой, он смотрел на идущие поперек ветра к "Сейле" корабли.

- Может, восстание... началось раньше? - предположила девушка.

- Если даже так... В любом случае такой хитрец, как Броррок, не пренебрег бы осторожностью.

- У него три корабля. Немалая сила.

- Но чтобы так сразу ее показывать?

- Что будем делать? Ждать их?

Раладан нахмурился.

Встреча в море, как обычно, возбудила интерес команды. Почти все собрались на палубе, глядя на капитана.

- Есть возможность кое-что узнать... Но, с другой стороны, оказаться среди трех таких кораблей почти то же, что положить голову под топор... - вслух размышлял Раладан. - Бохед! - неожиданно крикнул он, а когда офицер подошел, распорядился: - Сундуки с Предметами поставь между мешками с провизией, ну те, с сухарями, ты знаешь. Запомни, у нас в трюме ничего нет. Скажи ребятам, что мы были в Дартане, в Нин-Айе.

- Есть, капитан.

- Еще одно: кораблем командует, - он показал на Ридарету, - Красотка Лерена. Запомни это хорошенько.

Девушка вопросительно посмотрела на него.

- Помнишь лица матросов, когда они тебя увидели? Вы все три совершенно одинаковые... Ты и твои дочери. Сходство всегда было велико, а с тех пор, как Рубин начал доводить вашу красоту до совершенства, вы стали почти неотличимы друг от друга. Броррок знает Лерену, но если даже ты ему покажешься немного другой, он подумает, что это из-за повязки на глазу. Ты потеряла глаз недавно, запомни. Справишься?

- Неужели Броррок никогда не слышал об одноглазой дочери Демона? - спросила она. - В свое время на Агарах об этом немало говорили.

- Сколько лет назад это было... Эту историю давно уже причислили к сказкам. Броррок видел дочь Демона, и у нее было два глаза. Он скорее поверит в то, что дочь Раписа недавно лишилась глаза, чем в то, что дочерей Раписа несколько и к тому же одинаковых... Справишься?

- Не беспокойся... А если нет, то подожгу эти посудины.

Он вопросительно посмотрел на нее.

- Я много чего умею, - самоуверенно заявила она. - Это не всегда просто и не всегда легко дается. Очень утомляет... Но сегодня хороший день. Без проблем сожгу им паруса.

Сердце его забилося сильнее. Она была такой, о какой он всегда мечтал: беззаботной, самонадеянной, смелой. Он мог бы плавать вместе с этой девушкой по морям до конца жизни. Снова вести пиратский парусник через никому не известные проливы, верить его воле течений, способных пересилить ветер, неожиданно появляться на торговых путях и пропадать без вести на многие месяцы... Он этого хотел. Больше ничего, этого ему было достаточно. Вся его жизнь была отдана морю и сражениям.

Наблюдая за кораблями, двигавшимися им наперерез, он неожиданно для самого себя заговорил:

- Раньше мы об этом не говорили... Разве что раз-другой, мимоходом... Что с твоими дочерьми, госпожа?

- А что с ними должно быть? И не называй меня "госпожа", иначе я в конце концов рассержусь.

Он улыбнулся:

- Теперь - все-таки "госпожа". И даже "капитан". Так я обращался к Лерене... Они тебя не волнуют? Твои дочери?

- Раладан, - серьезно сказала она, - а разве они когда-нибудь меня по-настоящему волновали? Если я что-то и приобрела благодаря тому, что ношу в себе эту красную силу, то только то, что перестала себя обманывать... Старик был прав, когда говорил, что я нашла свое добро. Всякого рода. Ведь я всегда хотела быть такой, как Демон. Но отца я не знала, а воспитывала меня мать. Я любила ее. Каждый раз, когда ты говорил мне, что мир не черно-белый, а попросту серый, тебе отвечала она, не я. Ты слышал ее слова, а еще больше - ее мысли и желания. Дальше объяснять, почему так происходило?

- Не надо.

- Вот видишь. Потребовалась долгая война и великая сила, чтобы сделать меня такой, какой я должна была быть на самом деле. Чтобы разрушить проклятую скорлупу, в которую меня заковали тогда, когда я не могла и не умела защищаться. Я боролась с тем, что мне приказано было видеть в черном цвете; меня убедили и научили, что черное достойно истребления... Я была словно выдрессированный для борьбы раб. Разве те, что убивают друг друга в Роллайне, на потеху дартанской толпы, испытывают друг к другу ненависть, враждебно настроены друг к другу по своей природе? Нет, просто их обучили драться с такими, а не с другими противниками. Я была рабыней, обученной

сражаться. Однако мне дали свободу. Теперь я могу выбирать, с кем и для чего я хочу бороться. И это наверняка не то, с чем я боролась прежде. Я это точно знаю. – Она отбросила волосы со лба точно таким же движением, как это обычно делала Риолата. – Но бороться я хочу и буду! – добавила она.

Она задумчиво ткнула его в грудь пальцем.

– Я ищу союзника, – сказала она с преувеличенной серьезностью, подчеркивая вес своих слов энергичным кивком.

Он лишь с улыбкой покачал головой.

– Не без причины, – продолжала она, – я столько расспрашивала тебя об Агарах... Думаю, Раладан, все хорошо. Пока. А ты?

– Собираешься заключить перемирие? С ней?

– А почему бы и нет? По крайней мере на какое-то время... Риолата посеяла, Лерена соберет урожай... а мы его продадим.

– Семена, – поправил он.

– Какое мне дело до ее фальшивого имени? Ведь не для нас же она его взяла.

– Да, но ты сказала: Лерена.

– Ну и что?

Он в замешательстве посмотрел на нее.

– Лерена, – повторил он еще раз.

– Ну хорошо! – не выдержала она. – Я что, плохо выговариваю? Наверное, я знаю имя собственной дочери, каким бы оно ни было!

– Но ведь, кажется, ты говоришь о ее сестре, о Риолате, не так ли? – Он тоже не выдержал. – Семена-Риолата!

Она уставилась на него:

– погоди, так ты думаешь?... Но... Раладан! Ты что, не знал?

У него беспомощно опустились руки из-за дурного предчувствия...

– Чего не знал? – тупо спросил он. – О чем?

– Ты отдал меня в руки Лерены! Не Риолаты! Я даже на мгновение не подумала о том, что ты не знаешь! Фальшивым именем "Семена" пользовалась Лерена!

Он оперся о планшир.

– Ради всех морей... Ты не ошибаешься?

Она посмотрела на него с неподдельным изумлением и еще – с жалостью.

– Кто же их должен различать, если не я? – спросила она. – Ты мне не веришь?

– Ты была тогда... – начал он.

– Не в своем уме? Чуть и еще раз чуть! Я тебе уже говорила, что все помню! Повторить? Я помню все, Раладан, даже ледяной снег с водой на лице!.. Каждую подробность, какую только можно помнить через несколько месяцев! А мы разве говорим о деталях? Еще раз повторяю: Семена, которую я видела, и Лерена – одно и то же лицо! Где Риолата – не знаю.

Он поверил. Естественно, поверил.

"Ради Шерни, Раладан. Не спрашивай меня о Лерене. Может быть... когда-нибудь я расскажу".

"Какое тебе дело до Лерены?"

"Она так много для тебя значила?"

"Лерена жива..."

"Ром... Когда-то Лерена мне говорила, что это хороший способ при ранениях".

– Как же многое, – сказал он, – как многое я теперь понимаю! И как мало... – тут же добавил он, опустив голову.

Ридарета показала на корабли.

– Поговорим позже, – рассудительно заметила она. – А сейчас – гости.

– "Сейла" под командованием Красотки Лерены! – крикнул Раладан. – Красотка приветствует капитана Броррока!

На дрейфовавшем на расстоянии в пятьдесят шагов фрегате началось оживление. Кто-то проталкивался к фальшборту, распихивая в стороны толпу матросов. Раздался хриплый, но хорошо слышимый голос:

– Сто тысяч молний, чтоб мне сгореть! Слепой, что ты делаешь на этой игрушке? А где же госпожа капитан?!

Ридарета махнула рукой.

- Скажи ему, что постирала рубашку, - шепнул Раладан. - И что твой корабль чище, чем у него... Не удивляйся, просто скажи.

- Капитан! Я постирала рубашку! А корабль у меня чище, чем у тебя!

- Пригласи его...

- Приглашаю!

- Чтоб меня... - донесся голос Броррока. - Сто тысяч... миллион молний! Иду, дочка! Иду, чтобы увидеть!

На фрегате тут же спустили шлюпку.

- Когда он поднимется на палубу, сделаешь вид, что сразу же его узнала, - говорил Раладан. - Ему уже далеко за девяносто. Если с ним будет рыжий, то ты якобы тоже его уже видела. Кивни ему. Броррок пьет молоко... Да, молоко! - кивнул он, видя раскрытый рот девушки. - Никакого рома. Можешь дать ему воды, он не обидится. Скажи ему, что он научил тебя тому, как должен выглядеть корабль, этим ты его купишь... Рабов ты больше не возишь. Запомнишь? Остальным я займусь сам.

- Пьет молоко... дать ему воды... рабов не вожу... - повторяла слегка развеселившаяся и вместе с тем слегка ошеломленная Ридарета. - Ага, и он показал мне, как должен выглядеть корабль. Да, Раладан?

- Очень хорошо, - похвалил он.

Он жестом подозвал Давародена.

- Не болтайся на виду с оружием. Иди к Таменату. Пусть сидит у себя. Слишком уж он привлекает внимание.

- Есть, капитан.

- Не "капитан", ради Шерни! Капитан - она, я только лоцман!

Арбалетчик кивнул.

Капитан "Кашалота" плыл к "Сейле".

- О, дочка! - Броррок все еще не в силах был скрыть восхищения. - О, дочка!

Они сидели в капитанской каюте. Ридарета с серьезным видом пожалала плечами.

- У меня был прекрасный образец для подражания. - Она показала на Броррока собственной персоной. - Превосходный корабль... и достойный этого корабля капитан.

Старик словно сбросил пару десятков лет.

- О, дочка, - повторил он, почти светясь от счастья.

Неожиданно лицо его исказилось от гнева.

- Кто это тебя, сто тысяч молний? - прорычал он, показывая на повязку на глазу.

- Имперские, - буркнул Раладан. - Кто же еще?

- Слепой... и слепая, - расстроено проговорил Броррок. - Но корабль - как золото! Не то чтобы лучше, чем у меня... Но как золото, говорю. Чтоб мне сдохнуть в подвале!

- Что происходит, капитан? - спросил Раладан. - Вы что, устроили пиратский парад вдоль Барьерных островов?

- Пиратский? Пиратский, говоришь? О, Слепой... - обиделся Броррок. - "Кашалот", сто тысяч молний, - каперский корабль!

- Почему "слепой"? - удивилась Ридарета.

Наступила короткая пауза.

- Разве я не говорил? - задумался Броррок.

- Говорил, капитан, - словно нехотя ответил Раладан. - Но она до сих пор не верит...

Ридарета поняла, что сморозила глупость.

- О, сто тысяч... Так покажи ей! У тебя что, целый год времени не было?!

- Никто меня так больше не называет. Ты зря вспоминаешь, капитан, это прозвище. Стар я уже...

- Стар? Он говорит, что стар. - Броррок изумленно посмотрел на Рыжего.

- Он меня оскорбил. Ты слышал? Он стар. Тогда я, наверное, труп!

Раладан протянул руку. Рыжий с легкой улыбкой снял с шеи платок. Раладан завязал себе глаза, затем, вынув нож из ножен на поясе и еще два - из-за голенищ, бросил сразу два, потом третий.

- "Слепой", - пояснил он, снимая повязку. - Теперь веришь, госпожа? Ножи торчали в двери - почти вровень друг с другом, каждый - по центру своей доски.

- Теперь верю, - сказала с совершенно искренним изумлением Ридарета. - Научишь меня так?..

Раладан беспомощно поднял глаза к потолку.

- Ва!.. - начал было Броррок, но Раладан перебил его:

- Так ты капер, капитан?

Старик мгновение смотрел на него, ухватывая нить разговора.

- Капер, - подтвердил он. - С каперским письмом... - он хлопнул ладонями по бедрам, - выданным его благородием командующим флотом Армекта!

Раладан начал понимать.

- Восстание?

- Уже месяц, пусть меня зажарят! - торжествовал Броррок. - Все, что гаррийское, разрешено! Император купит у старого Броррока каждый захваченный корабль! Могу зайти, - он развел руками, трясаясь от смеха, - в порт на Барьерных, в Таланту! Вот я и дожил до этих дней! Теперь... теперь - пусть меня утопят!

Он хлопнул Рыжего по спине, едва не опрокинув его вместе со стулом. Старый пират (капер!) закашлялся.

- Пусть меня... утоп... ят... - прохрипел он, хватая ртом воздух.

- Что там насчет восстания, капитан? - спросил Раладан, когда Броррок отсмеялся и несколько успокоился.

- Бились на море, возле Гарран. Недели две назад. Никто, говорят, не победил. Потом, говорят, мятежники передрались между собой. Кто-то похитил какие-то корабли, сожгли порт в Дране. Четыре имперские эскадры шли в Багбу из Армекта. Большой Флот. Я сам видел три гвардейские каравеллы. Такие, как папаши твоего, пусть ему море... - кивнул он девушке. - Ну и, сто тысяч молний, - Броррок устроился поудобнее, - армектанцы проверили, что вроде Багба все еще их, и собирались туда идти. Как раз тогда дошли слухи, что весь флот мятежников разошелся на все четыре стороны, якобы завоевывать острова в Гаррийском море, и Южные, и Гарраны... Другие же говорили, будто все совсем не так, будто они идут в Лла и даже в Замкнутое море, чтобы сжечь Лида-Ай и Тарвелар. Имперские совсем сдурели: две эскадры пошли обратно, стеречь вход в Замкнутое море и Ллапму - одна в Гаррийское море, а гвардейцы, вместе с теми, что собрались на Барьерных, в Багбу! Война, значит, до осени не кончится, всю Гарру им за это время не отбить! Но до этого в море было не протолкнуться! Баркасы, лодки - все, что под парусом, даже дартанские галеры. Разве что, сто тысяч молний, на плотках не плавали. Ну меня и прихватили! Я думал, какая-то облава, но, Слепой, что это за облава с одними баркасами? Быстрые-то они быстрые, но народу на борту человек тридцать! Я сам дал себя догнать, - что они, сами смерти ищут? А они, сто тысяч молний, сами сдаются! Стражник, живой, был на моем "Кашалоте"! - Броррок сделал паузу, наслаждаясь удивлением собеседников. - И живым с него ушел! Они там хватали на море всех: купцов, солдат, и старого Броррока тоже! Я получил каперское письмо, подписанное командующим всех ихних флотов, и пожелания успеха от императора! Тогда я еще не верил! Но когда у Барьерных я встретил Китара? С этим, купцом, пусть меня забьют до смерти! Китар сколотил эскадру, они шли вдвоем на Гарру! У купца было несколько парней с железом, для охраны товара, он услышал, что за захваченные корабли платят, а поскольку недавно разорился, то взял каперское письмо... и ходит купец теперь вместе с Китаром! Чтoб мне!.. - неожиданно сказал он. - В горле пересохло, сто тысяч... Ну и наговорил же я. Молока у вас наверняка нет, а, дочка? Ну дай воды... и добавь рома. Но только капельку! Такие дела творятся, что капля... капелька... не повредит! - объяснил он.

Раладан и Ридарета молча переваривали услышанное. Старик осторожно потягивал разбавленный ром.

- И что теперь каперу делать, дочка? - наконец прохрипел он. - Забрать у вас эту игрушку? Мне хорошо заплатят. Вас я не трону, еще и к себе возьму... Но корабль отдайте.

- Это не повстанческий корабль, - сказала Ридарета.

Броррок захохотал.

- А кто о том знает? Корабль - это корабль, дочка!

- Капитан, - вежливо напомнила она, - ты у нас в руках.
- Красотка угрожает? Старику? - возмутился Броррок. - Дочка, да я бы даже голый сюда пришел, если бы было что показать, я бы пришел, чтоб меня... Я, дочка, долго прожил и тебя не боюсь! Как-то уж так получается, что каждому дороже собственная жизнь, чем чужая смерть... Слепой, скажи ей, о чем я! А то я уж и так языком натрепался!

Раладан кивнул.

- Китар в любом случае пойдет на abordаж, - объяснил он. - Даже если бы мы вышвырнули наших гостей за борт. Мы можем угрожать сколько угодно, Китар все равно своего добьется. Вот только в этом случае он прирежет уже нас.

- Вот видишь. - Броррок с довольным видом разглядывал девушку. - Давайте корабль. Забираю.

Ридарета посмотрела на Раладана, но тот лишь поморщился и слегка пожал плечами.

- Не стоит, капитан, - почти лениво проговорил он.

- А это еще почему, Слепой? Ты так уверен?

- Я слышал, - ответил Раладан, - что весной намечается кое-какая работа?

Броррок насторожился.

- Эй! А ты откуда знаешь, а?

- Я слышал, - добавил Раладан, - что она того стоит.

Броррок посмотрел на Рыжего:

- Ты что-нибудь знаешь? - потом снова обратился к Раладану: - Я знаю только, что мне хотят заплатить за какую-то авантюру. Вовсе не уверен, что это того стоит.

- Стоит, - сказал Раладан, бросив взгляд на Ридарету. - Помнишь Бариру, капитан? Вот и здесь то же самое. Только теперь тебе заплатит не Демон, а его дочь.

Пират раскрыл рот:

- Так это ты, дочка, хотела сторговаться? Что ж ты таких придурков по тавернам посылала? А, дочка?

- Я должна была громко кричать, что это я? - спросила Ридарета. - Еще покричим. Через полгода.

- Через полгода. - Броррок подавленно сторбился. - Но, дочка, доживу ли я? А тут у меня твой кораблик, и он тоже своего стоит.

- На троих? - усомнился Раладан. - Ведь прямо сейчас вы этого купца не утопите, только потом, когда в нем не будет надобности... Ну так что? Хватит на троих? Что, император вдруг так расщедрился?

Броррок снова посмотрел на Рыжего:

- И то правда...

Рыжий кивнул.

- Ты еще сто лет проживешь, капитан, - серьезно сказал Раладан. - Что-то я не вижу, чтобы ты торопился в могилу. А если даже не сто, то уж дюжину наверняка... Заработаешь весной, и немало. Лучше, чем у императора.

- Ну... может быть... - задумался капер. - Но, Слепой, ведь Китар и этот купчик вас не отпустят. Они уже считают золото, которое за вас получат.

- Скажи им, капитан, все как есть. Они тоже могут заработать. А золото... может быть, дадим немного?

- У вас есть золото? - заинтересовался старик.

- Капитан! - покачал головой Раладан. - Разве я позволю что-то у меня отобрать? Ты сам меня учил, а потом Демон... Разбери этот корабль на кусочки и все равно ничего не найдешь! Но если мы договоримся...

- Давайте! - разъярился старик. - Быстро! - Неожиданно он хитро посмотрел на Раладана: - Только Китар ничего не должен знать... Что я ему скажу, то скажу... Он молодой, еще найдет себе немало золота!

Ридарета кивнула, чуть улыбнувшись.

- Нет, сто тысяч... Пусть меня отравят, корабля его дочери я бы не тронул, - заверил себя и всех присутствующих Броррок.

"Сейла" на всех парусах шла к Агарам.

Раладан еще раз объяснил все Ридарете и Таменату. Благодаря полученным от Броррока сведениям стало ясно, что план Семены (Лерены!) удался. В Дороне искать было нечего, от берегов Гарры следовало держаться подальше. Агары были захвачены, в этом не было никакого сомнения. После памятной гибели агарской эскадры Раладану казалось весьма сомнительным, что в Ахелии силы Резервного Флота могли быть больше, чем один средний парусник и, может быть, еще какие-нибудь баркасы... Сто человек? Вряд ли больше. И несколько легионеров в Арбе.

Итак, Агары находились в руках Лерены.

Таким образом, следовало идти напрямик в Ахелию.

Ридарете смертельно наскучило обсуждение далеко идущих планов. Ей хотелось действовать, а не болтать без конца; казалось, потраченные впустую долгие годы требовали своего. В конце концов она предоставила все Раладану и Таменату. В последнем все явственнее просыпался искатель приключений, беспокойный дух громбелардского арбалетчика. Великан забросил свои чернила и пергаменты и дни напролет проводил в диспутах с Раладаном; они чертили какие-то планы крепостей, водили пальцами по картам эскадры, которых у них еще не было... Все это казалось ей по крайней мере преждевременным. Впрочем, она считала, что мужское дело – строить планы, а женское – действовать. Ей хотелось драться, командовать сотнями людей, вести сражения, стрелять, жечь... да – жечь!

Она чувствовала, как под кожей бегут мурашки... Сила, которой она обладала, не любила пребывать в бездействии.

Скучно. Корабль шел и шел вперед, регулярно сменялись вахты, те двое беспрерывно болтали... Она бродила по палубе, пару раз даже взобралась на грот-мачту, побывала в трюме, и на носу, и на корме... Скучно.

С того мгновения, когда она бежала из Роллайны, прошло немало времени – достаточно для того, чтобы она обнаружила у себя ряд черт, которых когда-то не было или казалось, что не было... Прежде всего, она была активна, безделье мучило ее и раздражало. Если бы она спросила Раладана, тот не колеблясь ответил бы, что некоторым образом она стала подобна своим дочерям. Впрочем, это было легко объяснить. Что ж, первая дочь Раписа была теперь скорее Лереной, нежели Ридаретой, которая восемь без малого лет провела вне мира людей, в заброшенном доме на краю леса.

Короткая юбка, которую дал ей Раладан, может быть, и имела некоторые преимущества, но ее она лишь злила. Так же как рубашка и эта отвратительная безрукавка... Хорошо она себя чувствовала лишь в платье. Но зеленое платье, в котором она преодолела пол-Дартана – пешком и на лошади, – превратилось теперь в обычную тряпку, дырявую, мягкую и столь грязную, что никакая стирка помочь уже не могла. Раладан не возил на "Сейле" платьев. И драгоценностей тоже. Пират называется, во имя Шерни... Правда, у него было золото Лерены (большую часть забрал Броррок). Но что с ним делать? Подвесить золотые слитки в уши? Или нацепить на шею? Прекрасная одноглазая капризница была уже сыта по горло этим довольно унылым морским путешествием.

Похоже, однако, что Давароден не заметил бы никаких украшений, даже если бы она их имела и носила... Скорее для собственного удовлетворения, чем действительно по необходимости, она занялась прической. Она уложила ее без зеркала (на "Сейле" не было ни одного), но оно ей и не требовалось; она разглядывала собственное отражение целый год, почти без перерыва, и знала наизусть каждый локон и каждую прядь волос...

Она ему понравилась. И еще как... Но он ей тоже понравился. Он был упитанный, может быть даже чересчур, но высокий, сильный и очень мужественный. Он командовал арбалетчиками уверенно и спокойно, словно был рожден лишь для этого и ни для чего больше. Ей это пришлось по вкусу.

Ой по вкусу...

Ей очень хотелось покомандовать им.

– Всегда с мечом, – сказала она, опершись о планшир в двух шагах от

арбалетчика. – И всегда в доспехах. Солдат каких мало.

Он посмотрел на нее, окинул взглядом большой узел, из которого выплывал широкий султан волос, плясавший за спиной в такт дуновениям ветра, и ответил, почти смутившись, чуть ли не пытаясь объяснить:

– Служба, госпожа... Моя вахта длится непрерывно, кто же должен быть всегда готов, если не командир находящихся на борту солдат?

– Но доспехи? – с улыбкой спросила она. – Ведь если ты свалишься за борт, они тут же утянут тебя на дно!

– Ты так думаешь, госпожа? – на этот раз улыбнулся он. – А я тебе говорю, что плавал и в кольчуге, и в кирасе. Может быть, не слишком долго, но все-таки. Если бы сейчас я свалился за борт, ты успела бы привести помощь.

– Обязательно! – с уважением сказала она.

Она повернулась к морю, глядя на красный закат.

– Арбалетчик, – отчетливо проговорила она, словно пробуя слово на вкус. – Арбалетчик... Мечом ты тоже хорошо владеешь, Дав?

– Дав... – Он искоса посмотрел на нее. – Моя жена тоже так меня называла.

– У тебя есть жена? – спросила она со столь явным разочарованием, что тот даже поднял брови... и снова смутился. Однако ненадолго.

– Была. Ошибка молодости.

Она выжидательно молчала, с явным интересом.

– Я ни в чем ее не виню, – искренне сказал он. – Думаю, просто солдат-бродяга не был ей нужен. Не о таком мужчине она мечтала.

– О! – удивилась она. – А я думала...

Она замолчала и пожала плечами.

– Да, госпожа?

– Госпожа... Почему не просто Ридарета? – кокетливо спросила она.

Его замешательство ее по-настоящему забавляло.

– Думаю, капитан не одобрил бы подобную фамильярность.

– Капитан! – возмутилась она. – Какое дело капитану до мужчин, которые мне... – Она не договорила.

Он снова бросил на нее короткий взгляд.

– Я проговорила? – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала она. – Я совсем... ничего не знаю о мужчинах, кроме того, что им нужно нравиться, – наивно добавила она. – Я знаю, эта моя прическа просто глупая... – Она с хмурым видом потянулась к волосам.

– Оставь, госпожа! – чересчур поспешно запротестовал он.

Неожиданно она придвинулась к нему совсем близко.

– Дав... – смущенно проговорила она, касаясь пальцами прикрытой мундиром кирасы. – Идем ко мне!

Он как будто ее не понимал.

– Я простой солдат, госпожа, – наконец сказал он, без какой-либо связи.

– Как жаль, ведь я королева, – ответила она с неподдельной злостью, отодвигаясь и разводя руками. – Да что там, даже императрица! Снова буду сидеть весь вечер одна. А почему? Потому что этому самому простому солдату капитан запретил нравиться женщинам!

Она положила руки на планшир и снова посмотрела на море.

– Кому нужна одноглазая девушка... – тихо проговорила она.

– Не говори так, – живо возразил он. – Ты самая прекрасная из всех женщин, которых я когда-либо видел.

Она молча посмотрела на него.

Давароден хотел еще что-то сказать, но сдержался. Он не был ребенком и прожил уже немало, чтобы понять, что девушка пытается поймать его в ловушку. Но ему это на самом деле льстило. Она действительно была красива. Невероятно красива. Он знал, что слегка теряет голову, но, если так подумать, разве было в этом что-то плохое? Правда, все происходило как-то так... наспех, он не привык к женщинам, которые говорят ему прямо: "Ты мне нравишься..." Но опять-таки разве в этом было что-то плохое?

– Соблазняешь меня, госпожа? – чуть улыбнулся он.

– Ловко, правда? – со злостью фыркнула она.

Она занимала каюту, раньше принадлежавшую Бохеду. После ее появления на корабле Раладан взял офицера к себе. Каюта была такая же, как и все офицерские помещения на "Сейле", небольшая и довольно темная. Но два

фонаря, висевшие под потолком, давали достаточно света. Достаточно для того, чтобы он мог оценить, что видит перед собой одну из прекраснейших женщин Шерера. Он остоленело смотрел на груди, соски которых казались твердыми, словно из камня, на округлые бедра, идеальные очертания ног...

Подбежав к постели, она стукнула его кулаком по доспехам:

- Что, прямо в этой скорлупе ляжешь? - Она легла, закинув руки за голову. - А может быть, ты все еще на службе? Тогда принеси еще и арбалет. Только стрелу не заряжай, ради Шерни... Может, я и хочу, чтобы меня проткнули... только не стрелой...

Отстегивая меч, он подумал, что все-таки хорошо бы было, чтобы Раладан ни о чем не догадался. Давало о себе знать некое чувство вины.

Была глубокая ночь, когда он медленно застегивал ремни кирасы. Девушка лежала на животе, подложив руки под подбородок; скрещенные в лодыжках ноги чуть покачивались над округлыми ягодицами. Думала ли она о том же самом, что и он?

Он чувствовал себя отвратительно. Все это было ни к чему. Он ругал себя за отсутствие выдержки. В сорок лет нужно все-таки уметь думать...

Старый, а глупый - так иногда говорили.

- Что-нибудь не так? - спросила она.

- Все не так, - ответил он, прежде чем сообразил, что, собственно, говорит. Тут же он понял, что к многочисленным ошибкам, которые он успел сегодня совершить, добавилась еще одна... Но в конце концов, разве это имело какое-то значение? - Ты прекрасная женщина... Самая прекрасная из всех, кого я когда-либо видел... - добавил он, чувствуя и слыша, сколь фальшиво звучат его слова.

- Самая прекрасная из всех, кого ты когда-либо видел... - повторила она. - Кажется, понимаю. Самая прекрасная, но не более того. Так?

Он молча кивнул.

- Я обычный солдат... - Он вертел в руках пояс с мечом. - Мечту не насилюют, - неожиданно добавил он.

В другой раз она, возможно, задумалась бы над тем, сколь красиво умеет порой говорить этот "обычный солдат".

Они молча смотрели друг на друга. Каштановые волосы полностью закрывали спину девушки - и самый грозный, мрачный рисунок из всех, что он когда-либо видел. Он слышал, что такие татуировки делают в Дартане, и знал, что она долго была в Роллайне.

Внезапно она подняла руки и одним движением сняла с лица повязку. Он отшатнулся в неподдельном ужасе от того, что увидел.

- Вот такая я на самом деле, - сказала она. - Самая прекрасная на свете, не так ли?

Он проглотил слюну.

- Зачем ты это делаешь? - спросил он.

- Какая разница зачем? Может, я хочу получить от этой ночи немного удовольствия. Ты сказал мне, что чувствуешь, ну так я тебе показываю, какая я на самом деле. Откровенность за откровенность и правда за правду... Тебе не нравится мое лицо?

Неожиданно она вскочила.

- Раладан не должен об этом узнать, - подчеркнуто серьезно сказала она. - Он бы на меня обиделся!

- Он не узнает, - заверил ее Давароден.

- Не узнает, - эхом повторила она, снова надевая повязку. - Я уверена, что не узнает.

Раладан, полуодетый, столкнулся с поспешно выбегавшим из своей каюты Таменатом. В руке великана сверкал меч.

Крик не прекращался! Они ворвались в каюту девушки.

Пылающий словно факел человек метался по каюте, воя как зверь. Огонь лизал стену, стол, расползался по полу... Прежде чем они осознали весь ужас происходящего, сквозь пламя пробежала Ридарета, вырвала меч из руки Посланника, после чего бросилась к живому огненному шару, ударив изо всех сил. Огненный ком рухнул на пол, язык пламени прыгнул к волосам девушки...

Таменат издал горловой крик, помещение заполнилось густой чернотой, холодной как лед, – и все стихло.

Они услышали стон Ридареты. Таменат сказал что-то еще, какое-то короткое слово, и вспыхнули фонари под потолком... Раладан бросился к девушке, которая стояла обнаженная посреди каюты. Он схватил ее за руки, оглядывая с головы до ног, но огонь, похоже, не причинил ей вреда, хотя волосы ее были сильно обожжены, наверняка обожжены были и ступни...

Он крепко обнял ее.

– С тобой ничего не случилось?

Таменат тяжело присел возле трупа. Лицо было страшно опалено, как и руки, остальное же... Мундир сторел, остались кираса и кольчуга. Арбалетчик попросту изжарился в своих доспехах...

В обожженной шее зияла рана от меча.

– Он хотел меня... – глухо проговорила она. – Пытался...

Она что-то неразборчиво пробормотала.

– Давароден, – коротко сказал капитану Таменат. – Это Давароден. Он мертв, зарезан и зажарен.

Раладан крепче сжал голые плечи девушки.

– Не может быть... – с ужасом произнес он. – Он? Не могу поверить...

Девушка, тяжело дыша, уткнулась лбом ему в плечо.

– Во имя Шерни... Кому в этом мире можно верить?! – бросил капитан, повернув голову к старику, но не выпуская из объятий Ридарету. – И я считал эту падаль своим другом! Я...

Таменат молча схватился за кирасу арбалетчика.

Несмотря на пронизывающий холод, который принесла с собой вызванная для борьбы с огнем тьма, доспехи все еще были теплыми. Посланник выволок труп на палубу, на глазах растущей толпы. Без особых усилий выбросив тело за борт, он посмотрел на матросов и солдат:

– Что надо сказать?

Один из матросов негромко проговорил:

– Море забрало...

Старик отвернулся и посмотрел в ночной мрак. Так он стоял некоторое время, а потом увидел рядом с собой солдата... Солдат нес арбалет своего командира – дар Посланника. Он коротко посмотрел на старика и, отвернувшись, бросил оружие в волны.

Таменат выпрямился и медленно вернулся на место пожара. Он появился в дверях как раз в то мгновение, когда Раладан повернул девушку спиной к себе и откинул в сторону волну волос.

– Что это? – с неописуемым изумлением спросил он.

Желтый крылатый змей поднимался над волнами, неся на спине обнаженную девушку с рубиновыми глазами... У змея был выбит глаз, и рисунок был выполнен столь мастерски, что Раладан машинально коснулся спины девушки, словно желая удостовериться, что кровавая рана не настоящая рана на теле...

– Что это? – повторил он, понизив голос.

– Я была в Роллайне, – ответила она, словно это все объясняло.

– Найди ей какую-нибудь одежду, вместо того чтобы стоять и болтать языком, – резко сказал Таменат. – Будешь теперь картинки рассматривать? Ты же видишь, что с ней ничего не случилось, а об этой татуировке вы еще успеете поговорить!

Раладан лишь кивнул в ответ и вышел. Она повернулась к Посланнику.

– Я догадываюсь, как все было на самом деле, – без лишних слов сурово проговорил он. – Учись владеть собой!

Ее глаза блеснули красным.

– Не смей меня этой своей силой, красавица, – почти мягко осадил он ее. – С помощью рубинов я мог бы отпугивать чаек, гадивших на крышу моей башни... Думай, что творишь! Вот очередное доказательство того, что ты не умеешь владеть собой. Когда-нибудь ты спалишь себе не только волосы. Будем считать, что я не знаю, что здесь произошло, но продумай как следует свою историю, иначе Раладан рано или поздно сам задумается, как это так получилось, что арбалетчик пришел тебя насиловать в полном вооружении... И если мы хотим остаться друзьями – обещай, что не поджаришь мне когда-нибудь задницу во сне!

Она недоверчиво смотрела на него.

- Ты меня не осуждаешь? - удивленно спросила она, наклонив голову.
- За что? За то, что тыотягощаешь одну чашу весов? К чему я столько говорил о равновесии Шерни и мира, если ты до сих пор не понимаешь? Если я не хвалю и не вознаграждаю добро, по какому праву я могу карать или клеймить зло? Впрочем, что там зло и добро! - Он мазнул рукой и пожал плечами. - Копченая грудинка и куча песка... - Он собрался уже было уходить, но остановился. - Не знаешь, как сказать ему о своем имени, да?

Она отступила на полшага, побледнев.

- Откуда ты знаешь?

- Не знаю. Но думаю, что каждый любит, чтобы его называли собственным именем. Придет и этому время... Риолатте. Позже. Сейчас это имя вызвало бы у него чересчур дурные мысли.

- Но это имя...

- С тех пор как он узнает, что оно значит, он может упоминать его хоть сто раз в день.

Он покачал головой.

- Красивая ты, - уважительно сказал он, выходя. - Но, кажется, в Дартане пользуются для удаления волос горячим воском, а не огнем? Не знаю, я только так слышал...

Только сейчас она осознала, что до сих пор стоит голая.

61

До Ахелии они добрались без хлопот, хотя в нескольких милях от входа в порт им встретилась эскадра фрегатов, патрулировавших море. Однако небольшой одинокий парусник не вызвал - по крайней мере пока - особого интереса. Легко догадаться почему.

Таменат видел Ахелию первый раз в жизни. Ридарета была однажды в порту, но недолго. Раладан же, хорошо знавший порт, был просто ошеломлен его видом! Но, собственно, чего еще он мог ожидать?

Пристань напоминала военный порт на Барьерных островах... Да что там! В Таланте, на Барьерных, стояла эскадра Главного Флота и вторая - Резервного и еще несколько небольших кораблей. А здесь? Небольшой причал был буквально забит разнообразными парусниками. Здесь стояли фрегаты, в которых опытный глаз легко узнавал корабли Главного Флота Гарры и Островов; чуть дальше - две каравеллы, одна старая как мир, другая поновее; еще дальше - маленькие баркасы. Когда "Сейла" причаливала к набережной, из порта как раз выходила изящная бригантина, с белыми парусами на главных мачтах и красным - на бизань-мачте. На последней, бонавернтура-бизань-мачте, красовался косой парус цветов "малого флота Островов". Возможно, эта бригантина была захвачена уже здесь, в Ахелии.

Отсутствие интереса к "Сейле" подошло к концу, едва был сброшен трап. Словно из-под земли вырос отряд топорников в открытых кирасах, а за ними - арбалетчики в синих мундирах.

- Это все наемники Лерены? - пробормотала Ридарета. - Неплохое войско...

Десять солдат остались на берегу, остальные поднялись на палубу. Следом за ними появился худой загорелый мужчина без шлема, но в кольчуге и цветастом мундире.

- Что за корабль? - спросил он громким, энергичным голосом, оглядываясь по сторонам. - Капитан?

Раладан спустился на среднюю палубу. Ридарета и Таменат двинулись следом.

- Ты капитан этого корабля, господин? - спросил мужчина, окидывая Раладана взглядом.

- Похоже, уже недолго? - скривился тот.

- Я реквизирую корабль, - подтвердил офицер, внимательно присматриваясь

к капитану. Он перевел взгляд на девушку и неожиданно застыл.

- О, ради всех... - проговорил он, инстинктивно отступая на шаг.

Раладан обернулся к Ридарете.

- Похожа? - спросил он. - Ты все поймешь, господин... Но у нас дело не к тебе, а к госпоже.

- Не сомневаюсь... - Мужчина, казалось, все еще был ошеломлен. - Раз ты жива... - Он посмотрел в лицо Ридарете и тут же отвел взгляд.

Она откинула волосы со лба.

- Ты меня знаешь, господин? - удивленно спросила она. - Кто ты такой?

Офицер молчал.

- Не понимаю, - наконец сказал он.

Раладан и Ридарета тоже понимали все меньше.

- Кто ты, господин? - следом за девушкой повторил Раладан.

Мужчина показал на Ридарету, словно желая сказать, что ей это прекрасно известно, но неожиданно пожал плечами и сухо проговорил:

- Военный комендант Ахелии, Герен Ахагаден. До ваших игр мне нет никакого дела... Конечно, вы встретитесь с госпожой. И немедленно.

Топорники уже заняли корабль. Он повернулся к ним и выкрикнул какое-то имя. Один из солдат не мешкая подошел к нему. Ахагаден тихо обменялся с ними несколькими словами. Солдат отдал честь и сразу же сбежал по трапу. Они заметили, что тот в большой спешке забрал с собой синих арбалетчиков.

- Часть перешла на нашу сторону, - с явной насмешкой сказал офицер. - Но лучше, чтобы ты с ними не встречалась, госпожа...

Раладан и Ридарета в очередной раз переглянулись.

- Мы можем идти? - спросил Раладан, решив, что самым простым способом все выяснить будет разговор с Лереной.

- Конечно. Прошу за мной.

- Что с моей командой?

- Она останется на корабле.

- Бохед! - крикнул Раладан. - До моего возвращения остаешься за старшего!

- Так точно, капитан! - послышался ответ.

Ахагаден улыбнулся, словно давая понять, что особых хлопот у того не будет, но ничего не сказал. Когда они сошли на причал, он кивнул небольшому отряду, до этого остававшемуся на берегу.

- Солидный эскорт... - заметил Раладан. После чего, обращаясь к Ридарете и Таменату, добавил: - Неужели я попал в немилость?

Ахагаден шел рядом, то и дело оглядываясь на Ридарету, словно опасаясь, что та воткнет ему нож в спину... Интересно, думал Раладан, мог ли этот человек (которого он ни разу в жизни не видел) знать Ридарету? Возможно. Ведь она была заложницей, и многие из людей Лерены могли видеть безумную - тогда - девушку. Но Ридарета решительно утверждала, что помнит все, что тогда происходило. Значит, она должна была знать Ахагадена столь же хорошо, как и он ее. Но она его наверняка не знала. В то время как, судя по поведению офицера, его общение с одноглазой не было, по крайней мере, поверхностным. И отнюдь не дружественным...

"Шернь! - неожиданно осененный догадкой, подумал Раладан. - Он ее принимает за Риолату! Пути сестер снова каким-то образом пересеклись! Как он там сказал: "Раз ты жива..." Ну, значит, сестрички снова поцапались!"

Он хотел сказать об этом Ридарете, но увидел, что девушка явно думает о том же самом. Они кивнули друг другу.

От порта они шли сначала в сторону казарм, но потом свернули к зданию, которое занимал в Ахелии Имперский Трибунал. Перед входом стояли солдаты: в полном вооружении, при топорах, с щитами у ноги.

Молчавший все время Ахагаден коротко проговорил:

- Сейчас вернусь. Терпение... - Он снова насмешливо посмотрел на Ридарету.

Они остались у входа, рядом с солдатами. Раладан и Ридарета обменялись несколькими словами. Таменат только слушал, не вмешиваясь, но легко понимая, в чем дело: ведь до этого Раладан рассказал ему почти о всей своей жизни, да и Ридарета много чего добавила.

Потом они замолчали.

Раладан задумчиво огляделся по сторонам. Многие воспоминания связывали его с этим городом. Вот улица, по которой он много лет назад шел в сторону

казарм и обратно, подкарауливая Варда... Если же вернуться в порт и свернуть чуть раньше влево – он легко отыскал бы старую таверну "Под Парусами"... А дальше, среди самых богатых домов города, стоял тот, в котором он встретил единственную высокорожденную женщину империи, которая носила косу... Золотую косу на голубом платье.

Он покачал головой. Сантименты... Похоже, он начал стареть.

Но это не были обычные воспоминания. Во имя Шерни, в конце концов, именно здесь, на этих островах и в этом городе, все по-настоящему началось.

Он подумал еще о многом: о кладбище, звавшемся Проклятым, о высоком китобое (Ведал? Беган? – как там его звали?), о скупом торговце из Арбы, о Варде (он уже знал, как погиб остававшийся наивным до последнего мгновения капитан, Ридарета рассказывала; интересно, что он делал в Дране?), о сером уряднике Трибунала, которого он раздавил медленно и тщательно, словно отвратительного червяка... Из задумчивости капитана вывело лишь возвращение Ахагадена.

– Оружие, – без лишних слов сказал офицер.

Раладан пожал плечами и вынул из-за пояса нож (но ножи в голенищах оставил), Таменат расстегнул ремень, переброшенный через спину; чаще всего он носил меч как громбелардец, именно на спине. Он вообще выглядел совершенно иначе, чем на своем острове. Прежде всего, он помолодел. Он уже не носил длинный плащ и неприметную мантию, на нем были высокие сапоги, такие же как у Раладана, черные грубые штаны и плотная, завязанная у шеи куртка из медвежьей шкуры – самая большая, какую удалось найти для него Раладану. Левый рукав куртки был заткнут за пояс, сзади, а правый был явно короток. Могучие плечи старого великана распирали куртку. Он походил на мудреца-Посланника точно так же, как Ридарета – на ошипанного цыпленка...

Ахагаден повел их в здание.

Перед большими двустворчатыми дверями, у которых стояли часовые, он остановился.

– Только ты, госпожа, – коротко сказал он.

Прежде чем Таменат и Раладан успели среагировать, он открыл двери и провел девушку внутрь. Двери он тут же закрыл за собой.

Алида стояла неподвижно, глядя на одноглазую. За ее спиной возвышались солдаты с арбалетами наготове. Ахагаден предупредил ее о том, кого привел, но она не в силах была поверить.

Теперь, однако, она видела.

Первое впечатление ее ошеломило. Но потом... Во многом можно было упрекнуть Алиду, но только не в отсутствии наблюдательности.

– Во имя Шерни, – проговорила Алида, – нет, это не она!

Ахагаден изумленно уставился на нее.

Но точно так же изумлена – если не больше – была и Ридарета.

– Кто ты такая? – спросила она, окидывая блондинку взглядом. – Что здесь происходит, ради всех сил?

– Кто ты такая? – не осталась в долгу Алида. – Ее сестра? Нет, этого не может быть, это невероятно! Не могу поверить!

В то же мгновение за дверями кто-то закричал, створки распахнулись от могучего удара... и в комнату ввалился или, вернее, влетел солдат, использованный в качестве тарана.

Раладан почувствовал, что что-то не так. Он уже знал, что Ридарета может постоять за себя, но он не собирался оставлять ее один на один с любимой дочкой, которая сумела, еще на "Звезде Запада", свернуть шею матросу... Достаточно было и того, что он уже однажды отдал девушку в заложницы.

Таменат и капитан "Сейлы" ворвались в комнату уже вооруженные алебардами. Они увидели двух неподвижных женщин, остолбеневшего Ахагадена и троих солдат, явно забывших о своих арбалетах. Раладан посмотрел на Ридарету, а потом на другую...

Невысокая красивая блондинка, с переброшенной через грудь голубого платья косой, отступила на шаг, опершись о стоявшего за ней арбалетчика.

Раладан опустил алебарду.

Алида, до сих пор убежденная, что упасть в обморок не может, схватилась за плечо солдата. Внезапно, собравшись с силами, она шагнула вперед.

Раладан, отступая назад, споткнулся о вброшенного в комнату часового. В

следующее мгновение Алида метнулась к капитану "Сейлы" и обеими руками толкнула его в грудь. Чуть не упав, он перескочил через ногу лежащего и наткнулся на стену. Раладан поспешно отбросил алебарду, словно опасаясь, что женщина вырвет ее у него из рук и угостит лезвием...

- Где ты был? - бессмысленно спросила она, уже понимая, что ведет себя как ребенок. Она еще раз стукнула его в грудь кулаком, после чего беспомощно топнула ногой, не зная, что делать...

Раладан поостыл. Но глупый вопрос женщины все еще звучал у него в ушах, и... он не знал, почему... но он чувствовал себя так, словно вернулся домой.

Дома у него никогда не было.

Чувствуя незнакомый жар в груди, не зная отчего, он столь же бессмысленно ответил:

- Я вернулся...

Алида смотрела ему в лицо. Изумленная до пределов возможного Ридарета - тоже. Внезапно они посмотрели друг на друга, потом - снова на него и одновременно спросили, подозрительно и недоверчиво, показывая друг на друга:

- Кто эта женщина?

Раладан открыл рот.

ЭПИЛОГ

Подходил к концу пятый месяц осени...

- Я знаю, что говорю. - Таменат постучал пальцами по столу. - Знание о самом себе - вот ключ к могуществу. Заметь: одна из сестер с самого начала носила имя Рубина, то есть свое собственное и настоящее, вторая же - другое... А теперь посмотри, насколько могущественнее была первая.

- До поры до времени.

- Тем не менее. Ведь это с нее все началось. Это имя подобно тайному паролю... а если к тому же знать, что оно означает... Вот почему Ридарета теперь все время ноет, чтобы ее называли Риолатой. Это вовсе не каприз. Полное знание о себе - это ключ к могуществу, повторяю. Да ты и сам изменился, узнав правду о себе. И наверняка изменишься еще больше...

- Изменился? - удивленно посмотрел на него Раладан.

- Конечно, друг мой. Ты иначе воспринимаешь истину.

- Нет, господин, - возразил Раладан. - В сущности, мало что уже может меня удивить...

- Посмотрим, - пробормотал Таменат.

- ...но я когда-то объяснял почему: благодаря всему тому, что я успел за свою жизнь повидать. И не более того. Я человек и хочу быть только человеком...

- Ты даже не спрашиваешь, каким могуществом одарили тебя Просторы.

- Не спрашивал и не буду.

- Может быть, тебе все-таки стоит это знать. Никаким, брат. Можешь рассчитывать на их опеку, но не более того. Но ты сейчас в самом расцвете сил, тебе нет еще и сорока...

- Хотел бы, чтобы мне было столько, - усмехнулся Раладан. - А на самом деле мне... Что ж, наверное, я никогда не узнаю сколько. Когда меня вытащили из моря, я выглядел лет на двенадцать. Надо бы посчитать...

- Когда ты в последний раз смотрелся в зеркало, друг мой? - спросил старик, прервав его чуть ли не на полуслове.

- А какое это имеет отношение к делу?

- Я говорю, что тебе неполных сорок, поскольку именно на столько ты выглядишь. А всюду, куда долетает соленый морской бриз, жизнь тебе не нужна!

Раладан удивленно посмотрел на него:

- То есть?
- То есть беспокоиться о старости ты начнешь лет, может быть, через тысячу, не раньше. Разве что сбежишь от моря.

Раладан остолбенел.

- Что ты хочешь сказать, господин?

- Что хочу, то и говорю! - резко оборвал его Таменат. - Ты вечен, как и твой отец, жизнь которому дают Просторы, и как они сами. Вместе с этой красавицей вы можете пережить империю и все, что за ней последует. В глазах других людей (ибо вы все-таки люди!) ваше существование - это бессмертие. Но помни, - он многозначительно поднял палец, - что меч остается мечом, а огонь - огнем... Ничто не оживит того, чего нет. Примеры нам известны, не так ли?

Раладан молчал, не зная, что сказать.

- И это тот, кто ничему не удивляется, - покачал лысой головой Таменат.

- Потому что не могу понять! - последовал ответ. - Уже полгода с лишним, во имя Шерни, а ты мне только теперь говоришь, что я бессмертный?! Таменат отнюдь не чувствовал себя виноватым.

- А ты спрашивал? Ведь ты, кажется, хочешь быть обычным человеком?

Раладан подошел к узкому окну и оперся руками о стены по обеим его сторонам.

Он смотрел на Ахелию.

Из башни, в которой они сидели, хорошо была видна прочная стена, охватывавшая порт и город; дальше возвышалась прибрежная цитадель. Соединенные с остальными укреплениями башни стерегли вход в порт; тяжелая цепь, которыми они были связаны, свешивалась над самыми волнами.

- Далеко на востоке есть земля, - сказал Раладан. - Я всегда хотел туда отправиться... Но жизнь все время казалась мне слишком короткой, чтобы уместить в ней все мои планы. Если бы ты мог отправиться со мной, господин! - внезапно воскликнул он, ударив кулаком о стену.

- Сумасшедший, - заметил Таменат. - Добавь ему пару лет жизни, и от Просторов его за уши не оттащишь. - После чего спокойно добавил: - Я скоро умру.

- О, ради всех морей! - бросил Раладан.

- Кроме того, гм, твоя жена...

- А, шлюха! - фыркнул тот. - У меня уже рога в дверях не помещаются!

- И тебе это так сильно не нравится?

Раладан помолчал, потом, неожиданно улыбнувшись, сказал через плечо:

- Может, это и странно... но нет. Если не считать этого, она вся моя, без остатка. Пусть уж лучше будет так, чем наоборот.

Скрипнула дверь. Они обернулись. Ридарета бросила на стол рукавицы, отстегнула от пояса меч и тоже положила на стол. Потом сняла шлем, освободив пышные волосы.

- Как учеба? - спросил Таменат.

- Учеба... - буркнула она. - Эти местные дохляки еле таскают козлы для пищалей. Но снова нашлась пара добровольцев.

- В городе дороговизна, а в деревнях голод, - подытожил Раладан. - Что-то долгая эта осень...

Недавно он совершил поступок, которого, пожалуй, не знала история Просторов, - отправился сквозь шторм в Дартан. И вернулся... С мукой, зерном, фасолью. Цитадель в Ахелии теперь кормила весь остров. Беспокоиться приходилось лишь о Малой Агаре. Лишь однажды, в ясный день, туда ушли баркасы. Но до сих пор не вернулись. Добралось ли до места продовольствие?

- Ахагаден, - сказала Ридарета. - Он свое дело знает. Вот это - солдат! - добавила она таким тоном, что мужчины многозначительно переглянулись и улыбнулись. - Должна признаться, если поставить моих стрельцов против его щитоносцев и арбалетчиков, один против одного, то после сражения даже доспехи моих никуда не были бы годны.

- Больше стреляй, - посоветовал Таменат. - В конце концов, это ты командуешь всем войском, не Ахагаден. Возьми у него несколько хороших десятников. Если хочешь получить из огнестрельной пехоты отборное войско...

- Стрелять... У нас мало пороха. Я не могу палить просто так. Кто знает, что будет, когда кончится осень? Империя все так же там, где и

была. А твоя красотка? – спросила она, глядя на Раладана. – Никто не знает, где она? Как обычно?

– Совсем недалеко, – сказала Алида, стоя в дверях. – Ты снова приказала выпороть бичом солдата... Держи себя в руках! Слишком это тебя возбуждает.

– Ее высочество княгиня Алида, владычица Агар, – произнесла Ридарета, не обращая внимания на упрек, и поклонилась, приложив руку к груди. Собственно, они друг друга любили, но и обожали дразниться.

– У меня есть для тебя жеребец, – злорадно сообщила Алида. – Можешь на нем отыгаться. Без бича.

– Из огнестрельных?

– Может, и огнестрельный, откуда мне знать? Если даже и огнестрельный, то уж наверняка не со мной. Кто может быть более огнестрельным, чем мой господин и супруг?

Раладан посмотрел в потолок и снова отвернулся к окну, заложив руки за пояс. Он молчал, покачиваясь на каблуках.

– Наш друг, – наконец сказал он, – собрался в могилу.

Обе с беспокойством взглянули на старика. В последние месяцы великан стал почти отцом для всех троих.

– Вовсе нет, – тут же возразил он. – Я просто говорил, что умру.

Раладан пожал плечами. Женщины переглянулись.

– Цитадель почти закончена, – продолжал старик. – Пора платить строителю.

Раладан снова обернулся.

– Золотом? – недоверчиво спросил он. – Ради Шерни, у нас нет столько...

– Молокосос. Натлый молокосос, – подытожил великан, качая головой. – Зачем золото старику? Мне нужно то, что имеет ценность в моем возрасте...

Они выжидательно смотрели на него.

– Жизнь. Ваша жизнь.

Он тяжело встал и подошел к Раладану, положив руку ему на плечо.

– Не вся, конечно. Но у меня есть сын... В некотором смысле... вы вернули меня миру, – признался он. – Я хочу вернуться в Громбелард. Если бы мне потребовалась помощь – найду ли я ее здесь, на Агарах? Я хочу найти своего сына, – объяснил он. – Для одиночки это может оказаться слишком трудной задачей. Если мне потребуется помощь? В моем личном деле? – снова спросил он.

Они изумленно уставились на него.

– Вот тебе мое слово, господин, – серьезно сказал Раладан. – Ты должен требовать, а не спрашивать.

– Но самое большее через полгода я умру...

– Что за чушь? – разозлилась Ридарета.

– Я знаю, что говорю, красавица. Однако пора мне сказать, что я решил: во второй раз в жизни я сбрасываю мантию Посланника. И без всякого сожаления... Мудрец из меня никакой, я должен быть тем же, что и мой сын.

Они сосредоточенно его слушали.

– Даже если бы я упрямо хотел торчать под боком у Шерни, она сама этого не допустит после того, что я совершу. Твоя история, Рубинчик, – обратился он к Ридарете, – не одного научит... Я завидую вашему долголетию. Ибо он тоже, – он показал на Раладана, – на это обречен. Я ему уже сказал.

Алида и Ридарета широко раскрыли глаза.

Таменат положил на стол большой рубин.

– Гееркото, – коротко сказал он. – Плохой из меня лах'агар, но с этим камешком я, пожалуй, справлюсь... Ему придется заменить мою прежнюю жизнь.

Они поняли, хотя и не сразу.

– О, ради всех морей... – удивился Раладан.

– Это возможно? – спросила Ридарета. – Это можно сделать преднамеренно? Обдуманно?

Алида молча отвернулась.

– Но, господин, – помолчав, сказал Раладан, – потребуется еще один Рубин. Пусть даже совсем маленький.

Таменат, не говоря ни слова, показал второй камень. И улыбнулся.

Золотоволосая княгиня медленно подняла взгляд.

– Ты хочешь меня... навсегда? – изумленно спросила она, глядя на супруга, словно на какое-то диво.

Тот кивнул с кривой улыбкой.

- Я всегда могу сбежать во второй раз, - добавил он. - Даже вообще с Агар. Я неплохо плаваю.

Она обняла его:

- Только попробуй...

- Нет, - сказала Ридарета. - Это какая-то сказка...

Она покачала головой и рассмеялась, но тут же посерьезнела.

- Все это произошло потому, - задумчиво обратилась она к Таменату, - что именно так желали Законы Всего?

Старик долго молчал.

- Не знаю. Может быть... А разве для вас это имеет какое-то значение?